

**БЛАГОВѢСТІЕ
ХРИСТИАНСКОЙ СВОБОДЫ
ВЪ ПОСЛАНИИ
СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА
КЪ ГАЛАТАМЪ.**

**СЖАТЫЙ ОБЗОРЪ
Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО,
заслуженнаго ординарнаго профессора
С.-Петербургской Духовной Академіи.**

СОФІЯ (БОЛГАРІЯ).

1935.

Ч А С Т Ъ I-я:

ВВЕДЕНІЕ.

Чадца моя, имиже паки
болѣзную, дондеже вооб-
разится Христосъ въ васъ.
Гал. IV, 19.

§ 1) Исторія Галатіи и ея положеніе въ апостольскую эпоху.

Посланіе къ Галатамъ есть наиважнѣйшій памятникъ первенствующей церкви Христовой по историческому значенію въ самые рѣшающіе моменты ея жизни и по догматической авторитетности на всѣ времена. Оно положило окончательный предѣлъ опаснымъ колебаніямъ во взаимоотношеніяхъ съ іудействомъ и теоретически незыблимо обезпечило абсолютную, истинно божественную независимость и вѣчную спасительную жизненность христіанства во всемъ мірѣ.

Все это нагляднѣе всего рисуется и постигается [въ извѣстныхъ конкретныхъ условіяхъ, но вотъ въ данномъ отношеніи нѣтъ у насъ полной фактической ясности и еще больше ученыхъ споровъ, особенно обострившихся въ новое время.

Несомнѣнно лишь одно, что посланіе первоначально было предназначено Галатійскимъ христіанамъ. Мѣстонахожденіе этой страны ясно, а объемъ ея не совсѣмъ опредѣленный, и отсюда происходятъ весьма существенныя затрудненія насчетъ происхожденія и даже истолкованія посланія къ Галатамъ.

Галатія находилась какъ бы въ центрѣ Малой Азіи и получила свое названіе отъ оцѣвшаго здѣсь пришлаго, чужеземнаго элемента. Это былъ народъ кельтическаго племени (γῆτες, γαλάται, χέλται, χελτοί), но—спеціально—въ его галльской вѣтви. Этотъ твердый историко-филологическій выводъ иногда наклоняется нѣмецкими богословами въ пользу тевтонской генеалогіи Галатовъ, однако подобное націоналистическое пристрастіе (позднѣе другихъ, напр., у Wieseler'a, Fillippi, частію у Holsten'a) не находитъ достаточнаго научнаго оправданія¹⁾. И если для этихъ цѣлей можно использовать „галловъ“ Юлія Цезаря, то не нужно забывать, что о послѣднихъ онъ прямо говоритъ (De bello gallico I, 1): „Вся Галлія раздѣляется на три части, изъ коихъ одну населяютъ бельги, другую аквита-

¹⁾ См. у † Вр. J. B. Lightfoot, p. 239—251: „Were the Galatians Celts or Teutons?“

ны, третью же тѣ, кто на ихъ языкѣ называются кельты, а на нашемъ — галлы“ (*qui ipsorum lingua Celtes, nostra — Galli appellantur*). Значитъ, это было кельтическое племя. Не опровергаетъ этого заключенія и замѣтка блаж. Иеронима, что языкъ Галатійцевъ приближается къ рѣчи Тревиоровъ¹⁾ — жителей мѣстности (въ *Gallia Belgica*) около Трира (*Augusta Trevirorum*), бывшаго ихъ главнымъ городомъ до временъ Діоклетіана, когда онъ сталъ митрополіей въ *Gallia prima*; но при впаденіи Саары въ Мозель держалось бельгійско-галльское населеніе, а — по свидѣтельству римскаго историка Іустина (*M. Justinianus Justinus* или *Justinus Frontinus*) эпохи Антониновъ (около 160 г.)²⁾ — галатійскіе Толистовогіи обитали раньше по берегамъ Гаронны, имѣя своею столицею Тулузу (*Toulouse*, испан. *Tolosa*), почему нѣкоторые даже (напрасно) считаютъ первоначальнымъ именемъ *Tolosatobogii*. Во всякомъ случаѣ разумѣемые галлы преполагаются не къ сѣверу, а къ югу отъ Рейна и больше сближаются съ теперешнею (— особенно послѣ „великой войны“—) Франціей.

Галлія оказалась слишкомъ переполненною для болѣе или менѣе удобнаго существованія, а всякіе народы предпочитаютъ тогда не создавать себѣ необходимыя жизненныя условія, но грабительски захватывать готовое у другихъ. Такъ и галльскія массы, почувствовавъ стѣсненіе, стали постепенно двигаться на востокъ, около 390 г. значительно опустошили Италію, даже взяли Римъ, а въ III-мъ вѣкѣ до р. Хр. другой потокъ галловъ началъ пробираться на Балканскій полуостровъ. Въ 281-мъ году тремя огромными арміями они обрушились на Фракію, Пэонію и Македонію съ Иллиріей и совершенно разбили слабыя войска молодого и неопытнаго Македонскаго царя (сына Птолемея I Сотира, † 283 г., отъ Евридики) Птолемея Керавна, который палъ въ сраженіи съ ними (въ маѣ 280 г.). Въ 280 — 279 г.г. Бреннъ³⁾ и Ацихорій вмѣстѣ съ другими вождями двинулись въ собственную Грецію, но взаимныя смуты вызвали внутреннія замѣшательства среди Галатовъ,

1) „Галаты, — кромѣ греческаго языка, на которомъ говорить весь Востокъ, — имѣли свой собственный языкъ, почти такой же, какъ у Тревиоровъ; при этомъ не важно, что они кой-гдѣ нѣчто (въ своемъ первоначальномъ языкѣ) испортили, ибо и жители Африки (пунійцы) въ нѣкоторомъ отношеніи измѣнили финикійскій языкъ“: *Migne lat.* XXVI, col. 357; Творенія блаж. Иеронима, ч. XVII (Кіевъ 1923), стр. 77 (книга II-я, введеніе въ толкованіе посланія къ Галатамъ).

2) Но Іустинъ сохранилъ извлеченія изъ обширнаго историческаго труда Трога Помпея, жившаго при Августѣ.

3) Но см. Энциклопедію *Pauly - Wissowa III* (Stuttgart 1899), 1, Sp. 829—830, что это Бреннъ — другой.

и они потерпѣли тяжелыя пораженія въ Этоліи и при Дельфахъ. Это совсѣмъ ослабило общій потокъ, а мелкіе ручейки скоро разбѣжались и незамѣтно затерялись. Послѣдовалъ естественный отбой. Остатки разбитыхъ полчищъ повернули къ сѣверу и, соединившись съ осѣвшими тамъ родичами своими, рѣшили перебраться на Малоазійскій материкъ, гдѣ вполнѣ основательно надѣялись найти хорошую поживу въ смутѣ тамошнихъ междоусобій. Часть ихъ подъ предводительствомъ своего начальника Лутарія и дѣйствительно переѣхала черезъ Геллеспонтъ на захваченныхъ македонскихъ корабляхъ. Въ это же время Виоиникійскій царь Никомер(и)дъ I (279—246 г.г. до р. Хр.), нуждаясь въ воинской помощи — особенно для борьбы со своимъ младшимъ братомъ Зипетомъ (Ζίποτης), заключилъ наемническій договоръ съ 17-ю галльскими главами, — и подъ верховенствомъ Леоннарія новыя галльскія силы переправились черезъ Босфоръ. Все это было около 279—277 г. г. до р. Хр.

Пришельцы оправдали себя бранными успѣхами, но обезпечили чрезъ нихъ и свою террористическую независимость въ Малоазійской странѣ, гдѣ являлись побѣдителями. Естественно, что они заняли здѣсь прочное положеніе, сохранивъ всѣ свои воинственно-разбойническія наклонности, которыми умѣли обнаруживать очень ярко при всякихъ случаяхъ ради своихъ эгоистическихъ интересовъ. Это былъ жестокій бичъ для всей Малой Азіи до Тавра, — и онъ оказывался тѣмъ грознѣе и страшнѣе, что тамошніе мелкіе владѣтели непрестанно вздорили и боролись между собою, а Галатійцы хорошо использовали эти распри при своихъ наемническихъ услугахъ. Они непосредственнымъ опытомъ научились думать, что тутъ все зависитъ отъ нихъ, какъ распорядителей Малоазійскихъ судебъ на всемъ пространствѣ и во всемъ объемѣ. Только Сирійскій царь Антіохъ I-й (281—261 г.г.), будто бы именно за это прославленный титуломъ Сотира (спасителя), далъ имъ серьезный отпоръ, къ чему нѣкоторые (W. J. Woodhouse) относятъ извѣстіе 2 Макк. VIII, 20 „о бывшемъ въ Вавилонѣ сраженіи противъ Галатовъ“. Впрочемъ, этотъ успѣхъ не былъ рѣшительнымъ. Важнѣе по своимъ результатамъ была энергичная оппозиція Пергамскихъ царей, изъ коихъ Атталъ I-й (241—197 г.г.), прозванный тоже Сотиромъ, между 240 и 280 г.г. нѣсколько разъ наносилъ галльскимъ пришельцамъ жестокіе удары и въ концѣ концовъ заставилъ ихъ ограничиться опредѣленною территоріей (на сѣверѣ Виоиніей и Пафлагоніей, на востокѣ Понтомъ, на югѣ Каппадокіей и Ликаоніей и на западѣ Фригіей), гдѣ они должны были довольствоваться національно-гражданскою независимостію, не тревожа другихъ и не вмѣшиваясь въ чужія дѣла¹⁾.

¹⁾ Такъ Павзаній (Періергетъ, при Адрианѣ и обо-

Эта восточная Галлія и называлась у грековъ Галліей или Галлогреціей.

Такъ внутри Малой Азіи на ея возвышенностяхъ образовалась собственно Галатія изъ прежней Великой Фригіи, Каппадокіи и даже Пафлагоніи. Это была полоса земли длиною съ юго-запада на сѣверо-востокъ болѣе 300 верстъ и шириною свыше 150 верстъ. На востокѣ Галисъ ("Αλς, нынѣ по турецки Кизылъ-Ирмакъ, „красная рѣка“), величайшая водная артерія въ Малой Азіи, а на западѣ издавна судоходный (Страбонъ XII, 3: 7) Сангарій (теперь Сакарія), протекая по долинамъ въ Черное Море, раздѣляли эту область почти на три равныя части. Это какъ разъ подходило къ націоналистическимъ группировкамъ галльскихъ иноземцевъ. О нихъ сообщается (у Страбона XII, 5: 1; 3: 1) что—подобно Гельветамъ (Цезаря De B. G. I, 12)—каждое изъ трехъ галльскихъ развѣтвленій (ἔθνη) распадалось на четыре тетрархіи съ особымъ тетрархомъ, имѣвшимъ подъ собою судью и военачальника. Связи между всѣми поддерживались собраніемъ изъ 300 чело-вѣкъ въ Дринеметѣ (Δρυαίμετον)¹⁾, гдѣ чуть ли не исключительно разсматривались судебныя дѣла въ качествѣ окончательной и безапелляціонной инстанціи. Эта система, привезенная съ далекаго Запада, постепенно исчезла и даже въ періодъ своего традиціоннаго господства ничуть не подавляла трояственности націоналистическаго дробленія пришельцевъ на Троковъ, Тектосаговъ и Толистобогіевъ²⁾. Первые расположились на востокѣ въ лучшей части (Страбонъ XV, 5: 2) ближе къ Каппадокіи и Понту по р. Галису подлѣ города Тавія (нынѣ Нефесъ-кей), третьи осѣли на западной окраинѣ

ихъ Антоніахъ, писавшій около 174 г. по р. Хр.) I, 8: 1; ср. Страбонъ (66 г. до — 24 г. по р. Хр.) XIII, 4: 2.

¹⁾ По Georges Perrot, Dryn — neimheidh — „храмъ дубовъ“ около Ассарлы-кей, въ 7 час. къ юго-зпаду отъ Анкиры, по Holder'у (Alt-keltischer Sprachschatz, Leipzig 1891) дри — усиленная приставка и неметонъ — святилище. Но August Fick утверждаетъ, что dри значитъ „дубъ“, и отсюда названіе друидъ, а nemos — роща (Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Göttingen 1890, S. 455, 502), при чемъ послѣдняя именно и специально — въ качествѣ священнаго мѣста въ лѣсу (у Aug. Fick II Theil: Urkeltischer Sprachschatz von Stokes — Bezzenberger, S. 192). T. D. Kendrick, The Druids, London (Methuen) 1928.

²⁾ Такъ обычно въ надписяхъ и на монетахъ римскаго періода, а равно у древнѣйшихъ авторитетовъ, но въ раннихъ надписяхъ встрѣчается форма Толистоагіи. Нужно имѣть въ виду, что среди кельтовъ были и бои (†Prof. Th. Mommsen, Römische Geschichte 4V, Berlin 1894, S. 87 Anm.).

около древняго Пессинунта—Пессина (Бала-Хиссаръ) и по смежности съ Вионіей и Фригіей „пріобрѣтенной“¹⁾, вторые утвердились между двумя рѣками, и столица ихъ Анкира (Ангора — по турецки Энго(у)ри) была митрополіей всей Галатіи (τῆς λαμπρωτάτης μητροπόλεως τῆς Γαλατίας у С. Boeckh, Corpus Inscriptionum Graecarum, No 4015, ἡ μητρόπολις τῆς Γαλατίας Σεβαστῇ Τεκτοσάγων "Αγκυρα²⁾, равно Sebaste Tectosagum), какъ теперь является политически-административнымъ центромъ Турецкой республики. Мѣстность была и остается довольно суровой, но она — богатая и плодородная, а важность ея необыкновенно возвышалась еще тѣмъ, что чрезъ нее проходилъ большой торговый трактъ, который, направляясь изъ Ефеса, вель черезъ Пессинунтъ, Анкиру и Птерію (Богазъ-кей, подлѣ Тавія) къ Евфрату; другая болѣе прямая дорога—чрезъ южную Фригію и Ликаонію — была тогда еще въ зачаточныхъ формахъ и пока не годилась для общаго удобнаго пользованія³⁾.

Все это давало Галатамъ вполне благоприятныя условія для мирнаго существованія, но — по своимъ врожденнымъ племеннымъ привычкамъ — они не хотѣли довольствоваться спокойною жизнію, продолжали вмѣшиваться во всѣ путанья малоазійскія отношенія и необходимо привлекали къ себѣ подозрительное вниманіе Римлянъ, которые не замедлили отомстить имъ за помощь Антіоху III-му—Великому (223—187 г.г. до р. Хр.). Послѣ битвы (189 г.) у Магнезії при Сипилѣ — двинулся въ Галатію римскій консулъ Манлій Вульсонъ (Сп. Manlius Vulso), и Галатійцы должны были покориться римскому оружію⁴⁾. Впрочемъ, тутъ не было окончательнаго разгрома, и потомъ (около 160 г.) они (по W. M. Ramsay) получили „прибавочную“ территорію (προσειλημμένη— ὥρα: Ptol. V, 4 : 10) изъ Ликаоніи (къ западу отъ озера Татта до Аморія и Лаодикіи) съ Иконіей и 13-ю другими городами. Во всякомъ случаѣ римское торжество пока не сопровождалось поработе-

1) Ἐπίκτητος Φρυγία, т. е. „пріобрѣтенная“ часть Фригіи, присоединенная къ основной (коренной) путемъ позднѣйшаго „пріобрѣтенія“.

2) См. у Pauly-Wissowa I (Stuttgart 1894), Sp. 2221—2222; VII (ibid. 1912), Sp. 538.

3) У Апамен во Фригіи она раздвоялась по двумъ путямъ: одинъ шель съ сѣвера отъ Султанъ-Дага чрезъ Лаодикію Катакекавмену (Комбусту, т. е. созженную), Кесарію Каппадокійскую и Коммагену къ Евфрату, другой къ югу отъ названныхъ горъ чрезъ Антіохію, Иконію и Киликійскія ворота. См. ниже.

4) Нѣкоторые (но не Mommsen) думаютъ, что къ этому именно событію относится упоминаніе 1 Маккав. VIII, 2 о покореніи Римлянами Галатовъ.

ніемъ, и Галаты сохранили свою свободу какъ бы на правахъ римскихъ союзниковъ, но исключительно ради предусмотрительныхъ расчетовъ римской политика и въ ея эгоистическихъ интересахъ. Въ этомъ новомъ положеніи Галатійцы оказались подъ разносторонними вліяніями Понта, Каппадокіи и Пергама, частію вынуждены были (около 164 г.) подчиниться Аріарату Каппадокійскому (IV-му, Благочестивому: 220—163 г.г.) и особенно страдали отъ Понтійскихъ царей, почему приняли столь активное участіе въ борьбѣ Римлянъ съ Митридатомъ Понтійскимъ (VI-мъ, Евпаторомъ: 121—64 г.г.), что послѣдній приказалъ избить всю Галатійскую знать, изъ которой спаслось всего, яко бы, лишь три тетрарха. По окончаніи смуты Помпей призналъ (въ 64 году) надъ Галатами именно трехъ тетрарховъ — Кастора (вѣроятно) для Тектосаговъ, Бритгитара (Дейотарова зятя) для Грокмовъ и Дейотара для Толистобогіевъ — съ присоединеніемъ къ области послѣдьяго Малой Арменіи и части Понта. Дейотаръ постепенно оттѣснялъ и устранялъ другихъ соправителей, — и увѣнчаніемъ преступной карьеры предательства и убійствъ этого коварнаго интригана было провозглашеніе его царемъ Галатійскимъ. Онъ умеръ въ 40 г. Его преемникъ и зять — Касторъ Младшій былъ награжденъ отъ всесильнаго Антонія внутреннею Пафлагоніей (которую въ 64 году Помпей предоставилъ Атталу). Этотъ новый правитель скоро скончался, и его наслѣдство въ 36 году было передано Аминтѣ, бывшему секретарю и военачальнику Дейотара, состоявшему съ 39 года царемъ Писидіи со включеніемъ Аполлоніи и Антіохіи (Страбонъ XII, 6: 4). Теперь Галатійское царство обнимало уже огромную площадь между (соленымъ) озеромъ Татта (нынѣ Тузь-гѣль) и горами Тавра (Страбонъ XII, 5: 4). Въ войнѣ Антонія съ (Октавіаномъ) Августомъ Аминта и Полемонъ (I-й, Старшій) Понтійскій приняли сторону перваго, однако и послѣ несчастной для него битвы при Акціумѣ (2-го сентября 31 г. до р. Хр.) эти союзники разбитаго диктатора не потеряли благоволенія Рима, который хорошо оцѣнилъ ихъ способности и всю важность ожидаемой отъ нихъ помощи. Въ 30 году Аминта былъ даже награжденъ присоединеніемъ Трахеи (Грахеотиды или Суровой Киликіи, въ западной ея части) и Исаवры — съ дозволеніемъ ему захватывать неримскую территорію, почему онъ отобралъ у Антипатра, бывшаго Цицеронова друга, часть Ликаоніи съ Дервіей и Ларандой (Караманъ) и кое-что изъ Фригіи. Въ 25 году Аминта погибъ во время похода въ Киликіи противъ Гоманаденцевъ (Омонадовъ), воинственнаго племени, жившаго въ горахъ Тавра на границахъ Ликаоніи, Писидіи и Исаврѣи (къ югу и востоку отъ озера Бейшегръ-гѣль).

Теперь все царство Аминты перешло къ Римлянамъ подъ общимъ названіемъ Галатіи для всей провинціи. Послѣдняя была объявлена императорскою и подчинялась *legatus Augusti*

pro praetore, совмѣщавшему власти военную (imperium) и гражданскую (potestas) — въ родѣ бывшихъ русскихъ генераль-губернаторовъ. Впрочемъ, тамъ не было римскихъ легіоновъ, а это позволяло говорить о нѣкоторой, фиктивной независимости. Первымъ правителемъ былъ назначенъ Маркъ Лоллій, но вся организація данной области была закончена не ранѣе 20 года до р. Хр. Въ началѣ этого новаго распредѣленія границы были сокращены изъятіемъ Памфиліи, между тѣмъ Трахейская Фригія съ восточною Ликаоніей (включая округъ Кастабалы и Кибистры до Дервіи), извѣстная (примѣрно со времени 129 г.) въ качествѣ „прибавочной“ (къ одиннадцати ранѣе бывшимъ) или одиннадцатой (ἐπὶ ἑκτῆτος, εὐδεκάτη) стратегіи (намѣстничества) въ Каппадокии была утверждена за правителемъ послѣдней Архелаемъ. Но съ теченіемъ времени Галатійская площадь все-таки продолжала расширяться. Около 7 года до р. Хр. (вѣроятно, послѣ смерти Дейотара Филадельфа) къ ней отнесенъ (на сѣверѣ) округъ Пафлагоніи при горѣ Олгассія (Илкасъ-Дагъ) съ городами Гангрой (Ченгри) и Андрапой (Искелибъ). Сюда же отчислялись и части Понта (въ 2—1 г.г. до р. Хр. Севастополь, Амасія и, по всей видимости, Газе(ди)лонитида — между рѣкой Галисомъ и городомъ Амисомъ (Самсунъ) — вмѣстѣ съ владѣніемъ Атепорига, въ 34—35 г.г. по р. Хр.—Комана), въ цѣломъ называвшіяся потомъ Понтомъ Галатійскимъ (Pontus Galaticus, т. е. принадлежащій къ Галатіи) въ отличіе отъ Понта Полемонозскаго (P. Polemoniacus), управлявшагося Полемономъ II-мъ съ 37-го до 54-го года при участіи своей матери Трифены и затѣмъ единолично до 63 г., когда его царство тоже было поглощено Галатіей, хотя удержало прежнее имя. Въ дальнѣйшемъ теченіи событій подобная участь постигла многія другія окрестныя страны, каковы Фригія—съ Аполлоніей, Антиохіей и Иконіей (Коніей), титуловавшаяся (см. въ Acta Sancto-rumъ подъ 29-мъ сентября) Phrygia Galatica по контрасту съ Phrygia Asciapa: Писидія (ср. Дѣян. XIV, 24); часть Ликаоніи съ городами Листрой (вѣроятно, Хатынь-серай) и Дервіей (кажется, около теперешняго Гуделиссина), а равно и нѣкоторыя другія мѣстности, еще не имѣвшія надлежащей городской организаціи (напр., Гида, Барата, Перта и др., обобщаемыя въ Дѣян. XIV, 6 терминомъ ἡ περίχωροςъ—„окрестности“); наконецъ, Исаврія или Ἰσαυρικὴ (χωρὴ) съ городомъ Исаврой.

При нозомъ порядкѣ вещей сохранились многія особенности прежняго строя съ удержаніемъ представительственнаго собранія для всей Галатіи (въ τὸ κοινὸν τῆς Γαλατίας), столицею которой оставалась Анкира. Но, — разумѣется, — римское вліяніе не проходило безслѣднымъ, и на югѣ провинціи Антиохія Писидійская (Colonia Caesaria Antiochia, нынѣ Яловаджъ) являлась для нея какъ бы второю митрополіей, будучи центромъ систеты римскихъ гарнизонныхъ поселеній (colo-

niae) и военныхъ или императорскихъ дорогъ (*ὁδοὶ βασιλικαί*) и служба мѣстомъ отправленія областного культа. Свидѣтельство римскаго воздѣйствія можно видѣть и во множествѣ римскихъ городовъ, изъ коихъ уже Августъ основалъ цѣлыхъ семь: Гермю (*Julia Augusta Fida Germa*) — въ сѣверной Галатіи, Антиохію, Листру, Парланду, Кремну, Коману и Олбассу — въ южной Галатіи. А при его преемникахъ немало другихъ пунктовъ было преобразовано и романизовано (Паппа—Тиверіополь, Клавдіо—Селевкія, Клавдіо—Дервія, Клавдіо—Иконія — въ южной Галатіи).

§ 2) Галатія этнографическая (сѣверная), а не вся римская провинція этого имени (преимущественно—въ южной части), какъ область ближайшаго предназначенія посланія къ Галатамъ.

Кратко изложенная нами исторія Галатіи показываетъ, что римское вторженіе и владычество значительно способствовали усиленному расширенію первоначальныхъ ея границъ. Въ апостольскую эпоху площадь Галатійской провинціи была гораздо шире области собственно галльской, входившей въ нее лишь сѣверною частію, и включала больше тарриторій съ безусловно не-галльскимъ населеніемъ. По этой причинѣ открывается законная, фактическая возможность различать Галатію этнографическую, занятую галльскими пришельцами, и Галатію офиціально-римскую, или политическую съ весьма смѣшаннымъ составомъ жителей, гдѣ преобладали туземцы и старые аборигены.

Отсюда возникаетъ естественный и неизбежный вопросъ: какую въ точности Галатію разумѣть Св. Апостоль Павелъ въ качествѣ объекта его миссіонерскаго подвига и мѣста первоначальнаго предназначенія нашего „посланія къ Галатамъ“? Рѣшеніе этой задачи далеко не безразлично для правильнаго пониманія послѣдняго со стороны освѣщенія апостольской исторіи и по принципиальному догматическому значенію. Легко постигнуть это по самымъ простымъ соображеніямъ. Если у Апостола гозорится со всею строгостію римско-административной терминологіи, то мы должны принять, что всѣ (четыре) Мало-азійскіе города перваго благовѣстническаго путешествія Павлова (кроме Памфилійскихъ) принадлежали къ Галатійской провинціи и были римскими колоніями: *Claudio—Derbe*, *Colonia Julia Felix Gemina Lystra* (иногда *Lustra*, *Claudio—Iconium* (хотя уже съ Адріана, а не съ Клавдія) и *Colonia Caesaria Antiochia*. Въ такомъ случаѣ вполне позволительно допустить,

что христiане этихъ именно областей и были первыми получателями и первоначальными читателями посланiя къ Галатамъ.

Нѣтъ фактическихъ основанiй оспаривать это заключенiе по историческимъ даннымъ, ибо принадлежность къ Галатiйской провинцiи удостовѣряется — для Антиохiи Страбономъ XII, 6:4 (откуда видно, что она входила еще во владѣнiя Аминты), для Иконiи — эпитафическими документами (С. I. Gr., № 3991 изъ временъ Клавдiя и Нерона), для Листры — Плиниемъ Младшимъ (Hist. nat. V, 42), для Дерви — Страбономъ XII, 6:3 (тоже со временъ Аминты), хотя Птоломей V, 6:17 причисляетъ ее къ области Антиоха Коммагенскаго 41—72 г.г.). Значитъ, нѣкоторое сомнѣнiе возможно лишь для послѣдняго города, однако необходимо помнить, что указанiе писателя-географа (въ половинѣ II-го вѣка по р. Хр.) не содержитъ точныхъ хронологическихъ опредѣленiй, а названiе Клавдiо-Дерви скорѣе свидѣтельствуешь, что это былъ тоже пограничный пунктъ римскихъ владѣнiй въ Малой Азiи и, слѣдовательно, входилъ въ непосредственную компетенцiю Рима.

При такихъ условiяхъ Галатiею оказывается римская провинцiя этого имени въ цѣломъ ея составѣ. И если посланiе къ Галатамъ издано послѣ двукратнаго посѣщенiя ихъ св. Апостоломъ (Гал. IV, 13), то и въ этомъ случаѣ выйдетъ, что оно было въ числѣ раннихъ писанiй Павловыхъ¹⁾. При подобной исторической ситуацiи получится, что въ миссионерской дѣятельности св. Павла почти сразу возобладали рѣзкiя противоюдейскiя стремленiя, а фактическихъ оправданiй для сего мы не видимъ, такъ какъ книга Дѣянiй рисуешь намъ по данному предмету совсѣмъ иную, больше даже противоположную картину. Въ результатѣ, у насъ вырывается одинъ изъ двухъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ апостольской эпохи, и мы остаемся безъ объективнаго историческаго руководства, будучи обязаны выбирать сами¹⁾ по разнымъ теоретическимъ соображенiямъ. Но при всякомъ рѣшенiи полемическая острота миссионерской и священно-писательской дѣятельности св. Павла будетъ безъ достаточной фактической мотивировки въ постепенно развивавшейся и осложнявшейся iудаистической агитацiи, грозившей поглотить или, по крайней мѣрѣ, принизить христiанство, почему апостольская оппозицiя является исторически оправданной и догматически спасительной. А безъ этого постулата будетъ законный поводъ для догадокъ, что Павлинистическая полемика вытекала исключительно изъ ренегатскаго предубѣжденiя противъ iудейства во всемъ его религiозно-этическомъ устроенiи и нимало не отражаетъ дѣйствительныхъ междурелигiозныхъ отношенiй, которыя были совсѣмъ иными.

¹⁾ По мнѣнiю Prof. Th. Zahn'a (S. 19—20) оно раньше 1 2
Ессал.

Историческая перспектива опять заслоняется „фанатическою“ фигурой Павла, какъ „перваго Маркіона“, несогласнаго ни съ подлиннымъ Евангеліемъ Христа Спасителя, ни съ истиннымъ ученіемъ Его прямыхъ преемниковъ и основоположительныхъ „столповъ“ Церкви. Отсюда ясно и то, что ранняя датировка посланія къ Галатамъ, дающая чисто Гегеліанскую картину апостольскаго вѣка въ духѣ Новотюбингенской школы, съ самыми разнообразными комбинаціями¹⁾, существенно измѣняетъ наши представленія о ходѣ апостольской работы вообще и всего церковнаго созиданія въ первенствующую эпоху.

Теперь для насъ должно быть безспорно, что чисто этнографическое опредѣленіе имѣетъ высокую историко-догматическую важность. Однако ее не нужно (вмѣстѣ съ W. M. Ramsay, Valentin Weber и др.) преувеличивать, будто отъ этого зависятъ роковыя рѣшенія вѣры и знанія. Это говоритъ только объ искусственной повышенности во всемъ этомъ вопросѣ, который не выходитъ изъ границъ объективно-историческаго интереса. Въ этомъ легко убѣдиться уже потому, что отъ обычнаго толкованія уклоняются экзегеты самыхъ различныхъ направлений, иногда совсѣмъ діаметральныхъ²⁾. Тутъ собственно нѣтъ особыхъ критическихъ тенденцій, угрожающихъ достоинству историческихъ свидѣтельствъ, или враждебныхъ для божественной неприкосновенности и догматической цѣлостности христіанскаго благовѣстія. Но, разумѣется, для объективнаго познанія, фактически ограждающаго нашу вѣру и устраняющаго тревожныя недоразумѣнія, требуется научно разобрать и резонно выяснить: какая именно Галатія была фактическимъ поприщемъ апостольской евангелизаціи св. Павла, который потомъ обратился туда и со спеціальнымъ посланіемъ исключительной догматической значимости?

¹⁾ Напр., † Prof. Cuthbert Hamilton Turner относитъ посланіе къ Галатамъ „early in A. D. 49“ и считаетъ первымъ изъ всѣхъ существующихъ, раннѣйшимъ Апостольскаго собора, какъ и эпизодъ Гал. II, 11 сл. (A Study of the New Testament 1883 and 1920: an Inaugural Lecture delivered before the University of Oxford on October 22 and 29, 1920, Oxford 1920, p. 23—24).

²⁾ Таковы, напр., консервативный теологъ Т. Цанъ, свободомыслящій О. Пфлайдереръ, довольно радикальный А. Гаусратъ, индифферентный къ христіанству истрикъ тоЭд. Мейеръ, шотландецъ (по Эбердинскому университету) Рэмсей, проф. W. F. Adey (для котораго см. и „Critical Reveew“ XII, 3: May, 1902, p. 273), американецъ проф. Ernest De Witt Burton (p. XXI—XXIV), католикъ В. Веберъ, лезуитъ Р. Корнели и мн. др.

Обычно на этотъ вопросъ всегда отвѣчали въ пользу только галльской области въ Малой Азіи. Если не считать J. J. Schmidt'a отъ второй половины XVIII в., то лишь J. P. Mynster, потомъ епископъ Зееландскій († 30 января 1854 г.), впервые развилъ въ 1825 году такъ называемую „южно-галатійскую теорію“¹⁾ въ томъ смыслѣ, что Апостолъ говоритъ о Галатіи, какъ римской провинціи, и изъ нея разумѣтъ преимущественно южную часть въ Писидійско-Ликаонскомъ округѣ. Съ тѣхъ поръ эта идея поддерживалась и защищалась цѣлымъ рядомъ ученыхъ по различнымъ соображеніямъ (Niemeyer, Paulus, Ulrich, Böttger, G. Perrot, Tiersch, L. Ranke, E. Renan, Hausrath, Weizsäcker, Jacobsen, Wendt, O. Pfleiderer, O. Holtzmann, Steck, Baljon), пока уже въ 90-хъ годахъ XIX столѣтія — авторитетнѣйшій специалистъ по малоазійской географіи и исторіи — „свѣтскій“ профессоръ Эбердинскаго университета (въ Шотландіи) Sir W. M. Ramsay не потребовалъ для нея абсолютнаго верховенства и своими пламенными рѣчами во многихъ сочиненіяхъ привлекъ новыхъ поборниковъ съ самыми солидными богословскими именами (католики R. Cornely S. J., J. Belser, Val. Weber, Gifford, Rendall, Marcus Dods, C. H. Turner, Ernest De Witt Burton, C. Clemen, Th. Zahn, Joh. Weiss). Тѣмъ не менѣе окончательнаго перевѣса не достигнуто и доселѣ²⁾, ибо члены старой партіи держались не менѣе твердо и въ своихъ оправданіяхъ, и въ энергическихъ возраженіяхъ³⁾. Дѣло не выходитъ за границы колеб-

1) Изъ патристическихъ авторитетовъ на эту сторону, видимомъ, склоняется св. Астерій Амасійскій (IV-го вѣка).

2) Еще въ 1897 году † Principal S. D. F. Salmond свидѣтельствовалъ въ „The Critical Review“ VII, 3 (July, 1897), p. 310, что по этому интересному вопросу пока не сказано послѣднее слово, и Prof. Cuthbert H. Turner напрасно утверждаетъ (A Study of the New Testament 1883 and 1920), что „Sir William Ramsay... finally swept the opposing theory from the field“. См. и полемику Рэмсея съ проф. E. Schürer'омъ въ „Theologische Literaturzeitung“ 1893, №№ 16 и 20.

3) Изъ новѣйшихъ поборниковъ сѣверно-галатійской теоріи выдѣляются: Bp. J. B. Lightfoot, Zöckler, R. A. Lipsius, Sieffert, E. Schürer, B. Weiss, A. Jülicher, H. J. Holtzmann, Riggenbach, F. Godet, F. G. Chase, Findlay, Davidson, Th. Mommsen, Ad. Deissmann; католики Ladeuse, Knabenbauer, A. Steinmann, Lagrange. См. также † Prof. Th. Mommsen въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ II (1901), S. 85, 3, и cp. Pauly - Wissowa VII, Sp. 558. Prof. Fritz Barth, Einleitung in das Neue Testament, Gütersloh 4-5 1921, S. 139. Prof. Max Meinertz, Einleitung in das Neue Testament, Paderborn 4 1933, S. 101.

лющагося равновѣсія'). И причина сего въ томъ, что главная сила новаторовъ лежитъ больше въ нападкахъ на слабости противника, между тѣмъ, если первыя и удачны, то вторыя естественны и неизбежны въ подобномъ темномъ вопросѣ. Въ тоже время для обезпеченія южно-галатійской теоріи допускается много гипотетическаго, иногда прямо фантастическаго—по началамъ субъективнаго вѣроятія, т. е. спорнаго или непріемлемаго въ самомъ принципѣ.

Разсмотримъ главнѣйшіе пункты, связанные съ посланіемъ къ Галатамъ и почерпаемые изъ него.

1) Несомнѣнно, что терминъ *Γαλατία* употреблялся въ апостольскую эпоху для всей римской Малоазійской провинціи, судя по даннымъ у Птоломея (V, 4), Плинія Младшаго (V, 146—147) и Тацита (II, 9), къ которымъ присоединяются Евтропій и Г. Синкеллъ, опирающіеся на древнихъ авторитетовъ. Все это справедливо и ничуть не отрицается корифеями стараго воззрѣнія, а потому и не опровергаетъ его, ибо новаторскіе выводы совсѣмъ не безусловны и — значитъ — не обязательны сами по себѣ. Даже по случайнымъ предшествующимъ упоминаніямъ (напр., на стр. 11 о Pontus Polemoniacus) намъ извѣстно, что официально-административное обозначеніе ничуть не поглощало безслѣдно для данной мѣстности старинныхъ ея наименованій, обычныхъ и привычныхъ для населенія, которое продолжало пользоваться прежнею терминологіей, передавая ее послѣдовательно ближайшимъ поколѣніямъ. Посему и нельзя заранѣе утверждать о разсматриваемомъ предметѣ, что тутъ старинныя географическія имена недопустимы и были бы неожиданны въ устахъ Апостола, какъ державшагося официальной римской рѣчи²⁾. Наоборотъ, для него несомнѣнны развѣ лишь два примѣра официальной номенклатуры — въ отнесеніи (2 Кор. XI, 9 и ср. Филипп. IV, 15 сл.) Филиппъ къ Македоніи и въ распространеніи (Гал. I, 22. 1 Фесс. II, 14) объема Іудеи и на всю Палестину съ Галилеей и Самаріей, которыя соприсчислялись къ ней съ 44-го или съ 52-го да, но и здѣсь далеко не все ясно³⁾, поскольку св. Павелъ

1) Поэтому свободно допускается, что посланіе къ Галатамъ выпущено или изъ Коринѳа въ 50 году для южно-галатійцевъ, или въ началѣ Ефесскаго пребыванія Апостола Павла въ Ефесѣ (въ концѣ 52 года) для кельтовъ (Einführung in das Neue Testament von † Prof. Rudolf K p o r f; dritte Auflage unter Mitwirkung von Prof. Hans Lietzmann bearbeitet von Prof. Heinrich Weinel, Giessen 1930, S. 76—77).

2) Prof. Th. Zahn, S. 10—11.

3) Такъ, по Prof. Th. Mommsen Іудея со временъ Помпея до Веспасіана находилась въ сюзеренной зависимости отъ Рима, оставаясь кліентельнымъ государствомъ, однако всегда подчи-

могъ разумѣть просто фактическую область преобладающаго господства іудейской вѣры, для которой вся Палестинская территория была іудеей — въ религиозномъ смыслѣ. Часто у Апостола официальное и популярное значенія оказываются одинаково пригодными, какъ можно это находить въ отношеніи Македоніи (1 Тессал. I, 7 сл. IV, 10. 1 Кор. XVI, 5. 2 Кор. I, 6. II, 13. VII, 5. VIII, 1. Рим. XV, 26. Филипп. IV, 15), Асіи (1 Кор. XVI, 19. 2 Кор. I, 8) и Ахаіи (1 Тессал. I, 7. 2 Кор. I, 1. IX, 2. IX, 10. Рим. XV, 26), объединяемой съ Македоніей¹⁾ и какъ будто разобщаемой отъ Аѳинъ (1 Кор. I, 16. XVI, 15), а послѣднее мыслимо лишь для народнаго употребленія вопреки официальной классификаціи, что наблюдается вездѣ и всегда. Подъ Иллирикомъ (Рим. XV, 19) не безусловно, но, пожалуй, скорѣе разумѣется все побережье Эпирское (до Акціума), гдѣ былъ Никополь (Тит. III, 12), хотя Эпиръ никогда не входилъ въ составъ Иллиріи, а съ 40 года до р. Хр. они даже не были и смежными, ибо южная иллирійская граница отодвинулась гораздо дальше къ сѣверу, проходя черезъ Скодру и Лиссъ на р. Дрилонѣ. Сирія и Киликія (Гал. I, 21; ср. Дѣян. XV, 23, 41) тоже отмѣчаются безъ официально-административной точности, такъ какъ при ней трудно согласить этотъ порядокъ ихъ съ другими фактическими указаніями (Дѣян. IX, 30. XI, 35 сл.); первая — въ качествѣ римской провинціи — обнимала еще Галилею съ іудеей (Мѡ. IV, 24. Лк. II, 2. Дѣян. XVIII, 18. XX, 3. XXI, 3), вторая отмѣчается у Апостола отдѣльно (Гал. I, 22), а обѣ онѣ въ началѣ перваго вѣка стояли подъ общимъ управленіемъ²⁾.

Наряду со всѣмъ изложеннымъ нельзя забывать и того, что — при всякомъ толкованіи — Галльская область останется въ районѣ Галатіи, какъ основная, центральная часть, давшая

нявшимися Сирійскому намѣстнику, но она не была составною частью собственно римскаго государства, хотя бы посредственно — чрезъ включеніе ея въ провинцію Сирію. Кто могъ разбираться въ этихъ технически-административныхъ тоюкостяхъ и наблюдать ихъ въ обычной рѣчи, гдѣ всегда преобладаетъ принятое народное употребленіе, а для Галатіи не было ли таковымъ исконное этнографическое обозначеніе?

¹⁾ Восточный изъ трехъ южно-европейскихъ полуострововъ Апостолъ Павелъ — согласно Эратосѣну — принимаетъ за одно цѣлое и Македонію объединяетъ съ Ахаіей (Рим. XV, 26): † Prof. E. Kurtius, *Gesammelte Abhandlungen* II, S. 536, и порусски у † проф. А. П. Лопухина въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1894 г., IV, стр. 17 (по оттиску стр. 15).

²⁾ См. † Prof. Th. Mommsen, *Römische Geschichte* IV (Berlin 1894), S. 297—298, 309, 323, а по русскому переводу у В. Н. Невѣдомскаго V (Москва 1885) стр. 290, 300, 314.

свое имя всей провинции, сколько бы послѣдняя ни расширялась и ни осложнялась. Естественно, что здѣсь необходимы: самые серьезные аргументы, чтобы устранить коренное ядро при упоминаніи позднѣйшаго сложнаго комплекса. Еще болѣе обязательно это въ примѣненіи къ рѣчамъ, гдѣ говорится не о территории, а о лицахъ, — не о Галатіи, а о Галатахъ.

Есть ли искомые данныя въ анализируемомъ посланіи?

2) Говорятъ, что въ немъ Варнава предполагается извѣстнымъ для читателей (Гал. II, 13), но это возможно лишь для жителей Ликаонско-Писидійскаго округа, гдѣ онъ былъ въ первое благовѣстническое путешествіе св. Павла, а потомъ не сопровождалъ его и оставался невѣдомымъ для собственно Галатійскихъ сѣверянъ, для которыхъ не могъ быть авторитетомъ, какъ неизвѣстный лично. Это — не фактъ, а лишь сомнительный и отдаленный силлогизмъ, не оправдываемый аналогіями. Въдь и предъ Коринеянами въ такомъ же точно значеніи называется (1 Кор. IX, 6) Варнава, хотя онъ едва ли былъ тамъ непосредственно и при томъ вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ. Посему мы должны согласиться, что Варнава отмѣчается лишь въ достоинствѣ апостольскаго корифея, о которомъ особо подчеркивается (Гал. II, 13), что да же и онъ ($\kappa\alpha\iota\ \text{Βαρνάβας}$) увлекся лицемѣріемъ. А съ этой стороны Варнава достаточно рекомендуется читателямъ, какъ равноправный съ самимъ Павломъ (II, 9), далеко превосходившій другихъ его сотрудниковъ (II, 1). Слѣдовательно, трактуется исключительно о церковной авторитетности, но для нея совсѣмъ не требуется у Варнавы личнаго знакомства, чего не было среди всякихъ Галатійцевъ въ отношеніи Апостола Петра (I, 18), не бывавшаго у нихъ.

3) Обращеніе посланія (II, 5) къ читателямъ, что при вторичномъ іерусалимскомъ посѣщеніи св. Павелъ не уступилъ іудаистамъ и энергично боролся за евангельскую свободу, „да истина благовѣствованія пребудетъ въ васъ“ ($\text{ἵνα ἡ ἀλήθεια τοῦ εὐαγγελίου διαμένῃ πρὸς ὑμᾶς}$), комментируется (Cornely, Zahn, Val. Weber) такъ, будто во время іерусалимскаго совѣщанія Галатійскіе читатели уже были озарены христіанскимъ свѣтомъ, разъ описываемый тутъ подвигъ предпринимался ради нихъ, чтобы сохранить имъ полученное прежде истинное ученіе. Все это пригодно лишь для Писидійско-Ликаонскихъ христіанъ, ибо изъ всѣхъ Галатійскихъ жителей именно они были обращены до Апостольскаго собора и могли быть на немъ ближайшимъ объектомъ защиты Павловой.

Наружная убѣдительность граничитъ здѣсь съ прямою софистичностью, если заставляетъ согласиться, что Апостольскій боролся специально для Галатійскихъ читателей. Но развѣ это допустимо хоть въ малѣйшей степени? Не вѣрнѣе ли будетъ, что дѣло касалось принципиальныхъ доктринъ, обязательныхъ и спасительныхъ для каждаго христіанина, потребныхъ всѣмъ

и непреложныхъ всегда? Правда, говорится о пребываніи (διχμεῖν), но послѣднее относится всецѣло къ „истинѣ Евангелія“, а дальше будетъ уже фактическое примѣненіе ко всѣмъ людямъ въ томъ числѣ — и къ Галатійскимъ читателямъ, когда фактически дойдетъ до нихъ очередь, теперь выдвинутая на первый планъ передъ св. Павломъ. Замѣчательно у автора сочетаніе *verbis quiescentis*, выражающаго непрерывный покой, съ предлогомъ движенія въ направленіи кого-нибудь или чего-либо. Значить, разумѣется постоянное состояніе, но не мертвенной инертности, а рассчитанное на реальное приложеніе во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, какіе встрѣтятся исторически. Посему спасительная приспособительность ко всякому человѣку, — напр., и къ Галату, — является эссенціальнымъ свойствомъ самой „истины“ и не нуждается въ охраненіи, а этого требуетъ исключительно лишь правда Евангельская, при которой соотвѣтственная аппликація бываетъ неизбѣжною.

Очевидно теперь, что Апостоль подвизался въ Іерусалимѣ по соображеніямъ принципіальнымъ и ничуть не ограничивался частными запросами, которые у него всегда разсматривались въ единствѣ внутренняго существа, какъ всецѣло господствующаго во всѣхъ конкретныхъ явленіяхъ миссіонерской практики и христіанской жизни. Наличныя нужды, конечно, принимались въ соображеніе, получая полное и глубокое удовлетвореніе, но при догматическихъ обсужденіяхъ ступшевывались по своей обусловленности и могли быть развѣ лишь внѣшнимъ поводомъ для теоретическихъ дискуссій и рѣшеній. Поэтому мы принудительно должны допустить, что въ цитированной апостольской сентенціи предполагаются всѣ, для кого была дорогà Евангельская независимость отъ законническихъ стѣсненій партизанскаго іудаизма, а это будетъ вся совокупность христіанъ — даже не только изъ язычниковъ. Въ такомъ случаѣ, еслибы фактическимъ побужденіемъ для апостольской апологетики на Іерусалимскомъ совѣщаніи и служили внутреннія замѣшательства въ Писидійско-Ликаонскихъ общинахъ, — отсюда вовсе еще не вытекаетъ, что добытая тогда и провозглашенная истина относилась исключительно къ нимъ, ибо она — догматически универсальна.

Неудивительно, что подобное отождествленіе ограждаемыхъ бѣдъ единственно съ Галатійскими читателями вызываетъ большія неудобства и затрудненія. Апостольскія опредѣленія Іерусалимскаго совѣщанія были своевременно переданы въ Писидійско-Ликаонскомъ округѣ самимъ св. Павломъ (Дѣян. XVI, 4) во всякомъ случаѣ раньше выпуска Галатійскаго посланія. Понятно, что при этомъ были сдѣланы всѣ необходимыя разъясненія и всего менѣе могли быть замолчаны спеціальныя особенности, непосредственно касавшіяся слушателей, разъ прямо сказано, что тамошнія „церкви утверждались вѣрою и ежедневно увеличивались числомъ“ (Дѣян. XVI, 5). Всѣ знали

точно и были удовлетворены вполне. Вопреки сему письменный реферат послания производить впечатление неслыханной новости именно в отношении того, что затрагивало бы читателей жизненно и должно было дойти до них сразу же после описанных событий, когда св. Павелъ былъ тамъ. Все это совсѣмъ неестественно, потому что не вѣроятно исторически. Вѣдь авторъ нисколько не намекаетъ, что у него тутъ лишь простое напоминаніе, о чемъ онъ не умолчалъ бы, такъ какъ всѣ подобныя примѣры подчеркиваются у него съ совершенною отчетливостію (Гал. I, 13. V, 21). По силѣ всего сказаннаго мы обязаны принять, что о передаваемыхъ въ Галатійскомъ посланіи подробностяхъ адресаты освѣдомляются только теперь и, слѣдовательно, не совпадаютъ съ Писидійско-Ликаонскими христіанами, которыхъ Апостолъ, конечно, информировалъ давно о предметахъ столь существеннаго интереса для нихъ.

4) Въ равной мѣрѣ не подходитъ къ нимъ и обращеніе (III, 1) *ὡ ἀνῆτοι Γαλάται*, потому что Писидійско-Ликаонскіе аборигены не имѣли въ своей крови „Галатскихъ“ примѣсей и упорно удерживали свой мѣстный жаргонъ (Дѣян. XIV, 11). Въ этомъ пунктѣ важно взвѣсить и сообразить объективно всѣ подробности, которыя излишне преувеличиваются партизанами южно-галатійской теоріи. Они справедливо указываютъ, что съ Лутаріемъ и Леонноріемъ перебралось въ Малую Азію всего лишь около 20 тысячъ вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми. Этого количества было недостаточно и для собственно Галатійской территоріи въ ея первоначальныхъ границахъ, гдѣ, конечно, оставалось въ большинствѣ мѣстное населеніе, въ которомъ попрежнему должны были преобладать фригійцы съ постепеннымъ и незначительнымъ прибавленіемъ къ нимъ грековъ, евреевъ и римлянъ. Возможна лишь взаимная племенная ассимиляція, но и она была медлительна и слаба. Господствуя надъ всею страной и живя на счетъ труда туземцевъ, обработывавшихъ землю за извѣстное доленое участіе въ прибыляхъ, Галатійская знать селилась по своимъ укрѣпленнымъ помѣстьямъ (*φρούρια*, *castella*), къ каковымъ причислялась даже Анкира, называемая у Страбона тоже *φρούριον*¹⁾. Остальные галаты внѣ войнъ вели пастушескую полукочевую жизнь. Тамошніе города долго сохраняли негалатскую физіономію, и Пессинъ всегда былъ болѣе фригійскимъ. Все это справедливо, но нельзя опускать изъ вниманія и другія данныя съ обязательными выводами. Несомнѣнно, что терминъ *Γαλάτης* — не географическій, а этнографическій. Вѣроятно, что онъ образовался среди греческихъ поселенцевъ на галль-

1) См. Pauly-Wissowa I, Sp. 2221—2222.

скомъ побережьи въ Массалии или Массилии (Марселѣ)¹⁾, которая, будучи основана около 600 до р. Хр., была здѣсь „центромъ греческой образованности и греческой учености“²⁾. Означаетъ это имя „мужественный, храбрый, благородный“³⁾, между тѣмъ терминомъ Галлѣ указывается просто воинственность (по Holder'у). Оба эти названія лишь въ позднѣйшую эпоху различаются у греческихъ писателей — по примѣненію перваго къ малоазійскимъ (восточнымъ: *Γαλατία ἡ ἐὼς* у *Agrian. De bell. civ. II, 49.* *Ἀκύλας ὁ ἐκ τῆς ἐώου Γαλατίας* у *Philostr. Vit. soph. II, 11:1*) Галатамъ (*οἱ ἐν Ἀσίᾳ Γαλάται* *Plut., ἡ κατὰ τὴν Ἀσίαν Γαλατία* у *Dioscorid. (De materia medica)* и второго къ обитателямъ Галліи или Франціи, а еще болѣе позднее по образованію *κέλται* (если не считать *κελτικὸς* у Страбона VII, 5:2) употреблялось генерически для всѣхъ родственныхъ этнологически и лингвистически племенъ. Раньше начали разграничивать между *Galli* и *Galatae* римляне, и эту классификацію усвоили отъ нихъ географы.

Но при всякихъ колебаніяхъ терминъ „Галатъ“ сохранялъ строго этнографическій характеръ. Посему уклоненіе Апостола Павла въ этомъ случаѣ было бы просто неестественнымъ и не оправдывается аналогіями съ *Afri(ae)* и *Baetici* для всѣхъ жителей „Африки“ и *Hispaniae Baeticae* (по *Baet s.* нынѣ Гвадалквивиръ, „великая рѣка“), или теперешней Андалузіи: — въ послѣднихъ народности (напр., пунійскихъ кареагенянъ, грековъ) включаются въ территориальное понятіе, которое по вѣковой давности утратило этнографическое содержа-

¹⁾ См. † Prof. E. d. M e y e r, *Geschichte des Alterthums III* (Stuttgart 1901), S. 671 ff.

²⁾ См. † Prof. Th. M o m m s e n, *Römische Geschichte* IV, S. 72, 100 (русск. пер. V, стр. 66, 95); ср. Iw. M ü l l e r, *Handbuch III*, S. 521.

³⁾ Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen von August Fick; vierte Auflage, zweiter Theil: Urkeltischer Sprachschatz von Whitley Stokes, übersetzt, überarbeitet und herausgegeben von Adalbert Bezzenberger (Göttingen 1894), S. 108: „*gāla* Tapferkeit, *Galato*—s., gall. *Γαλάτος* Polys. II, 21:5, *Γαλατία... Γαλάτης* mag Gräcisierung von *Galatias*“ (cnf. 107: *galā* Tapferkeit). S. 16: „*gallo-s* Fremder, Ausländer... sein, wie *Γαλάτης* *vón gais-atieo*“ lat. *Gallus*, *Gallia* aus einer keltischer Mundart entlehnt“. S. 83: *keltō-s* отъ *kelō* — haben, sich regen, t reiben, gehen; *kelmjō-s* thatkräftig, muthig. Посему неосновательно толкованіе блаж. Іеронима, что *Galatia* значитъ *translatio*, въ смыслѣ переселенія, увлеченія: „усвоеніе Галатамъ (ср. I, 6) слова увлеченіе (*translatio*) весьма (къ нимъ) подходитъ, ибо слово *Галатія* значитъ на нашемъ языкѣ именно *translatio*—у в л е ч е н і е, п е р е с е л е н і е“ (Творенія XVII, стр. 15).

ніе и вовсе не отмѣчало спеціального африканскаго народа, обнимая всѣхъ обитавшихъ тамъ „африканцевъ“, хотя бы совсѣмъ не сходныхъ національно и не аборигеновъ, а лишь осѣвшихъ въ Африкѣ группъ изъ разныхъ народовъ. Въ отношеніи Галатіи имѣется прямо обратное, ибо тутъ топографическая квалификація была только расширеніемъ и примѣненіемъ исконнаго этнографическаго титула, преобладавшаго настолько, что „Галать“ означалъ прежде всего именно члена Галатской народности и уже потомъ констатировалъ въ немъ гражданина извѣстной римской провинціи. Поэтому терминъ *Galati* былъ бы неудобенъ и, пожалуй, совсѣмъ невозможенъ для всѣхъ разнородныхъ членовъ населенія Галатійско-римской области.

Но говорятъ (W. M. Ramsay), что и нельзя было выразить принадлежность къ гражданству Римской имперіи иначе, какъ чрезъ причисленіе себя къ одной изъ ея частей, т. е. въ данномъ случаѣ — Галатійской, а такое стремленіе тѣмъ необходимо для разсматриваемаго посланія, что св. Павелъ и читатели смотрѣли на себя именно съ государственной точки зрѣнія. Пусть такъ! Даже при вѣрности этого предзанятаго положенія остается вполне безспорнымъ, что для него было всячески неудобно обращеніе *Γαλάτης*, поскольку въ немъ господствовалъ элементъ націоналистическій, характеризовавшій человека больше по его племенной обособленности, чѣмъ по административно-политической связи разноплеменныхъ людей. При томъ же у насъ идетъ рѣчь не объ официальномъ манифестѣ, а о дружеской бесѣдѣ учителя съ знакомыми ему по національности учениками, которыхъ нельзя обезличивать по общей административной номенклатурѣ, какъ я, напр., никогда не рѣшусь называть сербами или болгарамъ тѣхъ македонцевъ и румынъ, которые были слушателями моихъ университетскихъ чтеній въ Бѣлградѣ и въ Софіи. Съ этой стороны и важно слѣдующее наблюденіе, почти рѣшающее во всемъ вопросѣ. Посланіе адресуется (I, 2) „церквямъ Галатіи“ (*ταῖς ἐκκλησίαις τῆς Γαλατίας*). Допустимъ, что второе слово будетъ изъ лексикона официальной номенклатуры: — все-таки греческій членъ при первомъ неотразимо убѣждаетъ, что разумѣются строго опредѣленные христіанскія общины извѣстнаго національнаго состава. Ясно, что писатель апеллируетъ не къ отвлеченнымъ „церквямъ въ (провинціи) Галатіи“ или — просто и безразлично — къ „церквямъ Галатійскимъ“, а имѣетъ предъ собою избранный кругъ людей даннаго племени, которые непосредственно будутъ слушать письменныя увѣщанія, какъ прежде они же (I, 6. IV, 13 сл.) внимали устному благовѣстію. Апостолъ хорошо знаетъ своихъ читателей, потому что это — его дѣти по духовному рожденію во Христа (IV, 19), и точно называетъ ихъ „Галатами“ (III, 1). Легко теперь вообразить всю крайнюю странность, еслибы это были Ликаонцы и

Писидійцы, чуждые всякихъ расовыхъ свойствъ Галатійскихъ. Получилась бы ненормальность въ родѣ той, когда при господствѣ Русской державы мы стали бы финновъ и поляковъ звать русскими, а теперь послѣднихъ объявили бы по гражданской принадлежности къ этимъ государствамъ — за финляндцевъ и поляковъ...

Для устраненія подобной несообразности необходимо согласиться, что Апостолъ больше всего разсчитывалъ на природныхъ Галатовъ, которые упорно и долго удерживали свои національныя отличія и всѣ пользовались своимъ особымъ языкомъ (Страб. XII, 5 : 1). Поэтому даже сторонники южно-галатійской оріентаціи принимаютъ (Th. Zahn, Ernest De Witt Burton), что св. Павелъ заходилъ и на Галатійскій сѣверъ, но эта оговорка требуетъ признанія въ апостольскихъ адресатахъ Галатовъ по національности, а въ предполагаемой посланіемъ пропорціи ихъ, несомнѣнно, не было въ Ликаоніи и Писидіи.

Этимъ безспорнымъ фактомъ уже сразу ослабляется сила возраженія, будто 5) при южно-галатійской теоріи намъ отчетливо раскрывается исторія возникновенія Галатійскихъ христіанскихъ общинъ, которыя безъ этого окажутся забытыми Дѣписателемъ. Однако послѣдній не упоминаетъ объ удаленіи св. Павла въ Аравію и о присутствіи на Іерусалимскомъ совѣщаніи Тита, вызвавшаго крайне острья осложненія, равно не говоритъ о церквахъ Киликійскихъ, Колосской, Лаодикійской и Римской. Значитъ, его молчаніе по данному пункту совсѣмъ не экстраординарно и просто нуждается каждый разъ въ точномъ разысканіи оправдывающихъ мотивовъ, какихъ вполне достаточно для разсматриваемаго примѣра.

Что до самаго сближенія событій, то для сего не находится основанийъ въ рефератахъ Галатійскаго посланія и книги Дѣяній — даже при южно-галатійской точкѣ зрѣнія. Иногда выдвигаютъ (Jacobson, Sabatier, Zahn, Ramsay) аналогію дѣписательскаго свидѣтельства о ложномъ убѣжденіи Листрійцевъ въ божественности Варнавы и Павла (Дѣян. XIV, 11 сл.) съ тѣмъ, что при первомъ посѣщеніи Галаты приняли „немощнаго“ Апостола, „какъ Ангела Божія, какъ Христа Іисуса“ (Гал. IV, 14). Истиннымъ будетъ прямо противное, что тутъ совершенный контрастъ. Неистовая Листрійская восторженность вытекала изъ грубаго языческаго суевѣрія и исчерпывалась имъ по своему характеру; естественно, что она не дала благихъ плодовъ и не могла быть предметомъ отрадныхъ воспоминаній. Со стороны Галатійцевъ было совсѣмъ обратное — въ истинномъ прозрѣніи, что скромный и слабый проповѣдникъ есть дѣйствительно небесный вѣстникъ, столь точно выражающій волю Божію, какъ еслибы это былъ самъ Господь Искупитель. Посему въ отношеніи ихъ Апостолъ и въ самомъ посланіи взываетъ (IV, 15): кое убо бяше блаженство

ваше? А развѣ можно было сказать нѣчто подобное о Листрійцахъ, обнаружившихъ дикую суетѣрность?

Обстоятельства оглашенія читателей опять не совпадаютъ съ данными о миссіонерской дѣятельности благовѣстника въ Писидійско-Ликаонской странѣ. Посѣщеніе ея было рѣшено по самому плану, и это намѣреніе осуществлялось, не смотря на отпаденіе молодого помощника — Марка. Въ Галатіи же св. Павелъ задержался по „немощи плоти“ (IV, 13), т. е. непредвидѣнно, и началъ здѣсь благовѣствовать вопреки своимъ исконнымъ предположеніямъ. Пытаются (W. M. Ramsay) использовать и этотъ фактъ въ интересахъ южно-галатійской гипотезы. Допускается, что разумѣемая болѣзнь, напрасно сближаемая съ „пакостникомъ плоти“ (2 Кор. XII, 7), была особая мѣстная малярія, эндемически свирѣпствовавшая по низменному Памфилійскому побережью съ наносными разложеніями и болотистыми мѣзмами. Апостолъ, захвативъ ее тамъ, будто бы поспѣшилъ для своего поправленія на здоровую возвышенность около Антіохіи Писидійской, гдѣ затѣмъ и произошли описанныя въ посланіи сцены. Но если онѣ имѣли столь важное миссіонерское значеніе, то выйдетъ, что у Дѣеписателя сдѣланъ существенный пропускъ, совершенно непонятный и неизвинительный при его подробномъ разсказѣ о томъ періодѣ. Чистая догадка, что болѣзнь была малярійная и постигла именно въ Памфилійской низинѣ. Захворать можно вездѣ, особенно слабому Павлу, который взялъ потомъ съ собою Луку, возлюбленнаго ему и въ качествѣ врача (Кол. IV, 14). По сравненію съ нимъ молодому Марку, яко бы оставившему Апостола изъ-за климатическихъ непріятностей, нѣчего было бояться опасностей и лишеній путешествія по суровой и нездоровой странѣ, разъ это не устрашало болѣзненнаго учителя и разъ послѣдній направился теперь въ благопріятную климатически мѣстность на высокомъ плато. За-то для Марка было бы совсѣмъ преступно покинуть немошняго Апостола въ извѣстной разбойми (Страб. XII, 7 : 2) Памфиліи (Дѣян. XIII, 13), а св. Павлу не вдолгѣ послѣ выздоровленія оказалось бы непосильнымъ перенести тяжелыя физическія испытанія съ побіеніями чуть не до смерти (Дѣян. XIV, 19—20). При томъ же — согласно посланію — болѣзнь была причиною остановки и благовѣстничества, т. е. поразила среди читателей, но вовсе не была принесенною въ ихнюю среду откуда-либо, напр., изъ Памфилійскихъ болотинъ. А главнѣе всего то, что она изображается у автора непредвидѣннымъ поводомъ Галатійскаго миссіонерства, которое рисуется неожиданнымъ по возникновенію и тѣмъ болѣе отраднымъ по результату. Этого безусловно нельзя отнести къ Писидійско-Ликаонскому району, какъ неприложимы къ нему и трогательныя слова священнаго писателя о первомъ его визитѣ въ Галатію (IV, 14 сл.). Вѣдь благовѣстническая дѣятельность въ Писидіи и Ли-

каоніи сопровождалась столь жестокими удрученіями, что до конца дней своихъ Апостолъ не забывалъ о гоненіяхъ и страданіяхъ, постигшихъ его въ Антиохіи, Писидіи и Листрахъ, каковыя гоненія онъ перенесъ лишь потому, что отъ всѣхъ ихъ избавилъ его Господь (2 Тим. III, 11). Наконецъ, въ Ликаоно-Писидійскомъ округѣ христіанскія общины были со значительнымъ іудейскимъ контингентомъ, вызывавшимъ на особыя приснослобленія (см. Дѣян. XVI, 3), между тѣмъ среди Галатовъ доминирующимъ былъ элементъ языческій, на которомъ авторъ посланія и сосредоточиваетъ почти исключительное вниманіе.

Вѣрно, что въ смѣшанномъ населеніи Галатійскаго юга съ большимъ участіемъ іудейскихъ стихій легче было появиться іудистамъ съ успѣшною пропагандой, но за-то характеръ послѣдней будетъ великою историческою загадкой. При южно-галатійской интерпретаціи мы получимъ, что въ церквахъ Павловыхъ іудаистическая агитація развилась вскорѣ по окончаніи Апостольскаго собора и совѣщанія со „знаменитѣйшими“ въ Іерусалимѣ. Тамъ по изволенію Духа Святаго была авторитетно санкціонирована для язычниковъ свобода во Христѣ отъ номистическихъ ограниченій. Разумѣется, все это было крайне непріятно фанатическимъ іудаистамъ, и недолгѣ послѣ Іерусалимскаго соглашенія они постарались выиграть свое дѣло въ Антиохіи чрезъ „нѣкоторыхъ отъ Іакова“ (Гал. II, 11 сл.). Но этотъ опытъ разрѣшился полнымъ крахомъ, возстановивъ противъ нихъ и Кифу съ Варнавою, какъ отказавшихся защищать іудаистическую политику даже въ смягченномъ видѣ Іаковлевою практики Іерусалимской церкви, гдѣ соблюдались пока многіе законническіе обычаи. Представляется абсолютно немыслимымъ, чтобы вслѣдъ за симъ іудеиствующіе пустились въ опасную авантюру вдаль отъ Палестины. Это было бы явнымъ неблагоразуміемъ безповоротнаго самоосужденія, потому что, уклоняясь отъ апостольскаго приговора въ Іерусалимѣ, лже-братья необходимо дискредитировали себя въ глазахъ всѣхъ христіанъ, разъ они всюду прикрывались апостольскимъ именемъ „мнимыхъ столповъ“, между тѣмъ оказывалось, что послѣдніе всецѣло противъ нихъ,—и это извѣстно было всѣмъ въ Ликаоно-Писидійскомъ округѣ (Дѣян. XVI, 4). Можно ли допустить у ловкихъ іудаистическихъ интригановъ столь легкомысленное безуміе? И оно становится прямо идіотствомъ, когда мы сообщимъ характерныя детали. Въ Антиохіи номистическіе соглядатаи соблазнили только іудеохристіанъ, да и то лишь временно, при чемъ потерпѣли постыдное для нихъ пораженіе. И вдругъ случилось бы, что на Галатійскомъ югѣ они рѣшились захватить даже христіанъ изъ язычниковъ и добыли свою роковую ставку, ибо частію склонили Галатійцевъ принимать обрѣзаніе и соблюдать законъ (Гал. V, 1 сл. VI, 12—13). Вѣроятно ли все это

и для самых крайнихъ религіозно-партизанскихъ бандитовъ? Скорѣе нужно думать, что іерусалимскій апостольскій декретъ сначала подавилъ іудаистическую борьбу и вожди ея *volens-polens* должны были притихнуть со своими возраженіями тамъ, гдѣ для нихъ пока совсѣмъ не имѣлось никакой благопріятной почвы. Потомъ образовались чисто языческія христіанскія общины, сформировавшіяся помимо политическихъ сліяній и участій и не признававшія ихъ нимало. Подобныя братства были живымъ и осязательнымъ обличеніемъ всѣхъ іудаистическихъ упованій, почему христіанское процвѣтаніе ихъ одинаково и раздражало и смущало совѣсть номистовъ. Последніе вынуждались чрезъ это пожертвовать всѣми своими догматическими пристрастіями религіозно-націоналистическихъ привилегій. Само собою понятно, что все это могло совершиться лишь въ постепенномъ мучительномъ процессѣ, когда на первыхъ порахъ больше выдвигаются и обостряются интересы самозащиты съ энергическими отраженіями разныхъ нападеній. Въ свою очередь этимъ поставлялась для апостольскаго обсуждения специальная антиномистическая задача съ соотвѣтствующимъ примѣнительнымъ раскрытіемъ истиннаго ученія. Такъ и ходъ іудаистической полемики и развитіе апостольской апологетики объясняются вполнѣ удовлетворительно, но при непремѣнномъ условіи отнесенія ихъ къ эпохѣ позднѣйшей по сравненію съ Апостольскимъ соборомъ, а двукратность посѣщенія читателей авторомъ до написанія Галатійскаго посланія потребуетъ приуроченія его къ собственной Галатіи, т. е. этнографической. И если почитаютъ удивительнымъ, что іудействующіе проникли столь далеко на сѣверъ Малой Азіи, то вѣдь они преслѣдовали Апостола на всѣхъ путяхъ его благовѣстничества и доходили даже до Коринѳа, гдѣ произвели большую смуту. Во всякомъ случаѣ сѣверная Галатія имъ была не менѣе доступна, чѣмъ св. Павлу, для котораго у насъ имѣются по этому предмету достаточныя данныя въ рефератѣ Дѣеписателя.

Что же содержится въ книгѣ Дѣяній для опредѣленія Галатійской области, бывшей фактической сферой благовѣстническаго оглашенія и письменнаго обращенія апостольскаго? Здѣсь впервые называется „Галатійская страна“ наряду съ Фригіей (XVI, 6) въ отчетѣ о продолженіи втораго миссіонерскаго путешествія и — по смыслу южно-галатійской теоріи — обнимаетъ городъ Писидійско-Ликаонскіе, которые всѣ были въ Галатійской римской провинціи. Въ силу этого Дѣян. XVI, 6 будетъ обозначать одну административно-географическую территорію: тогда во фразѣ *τῇ ν Φρυγίᾳ καὶ Γαλατικῇ χώρᾳ* членъ получаетъ строго объединяющую энергію, и союзъ уравнивается съ лат. *sive, seu* (или), отмѣчая, что упомянутые тутъ пункты являются взаимно замѣнимыми. Отсюда выводятъ, что тамъ разумѣется фригійско-галатійская мѣстность вообще, допуская обозначеніе тѣмъ или другимъ именемъ,

поскольку прежде она была фригийскою и потомъ стала галатийскою (Lightfoot), или оказалась пограничною съ (между) Фригіей и Галатіей (Gifford, Marcus Dods). Дальше подчеркивается, что изъ идеи цѣлаго — провинціи — авторъ ближе квалифицируетъ интересующую часть ея, почему *χωρη* эквивалентно съ лат. *regio* и, слѣдовательно, будетъ дозвоительно лишь для извѣстнаго географическаго округа, но ничуть не для всей римской Галатіи со включеніемъ древне-галльской. Въ этомъ тонѣ толкуется и прилагательное *γαλατικος* не въ качествѣ прямой національной (племенной) характеристики, а для оттъненія особой (административной) принадлежности къ Галатскому того, что этнографически не было собственно Галатійскимъ. Предъ нами будетъ страна Фригіиско-Галатіиская, которая географически была Фригіей, политически Галатіей (W. M. Ramsay). Соотвѣтственно сему и Дѣян. XVI, 6 приурочивается специально къ Иконіи и Антиохіи. Весь миссіонерскій кругъ будетъ завершаться въ административныхъ границахъ Галатійскихъ, и „воспрепятствованіе проповѣдывать въ Асіи“ представляется познѣшимъ. Тутъ свидѣтельство Дѣян. XVI, 6 констатируетъ хронологическую преемственность, что благовѣстники сначала прошли упомянутую территорію и уже потомъ были возоранены идти впередъ (*διηλθον κωλυθέντες* = *διηλθον καὶ ἐκωλύθησαν* = *διελθόντες ἐκωλύθησαν*). Въ интересахъ этой интерпретаціи одобряется (W. M. Ramsay, Val. Weber) позднѣйшее чтеніе (т. гес. по HLP) съ соподчиненными причастіями: *διελθόντες δὲ... κωλυθέντες... ἐλθόντες κατὰ τὴν Μοσίαν ἐπεείρξον* и пр. Въ этомъ случаѣ „Асія“ тоже будетъ терминомъ административнымъ.

Всѣ эти построения слишкомъ сложны и требуютъ упрощенія до реальныхъ размѣровъ историческихъ данныхъ. Прежде всего рѣчь о самой терминологіи. Новою интерпретаціей предполагается, что Галатія была административною композиціей совершенно различныхъ частей, почему для нея было бы правильнѣе названіе *Galatae regiones*, какъ это допускаетъ Val. Weber по отношенію Дѣян. XVIII, 23. При подоономъ положеніи всякій округъ долженъ бы обозначаться его первоначальнымъ именемъ и присоединеніемъ къ нему титула всей провинціи — аналогично упоминанію Дѣян. XVI, 6. Однако ни у свѣтскихъ, ни у христіанскихъ авторовъ не встрѣчается такихъ примѣровъ, и всѣ они гозорятъ или о цѣлой Галатійской оласти, или объ извѣстныхъ ея „странахъ“ подъ собственными названіями. Также вѣрно въ нашемъ случаѣ и для Дѣписателя. Ю разсматриваемой теоріи выходитъ, что у него Фригія включается въ Галатію, будучи сопринадлежащею къ послѣдней вмѣстѣ съ городами Иконіей и Антиохіей. Но первый изъ нихъ лишь у Ксенофонта (Anab. I, 2: 19) почитается Фригійскимъ и у Амміана Марцеллина (14,5) — Писидійскимъ; а у всѣхъ другихъ свидѣтелей признается главнымъ городомъ

Ликаоніи. Что касается второго, то въ Дѣян. XIII, 14 прямо сказано, что благовѣстники изъ Пергіи пришли εἰς Ἀντιόχειαν τῆς Πισιδίας (или τὴν Πισιδίαν). Пусть Страбонъ (XII, 8 : 14) полагаетъ ее во Фригіи на границахъ Писидійскихъ, Птоломей колеблется между Писидіей (V, 4 : 11) и Фригіей Писидійской (V, 5 : 4) и только Плиній (V, 27 : 94) категорически приурочиваетъ ее къ Писидіи. Видимо, тутъ не было полной устойчивости. Но вся важность состоитъ единственно въ томъ, что самъ Дѣеписатель никоимъ образомъ не мыслить эту Антіохію Фригійскою, хотя Фригія ему была хорошо извѣстна. Тогда нельзя допустить, что для него была Фригійскою еще и Иконія, болѣе южная и отдаленная къ востоку. Если даже Лука совершенно ошибается, — мы все-таки не имѣемъ права извращать его ясныя слова и, когда онъ говоритъ о Фригіи и Галатійской странѣ, разумѣть одну Галатію.

Это невѣроятно и по другимъ соображеніямъ. Анализируемое толкованіе обязательно требуетъ принять, что указанная страна были пройдены до возбраненія благовѣстникамъ входа въ Асію, послѣ чего имъ пришлось устремиться въ Мисію. Иначе получится, что они попали во Фригію и Галатію уже по достиженіи Асіи, т. е. по минованіи Писидійско-Ликаонской территоріи, либо направились оттуда назадъ, „совершая миссіонерскій кругъ“, но второе совсѣмъ не гармонируетъ съ обычною апостольскою практикой искать всегда новаго поприща, а не вертѣться на одномъ мѣстѣ¹⁾, — весьма неестественно для дѣеписательской фразеологіи, отмѣчающей движеніе впередъ къ Асіи и неудобно для выясненія маршрута на Мисію²⁾. Въ этихъ затрудненіяхъ кроется причина свое-

¹⁾ Такъ W. M. Ramsay толкуетъ διήλθον Дѣян. XVI, 6 въ смыслъ „made a mission tour“, но δ'έρ εσθαι указываетъ не на круговращеніе, а на благовѣстническое хожденіе (путешествіе) съ проповѣдію Евангелія. Въ виду сего Val. Weber прибѣгаетъ къ еще болѣе странной догадкѣ, будто, сказавъ о Фригіи между Антіохіею Писидійской и Асіей, писатель теперь *только* вспоминаетъ о *прежде пройденномъ* и уже описанномъ въ XVI, 1—5 пуги, когда Галатійская страна XVI, 6 будетъ обнимать области Дервіи, Листры, Иконіи и Антіохіи. Но самая неестественность подобнаго перетолкованія ясно свидѣтельствуешь объ искусственности потребовавшей сего теоріи.

²⁾ Зашитники южно-галатійской гипотезы (W. J. Woodhouse и частію E. H. Askwith) наклоняются къ такому пониманію Дѣян. XVI, 6, что „путники прошли только Фригію и Галатійскую страну и ограничились именно этою областію, потому что не были допущены проповѣдывать въ Асію“. Воспрепятствованіе будетъ падать на данную, Фригійско-Галатійскую, мѣстность, и потому W. M. Ramsay относитъ этотъ

образныхъ текстуально-екзегетическихъ операций надъ Дѣян. XVI, 6. Однако проектируемая редакція, будучи слабою по фактическимъ основаніямъ въ текстуальныхъ свидѣтельствахъ, вовсе не служитъ сама по себѣ безспогною порукой въ пользу южной Галатіи. ибо прежде другихъ предлагалась крайними апологетами противнаго толкованія, каковъ, напр., епископъ J. B. Lightfoot. А болѣе прочное текстуальное чтеніе (B^hACD), безспорно отмѣчаетъ совсѣмъ иную послѣдовательность, что причастіе *κωλυθέντες* знаменуетъ вовсе не позднѣйшій сравнительно съ „прохожденіемъ“ моментъ, но либо предыдущій, либо синхронистически-сопутствующій для аориста *διήλθον*. При второй возможности все упоминаніе будетъ гласить, что Апостолы проходили по Фгигии и Галатійской странѣ и за все это время были возбгаемы проповѣдывать въ Асіи. Тутъ всѣ три географическіе термина сливаются взаимно въ единствѣ территориальнаго объекта, гдѣ всѣ три части тѣсно соприкасаются между собою, а это фактически недопустимо, ибо при всякомъ пониманіи Галатіи и Асіи первая будетъ внѣ второй, образованной въ 133 г. до р. Хр. изъ Мисіи, Лидии, Каріи и частію даже иногда изъ прилегающихъ Фгигійскихъ областей. Изъ Антіохіи нельзя было попасть въ Асію иначе, какъ чрезъ Фгигію, между тѣмъ получается совсѣмъ обратное, что благовѣстники достигли Фригійскихъ предѣловъ лишь изъ Асійской области. Посему даже южно-галатійцы (Marcus Dods) соглашаются, что „возбраненіе“ было предваряющимъ „прохож-

актъ къ Антіохіи, утверждая (— вопреки Страбону XII. 8 : 13 — 14 —), что тогда этотъ городъ былъ не собственно Писидійскимъ, а лишь *ἡ πρὸς τῇ Πισιδίᾳ*, т. е. Приписидійскимъ, и административно принадлежалъ къ Фригій Парореѣ (*Φρυγία παρώρειος*) или прѣ(между)горной, въ долинѣ среди Эмиръ-Дага и Султанъ-Дага отъ г. Полибота (Булавдинъ) до Тиріэя (Ильгунъ). Въ этомъ случаѣ дальнѣйшій путь къ сѣверу шелъ бы на Накولیю по самой провинціи Асіи, восточными предѣлами которой были Трокнады. Оркистъ, Аморий, почему неудивительно, если „возбраненіе“ самимъ Ramsay-емъ иногда прямо приурочивается къ Асійской области, хотя этому рѣшительно противорѣчитъ дѣписательскій текстъ, по которому сначала было возбраненіе для Мисіи, потомъ прохожденіе чрезъ Фригію и Галатію, наконецъ проникновеніе до Мисіи, чтобы оттуда попасть въ Виоинію, но при отнесеніи пункта „возбраненія“ къ Антіохіи всѣ указанныя комбинаціи топографически будутъ затруднительны. Другіе (Gifford) приурочиваютъ этотъ интердиктъ къ Иконіи или Листрѣ, проектируя, что затѣмъ миссіонеры устремились на Дорилей (Эски-шехеръ) по современной агаба изъ Коніи въ Константинополь; однако тутъ совсѣмъ пропадаетъ Антіохія, которая оказывается неожиданно въ апостольскомъ пути, если путь въ эту сторону еще ранѣе былъ закрытъ вѣлніемъ Духа Св.

деніе“ актомъ. Въ такомъ случаѣ Фригія съ Галатійскою страной будутъ на благовѣстническомъ пути уже по достиженіи Апостолами Асіи, куда св. Павелъ и Сила вошли изъ Писидійскаго округа, пробравшись въ Галатію *лишь потомъ* отъ Асійскихъ границъ. Необходимо, что при этомъ для Галатійской страны останется только область этнографическая, хотя бы и въ римской провинціи. Данными соображеніями устраняются всѣ филологическія возраженія, которыя по существу своему слабы, поскольку уравненіе καὶ съ sive — лишь рѣдкое исключеніе, а терминъ χώρα у св. Луки и LXX-ти употребляется перифрастически, не имѣя технически-административной исключительности, и эпитетъ γαλιτικός удерживаетъ естественную силу національно-географическаго описанія взятой мѣстности. Иначе — каждая не-галльская часть римской провинціи могла бы называться такимъ именемъ, почему для точнаго указанія одной извѣстной мѣстности и различенія отъ другихъ требовалось ближайшее топографическое опредѣленіе, напр., *Pontus Galaticus*. Въ книгѣ Дѣяній нѣтъ и не отмѣчается подобнаго дробленія, и γαλιτικός будетъ специально этнографическимъ обозначеніемъ собственно галльской территоріи, т. е. сѣверной Галатіи.

Этотъ выводъ достаточно оправдывается и Дѣян. XVIII, 23, гдѣ читаемъ, что въ третье свое путешествіе св. Павелъ — по отправленіи изъ Антиохіи сирійской (на р. Оронть) — „проходилъ по порядку страну Галатійскую и Фригію, утверждая всѣхъ учениковъ“ (... ἐξῆλθε, διερχόμενος καὶ θεξῆς τὴν Γαλιτικὴν χώραν καὶ Φρυγίαν, ἐπισημαίνων πάντας τοὺς μαθητάς). Поборники южно-галатійской теоріи немало колеблются въ комментированіи и этихъ данныхъ, иногда приравниваютъ по объему къ Дѣян. XVI, 6, иногда расширяютъ. Важнѣйшее во всѣхъ разсужденіяхъ сосредоточивается на томъ, что Дѣеписатель, будто бы, разумѣлъ *два страны въ самой провинціи Галатіи*. Это — χώρα Λυκαονία и χώρα Φρυγία. Первая въ качествѣ римской и въ отличіе отъ Антиоховской (Lycaonia Antiochiana, (χώρα) Ἀντιοχική) была Lycaonia Galatica¹⁾ и въ этомъ достинствѣ называется „Галатійской страной“. Вторая есть фригійская часть Галатіи съ выдѣленіемъ этой Phrygia Galatica отъ Phrygia Asiana. Все изреченіе передается такъ, что Апостоль Павелъ „совершилъ миссіонерскій кругъ по Галатійской странѣ — съ Дервией и Листрой — и по Фригійской — съ Иконіей и Антиохіей“ (Писидійской).

¹⁾ Но это лишь догадка W. M. Ramsay'я, будто часть Лиқаоніи, съ городами Дервией и Листрой и другими мѣстностями, отличалась отъ Lycaonia ipsa, — или не-римской области, бывшей во владѣніи Антиоха и иногда титулуемой Lycaonia Antiochiana, — и называлась Lycaonia Galatica. Фактическихъ подтвержденій сему пока не имѣется и не приводится.

Это толкованіе сразу поражаетъ неожиданностію, шаткостію и даже нѣкоторою странностію. Вѣдь по нему выходитъ, что Фригія была особою отъ Галатіи и въ нее не включалась, между тѣмъ хотя бы доказать сорастіе противное. А по методу, примѣненному южно-галатійцами къ Дѣян. XVI, 6, въ крайнемъ случаѣ можно бы говорить о „Галатійской странѣ и именно о (части ея) Фригіи“, но это отождествленіе ниспровергается ихъ обязательною послѣдовательностію въ καθεξής, отмѣчающемъ пограничную смежность двухъ отдѣльныхъ топографическихъ величинъ. Ошибка заключается въ томъ, что одно географическое понятіе — Γαλατική χώρα — освѣщается вокабулярномъ административно-официальнымъ, другое — Φρυγία — по народному употребленію понимается этнографически. Подобная двойственность у первохристіанскаго лѣтописца совсѣмъ неестественна, ибо оба термина объединяются членомъ въ равномъ значеніи, при чемъ даже допускается (у W. M. Ramsay) съ насильственностію, что и Φρυγία есть прилагательное тоже географически-опредѣляющаго характера. Равно не видится фактическаго соотвѣтствія съ Дѣян. XVI, 6. Разъ въ обоихъ указаніяхъ мыслится общая территорія, то, двигаясь по ней въ одномъ направленіи — съ востока на западъ, какъ можно было начинать либо съ Фригіи либо съ „Галатійской страны“, принимаемой за Ликаонію? Утверждаютъ, что оба эпитета были связаны настолько прочно по неразрывности и по тождеству разумѣемаго географическаго участка, что взаимное положеніе ихъ было безразлично для самаго дѣла. Тутъ опять допускается произволъ, такъ какъ καθεξής энергически подчеркиваетъ географическую обособленность двухъ территорій — одной за другою. Въ такомъ случаѣ разность въ упоминаніи тѣхъ же самыхъ топографическихъ пунктовъ необходимо вынуждаетъ къ мысли о движеніи по обсуждаемой странѣ съ разныхъ сторонъ, между тѣмъ этого не могло быть фактически и не было исторически даже по требованіямъ южно-галатійской теоріи. Неудивительно, что въ интересахъ послѣдней вносится явная дисгармонія въ дѣписательскій рефератъ. Для Дѣян. XVI, 6 на фригійскую и галатійскую страну въ сѣвѣ отводится Галатійская площадь древней Фригіи, или Phrygia Galatia съ городами Иконіей и Антіохіей, а для Дѣян. XVIII, 23 все это усваивается одной Фригійской области, когда къ Галатійской приурочивается Ликаонія (Lycaonia Galatica) съ Дервией и Листрой. Это столь неестественно, что Val. Weber безъ всякихъ фактическихъ основаній готовъ вычеркнуть въ Дѣян. XVI, 6 упоминаніе о Галатійской странѣ, какъ древнюю вставку изъ XVIII, 23. Принимая первое, † Prof. John. Weiss (въ R. E. X³, S. 559) еще болѣе склоненъ думать, что составитель просто спуталъ извѣстія источниковъ и, напр., призналъ Галатскою другую Анкиру — Фригійскую (Килиссе-кей) на дорогѣ отъ г. Котіэя въ Пергамъ. Но для новозавѣтнаго историка, возвышаемаго за его лѣтопис-

ные труды до степени христіанскаго Оукидида, все подобное было бы чистѣйшею ненормальностію, почему мы во всякомъ случаѣ не въ правѣ прибѣгать къ столь унижающей гипотезѣ, пока есть средства обойтись безъ нея. Это послѣднее мы и находимъ при повсюдномъ тождествѣ содержанія въ Γαλι-ατῆς χι ρα, коль скоро она будетъ покрываться сѣверною древне-галльскою Галатіей¹⁾.

Теперь отчетливѣе обрисовывается предъ нами и весь апостольскій маршрутъ, хотя многое, все-же, остается туманнымъ вслѣдствіи неустойчивости, несогласованности терминологіи и большого разнорѣчія новѣйшихъ толкованій. При такихъ условіяхъ не справедливо и не научно требовать безспорной ясности.

Во второе путешествіе Апостоль Павелъ попалъ въ Фригію и Галатійскую страну собственно потому, что благовѣстники были ранѣе возбранены проповѣдывать слово Божіе въ Асіи. Отсюда выводимъ, что это — Фригія не галатійская, пройденная еще до вступленія въ асійскія границы, но соприкосновенная съ ними. А другая Фригія была асійскою и лежала въ Асійской области, почему могла различаться отъ послѣдней при томъ единственномъ условіи, что тутъ Асія беретъ не въ качествѣ римской провинціи, образованной въ 133 году до р. Хр. При этомъ мы должны признать, что и Асія понимается тоже въ популярномъ смыслѣ — пребрежныхъ мѣстностей (Мизія, Лидія, Карія и др., какъ было и по раздѣленіи съ 295 г. по р. Хр.). Слѣдовательно, теперь св. Павелъ и Сила прорѣзали всю южную Галатію чрезъ Ликаонію и Писидію до Антіохіи, изъ которой былъ достаточно удобный путь около Султанъ-Дага²⁾. Этотъ горный краѣ легко было обогнуть — съ запада чрезъ асійскую Фригію, или съ востока чрезъ галатійскую Фригію. Обѣ возможности до-

¹⁾ Такое тожество для этихъ терминовъ допускаетъ и Prof. T. h. Zahn.

²⁾ См. карту дорогъ Малой Азіи догреческихъ, римскихъ, византійскихъ и турецкихъ у Prof. W. M. Ramsay при его сочиненіяхъ: *The Historical Geography of Asia Minor* и *A Historical Commentary on St. Paul's the Epistle to the Galatians*, а отсюда и у Carolin A. J. Skeel, гдѣ дается сжатое обозрѣніе всѣхъ малоазійскихъ путей сообщенія въ I мѣ христіанскомъ вѣкѣ (*Travel in the First Century after Christ with Special Reference to Asia Minor*, Cambridge 1901, p. 116 sqq.).

зволительны, но первая больше отвѣчаетъ преимущественности членовъ дѣписательской фразеологіи, хотя, вѣроятно, не строго пунктуальной и далеко не полной. Тогда имѣемъ, что, держась на западъ отъ писидійской Антіохіи, миссіонеры мимо западныхъ отроговъ Султанъ-Дага достигли Асійскихъ предѣловъ, куда не были допущены Духомъ Святымъ. По этой причинѣ Апостолы, продолжая свое благовѣстническое служеніе, повернули на сѣверо-востокъ и прежде всего попали въ асійскую Фригію, изъ которой вступили въ близъ лежащую Галатію этнографическую. По этому предмету не совсѣмъ ясно указаніе Дѣян. XVI, 7 (ἐλθόντες κατὰ τὴν Μυσίαν¹); оно можетъ констатировать, что это было „противъ Мисіи“ (ср. Дѣян. XXVI, 7 κατὰ τὴν Κνίδον), но безъ соприкосновенія съ нею, или подлѣ нея — по смежности съ Мизіей. Обѣ интерпретаціи филологически равно возможны, однако сами по себѣ не даютъ географической точности. Определенность пріобрѣтается лишь по связи рѣчи въ описаніи послѣдовательныхъ моментовъ миссіонерскаго теченія, гдѣ случилось такъ, что, достигнувъ κατὰ τὴν Μυσίαν, путники пытались вторгнуться въ Виѳинію и опять были воспрепятствованы Духомъ, почему миновали Мизію и спустились въ Троаду (... παρελθόντες δὲ τὴν Μυσίαν, κατέβησαν εἰς Τρωάδα: Дѣян. XVI, 7—8). Тутъ Мизія поставляется въ географическое соотношеніе съ Виѳиніей, а не съ Галатіей, и рисуется въ такой комбинаціи, что нужно было идти мимо (границъ) Мисіи *внизъ*, дабы очутиться въ Троадѣ. Повидимому, благовѣстники, будучи уже насупротивъ Мизіи, хотѣли проникнуть въ Виѳинію. Они были не тамъ и не здѣсь, но ближе ко второй области, куда готовились войти, а это скорѣе возможно при движеніи на западъ черезъ сѣверную, этнографическую Галатію. Изъ нея св. Павелъ и Сила снова вернулись въ пройденную ранѣе Фригію асійскую, гдѣ въ одномъ углу уже сходились Мизія (слѣва) и Виѳинія (съ сѣвера вправо). Приблизившись къ послѣдней и будучи противъ первой, благовѣстники потомъ направились параллельно Мизійской границѣ къ юго-западу по Фригіи асійской, которую было обязательно пройти (вторично), чтобы, не побывавъ въ Виѳиніи, достичь Троады. Кажется, по удобной (ср. P l i p. Epist. ad Trajan. 77 (81)) дорогѣ: Анкира-Герма-Дорилей-Никея въ началѣ былъ сдѣланъ большой уклонъ на западъ; тамъ, находясь фактически наискосокъ Мизіи, Апостолы и думали вступить въ Виѳинію. Впрочемъ, при всякомъ рѣшеніи получается, что они держались къ сѣверо-западу на Виѳинію и, стремясь туда, конечно, не могли брать слишкомъ далеко на востокъ.

¹) См. у James Hastings, A Dictionary of the Bible III. p. 465b, и у Prof. W. M. Ramsay, A Historical Commentary on the Epistle to the Galatians, p. 419.

Поэтому мы должны согласиться, что изъ собственной Галатіи теперь захватывалась больше западная ея полоса, ближайшая къ Фригіи асіѣской, а тогда (— вопреки утвержденіямъ южно-галатійскихъ оппонентовъ —) не потребуется сворачивать къ востоку чуть не на 450 верстъ.

Этотъ маршрутъ достаточно ясенъ и въ свою очередь освѣщаетъ путь второго Галатійскаго визита. Для него называются „Галатійская страна и Фригія“. Не будетъ невѣроятнымъ, что въ сжатомъ отчетѣ умолчано о промежуточныхъ звеньяхъ, предвѣрившихъ посѣщеніе Галатіи. Такова Киликія и изъ нея чрезъ Киликійскія ворота Тавра южно-галатійская область. Не исключаетъ этого категорически и $\chi\alpha\theta\epsilon\zeta\eta\varsigma$; оно относится лишь къ двумъ упомянутымъ мѣстностямъ, ибо едва ли было бы „по порядку“ — перескочить изъ Антиохіи сирійской прямо на Галатійскую территорію римской провинціи, или древне-гальскую. Однако не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Апостолъ, идя по прежней дорогѣ, сталъ бы „утверждать всѣхъ учениковъ“ и въ Киликійскихъ и въ Ликаонско-Писидійскихъ церквахъ, а въ этомъ случаѣ первохристіанскому историку было неудобно скрыть подобный фактъ, разъ сообщается о семъ для другихъ пунктовъ. По этимъ соображеніямъ резоннѣ думать, что св. Павелъ не былъ теперь ни въ Киликіи, ни въ Ликаоніи и Писидіи и двигался сухимъ путемъ, идя изъ Сиріи чрезъ Каппадокію непосредственно въ Галатію этнографическую (какъ это допускается и Prof. Th. Zahn). Направленіе было бы примѣрно слѣдующее (Prof. P. W. Schmiedel): чрезъ (каппадокійскіе города) Арабисъ (Ярупсъ), Кокусъ (И(ге)ксонъ), Аразаксу (Серисекъ), Матіану (Матчане), Архелаиду (Гарсавру) (Аксерай), Парнассъ (по W. M. Ramsay, между Чекиналъ и Кеси(къ) — Кепри на р. Кизиль-Ирмакъ) на Анкиру, Герму, Пессинъ, затѣмъ въ знакомую уже ранѣе область Фригіи асіѣской ¹⁾ и, наконецъ, въ Ефесъ чрезъ „верхнія страны“ (Дѣян. XIX, 1), или обычнымъ способомъ — къ югу въ Ефесъ ²⁾. Разумѣется, сейчасъ въ Галатійской об-

¹⁾ Если отсюда заключается, что и въ Дѣян. XVI, 6 $\Phi\rho\upsilon\gamma\iota\alpha$ есть имя существительное, то, — возможное филологически (даже по W. M. Ramsay и Marcus Dods), — это толкованіе ничуть не противорѣчитъ нашему мнѣнію, между тѣмъ для южно-галатійцевъ желательнѣе († Prof. Joh. Weiss), чтобы въ первомъ упоминаніи былъ *adjectiv.*, во второмъ *substantiv.* Для свѣрно-галатійской теоріи, пожалуй, удобнѣе *adjectiv.*, но это опять же допускается и противниками ея (ср. выше на стр. 30—31).

²⁾ Здѣсь у W. M. Ramsay'я дается маршрутъ по кратчайшей горной дорогѣ чрезъ Сейбلیю, Діонисополь, Тенру и долину Кайстра. Этотъ путь возможенъ и при нашемъ воззрѣніи, если мы допустимъ, что уже во Фригіи св. Павелъ свернулъ къ югу съ

ласти были посѣщены — больше — новыя мѣстности, ибо кажется, что прежде Апостоль не отклонялся слишкомъ далеко отъ Пессина. Тѣмъ не менѣ предложенная проэкція вовсе не устраняется свидѣтельствомъ объ „утвержденіи в сѣхъ учениковъ“. Само собою всѣми и всегда принимается, что это исполнялось тамъ, гдѣ послѣдніе были, а они могли находиться даже и внѣ мѣстъ первоначальнаго ихъ оглашенія, откуда передвигались по житейскиимъ интересамъ, ибо св. Павелъ не просто просвѣщалъ, но и воспламенялъ ревностію. Въ силу этого вполне допустимо, что по отшествіи Апостола христіанство распространялось въ разныя стороны ¹⁾ и больше всего къ востоку. среди родственнаго галльскаго населенія, къ чему были внѣшнія удобства въ хорошемъ сообщеніи между Галатійскими городами. Однако и во второй путь берется не вся этнографическая Галатія. Вѣроятноже, что это былъ преимущественно западный ея участокъ, тяготящийся къ Фригіи асійской. Тогда отпадаютъ трудности и возраженія, вызываемыя нѣкоторыми крайностями гипотезы (у Вр. J. В. Lightfoot-a), искусственно утрируемыми у оппонентовъ, будто въ оба раза св. Павелъ проходилъ в с ю сѣверную Галатію съ запада на востокъ и обратно. Фактически эта идея для обоихъ случаевъ не совсемъ пригодна уже потому, что этимъ требуется слишкомъ много времени и создается путаница при размѣщеніи миссіонерскихъ событій по соображенію съ апостольскою хронологіей. Въ этомъ расширеніи, на которомъ никто не настаиваетъ²⁾, нѣтъ фактической надобности, и оно скорѣе отрицается рефератомъ Дѣписателя въ пользу западной половины, куда благовѣстникъ проникалъ безъ особенныхъ препятствій.

Понятно, что по стопамъ Апостола столь же свободно могли пробираться и іудействующие соглядатаи. И нельзя го-

тракта Герма-Дорилей-Никия. Во всякомъ случаѣ „верхнія страны“ (*τὰ ἀνωτέρια μέρη*) справедливѣе опредѣлять соотвѣтственно встрѣчающемуся различенію *ἡ ἀνω* и *ἡ κατω* ³⁾ *Ἀσία* и под. — въ смыслѣ восточной части Асійской провинціи вообще (Prof. Joh. Weiss въ RE X³, S. 536: 12—21, 557: 37). Впрочемъ, † Prof. Adolf v. Harnack утверждаетъ, что св. Лука полагалъ весь интересъ въ миссіи прибрежной и потому дѣлаетъ лишь слабыя намеки на Фригію и Галатію, а въ *τὰ ἀνωτέρια μέρη*, sc *τῆς Ἀσίας* разумѣетъ пограничную съ сѣверо-западною Фригіей гористую Лидію (Die Apostelgeschichte: Untersuchungen, Leipzig 1908, S. 87; 90),

¹⁾ Это предполагается и для южной Галатіи, иапр., у Val. Weber'a.

²⁾ Напр., по O. Zöckler, изъ всей Галатіи захватывались окрестности Пессина и поселенія Аксилонa (т. е. безлѣсныхъ степей Ликаоніи).

ворить, что на Галатійскомъ сѣверѣ они не имѣли для себя готовой почвы въ достаточномъ контингентѣ соплеменниковъ. Извѣстно, что Селевкиды (334—189 г. г. до Р. Хр.) въ своихъ политическихъ интересахъ привлекли евреевъ въ Малую Азію и награждали ихъ значительными привилегіями съ предоставленіемъ правъ гражданства, гарантировавъ религіозную ихъ неприкосновенность въ специальномъ νόμος τῶν Ἰουδαίων, упоминаемомъ, напр., въ апамейской надписи. Въ качествѣ сторонниковъ Селевкидской династіи, іудейскіе колонисты поселялись вдоль коммуникаціонныхъ линій между востокомъ и западомъ, какъ агенты правительства и природные шпионы. Это было больше внѣ границъ этнографической Галатіи, но естественныя богатства послѣдней и меркантильные интересы скоро повлекли ихъ и туда, гдѣ торговля полотняными издѣліями (Вр. J. B. Lightfoot) едва ли совершалась помимо этихъ патентованныхъ коммерсантовъ. Они, конечно, не замедлили обосноваться со всею прочностію по всѣмъ выгоднымъ пунктамъ (хотя бы позднѣе, чѣмъ на югѣ) и овладѣли положеніемъ въ каждомъ округѣ, а это было возможно лишь чрезъ главные центры, откуда іудейская проницательность проникала во всѣ полезные закоулки. Отыскивается даже декретъ объ особыхъ преимуществахъ, которыя Августъ велѣлъ начертать въ своемъ Анкирскомъ храмѣ въ обезпеченіе іудеямъ (Jos. Flav. Antiqu. XVI, 6: 2). Такое толкованіе (Вр. J. B. Lightfoot'a, Emil Schürer'a и др.) не безспорно¹⁾, и чуть ли не вѣрнѣе думать (согласно W. M. Ramsay), что указъ разумѣетъ не Анкиру Галатійскую, а соборъ (сѣздъ) представителей Асійской провинціи (τὸ κοινὸν τῆς Ἀσίας). Не смотря на это, іудейскій элементъ на галльскомъ сѣверѣ вполнѣ несомнѣненъ въ большомъ количествѣ²⁾ и по документальнымъ даннымъ. Напр., среди надписей — за изъятіемъ ненадежныхъ — сохранилось изъ древней Галатіи до пяти съ чисто іудейскими именами — въ Пессинѣ Μαρτῆς (текстъ не безъ подозрѣній), въ Евдоксіѣ (Йюрме) Ιακὼβ διάκονς и Εσῆιρς, въ Тавіѣ Даніиль и пр. Но если мы допустимъ присутствіе достаточнаго іудейскаго контингента въ сѣверно-галатійской области, — этимъ необходимо утверждается, что были отсюда регулярныя сношенія съ Іерусалимомъ и имѣлись

¹⁾ Такъ, Prof. R. A. Lipsius предлагалъ читать Ἀγχιρὰ τῆς Ἀρμενίδος, разумѣя ее на р. Макестѣ недалеко отъ границъ Лидіи (Strab. XII, 5), но эта произвольная догадка опасна и потому, что тогда придется заподозривать подлинность извѣстій объ Августовомъ храмѣ въ Анкирѣ Галатійской.

²⁾ У Іосифа Флавія (Antiqu. XVI, 6:1) есть указаніе, что со стороны мѣстныхъ властей въ Галатіи принимались даже мѣры къ ограниченію іудейской юркости, и это предполагаетъ наличность тамъ большаго еврейскаго элемента.

пригодные для сего способы¹⁾). Очевидно, для взаимобобщенія существовала довольно торная дорожка, и ею успѣшно воспользовались іудеисты вслѣдъ за св. Павломъ, который въ благовѣстническихъ передвиженіяхъ придерживался административныхъ центровъ, гдѣ всегда находились жители изъ евреевъ. Значить, и съ этой стороны Галатія этнографическая совершенно удовлетворяла апостольской миссіонерской практикѣ, а совокупность всѣхъ другихъ свидѣтельствъ, наблюденій и соображеній, по нашему мнѣнію, больше благоприятствуетъ старинной, сѣверно-галатійской теоріи.

§ 3) Основаніе и исторія Галатійскихъ церквей до изданія посланія къ Галатамъ.

Теперь исторія основанія и развитія Галатійскихъ церквей по связи съ условіями происхожденія посланія къ нимъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ. Во второе благовѣстническое путешествіе Апостолъ, посѣтивъ и устроивъ сирійско-киликійскія и ликаонско-псидійскія общины, хотѣлъ пойти почти прямо на западъ въ Асію, т. е. разумѣется, въ Ефесъ, потому что тамъ было вліятельное іудейское населеніе, съ котораго онъ успѣшно могъ начать свою христіанско-просвѣтительную дѣятельность. Его намѣреніемъ была, видимо, чисто іудейская миссія, и ради ея онъ даже нарочито обрѣзалъ Тимофея (Дѣян. XVI, 3), дабы не создавать соблазняющихъ препонъ своему служенію среди сыновъ Израиля. Однако промыслъ Божій велъ благовѣстника на иное поприще и направлялъ къ языческому оглашенію, которое требовало постепенной опытной проповѣди. Возбраненные въ своемъ задуманномъ стремленіи насчетъ Асіи, миссіонеры были вынуждены повернуть къ сѣверовостоку на Вифинію. По всему думается, что и на сей разъ язычество тоже не значилось специально въ благовѣстническомъ планѣ Павловомъ и было избрано потомъ лишь по особому указанію Божію, откуда приходилось принять, что Господь призываетъ благовѣствовать въ Македоніи и далѣе по греческимъ областямъ (Дѣян. XVI, 9—10). Понятно при этомъ, что и Галатійская страна не стояла заранѣе въ основномъ миссіонерскомъ проектѣ и явилась неожиданно по фактическому стеченію обстоятельствъ. Это было нѣчто экстраординарное и — по

¹⁾ Блаж. Іеронимъ пишетъ (Творенія XVII, стр. 6): „до того дня патріархи іудеевъ посылали (своихъ) апостоловъ (къ Галатамъ); отъ нихъ-то, по моему мнѣнію, тогда развращенные (соблазненные) изъ Галатовъ приняли обычай соблюдать предписанія закона“ . . .

человѣческому сужденію — даже случайное. А Дѣписатель во всей своей исторіографіи всегда и всюду слѣдитъ за осуществленіемъ божественныхъ вѣлѣній касательно христіанизации и все остальное считаетъ лишь побочнымъ. Поэтому онъ замалчиваетъ или только упоминаетъ всякія человѣческія попытки даннаго рода, хотя бы послѣднія отличались глубокою искренностію. Дѣло Божіе строилось на землѣ, конечно, человѣческими руками, но вовсе не самими людьми по разнымъ внѣшнимъ историческимъ условіямъ. Естественно, что св. Лука весьма кратко и совсѣмъ неотчетливо говоритъ объ апостольскомъ служеніи до тѣхъ поръ, пока опять сказалась прямо воля Божія объ отправленіи на европейскій материкъ. Въ этомъ, конечно, заключается вполнѣ понятный и убѣдительный резонъ, что св. Лука сообщаетъ слишкомъ кратко и нѣсколько туманно о Галатійской дѣятельности Павловой. Тѣмъ не менѣе и онъ внушаетъ, что теперь были брошены здѣсь Евангельскія сѣмена на плодородную почву, разъ при вторичномъ посѣщеніи Галатіи Апостолъ „утверждалъ всѣхъ учениковъ“ (Дѣян. XVIII, 23: . . . ἐξήλθε διερχόμενος καθ' ἑξῆς τὴν Γαλατικὴν χώραν καὶ Φρυγίαν (ἐπι)στυρίζων πάντας τοὺς μαθητάς), которые, очевидно, существовали тамъ ранѣе — со времени перваго визита, хотя терминъ μαθητή; означаетъ у Дѣписателя христіанъ вообще (VI, 1, 2, 7, IX, 1, 10, 19, 25, 26, 38. XI, 26, 29. XIII, 52. XIV, 20, 22, 28. XV, 10. XVI, 1. XVII, 27. XIX, 1, 9, 30. XX, 1, 30. XXI, 4, 16).

Все это до точности согласуется съ собственными данными посланія. По нему (IV, 13), св. Павелъ остановился въ Галатіи изъ-за тѣлесной болѣзни, послужившей ближайшею причиною (δικὰς съ accusat.) для благовѣстническихъ обращеній къ галльскимъ сѣверянамъ (οἵδεατε δὲ ὅτι δι' ἁσθενείαν τῆς σαρξὸς εὐηγγελισάμην ὑμῖν τὸ πρότερον). Свойства этого недуга намъ неизвѣстны и для настоящей рѣчи не существенны. Достаточно лишь подчеркнуть, что замѣтка о возможной при- (зрительности окружающихъ къ больному вплоть до оплеванія dIV, 14) вовсе не говоритъ о его внѣшней омерзительности, поскольку говорится о пренебреженіи къ религіозному званію и ученію миссіонера, а ничуть не къ физическому состоянію. Посему нѣтъ даже точки опоры для крайне фантастической и эфемерной догадки († Prof. Erwin Preuschen'a), будто св. Павелъ страдалъ проказой, хотя — по тогдашнимъ нравамъ — онъ самъ не рѣшился бы съ нею показываться среди людей, и его нигдѣ не приняли бы даже изъ состраданія. Не менѣе сомнительна и офталмія, или (по Dr. Adolph Seligmüller, 1910 г.) „глазная мигрень“, ибо упоминаніе (IV, 15) о готовности Галатійцевъ исторгнуть у себя очи и отдать ихъ страждущему отражаетъ не чуждое и нашему времени присловіе для свидѣтельства о всепреданной любви, которая рада пожертвовать даже столь дорогимъ, какъ зрѣніе. Тутъ нѣтъ и минимальна-

го намека на фактическую нужду и безумную готовность уступить кому-либо свои глаза, когда оба сдѣлаются слѣпыми. Увѣренно думаемъ, что здѣсь нѣтъ соотношенія и съ „пако-стникомъ плоти“ (2 Кор. XII, 7), поелику это были внезапные припадки съ исключительнымъ и спеціальнымъ коварствомъ „ангела сатанина“, дѣйущаго пакости, чтобы Апостолъ не превозносился. Въ нашемъ примѣрѣ не только не было ничего подобнаго, а имѣлось совсѣмъ обратное — въ уничиженномъ состояніи, которое по внѣшности могло вызывать гнушеніе окружающихъ. Для насъ безспорно, что разумѣется случайная болѣзнь, неожиданно разстроившая всѣ миссіонерскіе расчеты, хотя бы и по связи съ несомнѣнною общою болѣзненностію Апостола нервнаго происхожденія и нервнаго характера, всегда (особенно же въ моменты высшаго вдохновенія), угрожавшею сатанинскими припадками¹⁾.

Внезапно было это прискорбное событіе, но и оно помогало высшимъ предначертаніямъ. Прикованный къ мѣсту, благовѣстникъ не могъ теперь осуществлять задуманныхъ намѣреній, однако послѣднія сохраняли всю свою повелительную силу, потому что внѣ благовѣстническихъ интересовъ не было и самой жизни для св. Павла. Естественно и неизбѣжно до степени необходимой функціи, что великій миссіонеръ сталъ управлять своою обязанностью въ доступной ему средѣ и проповѣдывалъ Евангеліе пріютившимъ жителямъ. А о нихъ исторически вполнѣ вѣроятно, что туземцы были весьма затронуты необычными рѣчами своего неожиданнаго гостя. Судя по западнымъ галламъ, это былъ народъ любознательный, падкій до всякихъ новостей и увлекающійся ими²⁾, цѣплявшійся за плащъ всякаго заѣзжаго странника-мудреца крѣпче, чѣмъ желѣзо пристаеетъ къ магниту³⁾. При такихъ условіяхъ неудивительно, что вокругъ Апостола скоро образовалась обширная аудиторія пытливыхъ и внимательныхъ слушателей. Они были готовы воспринимать и даже усвоить Евангельскія рѣчи, но для нихъ было немалое искушеніе, которое коренилось въ плоти и почерпалось изъ нея, конечно, при обрисованномъ положеніи, или собственно потому, что она немощна. Чтò же заключалось недоумѣннаго и соблазняющаго въ этомъ повсюдномъ явленіи? Для христіанскаго прозрѣнія все челоувѣчество — и принципиально и эмпирически — было сплошнымъ комплексомъ страждущихъ и обремененныхъ, для которыхъ всячески потребно спасительное оживотвореніе. Посему христіанское воззваніе непременно оказывалось утвержденіемъ насчетъ благодатной

¹⁾ См. выше.

²⁾ Jul. Caes., De bello Gall. IV, 5.

³⁾ The mistius (второй половины IV-го вѣка по р. Хр.), Orat. XXIII, p. 299 A.

энергіи универсальнаго и всецѣлаго возрожденія, совершеннаго Господомъ Искупителемъ. Разумѣется, и св. Павелъ пламенно свидѣтельствовалъ о силѣ Божіей, все препобѣждающей и возобновляющей, тѣмъ болѣе чудодѣйственной, что человѣческая природа по самому своему естеству считалась неспособною къ исправленію, какъ поврежденная эссенціально. И вотъ наряду съ этимъ отзывалось особенно мучительнымъ диссонансомъ, что самъ глашатай абсолютнаго всемогущества божественнаго лежалъ недвижимый чуть не безпомощнѣе ребенка, нуждаясь въ благодѣльномъ уходѣ для облегченія его слабости. Получалась острая дисгармонія, что призывалъ къ жизни и общалъ всѣмъ несокрушимую крѣпость жалкій страдалецъ, едва не бывшій на краю могилы. Этотъ контрастъ невольно и рѣзко чувствовался воинственными Галатами при первомъ впечатлѣніи, когда они еще не постигли всей глубины апостольскихъ откровеній. Дальше все могло разрѣшиться безразлично-оскорбительнымъ укоромъ „врачу, исцѣлися самъ!“ и вызвать въ пылкихъ варварахъ насмѣшливую пренебрежительность съ изгнаніемъ страннаго фантазера, если только не обманщика. Минута была критическая для всего христіанскаго будущаго Галатіи. Но, остановивъ въ ней Апостола вопреки его выработаннымъ планамъ, Господь доставлялъ этимъ благовѣстнику средства и удобства для практическаго подготовленія къ христіанской миссіи среди необрѣзанныхъ, утверждая въ немъ непоколебимость надеждъ на благословенный успѣхъ сверхъ всякихъ человѣческихъ расчетовъ. И вотъ спасительное слово Евангельское изъ устъ св. Павла живительно согрѣваетъ окаменѣвшую душу язычниковъ, и благодатная теплота переполняетъ сердце ихъ неизъяснимымъ удовлетвореніемъ. И теперь Галатійцы радостно убѣждаются, что больной и бѣдный чужестранецъ есть своего рода какъ бы Ангелъ Божій и — въ достоинствѣ истинно божественнаго вѣстника — воспроизводитъ Голгоетское таинство всеобщаго искупленія съ такою животворною точностію, какъ еслибы это былъ самъ Христосъ Іисусъ.

Начавшись этимъ способомъ, апостольская проповѣдь у Галатовъ сопровождалась прямо блаженными результатами и поселяла въ неопитахъ сыновнюю преданность абсолютнаго довѣрія къ своему просвѣтителю. Понятно, что благовѣстническое дѣйствіе не ограничивалось однимъ пунктомъ, а распространялось усердными учениками въ разныя стороны, для чего и самъ св. Павелъ всегда принималъ регулирующія мѣры (ср. 1 Тим. I, 5 сл.). При всемъ томъ новыя насажденія постоянно нуждались въ неослабномъ контролѣ и бдительномъ уходѣ, безъ которыхъ нормальное возрастаніе и здоровое укрѣпленіе оказывались не совсѣмъ гарантированными отъ роковыхъ шаганій и опасныхъ уклоненій. При такихъ именно условіяхъ и въ дальнѣйшемъ теченіи Галатійскихъ церквей обнаружилились бо-

лѣзненные осложненія и прискорбные дефекты. На Галлатійско́й территоріи Апостоль оставался, повидимому, не столь долго — лишь до своего окончательнаго выздоровленія, когда обезпечивалась миссіонерская обязанность по выполненію первоначальнаго благозвѣстническаго маршрута. Естественно, что въ Галатіи ему не удалось завершить все въ желательной степени, хотя онъ былъ и считалъ себя единственнымъ и исключительно просвѣтителемъ этой области (см. Гал. I, 8 сл. III, 1 сл. IV, 12—20). Въ свою очередь Галаты имѣли много національных слабостей, крайне опасныхъ для сохраненія устойчивости въ своемъ христіанскомъ одушевленіи. Всѣ древнія свѣдѣнія солидарны, что по своей натурѣ это были люди весьма нетвердые и чрезвычайно измѣнчивые¹⁾, способные увлекаться и отвлекаться каждую минуту²⁾, если ихъ не подчинить строгой дисциплинѣ и не держать въ опредѣленныхъ рамкахъ. Галльская религіозность была неразрывна отъ суевѣрности, ибо *natio est omnis Gallorum admodum dedita religionibus* (Jul. Caesar. *De bello Gall.* VI, 16; ср. Diod. Sic. V, 27), а это причало къ быстрымъ колебаніямъ. Равно и опыты всей религіозной исторіи вырабатывалъ индифферентную неразборчивость съ одинаково охотнымъ принятіемъ того, что было ближе и удобнѣе, или просто сильнѣе и непреодолимѣе. Все это располагало къ неосмысленному смѣшенію самыхъ разнообразныхъ элементовъ безъ исключительнаго тяготѣнія къ нѣкоторымъ, когда послѣдніе были бы опорой и критеріемъ для религіознаго чувства. Со своими старыми настроеніями и упозаніями Галатійцы вошли въ новой странѣ въ тѣсное соприкосновеніе съ исконнымъ фригійскимъ населеніемъ и встрѣтили нѣчто сродное въ мѣстныхъ культахъ, которые своими фанатическими изуверствами и преобладаніемъ жреческой тираниіи достаточно отвѣчали прежнимъ религіознымъ навыкамъ Малоазійскихъ иноземцевъ, грубыхъ по природѣ³⁾. У нихъ на европейскомъ западѣ (Jul. Caesar. *De bello Gall.* VI, 13, 14) и въ Британніи доминировалъ деспотическій друидизмъ съ господствомъ жрецовъ въ самомъ мрачномъ сацердотализмѣ и со все-

¹⁾ Такъ, говорится, что — бурные въ началѣ битвы — въ разгаръ ея Галлы вели себя хуже женщинъ (Tit. Liv. X, 28), конечно, въ случаѣ излишней затяжки сраженія.

²⁾ Ю. Цезарь (*De bell. Gall.* II, 1) констатируетъ у Галловъ *mobilitas et levitas animi*. Ср. Tacit. *Germ.* 29.

³⁾ Блаж. Іеронимъ свидѣтельствуетъ, что „Галаты происходятъ... изъ числа болѣе звѣроподобныхъ Галловъ“ (Творенія XVII, стр. 75); „они непослушны и тупы и не легко усваиваютъ мудрыя наставленія“ (стр. 61). См. у Prof. W. M. Ramsay. *A Historical Commentary*, p. 53: „old barbaric and Celtic character“.

цѣлымъ преобладаніемъ кровавыхъ жертьвъ по темнымъ лѣсамъ во мракѣ ночи¹⁾). Естественно, что вскорѣ же сталъ появляться въ Малой Азіи религіозный синкретизмъ и притомъ въ сторону позаимствованій. Въ особенности привилось почитаніе Зевса фрикійскаго и великой „матери боговъ“ Кибелы (въ Пессинѣ²⁾), гдѣ всякихъ религіозныхъ неистовствъ и даже человѣческой крови было слишкомъ достаточно для пламенныхъ Галатійцевъ. Греческое вліяніе тоже было не ничтожно и должно было захватывать въ свою сферу. Сильное по всей Асіи, — оно значительно подчинило или затронуло всю мѣстную религіозность, а потому прямо и косвенно притягивало столь податливыя пришельцевъ. Правда, все это нельзя утрировать, но преувеличенно и то сужденіе (W. M. Ramsay'я), что позднѣйшія³⁾ названія (Strab. II, 5: 28. XII, 5: 1. Tit. Liv. XXXVIII, 17): „Галлогреція“ и „Галлогреки“ (Γαλλογραῖα, Γαλλοῦροι, Gallograeci) ничуть не говорятъ о фактическомъ возобладаніи греческой культуры, такъ какъ отъ нея не имѣется широкихъ и прочныхъ слѣдовъ. Отсюда выходитъ не больше того, что греческое воздѣйствіе было больше внѣшнее, однако такое, которое подчинило мѣстную религіозность своимъ спеціальнымъ формамъ и чрезъ нихъ внесло туда свое направленіе. Посему эллинизмъ долженъ былъ соответственнo отражаться на мысли и жизни Галатійцевъ, особенно въ религіозно-обрядовомъ отношеніи. Съ той же стороны принудительно напирало и римское владычество, поскольку исполненіе извѣстныхъ спеціально-римскихъ ритуальныхъ церемоній было связано съ гражданскимъ вѣрнопопданствомъ, неперемѣнно требовавшимъ открытаго соблюденія культа цезарей, хотя бы и безъ внутренняго признанія⁴⁾). Не безупречны данныя о томъ, что

1) О друидахъ и друидизмѣ см. у August Fick, Vergleichendes Wörterbuch, S. 465. Stokes—Bezenberger, Urkeltischer Sprachsatz, S. 157: drui-s, druid-os—Wahrsager, Druid. У Pauly-Wissowa въ статьѣ о друидахъ (V, Sp. 1730—1738) говорится, что родиною друидизма была Британнія, откуда онъ перенесенъ въ Галлію (Sp. 1735), и Малоазійскіе Галагы можетъ быть, знали его (Sp. 1736). Доселѣ нѣкоторые отголоски друидическихъ обычаевъ всгрьчаются и поддерживаются въ Ирландіи, Британніи и Бретани.

2) Ср. у Ch. Daremberg et Edm. Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines I, 2 (Paris 1887), p. 1679 — 1690

3) Однако уже съ послѣднихъ временъ республики: † Prof. Th. Mommsen, Römische Geschichte V⁴, S. 313; русскій пер. V, стр. 305.

4) См. присягу на вѣрность Риму въ храмахъ Августа (Августеумухъ) при воздвигнутыхъ ему алтаряхъ (жертвен-

знатныя Галатійскія фамиліи отправляли жреческія функціи римскаго религіознаго ритуала, какъ это болѣе допустимо касательно культовъ фригійскихъ; возможно подозрѣніе и насчетъ участія ихъ отъ τὸ κοινὸν τῶν Γαλατῶν¹⁾ въ созданіи храма божественному Августу и богинѣ Ромѣ — Dea Roma (Риму) — въ г. Анкирѣ, но существованіе этого моднаго святилища въ столицѣ Галатійской и несомнѣнно²⁾ и знаменательно. Посему надо согласиться, что религіозное давленіе Рима на Галльскихъ колонистовъ было замѣтнымъ, по крайней мѣрѣ въ крупныхъ центрахъ. Наконецъ, промышленность и торговля³⁾, конечно, не замедлили привлечь сюда іудеевъ, а они, разумѣется, постарались проявить свою прозелитическую ревность, которая не осталась безплодной. Во всякомъ случаѣ у насъ имѣется по сему предмету характерное свидѣтельство (Павзанія VII, 17: 10) объ отвращеніи Галатійцевъ (Пессина) къ

никахъ) отъ 6-го марта 3 года до р. Хр. со стороны жителей присоединенной къ Галатіи Дейотаровой части Пафлагоніи (ср. выше стр. 10) — Фаземонитиды (Фаземанъ = Неаполь = Нео-Клавдіополь = Андрата (?), нынѣ Везиръ-Кёпрю). По этому памятнику „культъ Августа имѣетъ уже значеніе государственнаго учрежденія и водворяется въ (названной) странѣ немедленно послѣ присоединенія ея къ предѣламъ римской имперіи“, а личность государя является въ ореолѣ божественнаго величія, какъ „сына Божія“ († проф. Ю. А. Кулаковскій, Вновь открытая присяга на имя Августа въ „Филологическомъ Обзорѣ“ XX, 2 Москва 1901, стр. 159 сл., 162—164) и σωτήρ'a — Спасителя („The Expositor“ 1903, II, XII, p. 114, 438; ср. Pauly-Wissowa I, 2, Sp. 2222). О культѣ цезарей см. у Ch. Darenberg et Edm. Saglio III, 1, p. 432—433. Emil Aust, Die Religion der Römer (Münster. W. 1899), S. 98—99.

¹⁾ Это было собраніе (concilium, κοινόν) депутатовъ, составившее совѣтъ цѣлой провинціи (въ родѣ бывшихъ нѣкогда въ Россіи „дворянскихъ съѣздовъ“); оно повсюду концентрировалось около храмовъ въ честь Рима и Августа. См. у Ch. Darenberg et Edm. Saglio III, 1, p. 326b. (G. Boissier) V, p. 433a (R. Cagnat). Былъ и специальный Γαλατάρχης: II, 2, p. 1428—1429 (Georges Perrot).

²⁾ Какъ извѣстно, на стѣнахъ этого храма были надписи съ перечисленіемъ важнѣйшихъ дѣяній императора Августа; это и есть такъ называемый Monumentum Ancyranum, изд. † Prof. Th. Mommsen'омъ, Res gestae divi Augusti (Berolini² 1883); Römische Geschichte V⁴, S. 322, 1; по русск. пер. V, стр. 313, 2.

³⁾ См. о семъ † Prof. Th. Mommsen, Römische Geschichte V⁴, S. 332; русск. пер. V, стр. 323—324.

свиному мясу, что было выгодно для иудейской пропаганды. если только не прямо обязано ей по самому происхождению¹⁾,

Мы видимъ теперь, какъ много разнородныхъ религиозно-культурныхъ слоевъ легло на слабую душу малоазійскаго галла, — и онъ всему легко вѣрилъ, но терялъ незыблемую религиозную увѣренность, во всемъ извѣрившись. При этихъ условіяхъ духовнаго опустошенія и религиознаго шатанія не трудно было смутить его и пришлымъ иудаистамъ, явившимся съ ореоломъ іерусалимскихъ авторитетовъ. Для агитаторовъ были удобныя точки опоры въ религиозныхъ предрасположеніяхъ Галатійцевъ, а затѣмъ надо взять въ самое серьезное соображеніе, что вообще Малоазійская религиозная практика значительно приближалась по внѣшности къ номистической²⁾, позволяя послѣдней свободное и широкое вторженіе туда безъ насилия и принужденія. Религиозная неустойчивость Галатійскихъ неофитовъ уже прямо помогала коварной работѣ подрыва всѣхъ Павлинистическихъ основъ ихъ первоначальнаго христіанскаго исповѣданія. Вѣра Галатійскихъ обращенцевъ покоилась собственно на восторженной преданности къ благовѣстнической личности Апостола и поэтому оказывалась въ зави-

1) Объ этомъ предметѣ вообще см. *The Jewish Encyclopedia* II, p. 211—213; V, p. 548a. Для временъ Павловыхъ см. у J. Hastings'а, Extra-Volume, p. 94—95, гдѣ о приводимомъ у Іосифа Флавія XVI 6:2 эдиктѣ Августовомъ въ Анкирѣ въ пользу іудеевъ (см. выше стр. 36) высказывается, что указанный Галатійскій городъ названъ ошибочно вмѣсто подлиннаго слова *αρχυρη*.

2) Объ этомъ категорически свидѣтельствуетъ W. M. Ramsay, хотя бы и по отношенію къ горной Галатіи. По его словамъ (у J. Hastings'а II, p. 92—93), „фригійская религія Сабасія составляла основаніе для этого мѣшаннаго типа. Сабасій былъ отождествленъ съ іудейскимъ Саваоомъ, а *θεὸς ὑψιστός* (высочайшій богъ) былъ почитаемъ въ такой формѣ, что тутъ замѣтно сильное вліяніе іудейскихъ элементовъ если во многомъ она и оставалась еще языческою. Встрѣчаются указанія на *θεὸς ὑψιστός* даже чистаго іудейскаго характера, но это нужно отличать отъ смѣшаннаго почитанія. Значительная часть Фригійскаго народа, — особенно въ центрѣ и на югѣ, — были захвачены полуіудейскимъ, полуязыческимъ культомъ. По сему предмету г. Symont сообщаетъ: „эти слои, проникнутые библейскими идеями безъ тѣсной привязанности къ іудейскому закону, являлись плодотворною почвой для пропаганды христіанской, откуда лучше объясняется фактъ, что новая вѣра достигла болыше обращеній въ Малой Азіи, чѣмъ во всякой другой странѣ“. Это соображеніе особенно примѣнимо къ тѣмъ областямъ, гдѣ іудеи были всего могущественнѣе; но W. M. Ramsay допускаетъ прямо (p. 88b), что евреи проникли и на сѣверъ Галатіи — только позже, чѣмъ утвердились на югѣ.

симости отъ его достоинства. Тогда первое необходимо потрясало въмѣстѣ со вторымъ, которое далеко не было ограждено отъ измѣны ему прежнихъ Галатійскихъ поклонниковъ. Сии были слишкомъ склонны „прелгаться“ въ своихъ симпатіяхъ и легко могли возвратиться къ прежней своей искусственности, въ отношеніи своего просвѣтителя. Въ тоже время іудаисты-пришедши, вѣроятно, изъ Палестины¹⁾, выступали подъ внушительнымъ авторитетомъ повелительныхъ полномочій отъ самовидцевъ и слугъ Господнихъ и блескомъ этихъ преимуществъ помрачали предъ взоромъ Галатійцевъ скромную фигуру св. Павла. Вражескій напоръ былъ тѣмъ соблазнительнѣе и непреодолимѣе, что іудействующие шпіоны не отрицали Павлинизма рѣшительно и старались незамѣтно подмѣнить апостольское благовѣстіе своимъ — другимъ Евангеліемъ (Гал. I, 6). Подъ этою личиною имъ было удобно разыгрывать даже роль благодѣтелей, которые желаютъ доставить христіанскимъ неофитамъ Павловымъ высшее и окончательное совершенство. По совокупности всѣхъ условій понятно, что „несмысленные“ Галатійцы колебались въ своихъ первоначальныхъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, наивно думая, что они только улучшаютъ ихъ въ исконномъ духѣ. И Апостолъ удивляется не столько самой измѣнѣ, сколько ея неразумной опрометчивости.

Той порой св. Павелъ находится далеко отъ Галатійской области и не могъ непосредственно и активно вмѣшаться своимъ спасительнымъ участіемъ. Допустимо однако, что до него уже доходили оттуда нерадостныя вѣсти, заставлявшія принять опредѣленные мѣры. Поэтому въ третье благовѣстническое путешествіе онъ напередъ вноситъ Галатію въ свой миссіонерскій маршрутъ и, кажется, прорѣзываетъ ее частию съ востока на западъ, чтобы захватить и возникшія помимо и послѣ него христіанскія братства. Дѣписатель выразительно говоритъ, что теперь Апостолъ „утверждалъ въ сѣхъ учениковъ“ (Дѣян. XVIII, 23). Отмѣтка насчетъ количества свидѣтельствуетъ о достаточной многочисленности Галатійскихъ христіанъ, образовавшихся по влиянію и примѣру Павлову. Все это благоприятно рекомендовало Галатійскія церкви и удостоверяло ихъ процвѣтаніе. Къ сожалѣнію, оно было больше внѣшнимъ, ибо по пріемамъ и дѣйствіямъ апостольскимъ видно, что „въ сѣхъ“ тамъ нуждались въ религіозно-христіанскомъ укрѣпленіи, какъ не вполне твердые и даже падающіе. И анализируемое посланіе обнаруживаетъ всю роковую остроту создавагося положенія, разъ пламенное благоговѣніе Галатійскихъ чадъ къ своему отцу рисуется минувшимъ явленіемъ исключительно перваго посѣщенія, при чемъ Апо-

¹⁾ См. † Prof. T h. Z a h n, S. 4—5.

столь считаетъ нужнымъ предупредить о безоговорочной анаѳемѣ всѣмъ, благовѣствующимъ несогласно съ нимъ. Такъ тревожно стояло дѣло уже при самомъ второмъ визитѣ (I, 9), когда и читатели получили немало предостереженій совсѣмъ нелестнаго свойства. По всему думается, что іудеистическіе происки нашли сочувственный откликъ въ сердцахъ Галатовъ и наклоняли ихъ къ возвращенію. Равновѣсіе было нарушено въ сторону измѣнническаго уклона. Живое огненное слово св. Павла сожгло клевету и злобу его іудеиствующихъ враговъ, которые поспѣшили скрыться, боясь постыднаго для нихъ изобличенія съ неизбѣжнымъ крахомъ всей коварной махинаціи. Не менѣе естественно, что Галатійцы опять тронулись столь яркимъ сіяніемъ истинны и стали возвращаться на старый путь преданности къ своему огласителю и исключительнаго довѣрія къ его Евангельскимъ принципамъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ присутствіи Павловомъ они резновали въ добромъ (IV, 18) и, слѣдовательно, отказывались отъ совершеннаго ими дурного, чтобы не возобновлять и не продолжать ничего подобнаго. Это былъ счастливый успѣхъ съ обѣтованіемъ хорошаго будущаго. Мы не знаемъ, сколько времени пробылъ на сей разъ въ Галатіи Апостоль, но онъ трудился здѣсь много (IV, 11) и не бесполезно (V, 7), а потому и не совсѣмъ кратко.

Легко допустить, что благовѣстникъ покинулъ Галатійскую страну если и не съ полной увѣренностію, то не безъ твердой надежды. Къ прискорбію, событія пошли совсѣмъ иначе и даже вопреки апостольскимъ упованіямъ. Іудейскіе шпіоны, присмирѣвшіе отъ неотразимаго пораженія, прекрасно были освѣдомлены, что нога великаго Апостола не скоро вступить на Галатійскую почву, и, понятно, постарались снова начать свою кампанію, развивъ жестокую агитацію въ самыхъ беззастѣнчивыхъ формахъ. Планъ былъ задуманъ чрезвычайно коварно и ловко. Свое временное отступленіе передъ Апостоломъ іудаисты могли использовать для себя въ томъ смыслѣ, что благовѣстникъ выигралъ положеніе лишь по отсутствію оппонентовъ, а когда Галатійцы поддались этимъ ухищреніямъ, агитаторы смѣло обрушились на слабыя позиціи Галатійской христіанизации. Послѣдняя держалась больше на увлеченіи апостольскою личностію и потому всецѣло обуславливалась степенью вѣры въ Павла, какъ миссіонера, который и самъ призывалъ къ взаимному уподобленію (IV, 11). Неизбѣжно отсюда, что, очернивъ и унизивъ Апостола, іудаисты подрывали главнѣйшій фундаментъ конкретной Галатійской религіозности и открывали себѣ просторъ для собственныхъ внушеній, направляя ихъ въ ту сторону, что теперь лишь возстанавливается христіанская гармонія, нарушенная Павлинистическимъ вторженіемъ. Затѣмъ іудеиствующие шпіоны уже свободно овладѣвали умами Галатійцевъ и привлекали ихъ къ себѣ подъ благовид-

нымъ предлогомъ, что они исправляютъ и усовершенствуютъ дѣло Павлово, поскольку сообщаютъ ему нравственную устойчивость въ законничествѣ, безъ котораго все могло наклоняться къ плотской распущенности (ср. V, 13). Разумѣется, эта интрига велась въ иудаистически-партикулярнистическомъ духѣ и провозглашала религиозное превосходство номизма въ самомъ христіанствѣ, гдѣ онъ, яко бы, сохраняетъ регулирующую силу и доставляетъ высшее достоинство. Посему облагодатствованные язычники въ собственныхъ интересахъ своего христіанскаго преуспѣянія понуждались къ исполненію важнѣйшихъ требованій іудейско-номистической практики. Въ этомъ отношеніи лжебратья опять имѣли немалый успѣхъ, приучивъ Галатовъ къ соблюденію іудейскихъ празднествъ (IV, 9—10) и развивъ наклонъ даже къ принятію обрѣзанія (V, 2 сл.), а потому не безъ основанія можно было опасаться, что всѣ апостольскіе труды пропали напрасно (IV, 11), разъ надвигалась гроза „предложенія во ино благовѣствованіе“ (I, 6).

Такія страшныя вѣсти — подобно грому — поразили св. Павла, и для спасенія своихъ чадъ и для огражденія самой Евангельской истины онъ, конечно, воспѣшилъ съ письменнымъ вразумленіемъ, чтобы возвратить заблудшихъ Галатійскихъ овецъ въ избранное стадо Христово.

§ 4) Время изданія посланія къ Галатамъ.

Взаимною связью всѣхъ отмѣченныхъ историческихъ моментовъ съ достаточною приблизительно точностію опредѣляется приблизительно время происхожденія посланія къ Галатамъ. Прежде всего, здѣсь необходимо отпадаютъ даты, покоящіяся на отвергаемой нами южно-галатійской теоріи¹⁾, — и мы заранѣе вынуждаемся прямо устранить всѣ соотвѣтствующія мнѣнія, будто это писаніе было самымъ первымъ (Repdall, Zahn) въ ряду литературныхъ твореній Павловыхъ (частію еще Маркіонъ по Tertull. Adv. Marc. V, 2; Michaelis, Koppe, Keil), или было выпущено до Іерусалимскаго собора (Calvin, Rev. Prof. H. L. Goudge) и до начала (Ulrich, McGiffert) второго благовѣстническаго путешествія, напр., около Дѣян. XIV, 28 (Val. Weber), то въ теченіе его — за періодъ пребыванія (Дѣян. XVI, 8—10) въ Троадѣ (Hausrath), въ Македоніи (Schen-

¹⁾ Нѣкоторые сторонники южно-галатійскаго толкованія утверждаютъ, что этимъ не предпринимается прямо вопросъ о времени написанія и изданія посланія къ Галатамъ (E. H. Askwith, The Epistle to the Galatians, London 1899, p. VI, 99 sqq.), но во всякомъ случаѣ тогда потребуетъ раннѣйшая дата.

kel, Pfeleiderer), въ Коринѣ (Cornely, Rendall, Zahn), или — наконецъ — при остановкѣ въ Антиохіи сирійской (Дѣян. XVIII, 23) предъ началомъ третьяго миссіонерскаго круга (Volkmar, Renan, Ramsay, Verron Bartlet).

Согласно нашему воззрѣнію, эти раннія даты устраняются сами собою и не требуютъ специальной критики, ибо — по нашимъ этнографическимъ соображеніямъ о читателяхъ — анализируемое посланіе выпущено не раньше, какъ во время третьяго благовѣстническаго обхода св. Павломъ Малоазійскихъ церквей. Дальше вопросъ будетъ уже въ томъ, не случилось ли это позднѣе? Конечно, признаніе Галатійскаго письма самымъ послѣднимъ есть напгасная и пустая догадка (Köhler'a), но вѣдь были же серьезные экзегеты, которые отнесли его къ эпохѣ римскихъ узъ Павловыхъ (блж. Іеронимъ и Теодоритъ, Евеалій, псевдо-Афанасій, Икуменій, Baronius, Estius и др., Schrader, Straatman, Halmel), о чемъ сохранились преданія и въ текстуальномъ преданіи (ВсоргKPL, 37, 47, 48: пеш. и коптскій (богаирскій) переводы). Однако это событіе ничуть не предполагается упоминаніемъ (VI, 17) автора о язвахъ на его тѣлѣ, поелику онѣ были обычнымъ бременемъ, которое приходилось Апостолу носить постоянно. Засимъ вся опора для детальныя вычисленія будетъ лишь въ терминѣ τὸ πρῶτον (VI, 13), встрѣчающемся въ рѣчи объ апостольскихъ посѣщеніяхъ Галатіи. Особенная выразительность въ употребленіи этого слова съ членомъ не позволяетъ отождествлять его съ общимъ πάλαι въ смыслѣ „нѣкогда доселѣ“, „нѣкоторое время тому назадъ“, ибо разумѣется определенное „когда-то“. Въ такомъ случаѣ оказываются еще только двѣ возможности, что πρῶτον 1) означаетъ „прежде“ по сравненію съ дальнѣйшимъ хронологическимъ пунктомъ, или 2) отмѣчаетъ предшествующій, — первый разъ изъ двухъ уже бывшихъ и минувшихъ. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ нѣтъ столь рѣзкаго и обязательнаго сопоставленія раннѣйшаго съ позднѣйшимъ, и мы совсѣмъ не смогли бы отвѣтить, „раньше“ чего же именно это было, поскольку все дальнѣйшее (ср. I, 9. V, 3) не расчленяется на нѣсколько повторныхъ актовъ, но рисуется сплошнымъ и единичнымъ. Значитъ, въ немъ не было хронологическихъ дробленій, и оно представляется цѣлостнымъ моментомъ, по отношенію къ которому все предшествующее будетъ отдѣльнымъ по времени, хотя сходнымъ по содержанію. А разъ прежде и послѣ констатируютъ лишь двойство, то πρῶτον отмѣчаетъ нѣчто первое изъ двухъ, какочими въ данномъ пассажѣ были апостольскіе визиты въ Галатію. По всему этому вѣроятнѣе и справедливо принимается большинствомъ комментаторовъ второе толкованіе — о двукратности, которое превосходно выдерживаетъ всю энергичность апостольской фразы. Ясно, что до своего посланія св. Павелъ былъ лично у Галатовъ два-ж-

ды¹⁾ и потому письменно могъ аппелировать къ нимъ развѣ лишь при продолженіи третьяго миссіонерскаго путешествія.

Промежутокъ, прошедшій отъ удаленія изъ Галатійской области до полученія св. Павломъ данныхъ о тамошней измѣнѣ, намъ неизвѣстенъ въ точности, и мы заключаемъ о немъ лишь по восклицанію горестнаго удивленія, что читатели „такъ скоро“ прилагаются во ино благовѣствованіе“ (I, 6). Впрочемъ, этотъ оттѣнокъ не должно преувеличивать до чрезмѣрности²⁾, ибо тутъ „скорость“ утверждается по сравненію съ грандіозностію катастрофы, которая всегда бываетъ „поспѣшною“, почему и ταχέως, само по себѣ, одинаково значить и „быстро“ и „опрометчиво“³⁾. Тѣмъ не менѣе несомнѣнное усиленіе хронологическаго момента (чрезъ прибавку οὐτως) не допускаетъ большой длительности и заставляетъ согласиться, что здѣсь достаточно и трехлѣтняго срока жизни Апостола въ Ефесѣ. Поелику же почти совсѣмъ немыслимо, чтобы столь продуманное и глубокое посланіе было составлено гдѣ-либо на пути въ этотъ Асійскій городъ (Hug, Rückert, Holsten, Belser), то обыкновенно приурочиваютъ его къ Ефесскому пребыванію (уже Марій Викторинъ; Neander, Meyer, Reuss, Wieseler, B. Weiss, H. J. Holtzmann, Sieffert, Lipsius, Warfield, Ernest de Witt Burton), къ началу послѣдняго (Schmiedel), около 53 или 54 года (Prof. Max Meinertz, Einleitung in das Neue Testament, vierte Aufl. Paderborn 1933, S. 103. Prof. Fritz Barth, Einleitung in das Neue Testament, vierte und fünfte Aufl. Gütersloh 1921, S. 37), а иногда и къ самому концу (Schaff).

Это мнѣніе вѣроятно со всѣхъ сторонъ, хотя косвенно направляется противъ него апостольское привѣтствіе (I, 2), гдѣ упоминаются не чины Ефесской церкви, но лишь всѣ сухіе съ авторомъ брѣтя (οἱ οὖν ἐμοὶ πάντες ἀδελφοί), которыхъ, по видимому, было не такъ много⁴⁾, между тѣмъ Ефесская общи-

¹⁾ Даже Val. Weber предполагаетъ для τῶ πρῶτον соотношение съ Дѣян. XIII, 14 — XIV, 20, но это столь мало подходитъ къ дѣлу, что онъ скорѣе склоненъ сомнѣваться насчетъ идеи двукратности въ данномъ греческомъ терминѣ.

²⁾ Такъ, и † Prof. Cutbert H. Turner полагаетъ на основаніи Гал. I, 6. что „only a few months had passed since he (St. Paulu) left them“ (the Galatian Christians): The Study of the New Testament, p. 24.

³⁾ Ср. архіеп. Филаретъ, хотя тоже преувеличенно заявляетъ, яко бы ταχέως допускаетъ 10 и болѣе лѣтъ (стр. 19). Нѣкоторые склонны понимать πρᾶτος. μετατίθεσθαι въ смыслѣ указанія на быстрое развитіе уже самой аномаліи.

⁴⁾ Ср. Филипп. IV, 21—22, гдѣ привѣтствуютъ при Апостолѣ — съ одной стороны — находящіеся съ нимъ братія, съ

на быть обширно по количеству вѣрующихъ. Разумѣется, это возраженіе далеко не рѣшительно, ибо св. Павелъ большею частію соесѣмъ не называетъ ни мѣстной церкви, ни своихъ сотрудниковъ (Рим., 2 Кор., Ефес., Филипп., Кол., 1—2 Тим., Тит.), или же отмѣчаетъ наряду съ собою лишь вторыхъ, но только въ небольшомъ числѣ — одного (1 Кор., Филим.) и двухъ (1—2 Тесс.). Отсюда можно бы заключать, что въ данномъ случаѣ подобныхъ помощниковъ Павловыхъ¹⁾ было больше, и всѣ они были единомысленны съ благовѣстникомъ. Однако этимъ вовсе не гарантируется оспориваемое нами положеніе, поскольку оно базируется исключительно на теоретическихъ вѣроятяхъ, когда желательны фактическія обоснованія или, по крайней мѣрѣ, оправданія и подтвержденія. Всегда и во всемъ (и въ наукѣ и въ жизни) предпочитаю именно послѣднія, мы склонялись въ пользу солидныхъ доводовъ авторитетнаго † Вр. J. B. Lightfoot'a, заимствуемыхъ изъ самаго содержанія Галатійскаго посланія. Эти аргументы тѣмъ серьезнѣе, что, выдвигая безспорные факты, удачно парализуютъ критическія ихъ примѣненія и лишаютъ реальной опоры разрушительныя попытки критиковъ, стремящихся подорвать подлинность или неповрежденность всѣхъ памятниковъ литературной дѣятельности Павловой.

Разумѣемая данная отыскиваются († Вр. J. B. Lightfoot'омъ) въ тѣсномъ текстуально-идейномъ сходствѣ Галатійскаго письма съ нѣкоторыми другими, чѣмъ устанавливается ихъ взаимная хронологическая послѣдовательность.

По отношенію 2-го посланія къ Коринѣянамъ близкое совпаденіе иллюстрируется очень характерными примѣрами. Такъ, фраза „Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва“ (Гал. III, 13), весьма аналогична выраженію (2 Кор. V, 21) „невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о немъ“, а присловіе (Гал. VI, 7) „еже аще сѣетъ чловѣкъ, тожде и пожнетъ“ является лишь небольшою варіаціей словъ (во 2 Кор. IX, 6) „сѣяй скудостию, скудостию и пожнетъ, а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ“. Реченія: „ино благовѣствованіе“ (Г. I, 6. 2 К. XI, 4), „новѣ тварь“ (Г. VI, 15. 2 К. V, 17), „ревновать по васъ“ (Г. IV, 17. 2 К. XI, 2), „чловѣкомъ угождати“, „че-

другой — „всѣ святые“ во всей массѣ и въ частности „наипаче изъ Кесарева дома“. Ясно, что въ первой группѣ разумѣются близкіе къ благовѣстнику — помощники и сотрудники, но ихъ никакъ не могло быть много, почему въ нашемъ случаѣ и называются выразительно „всѣ“ въ полномъ и, какъ будто, извѣстномъ читателямъ количествѣ

¹⁾ Ср. † Prof. Th. Zahn, S. 2, хотя его оправдательную ссылку на Гал. I, 8 сл. мы не находимъ убѣдительною.

ловѣки увѣщевати“ (Г. I, 10. 2 К. V, 11), ἀπορεῖσθαι (Г. IV, 20. 2 К. IV, 8), κενών (Г. VI, 16. 2 К. X, 13, 15, 16), κερῶ (Г. III, 15. 2 К. II, 8), τοῦναντίον (Г. II, 7. 2 К. II, 7), φοβοῦμαι μὴ πως (Г. IV, 11. 2 К. XI, 3. XII, 20), метафора о пожирании другъ друга (Г. V, 15. 2 К. XI, 20) — всѣ эти типическія особенности встрѣчаются преимущественно въ двухъ поименованныхъ посланіяхъ. — Для 1 Кор. (V, 6) и для Гал. (V, 9) замѣчательно тожество въ одинаковомъ употребленіи сентенціи о маломъ квасѣ, который все смѣшеніе квасить. — Что до посланія къ Римлянамъ, то близость его къ Галатійскому сразу бросается въ глаза, ибо она рельефно выступаетъ и въ строеніи фразъ, и въ теченіи всей аргументаціи, и въ способѣ цитированія библейскихъ текстовъ (ср. Гал. II, 16 и Рим. III, 20 для Пс. CXLII, 2)¹⁾, и въ пользованіи ветхозавѣтными историческими примѣрами при солидарной тенденціи всесторонняго убѣжденія, что оправданіе Авраама было отъ вѣры и наслѣдіе его достается другимъ (именно въ христіанствѣ) тѣмъ же путемъ, такъ какъ законъ не сообщалъ праведности даже своимъ искреннимъ исповѣдникамъ, почему номистическое домостроительство было лишь временно-предуготовительнымъ институтомъ, завершается и устраняется во Христѣ — истинномъ Искупителѣ и божественномъ Обновителѣ чловѣчества для свободной жизни вопреки порабащающимъ влеченіямъ плоти.

Сходство всей этой трехчленной группы писаній Павловыхъ изъ третьяго путешествія теперь достаточно несомнѣнно и, будучи безспорнымъ фактичестью, всего скорѣе должно объясняться соотвѣтственно подобнымъ явленіямъ въ посланіяхъ къ Ефесянамъ и Колоссянамъ, или ихъ взаимною хронологическою близостію, когда вполне естественно между ними соприкосновеніе въ содержаніи и изложеніи. Для опредѣленія ихъ ближайшей исторической преемственности необходимо разсмотрѣть отношеніе писателя къ іудаистическому номизму въ его пониманіи законничества и христіанства. Это отношеніе характеризуется рѣшительною оппозиціей Апостола къ такому ложному толко-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ для насъ не имѣетъ особой важности и то предположеніе († С. Weizsäcker, S.² 110 ff., Vollmer, S. 38), будто сходство разныхъ памятниковъ въ библейской цитации указываетъ на существованіе и распространенность специальныхъ сборниковъ библейскихъ мѣстъ, расположенныхъ по разнымъ общимъ рубрикамъ. Для этой догадки у насъ нѣтъ фактическихъ оснований и практической нужды, ибо евреи всегда отличались самымъ изощреннымъ знаніемъ Библии на память, но, конечно, данная гипотеза возможна и легче объясняетъ подобныя литературныя явленія. Однако въ данномъ случаѣ не раскрывается самый главный вопросъ: почему выбраны тѣ же самые тексты и почему они примѣняются тождественнымъ образомъ?

ванію и коварному примѣненію, но само собою разумѣется, что протестъ всегда бываетъ напряженнѣе и рѣзче при обостреніи непосредственнаго столкновенія, чѣмъ тогда, когда событія сглаживаются самою жизнію и потому обсуждаются спокойнѣе. Съ этой точки зрѣнія посланіе къ Галатамъ неизмѣримо пламеннѣе и страстнѣе письма въ Римъ, гдѣ господствуетъ — даже въ полемикѣ — болѣе мирный тонъ объективнаго историческаго созерцанія, откуда заключаемъ, что первое было раннѣйшимъ по происхожденію. Въ Гал. V, 19—21 среди плотскихъ дѣлъ и наряду съ ними перечисляются совсѣмъ нечувствительныя грѣхи. Причина сему могла быть только въ томъ, что такъ связала ихъ жизненная практика, а это мы и находимъ въ Коринѣѣ, гдѣ зависть, клевета и раздоры шли вмѣстѣ съ тѣлесными непотребствами (2 Кор. XII, 20—21). Значить, при письменномъ обращеніи къ Галатамъ его автору были точно извѣстны всѣ Коринѣскія неурядицы. По этой ассоціаціи и апостольское увѣщаніе „духовнымъ“ исправлять согрѣшающихъ въ духѣ кротости (Гал. VI, 1) можно принимать за отголосокъ эпизода съ Коринѣскимъ кровосмѣшникомъ, котораго суровость общины грозила довести до отчаянія. Но, кажется, при написаніи 1-го посланія къ Коринѣянамъ св. Павелъ еще не былъ подробно осведомленъ о Галатійскихъ шатаніяхъ, посему (въ XVI. 1) рекомендуетъ по вопросу о сборѣ подаяній на „святыхъ“ Галатійскую практику¹⁾, а во время происшедшаго прельщенія она едва ли соблюдалась ради выполненія апостольскихъ заветовъ; да и сами Галаты, поколебавшись въ своей христіанской устойчивости, конечно, уже не были достойнымъ образцомъ для подражанія. Вопреки сему вѣроятно, что ко времени 2-го посланія къ Коринѣянамъ благовѣстникъ зналъ о прискорбныхъ замѣшательствахъ въ Галатіи, ибо фраза, что его занимаетъ попеченіе всѣхъ церквей (XI, 28), будетъ содержательнѣе и конкретнѣе, если мы допустимъ, что она была продиктована тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ дурныхъ вѣстей съ береговъ Сангарія и Галиса.

Съ этики наблюденіями гармонируетъ и тотъ фактъ, что за періодъ 1-го посланія къ Коринѣянамъ положеніе Апостола рисуется мрачными чертами, — и оно мало смягчается въ

¹⁾ Изъ этого обстоятельства тоже стараются извлечь аргументъ въ пользу южно галатійской теоріи, ибо — по снесенію Дѣян. XX, 4 и 2 Кор. VIII, 18—23 — оказывается, что въ числѣ представителей отъ церквей съ милостынными приношеніями были лица не изъ сѣверной а только изъ южной Галатіи, которую, будто бы, и нужно разумѣть въ 1 Кор. XVI, 1. Но Дѣписатель вовсе не упоминаетъ о подобномъ „представительствѣ“, какъ было бы странно и отправлять деньги изъ Галатіи чрезъ Писидію и Ликаонію.

изображеніи 2-го посланія къ Коринѣянамъ, между тѣмъ въ Галатійскомъ посланіи всѣ скорби почитаются пережитыми и какъ бы совсѣмъ минувшими, если свои страданія св. Пазель выдвигаетъ здѣсь въ качествѣ нагляднаго и неотразимаго знаменія своей тѣснѣйшей принадлежности ко Христу, рѣшительно отвергая всякія дальнѣйшія испытанія (VI, 17), поелику для засвидѣтельствванія апостольскаго достоинства достаточно и бывшихъ доселѣ удостовѣреній. Анологично сему въ отношеніяхъ къ іудействующимъ замѣчается, что въ эпоху Коринѣскихъ посланій іудаистическая полемика затрогиваетъ преимущественно благовѣстническую личность Павлову въ ея миссіонерскомъ поведеніи и не столь отчетливо касается догматическихъ пунктовъ. Такъ повсюду бываетъ при началѣ жизненныхъ коллизій, когда не раскрылись еще всѣ детали принципиальныхъ разнорѣчій и не предвидятся возможности соглашенія.

Въ Галатійскомъ письмѣ точкою отправленія служатъ личныя нападки на Апостола, — и однако въ немъ все освѣщается догматически въ смыслѣ коренной противности законничества и благодатной свободы. Это знаменуетъ позднѣйшій историческій моментъ въ развитіи полемики и апологетики, которые все еще продолжаютъ быть преобладающими. Посему всѣ писанія апостольскія изъ третьяго путешествія справедливо расположить такъ, что посланіе къ Галатамъ будетъ въ срединѣ между письмами въ Коринѣ и Римъ, — около времени изданія 2 Кор. (Stein, Conybeare-Howson, Вр. J. B. Lightfoot, Brückner, P. Hartmann), а не ближе къ послѣднему (хотя раньше его: A. Resch) — по сомнительной всячески датировкѣ Коринѣскимъ пребываніемъ¹⁾ предъ отправленіемъ благовѣстника въ Іерусалимъ (De Wette, Bleek, Farrar, M. Dods) или на пути туда (Dalmer), даже во время Кесарійскаго заключенія Апостола (Kühn). Но въ Ахейскую митрополию св. Павелъ писалъ въ послѣдній разъ до оставленія Ефескихъ предѣловъ (1 Кор. XVI, 8) около весны 57 года²⁾ и затѣмъ,

¹⁾ Къ этому заключенію приближается и Prof. C. Clemen, считая Галатійское посланіе позднѣйшимъ Римскаго и написаннымъ не въ Римѣ (Chronologie, S. 199 ff., 203), но для сего допускаетъ, что Дѣян. XV и Гал. II должны относиться ко времени послѣ Дѣян. XXI, 17 сл. Позднѣе C. Clemen склонялся къ тому, что Галатійское посланіе написано въ Аѳинахъ (см. „Theologische Literaturzeitung“ 1903, Nr. 30, Sp. 542).

²⁾ Разумѣется, всѣ эти и подобныя хронологическія даты не имѣютъ абсолютной точности и указываются лишь приблизительно. Теперь по этому вопросу является важною Дельфійская надпись, что Галліонъ сдѣлался проконсуломъ Ахаіи (Дѣян. XVIII, 12) лѣтомъ 51 года.

обрадованный въ Македоніи прибытіемъ своихъ посланцевъ съ добрыми вѣстями насчетъ Коринѳянъ (2 Кор. VII, 5—6 и ср. 1 Кор. XVI, 10—11. 2 Кор. XII, 18), адресуется къ нимъ вторично (2 Кор. VII, 9). А Ефесъ былъ покинутъ, во всякомъ случаѣ, не позднѣе пятидесятиницы (1 Кор. XVI, 8) 57 года, при чемъ, — судя по крайней нетерпѣливости въ ожиданіи Тита (2 Кор. II, 12—13), — путь до встрѣчи съ нимъ въ Македоніи (2 Кор. VII, 5—6) былъ пройденъ съ самою быстрою поспѣшностію и едва ли занялъ хотя полгода. Отсюда должно слѣдовать, что и Галатійское посланіе наряду со 2 Кор. было издано въ неизвѣстной намъ Македонской мѣстности¹⁾ въ концѣ 57-го и никакъ не дальше начала 58 года — до удаленія св. Павла въ собственно Грецію.

Въ изображенной нами историко-хронологической обстановкѣ все настолько естественно фактически, что этимъ заранѣе обезпечивается

§ 5) Подлинность посланія къ Галатамъ

въ качествѣ автентичнаго и неповрежденнаго апостольскаго произведенія, которое дѣйствительно написано св. Павломъ и сохранилось неприкосновенно. Наравнѣ съ другими немногими новозавѣтными памятниками — Галатійское письмо долго оставалось внѣ всякихъ сомнѣній и подозрѣній. Лишь въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія Вгупо Вауер († 1882, IV, 15) началъ разрушительный походъ противъ всей новозавѣтной письменности. Онъ утверждалъ, что христіанство представляетъ просто оригинальный естественный продуктъ римскаго стоицизма, выросавшій постепенно и созрѣвшій лишь въ позднѣйшую императорскую эпоху. Поелику же посланія Павловы отражаютъ законченныя вѣрованія, — Вгупо Вауер всѣ ихъ относилъ къ эпохѣ отъ Адріана (117—138 г.г.) до Марка Аврелія (161—180 г.г.), а письмо въ Галатію считалъ завершннемъ всего процесса и усвоилъ ему специальную тенденцію — вытѣснить изъ церковнаго сознанія, какъ непригодный теперь, образъ эллинскаго миссіонера, начертанный въ книгѣ Дѣяній,

¹⁾ Вр. J. B. Lightfoot (p. 73) не безъ права отмѣчаетъ, что, упоминая о „всѣхъ братьяхъ“ (I, 2), Апостолъ ничего не говоритъ (—вопреки, напр., Рим. XVI, 16—) о единомысліи съ нимъ мѣстной церкви (ср. 1 Кор. IV, 17. XI, 16). А такъ какъ послѣднее было бы чрезвычайно важно въ апологетическихъ интересахъ, то надо заключать, что тамъ еще не имѣлось организованной церкви, или она была незначительна и во всякомъ случаѣ не совпадала съ церковію Ефесской.

хотя одинаково недостоверный исторически (*Kritik der paulinischen Briefe*, Berlin 1850—1852; *Christus und die Caesaren*, 1877). Въ 1878 году голландецъ Allard Pierson провозгласилъ въ Галатійскомъ посланіи подлинными только нѣкоторые отрывки, а цѣлое объявилъ переработкою анонимнаго крайняго павлиниста съ каррикатурнымъ искаженіемъ истинной реальной фигуры. Предпочитая для нея Дѣписательскую обрисовку, Голландскій богословъ A. D. Loman пытался (въ *Quaestiones Paulinae* 1882—1886 г.г.) поддержать этотъ выводъ пространною аргументаціей того тезиса, что историческія свидѣтельства о всѣхъ посланіяхъ Павловыхъ и въ частности къ Галатамъ не простираются за границу II-го вѣка, когда фактически и сформировался типическій идеализированный павлинизмъ по оппозиціи іудаистическому мессіанству первенствующихъ христіанскихъ церквей и въ интересахъ торжества универсалистическихъ началъ. Въ Германіи къ сему примкнулъ (въ 1883 г.) лишь раввинъ Joel и въ Англіи (въ 1887 г.) Edwin Johnson (псевдонимный авторъ книги *Antiqua Mater*), но въ Голландіи постепенно слагалась цѣлая критическая школа (Loon, Meuboom, Matthes, Bruins) съ самыми рѣзкими разрушительными стремленіями. Высшимъ выраженіемъ ихъ служить совокупное сочиненіе A. Pierson'a и S. A. Naberga *Verisimilia* (1886 г.), гдѣ доказывается, что главнѣйшія Павловы посланія, вышедши первоначально изъ круговъ свободомыслящаго и спиритуалистическаго іудейства, были редактированы потомъ какимъ-то Павломъ епископомъ въ духѣ соответствія съ позднѣйшимъ христіанскимъ развитіемъ. Авторитетность Галатійскаго посланія была подорвана, и теперь Швейцарскій профессоръ Rudolf Steck, отрицая всю Павлинистическую письменность, обрушился (въ 1888 г. и затѣмъ въ 1889, 1891, 1892, 1895 и 1897 г.г.) уже на его содержаніе, откуда пытался обосновать, что данное посланіе всѣ свои матеріалы почерпаетъ изъ посланій 1—2 Кор., Рим. и книги Дѣяній и примѣняетъ безъ достаточно осмысленнаго разумѣнія, но съ полнымъ антиіудаистическимъ ожесточеніемъ ослѣпленной ненависти, которая разжигалась возобновленіемъ въ „каѳолической“ церкви іудейскихъ теченій.

Нужно констатировать прежде всего, что хотя скептическій ядъ насчетъ Галатійскаго письма распространяется широко и доселѣ ощущается ослабленно, но главный критическій итогъ принятъ очень немногими учеными (van Manen въ Голландіи, видѣвшій въ Галатійскомъ посланіи „каѳолическую“ переработку первоначальнаго Маркіонистскаго документа, Voelter 1890 г. и J. Friedrich (Maehliß) 1891 г. въ Германіи) и вообще отрицается¹⁾. Уже одно это обстоя-

¹⁾ См. и Pastor em. Hermann Schulze, *Die Ursprüng-*

тельство убѣждаетъ въ субъективной тенденціозности подобныхъ гипотезъ, для признанія коихъ надо заранѣе имѣть прямую предубѣжденность. Отсюда необходимо вытекаетъ, что нѣтъ твердыхъ фактическихъ данныхъ въ пользу того, будто Галатійское посланіе вмѣстѣ съ Рим. и 1—2 Кор. не существовали до II вѣка, когда появились всѣ эти предвѣстники антиномистическаго маркіонизма изъ комбинаціи и концентраціи идей эллинистическаго іудейства (Филоновскаго), стоицизма (Bruno Bauer) и „ориентализма“. Тутъ только былъ своеобразный плодъ религіознаго синкретизма. Но это лишь теоретическія построенія, между тѣмъ имѣется достаточно солидныхъ внѣшнихъ удостовѣреній подлинности Галатійскаго письма. Вполнѣ несомнѣнно, что оно входило въ Маркіоновскій Apostolicop (около 140 г.), въ переводы сирийскій и древне-латинскій, перечисляется въ Мураторіевомъ канонѣ, сказывается своимъ влияніемъ въ подборѣ и толкованіи ветхозавѣтныхъ библейскихъ реченій у св. Іустина Мученика (Dial. 90, 95, 96 и Apol. 1, 53 ср. Гал. III, 10, 13. IV, 27), замѣтно предполагается у Аѳинагора (Legatio 16) и цитируется у Иринея (Adv. haer. III, 6:5; 16:3. V, 21:1), Климента Ал. (Strom. III, 16), Тертуллиана и др., было въ употребленіи у разныхъ еретиковъ и сектантовъ, напр., у Валентиніанъ и Офитовъ, а св. Поликарпъ заимствуетъ отсюда (IV, 2. VI, 7) нѣкоторыя¹⁾ выраженія (Филипп. 3: *ἡμεῖς ἐσθὶν μὴτὲρ πάντων ἡμῶν*) съ предвареніемъ объ ихъ извѣстности среди христіанъ (ibid. 5: *εἰ δὲ τὰς οὖν οὐκ ὁ θεὸς οὐ μὴτὲρ ᾤεται*), чѣмъ свидѣлствуется распространенность одинаковаго источника, какимъ могъ быть только письменный.

Ослабляя эти наблюденія спорностію самыхъ патристическихъ памятниковъ, которые приурочиваются критиками къ позднему времени. Такія покушенія праздны и объективно совсѣмъ неубѣдительны, ибо историческіе документы никогда не опредѣляются и не датируются по предзанятымъ побочнымъ соображеніямъ, гдѣ явное пристрастіе насилуетъ первые и роняетъ послѣднія, а этимъ только очевидно доказывается, что въ самомъ началѣ допущена основная неправда, которая обязательно влечетъ за собою дальнѣйшія. Главное же заключается совсѣмъ не въ десяткахъ лѣтъ, и — при запутанности хронологіи — мы готовы пожертвовать ими безъ особеннаго риска. Необходимо обратить специальное вниманіе, что въ литературной традиціи намъ не просто констатируется

lichkeit des Galaterbriefes: Versuch einer Apologie auf literarhistorischem Wege, Leipzig 1903, а отзывъ объ этой книжкѣ (въ 88 страницъ) см. въ „Theologisches Literaturblatt“ XXIV, 43 (23. Oktober 1903), Sp. 511—512.

¹⁾ Для Филипп. 6 по сравненію съ Гал. IV, 17—18 см. „The Journal of the Theological Studies“ IV, 15, p. 443.

голая наличность того или иного апостольскаго посланія. Наряду съ этимъ фактическимъ удостовѣреніемъ — для каждаго изъ нихъ выдвигается авторитетная важность, обязывающая христіанъ къ благоговѣйному почтенію по исключительному достоинству даннаго автора и содержанія его книги. Внѣшнее свидѣтельство тутъ всегда неразрывно отъ исповѣданія законной священности. Само собой понятно, что литературный подлогъ не могъ пріобрѣсти въ краткій срокъ ни широкаго распространенія, ни столь высокаго значенія на глазахъ живой исторіи. Въ такомъ случаѣ указаніями II-го вѣка мы безусловно вынуждаемся допустить гораздо раннѣйшую эпоху для происхожденія и признанія Галатійскаго посланія, которое и будетъ апостольскимъ твореніемъ, поскольку тогда еще менѣе возможно превращеніе фальсификата въ сакрификатъ. Иначе надо будетъ рѣшиться на убійственный для всей исторіи абсурдъ ультрарадикальныхъ критикозъ, будто фактически совсѣмъ не было Апостола Павла и даже самого Христа Спасителя, но вѣдь *ex nihilo nihil fit*.

Затѣмъ все исчерпывается чисто теоретическими возраженіями, что столь острый антиномизмъ былъ бы ненатуральнымъ въ ранніе періоды бытія христіанской церкви, когда въ ней все по воззрѣніямъ и практикѣ являлось вполне іудейскимъ, а потомъ стало іудаистическимъ¹⁾. Это сужденіе было бы пріемлемо лишь при утвержденіи естественнаго происхожденія христіанства изъ номистическихъ стихій путемъ постепеннаго медленнаго преобразованія ихъ. Если же къ сему привлекается Тюбингенская схема, то нельзя забывать, что послѣдняя уже въ I-мъ вѣкѣ рисуетъ непримиримую вражду оппозиціонныхъ теченій павлинизма и петринизма, откуда очевидно, что прежде столкнозеній они должды были еще сформироваться, развиться и окрѣпнуть, для чего требовался, конечно, достаточно долгій промежутокъ времени. Здѣсь ультракритическія теоріи не сходятся съ Бауровскими воззрѣніями и, изобличая ихъ фальшивость, только помогаютъ возстановить непріятный имъ историческій фактъ. Онъ гласитъ собственно не болѣе того, что въ апостольскій вѣкъ возникали затрудненія и были недоумѣнія насчетъ отношеній ветхозавѣтнаго религіознаго уклада къ благодатно-христіанскому. Едва ли можно оспаривать, что эти задачи возбуждались тогда самою жизнію, гдѣ нозово непремѣнно и неизбѣжно борется со старымъ. Но въ первенствующемъ іерусалимскомъ братствѣ пока удерживалась мирная связь со священною іудейскою религіозностію. Для нарушенія этого спокойнаго равновѣсія нуженъ былъ внѣшній толчекъ, и онъ — скорѣе всего — создавался

¹⁾ См. и Prof. W. C. van Manen въ *Encyclopaedia Biblica* III, col. 3628—3629.

нарожденіемъ христіанскихъ общинъ, которыя не имѣли подобной близости къ ветхозавѣтному культу и самымъ своимъ существованіемъ отрицали догматическую важность для полной христіанской зрѣлости всякихъ іудейскихъ религіозныхъ нормъ. Такъ историческимъ ходомъ событій ставился на очередь и пріобрѣталъ жизненную напряженность вопросъ о судьбѣ ветхозавѣтнаго религіознаго устройства въ христіанскомъ царствѣ Божіемъ. Отсюда неотразимо; что для іудаистической оппозиціи и для антиномистической полемики были и поводы и права лишь при возникновеніи и постепенномъ образованіи чисто языческихъ христіанскихъ церквей, или въ самую кипучую пору дѣятельности историческаго Павла. Съ другой стороны, въ историческомъ процессѣ прогрессивнаго возмужанія первоначальныя неровности и взаимныя несогласованности устранялись естественнымъ движеніемъ самой жизни христіанской, которая избирала себѣ прочное русло и протекала въ немъ безъ прежней бурливости. Коллизіи и шероховатости уже исчезали въ минувшемъ и являлись потомъ неумѣстными, даже невозможными фактически. Въ этомъ смыслѣ іудаистическія осложненія понятны при расширявшейся миссіонерской работѣ Апостола Павла среди язычниковъ и совсѣмъ странно по заключеніи ея во II-мъ столѣтіи. Теперь всѣ недоразумѣнія были уже покончены и освѣщены жизненнымъ историческимъ опытомъ, который просто поглощалъ ихъ собою, вручая грядущему только готовый, очищенный результатъ. И мы видимъ по „Ученію XII-ти Апостоловъ“, по писаніямъ Варнавы и Климента Рим., что во II-мъ вѣкѣ, когда приверженность къ ветхозавѣтному закону заявляла себя слабо среди христіанъ (см. Іустина Муч. Dial. 47. Игнатія Б.: къ Филадельф. VI, 1; къ Магnez. VIII, 1. X, 3 и др.), совсѣмъ не было такой ягучей остроты по вопросу о взаимности мозаизма и благодати; напротивъ, эта проблема считается вполнѣ рѣшенною въ духѣ свободы Павловой даже въ „Клементинахъ“ — при всей ихъ злобной ненависти къ самому имени св. Павла, какъ *inimicus ille homo*.

Въ итогѣ у насъ выходитъ, что — фактически и доктринально — посланіе къ Галатамъ натуральнѣе въ вѣкъ первенствующаго христіанства и потому оказывается подлиннымъ апостольскимъ произведеніемъ. Всѣ дальнѣйшія возраженія будутъ уже простою придиричивостію партійнаго упорства въ своихъ тенденціозныхъ предубѣжденіяхъ. Вѣрно, что въ этомъ документѣ есть загадочные пункты, напр., о „быстромъ“ отпаденіи Галатовъ, о путешествіи Павла въ Антіохію (J. Friedrich), но все это ничуть не удивительно при недостаточности нашихъ свѣдѣній о всѣхъ, даже крупныхъ, частностяхъ апостольской эпохи и должно быть принимаемо наукой въ качествѣ новаго матеріала для нея. Въ этомъ причина и несовершенной гармоніи съ книгою Дѣяній (R. Steck и др.), хотя

вторая вездѣ лишь восполняетъ Галатійское письмо и сама находить въ немъ отчетливое разъясненіе для себя. Тоже имѣемъ и касательно зависимости отъ посланій къ Римлянамъ и 1—2 къ Коринѣянамъ (R. Steck), поскольку 1) сама по себѣ она не ведетъ къ отрицанію подлинности Галатійскаго письма, хотя бы компилятивнаго, 2) совершенно естественна при условіи ихъ несомнѣнной хронологической близости по изданію и 3) скорѣе была обратною, ибо безпристрастный анализъ открываетъ между Гал. и Рим. взаимоотношеніе красочнаго эскиза, непосредственно отвѣчающаго живымъ потребностямъ историческаго момента, и спокойнаго теоретическаго созерцанія съ подробнымъ объективнымъ разсмотрѣніемъ всего вопроса. Въ упоминаніи (VI, 11) о собственноручности написанія нельзя (со Steck'омъ) усматривать стремленіе фальсификатора заранѣе оградить отъ подозрѣній свой подлогъ категорическимъ усвоеніемъ его Апостолу языковъ, но тутъ рѣчь идетъ вовсе не объ аппробаціи подлинности, а затѣмъ вѣдь такимъ способомъ можно опорочить рѣшительно всѣ — даже новѣйшіе — историческіе документы. На самомъ дѣлѣ авторъ выдвигаетъ отмѣченную деталь лишь для наглядной иллюстраціи своей самопреданной любви къ читателямъ, ради которыхъ былъ принятъ этотъ механическій трудъ, не совсѣмъ привычный для Апостола. Подобная аргументація мыслима только въ живой дѣйствительности, а никакъ не для отвлеченной тенденціозности, почему и отсюда слѣдуетъ, что разбираемое посланіе есть подлинное твореніе Павлово. При этомъ оно съ самаго начала пріобрѣтало заботливыхъ хранителей, а удостовѣренное для нихъ апостольское достоинство было надежнымъ стражемъ и его дальнѣйшей неприкосновенности.

Этимъ фактически обезпечивается и обычная для подобныхъ литературныхъ документовъ

§ 6) Неповрежденность посланія къ Галатамъ

по тексту и — слѣдовательно — по составу содержанія въ теперешнемъ видѣ. Тертуллианъ и св. Епифаній сообщаютъ, что Маркіонъ объявилъ традиціонный церковный его типъ неистиннымъ и сдѣлалъ свою рецензію въ интересахъ изыятія позднѣйшихъ наслоеній (интерполяцій) для приближенія къ чистому апостольскому оригиналу. Но, полагая Галатійское посланіе во главѣ своего Apostolicon'a въ качествѣ первенствующаго (principalis), этотъ гностикъ половины II-го вѣка рѣшалъ текстуально-критическіе вопросы масштабомъ своей крайней антиномистической догмы, отсѣкая ради нея все непригодное, между тѣмъ въ подобныхъ вопросахъ всегда нужно подчи-

нять свою субъективную теорію письменному апостольскому слову, какъ оно удостовѣрено документальнымъ преданіемъ. Отсюда должно быть очевидно, что Маркіоновская рецензія не обладаетъ фактической обоснованностію и не набрасываетъ тѣни на сохранившуюся церковную форму, хотя въ либеральныхъ крѣгахъ защищается доселѣ въ качествѣ первоисточника для послѣдней, совсѣмъ его исказившей¹⁾. Не поколебали традиціоннаго убѣжденія и новѣйшія текстуальныя операціи, которыя (у Pierson et Naber'a и у Voelter'a) переплетались съ сомнѣніями въ подлинности посланія и потомъ (частію у Weisse въ 1867 г., но больше и особенно) въ Голландской школѣ (Harting, van de Sande-Backhuizen, van Manen, J. M. S. Baljon, Cramer) развились въ цѣлую систему конъектуральной критики, производящей текстуальныя исправленія ex conjectura (т. е. по теоритическому предположенію о логической необходимости такого или иного чтенія), опущенія или прибавленія безъ фактическихъ опоръ въ текстуальномъ аппаратѣ. Подобныя приемы обыкновенно дозволяются по безусловной неизбѣжности и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, когда нѣтъ рѣшительно никакихъ объективныхъ средствъ устранить несомнѣнныя трудности существующей редакціи. Посему возобладаніе конъектуральныхъ методовъ въ новозавѣтной текстуальной практикѣ вопреки текстуальнымъ даннымъ является и не нормальнымъ и не научнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пагубно-вреднымъ. И дѣйствительно, чрезъ это въ наличности водворяется совершенный произволъ, отвергающій и принимающій разные типы единственно потому, что одинъ кажется болѣе соответствующимъ въ отношеніи благовѣстническихъ воззрѣній Павловыхъ, чѣмъ другой. Но откуда же мы знаемъ апостольскіе планы и благовѣстническія намѣренія, когда заранѣе допускается, что подлинныхъ выразителей ихъ не сохранилось? Въ такомъ случаѣ не обнаруживается ли тутъ, что „критическій павлинизмъ“, будучи тенденціозно-измышленнымъ, является совсѣмъ не реальнымъ и именно потому требуетъ устраненія или извращенія подлиннаго текста, поскольку вполне отрицается послѣднимъ? Съ этой стороны текстуально-критическія покушенія изобличаютъ собственно тщетность принципиальныхъ критическихъ подозрѣній и — подобно Маркіоновскимъ — ничуть не разрушаютъ традиціонной текстуальной авторитетности. Для конъектуральныхъ экспериментовъ Голландскихъ радикаловъ нѣтъ и внѣшнихъ побужденій, ибо для научной текстуальной оцѣнки у насъ имѣются достаточные матеріалы во свидѣтельствахъ ру-

¹⁾ См. и Prof. W. C. van Manen въ *Encyclopaedia Biblica* III, col. 3627, 3634.

копией¹⁾ и переводовъ²⁾, по которымъ все возстановляется литературно-критическими способами съ удовлетворительною прочностію, доступною далеко не всегда и не для всѣхъ однородныхъ памятниковъ древней письменности.

Здѣсь мы располагаемъ гарантированнымъ объективно текстомъ, и онъ тѣмъ солиднѣе, что въ этомъ видѣ

§ 7) Историческія обстоятельства, поводы, цѣль написанія и общій характеръ посланія къ Галатамъ

до точности согласуются съ его содержаніемъ. Въ немъ св. Павелъ — съ одной стороны — побѣдоносно защищаетъ свое апостольское достоинство, съ другой — снова утверждаетъ

¹⁾ Цѣликомъ посланіе къ Галатамъ сохранилось въ 10-ти унцианыхъ (изъ 20 ти Павловыхъ) $\aleph B$ (IV—V вѣка) C (со 2-го стиха I-й главы) A (V-го в.) D (греко-лат. VI-го вѣка) E (греко-лат.) $FGKL$ (IX-го вѣка), отрывочно — въ H (VI-го вѣка: Гал. I, 1—10. II, 9—17. I V, 30—V, 5) Fa (VII-го вѣка: Гал. IV 21—22) N (IX-го вѣка: Гал. V, 12—VI, 18), до 485-ти курсивныхъ списковъ и около 265 лекціонаріевъ. Полезно отмѣтить, что въ своемъ изданіи $H. 3$ † Prof. H. v. Soden опять вернулся къ взгляду Тишендорфа, ибо цѣнить B не столько, какъ $W. — H.$, и придаетъ больше значенія $\aleph AC$ (см. у Ernest De Witt Burton, p. LXXXII). Нѣкоторыя частныя текстуально-критическія замѣчанія будутъ сдѣланы при толкованіи.

²⁾ Для греческаго текста см. спеціальныя, но не всегда убѣдительныя замѣчанія у Prof. Friedrich Zimmer, Zur Textkritik des Galaterbriefs въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie“ XXIV (1881), 4, S. 481—494; XXV (1882), 3, S. 327—343; XXVI (1883), 3, S. 294—308. для латинскихъ переводовъ и рецензій — Italafragmente der Paulinischen Briefe von L. Ziegler, eingeleitet durch ein Vorwort von Prof. Dr. E. Ranke (Marburg 1876), Friedr. Zimmer, Der Galaterbrief im altlateinischen Text, als Grundlage für einen textkritischen Apparat der Vetus Latina въ „Theologische Studien und Skizzen aus Ostpreussen“ I (Königsberg 1877), Petrus Corssen, Epistula ad Galatas ad fidem optimorum codicum Vulgatae recognovit, prolegomenis instruxit. Vulgatam cum antiquioribus versionibus comparavit (Berolini 1885, J. Belsheim, Appendix epistolarum Paulinarum ex Codice Sangermanensi Petropolitano (Christianiae 1887). Что до славянскаго перевода, то здѣсь для критики имѣются лишь нѣкоторыя указанія и матеріалы только въ магистерской диссертациі † проф. Г. А. Воскресенскаго, Древній славянскій переводъ Апостола и его судьба до XV в. (Москва 1879), стр. 312—325.

Галатійцевъ въ своемъ, чистомъ исповѣданіи Евангелія Христового, но въ равной степени исторически вѣроятно, что іудействующіе соглядатаи и поспѣшили проникнуть въ Галатію и немало успѣли въ своихъ козняхъ, а благовѣстникъ не замедлилъ отразить послѣднія. Возможно, что въ церквахъ Галатійскихъ было нѣсколько членовъ изъ природныхъ евреевъ, хотя этого нельзя утверждать рѣшительно, ибо авторъ, отождествляя себя съ адресатами (въ формѣ „мы“) по освобожденію отъ клятвы и всѣхъ узъ законничества (III, 13—14, 23—25. IV, 3), вовсе не отмѣчаетъ съ необходимостію свое кровное родство съ нимъ читателей, такъ какъ беретъ ихъ въ условіяхъ іудаистическаго увлеченія, когда они сами добровольно подвергались номистическимъ стѣсненіямъ (IV, 21) и уподоблялись плотскимъ потомкамъ Авраамовымъ. Рѣчь ведется совершенно принципиальная, по которой всѣ люди до Христа были подъ клятвою — одни, какъ связанные закономъ, другіе, какъ „безбожные въ мірѣ“ (Ефес. II, 12). А затѣмъ у писателя столь рѣзко подчеркивается контрастъ Галатійскихъ его дѣтей съ привилегированнымъ Израилемъ, что мы естественно наклоняемся въ пользу языческаго состава Галатійцевъ. Объ этомъ — помимо самаго этнографическаго имени — говорятъ ясныя намеки на языческое прошлое (IV, 8, 9), не причастное номистическимъ ограниченіямъ (II, 5) и не освященное печатію завѣта Божія (V, 2. VI, 12—13). Нѣтъ ни причинъ, ни надобности поддерживать гипотезу (Mynster'a, Credner'a), будто — частію или въ большинствѣ (E. Jacquier у F. Vigouroux) — Галаты являлись прозелитами, ибо тогда было бы не совсѣмъ понятно удареніе Апостола на прирожденномъ язычествѣ, если они уже ранѣе отказались отъ него по религіознымъ влеченіямъ, а характеръ аргументаціи при помощи библейскихъ обоснованій и аналогій легко объясняется приспособленіемъ къ точкѣ зрѣнія противниковъ, усвоенной Галатскими простецами, и тѣмъ принципиальнымъ соображеніемъ, что ветхозавѣтное слово Божіе рекомендовалось въ качествѣ религіознаго авторитета для религіознаго назиданія всѣмъ христіанамъ, съ обязательнымъ включеніемъ въ число ихъ также и обращенныхъ язычниковъ.

Такимъ образомъ, на Галатійской территоріи фактически восторжествовали благовѣстническія начала Павловы, получившія здѣсь опору и почву для практическаго возобладанія. Не удивительно, что іудаисты постарались въ этомъ именно пунктѣ поразить своего соперника и добиться фактическаго господства для своихъ партикуляристическихъ теорій. Іудействующіе шпіоны обыкновенно шли по пятамъ Апостола Павла и, конечно, явились на Малоазійскій сѣверъ уже послѣ его перваго визита туда. Трудно согласиться (съ De Wette, Neander, Bleek, особенно Val. Weber), что эта агитація развилась лишь въ промежутокъ времени между изданіемъ Галатійскаго посланія и

удаленіемъ его автора изъ Галатіи. Дѣписатель косвенно внушаетъ, что Галатійцы, въ составѣ всѣхъ учениковъ Христо-выхъ, нуждались въ нѣкоторомъ утвержденіи уже при самомъ второмъ посѣщеніи (XVIII, 23), а по письму къ нимъ выходить, что при этомъ св. Павелъ долженъ былъ изречь анаѹму на побывавшихъ тамъ и, видимо, успѣвшихъ носителей иного Евангелія (I, 9), говорилъ съ читателями въ болѣе суровомъ тонѣ, извращенномъ лжебратьями во вражескій (IV, 16), и категорически предупреждалъ о страшныхъ опасностяхъ нравственной распущенности (V, 21). Однако іудаистическія побѣды были тогда еще не вполне рѣшительны, — и это съ точностію отвѣчаетъ положенію вещей, узаконенному и во-дворенному въ христіанскихъ общинахъ Іерусалимскимъ соборомъ. Осужденные въ своихъ крайнихъ вожделѣніяхъ, — іудействующіе согладатаи *volens-nolens* вынуждались къ злобной сдержанности до тѣхъ поръ, пока градіозно-быстрый и широкій ростъ языческихъ церквей не заставилъ ихъ прибѣгнуть къ радикальнымъ средствамъ энергической агитаціи въ интересахъ защиты своего привилегированнаго номизма и обязательности его для всѣхъ христіанъ. Посему естественно, что послѣ вторичнаго пребыванія апостольскаго въ Галатіи іудаистическая пропаганда достигаетъ высокаго напряженія и захватываетъ обширный районъ. Не кажется безусловно необычайнымъ и ея успѣшный результатъ. Огласительные періоды проповѣдническаго служенія Павлова среди Галатійцевъ не были продолжительными, и живая вѣра ихъ не успѣла еще войти въ плоть и кровь, сдѣлавшись органическою стихіей всего религіознаго бытія. Это былъ лишь непосредственный восторгъ и внѣшній обычай по воспоминаніямъ прошлаго, быстро тускнѣвшаго. Неустойчивый характеръ галла требовалъ многихъ поколѣній, чтобы онъ внутренне переродился въ неуязвимаго и непоколебимаго воина Христова. Даже позднѣйшая исторія христіанской Галатіи была далеко не блестяща, а писатели IV-го вѣка (Евсевій Кесарійскій и блаж. Іеронимъ) прямо свидѣтельствовали, что апостольскіе упреки Галатамъ изъ временъ дѣтства оставались совершенно пригодными и для эпохи ихъ мужества. При этихъ и многихъ другихъ историческихъ условіяхъ, благопріятствовавшихъ іудаистическимъ кознямъ, не столь трудно было лже-братьямъ поколебать „несмысленныхъ“ Галатійцевъ, прельстивъ ихъ фальшивыми очарованіями лучшаго христіанскаго достоинства, которое оспаривалось іудаистами въ самомъ просвѣтителѣ Павлѣ и его апостольскою некомпетентностію по сравненію съ „мнимыми столпами“. Теперь натурально, что въ личномъ присутствіи своего отца Галаты шли хорошо (IV, 18. V, 7) и одушевленною ревностію вызывали свѣтлыя надежды, равно какъ почеловѣчески понятно, что они, лишившись прямого апостольскаго руководства, вскорѣ же поразили благовѣстника своимъ опрометчивымъ шатаніемъ (I, 6).

Кратко сказать, посланіе къ Галатамъ точно оправдывается всѣми историческими обстоятельствами, которыя давали и достаточный поводъ, поелику писатель-Павелъ, конечно, долженъ былъ защищать дѣло Павла-проповѣдника, когда оно потрясало въ самыхъ своихъ основахъ, а вмѣстѣ съ этимъ предвидѣлась принципиальная опасность для самой Евангельской истины. Значить, создавшееся въ Галатіи положеніе было крайне важно въ чисто догматическомъ смыслѣ, и Апостолъ долженъ былъ поспѣшить со своимъ отрезвляющимъ рѣшеніемъ по всѣмъ обострившимся вопросамъ. Въ свою очередь, интересъ горячей любви и бдительной заботливости о своихъ Галатійскихъ чадахъ удовлетворительно объясняетъ, почему столь дурныя новости съ береговъ Сангарія и Галиса достигли до св. Павла „скоро“, хотя и неизвѣстными намъ путями. Вѣроятно, онъ распорядился на этотъ счетъ при своемъ удаленіи, оставивъ надежныхъ наблюдателей и информаторовъ, или нѣкоторые, наиболѣе благоразумные члены Галатійскаго братства почувствовали живую нужду въ непосредственномъ апостольскомъ совѣтѣ и авторитетномъ вразумленіи. Поэтому не видится (Prof. Th. Zahn, S. 8) резонныхъ поводовъ прибѣгать къ напрасной гипотезѣ (Prof. J. Chr. K. v. Hofmann 1879 г., Friedr. Zimmer 1882 г., Prof. W. M. Ramsay 1899 г.), будто сами Галатійцы обратились къ св. Павлу съ особымъ, специальнымъ письмомъ, которое и восстанавливаютъ фрагментарно по теперешнему тексту, гдѣ, яко бы, оно цитируется болѣе или менѣе буквально. Эта догадка скорѣе прямо опровергается и фактомъ горестныхъ и пока неразрѣшимыхъ недоумѣній автора касательно всѣхъ частныхъ происшедшей смуты (IV, 20). Но нѣтъ основаній превращать всѣ отношенія въ теоретическую догадочность подозрительнаго недоумѣнія, будто св. Павелъ считалъ своимъ главнымъ врагомъ въ Галатіи сатану (Wilh. Karl), между тѣмъ изъ всѣхъ обольстителей явно выдѣляетъ преимущественно одного (V, 10) и, повидимому, достаточно знаетъ его¹⁾, хотя остальные интриганы, кажется, не были извѣстны ему лично и опредѣленно (III, 1. V, 7).

Впрочемъ, самое главное въ Галатійскомъ кризисѣ было несомнѣнно для Апостола и состояло въ „измѣнѣ“ читателей первоначальному, чистому Евангелію Христову, возвѣщенному чрезъ св. Павла. Посему и прямая *цѣль* посланія опредѣлялась отсюда въ томъ направленіи, чтобы возвратить отпавшихъ и укрѣпить колеблющихся чрезъ огражденіе божественнаго достоинства апостольской проповѣди. А послѣдняя под-

¹⁾ Впрочемъ, и это не вполне несомнѣнно для *ὁ ταρασσών*: Prof. Th. Zahn, S. 4.

рывалась въ Галатіи тѣмъ, что іудаисты отрицали благовѣстнической авторитетъ эллинскаго миссіонера, по противоположности съ „предними“, и чрезъ это принципиально осуждали его спеціальное, Павлинистическое ученіе.

Соотвѣтствуетъ такой задачѣ и общій планъ посланія, какъ полемико-апологетическаго и догматико-защительнаго. Въ немъ писатель I) сначала утверждаетъ свои апостольскія прерогативы для независимаго и отвѣтственнаго благовѣстническаго служенія, II) потомъ устраняетъ іудаистическія воззрѣнія и лжетолкованія съ обезпеченіемъ истинности и правильности своей проповѣди и III) въ итогъ полагаетъ незыблемыя основы для нормальной христіанской жизни, чуждой и фарисейско-номистическаго формализма и языческо-плотской распущенности. Такъ получаютъ — кромѣ введенія (I, 1—5) и заключенія (VI, 11—18) — три части: — персонально-апологетическая (I—II главы), догматико-полемическая (III—IV гл.) и морально-увѣщательная (V—VI гл.).

Этотъ порядокъ логически-послѣдовательный, но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и фактически объективный, какъ диктовавшійся подлинными историческими условіями. Только авторъ проникъ въ самую ихъ сущность, овладѣлъ ими идейно и придалъ своему обзрѣнію принципиально-стройную послѣдовательность.

Натурально, что, развивая и раскрывая свои мысли приспособительно къ тяжелымъ осложненіямъ церковной смуты, Апостолъ пишетъ далеко не съ радостнымъ сердцемъ, не выражаетъ читателямъ обычныхъ благодареній и въ самомъ изложеніи проявляетъ бурную пламенность и порывистую стремительность аргументаціи и литературной формулировки. Но и въ этомъ сказывается жизненная самопреданность благовѣстника истинѣ Христовой, которая, естественно, находила наиболѣе отчетливое выраженіе, догматически соотвѣтствующее историческимъ нуждамъ и потому всегда пригодное при историческомъ прогрессѣ христіанства на землѣ.

Все это обязываетъ насъ представить точный анализъ содержанія посланія къ Галатамъ по разсматриваемымъ въ немъ вопросамъ 1) объ авторитетѣ св. Павла, какъ Апостола и благовѣстника Христова, 2) о свободѣ Евангелія благодати и 3) о чистотѣ христіанской жизни въ Духѣ.

ЧАСТЬ II-я:

Благовѣстническій авторитетъ св. Павла
по происхожденію и доотоинству его
апостольства (глл. I—II).

*Павель Апостолъ, ни отъ
человѣкъ, ни человѣкомъ, но
Исусъ Христомъ и Богомъ
Отцемъ, воскресившимъ Его
изъ мертвыхъ.*

Гал. I, 1.

Писатель сразу (I, 1) называет себя Павломъ и, слѣдовательно, выступаетъ лично, но лишь въ качествѣ опредѣленнаго христіанскаго дѣятеля, ибо тотчасъ же усваиваетъ себѣ титулъ „Апостола“. Послѣдній, самъ по себѣ, имѣлъ обширный смыслъ особо уполномоченнаго вѣстника вообще, и потому авторъ придаетъ ему строго точное и специальное значеніе, чтобы засвидѣтельствовать свое достоинство божественнаго избранника для совершенія благовѣстнической христіанской миссіи. Въ ней самой и въ служеніи ей нѣтъ ничего мірскаго и ограниченнаго, а все исходитъ изъ божественнаго первоисточника. Для удостовѣренія сего и подчеркивается выразительно, что св. Павелъ въ званіи „Апостола“ не представитель извѣстнаго христіанскаго союза, какъ чисто человѣческой организаціи, хотя бы и самой превосходной, когда онъ былъ бы носителемъ ея отличительныхъ правъ и воззрѣній. Напротивъ, писатель не отъ среды людей и не является делегатомъ ихъ (ὁὗκ ἀπ' ἀνθρώπων). — Съ другой стороны, божественныя начала его апостольской проповѣди восприняты имъ и не „черезъ человѣка“ (οὐδὲ δι' ἀνθρώπου), приобрѣтены имъ безъ посредства человѣческаго, при которомъ собственное значеніе личности и качественное содержаніе ученія условливались бы именно этимъ посредникомъ. Тутъ и самое апостольство, даже будучи истиннымъ по передачѣ наслѣдству отъ законнаго благовѣстника Христова, оказывалось бы только вторичнымъ, какъ у всѣхъ позднѣйшихъ служителей Евангелія, вполнѣ безспорныхъ, однако же ничуть не равныхъ съ „первенствующими Апостолами“, потому что тамъ мы слышимъ просто голосъ унаслѣдованный традиціи, здѣсь говоритъ намъ прямой воспріемникъ словъ Господнихъ. При всемъ томъ св. Павелъ твердо настаиваетъ на своемъ полномъ апостольскомъ авторитетѣ. А разъ отвергнутыя причины для него непригодны, то необходимо допустить, что этотъ глашатай по своему фактическому бытію обязанъ самому первовиновнику и единственному распорядителю апостольскихъ полномочій — историческому Иисусу, бывшему Христомъ-Мессіей. Въ такомъ случаѣ апостольство Павлово будетъ фактически истиннымъ и юридически законнымъ въ наивысшей степени, безпорной лишь въ „самовидцахъ Господнихъ“. При неприменимости всѣхъ этихъ свойствъ становится яснымъ и соизволеніе Бога Отца, ибо Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ пострадавшаго на крестѣ Спасителя для искупительнаго избавленія и тѣмъ абсолютно санкціонировалъ подвигъ Христовъ, а благовѣстническое апостольство есть собственно реальное его примѣненіе. Гарантированное для Искупителя-Сына бываетъ причастнымъ и для всѣхъ продолжателей дѣла Христова. Въ этомъ отношеніи прерогативы Павловы всячески незыблемы и свидѣлствуются конкретно бывшимъ при авторѣ братствомъ (I, 2), которое

- 1, 2. не послѣдовало бы узурпатору или обманщику. Это рѣшительно поддерживается рѣзкимъ удареніемъ на *πάντες*, что таковы—всѣ братья безъ малѣйшихъ изъятій. Подобная ссылка не была бы внушительной, еслибы ихъ было слишкомъ мало. Мы должны предполагать достаточное количество¹⁾, но, очевидно, это были рядовые евангелисты-сотрудники, среди которыхъ не выдѣлялось особыхъ вождей²⁾. Здѣсь нужно искать причину, что — вопреки своему обыкновенію — св. Павелъ не называетъ поименно своихъ сотрудниковъ. Между ними не было извѣстныхъ и импонирующихъ для читателей лицъ, но тѣмъ убѣдительнѣе ихъ всецѣлое единодушіе съ Апостоломъ: однако ясно и то, что это не была какая-нибудь знаменитая церковь или даже давно организованная община съ главенствующими въ ней пресвитерами (Дѣян. XIV, 23. Тит. I, 5):—эти признаки лучше всего соотвѣтствуютъ новообращенному союзу христіанъ въ нѣкоторой мѣстности, не обладавшей особою славой.

И вотъ всѣ спутники-братія объединились около св. Павла по неотразимой вѣрѣ въ его апостольство Христово и въ такомъ духѣ адресуются къ церквамъ въ Галатіи, разумѣя всѣ христіанскіе центры, гдѣ исповѣдники Господни сформировались въ опредѣленные церковные клирики, собиравшіеся по чисто христіанскимъ интересамъ для чисто религіозныхъ цѣлей. Ихъ, конечно, было нѣсколько по всей Галатіи, какъ и въ Іудеѣ (I, 22), но всѣ онѣ стоятъ на одинаковомъ уровнѣ и упоминаются подъ сплошною рубрикой. Отсюда нужно заключать, что предметомъ апостольскаго вниманія и назиданія служило все Галатійское христіанство, а не отдѣльные члены или частные пункты. Значить, до извѣстной степени всѣ Галатійскіе христіане были захвачены тревожными броженіями. Не смотря на это, всѣмъ вѣрующимъ (βρεῦ) въ Галатійскихъ церквахъ (I, 3) посылаются привѣтствія во имя общаго для обѣихъ сторонъ искупленія Христова, которое каждому приноситъ радость милующей благодати и миръ всецѣлаго оправданія. Они несомнѣнны для всѣхъ фактически, ибо Всемогущій Богъ есть теперь благостный отецъ, какъ Іисусъ Христосъ — Владыка нашъ, пекущійся о своихъ соучастникахъ въ Его спасительной миссии. А послѣдняя состояла (I, 4) въ Сынзачемъ самопреда-

- 1, 3.
- 1, 4.

¹⁾ Ср. у блаж. Іеронима (Творенія XVII, стр. 9): „въ виду важности значенія весьма многихъ Апостолъ называетъ всѣхъ братьевъ“.

²⁾ Посему иѣтъ особой надобности гадать (вмѣстѣ съ Вр. J. B. Lightfoot, p. 72—73), что это могли быть Тимофеей (2 Кор. I, 1) и Ерастъ (Дѣян. XIX, 22), вѣроятно, еще Тигъ съ двумя неназванными братьями (2 Кор. VIII, 16—24), если послѣдніе не Тихонъ и Трофимъ (Дѣян. XX, 2—5), хотя подобной возможности и нельзя отрицать.

ни на смерть по причинѣ и въ возмездіе за грѣхи наши, которые мыслятся общечеловѣческими и прирожденными, поелику они — унаслѣдованные и первородные. Тутъ удовлетвореніе, не желая быть напрасною жертвой, непременно должно было сопровождаться упраздненіемъ отъ грѣховнаго начала, порабоощающаго насъ земной стихійности. И, дѣйствительно, фактическая цѣль (δπως)¹⁾ искупленія была та, чтобы изъять челоѣчество изъ облагающихъ золь лукаваго міра, поскольку таковой бываетъ и остается грѣховнымъ²⁾. Очевидно, возможенъ и особый міръ съ другими качествами, а иначе мы оказались бы безъ всякой реальной сферы для самаго своего существованія. Посему и называется вѣкъ настоящій, нынѣшній (1 Тим. VI, 17) или этотъ (Рим. XII, 2) космическій (Ефес. II, 2) по противоположности съ грядущимъ (Лук. VIII, 20. XX, 35. Ефес II, 7. Евр. VI, 5), для котораго мы, очевидно, и избавлены Христомъ. И подобное наше реальное благо гарантировано самимъ Богомъ, потому что достигнуто Сыномъ по соизволенію Его въ категорическомъ рѣшеніи (τὸ θελημα) удостовѣряющемъ истинно отеческія отношенія къ намъ³⁾, а это естественно должно (εἴη) исторгать (I, 5) вѣчное славословіе наше вѣчному Богу. I, 4.

Но слава лицу лучше всего выражается въ служеніи ему, которое въ нашемъ случаѣ ожидается пропорціональнымъ вліянію и неисчерпаемости искупленія Христова. И разъ произошло нѣчто обратное, — отсюда понятно изумленіе (I, 6) предъ столь странною чудовищностію, какъ Галатійская измѣна, которая, не будучи мотивирована абсолютно ничѣмъ, всегда является по спѣшной и опрометчивою (ср. 1 Тим. V, 22. 2 Тесс. II, 2). Положеніе читателей одинаковое, но они перешли на новую позицію — отъ Бога⁴⁾, призавшаго по благодати Христовой для Евангелія спасенія, къ совѣмъ другому благовѣстію⁵⁾. Это убѣжденіе Галатійцевъ, было, конечно, по внушенію созратителей⁶⁾, но оно совѣмъ ложно въ принци- I, 6.

¹⁾ Ср. † Prof. Th. Zahn, S. 38—39.

²⁾ Не вѣрно, что тутъ ποιηρόςъ употребляется лишь въ реалистическомъ смыслѣ „бѣдствій“, „несчастій“, „скорбей“ и т. п. († Edwin Hatch, Essays on Biblical Greek, Oxford 1889, p. 77—82), поскольку все это есть только слѣдствіе грѣховности.

³⁾ Ἡμεῖς относится собственно къ πατέρες († Prof. Th. Zahn, S. 41); ср. Филипп. IV, 20 1 Тесс. I, 3.

⁴⁾ Такъ св. I. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 621; Творенія X, стр. 740), а о Христѣ см., напр., и † Prof. Th. Zahn, S. 41.

⁵⁾ Ср., напр., въ 1 Цар. XXI, 25 объ Ахавѣ: ὡς μετέθεκεν αὐτὸν Ἰεζαβὲλ ἡ γυνὴ αὐτοῦ.

⁶⁾ Св. I. Златоустъ весьма правдоподобно предполагаетъ, что именно соблазнители называли свое лжеученіе инымъ истин-

пiальномъ смыслѣ¹⁾), какъ отличное отъ единого истиннаго, воспринятаго изначально читателями отъ самого Апостола. Количественное двойство понятно и нормально лишь при качественномъ различii, а Евангелiе, какъ дѣло Христово, всегда бываетъ тождественнымъ de facto и въ правильномъ возвѣщенiи о немъ. Значитъ, и здѣсь нѣтъ иного²⁾ Евангелiя (I, 7) по самой недопустимости сего. Слѣдовательно, производится просто какая-то коварная смута. Но подлинное Евангелiе не даетъ для нея ни малѣйшаго повода. Очевидно, есть только агитаторы, которые желаютъ замутить умы насчетъ Евангелiйской истины по самой ея природѣ³⁾. Объективно это невѣроятно, и потому у насъ будетъ тенденціозное покушенiе, которое никогда не увѣнчается реальнымъ успѣхомъ, ибо для него потребовалось бы ненатуральное превращенiе Евангелiя въ той опредѣленности, въ какой оно совершено и возвѣщено историческимъ Христомъ (τὸ εὐαγγέλιον τοῦ Χριστοῦ). Такая попытка перевернуть спасительный актъ вверхъ ногами граничитъ съ злостною враждебностiю къ нему и грозитъ уничтоженiемъ его благотворнаго дѣйствiя. Съ этой точки зрѣнiя недопустимо и не-

- 1, 7. возможно принять (I, 8), еслибы, напр., Павелъ — вѣстникъ земной — и Ангелъ — вѣстникъ небесный — стали проповѣдывать нѣчто иное по сравненiю съ первоначальнымъ апостольскимъ Евангелiемъ. Но другого или различнаго не существуетъ, почему не можетъ быть и соперника съ притязанiями на превосходство. Получилось бы нѣчто сверхъ прежняго, дополнительное къ нему для улучшенiя его. Этимъ констатируется наличная недостаточность, а она выражаетъ осужденiе первоначальнаго, истиннаго Евангелiя Христова, отвергаетъ его абсолютность. Понятно, что подобный субъектъ былъ бы бунтующею ненормальностiю въ Евангелiйской средѣ; онъ нетерпимъ въ ней и подлежитъ формальному изверженiю, которое
- 1, 8.

нымъ благовѣстiемъ (Migne gr. LXI, col. 621; Творенiя X стр. 741).

¹⁾ Ср. 2 Кор. XI, 4: „еслибы кто, пришедши, иначѣ проповѣдовывалъ другого Іисуса (ἄλλον Ἰησοῦν), котораго мы не проповѣдывали, и еслибы вы получили иного духа (πνεῦμα ἑτερον), котораго не получили, или иное благовѣстiе, котораго не принимали (ἢ εὐαγγέλιον ἑτερον ὃ οὐκ ἐδέξαστε); то вы были бы очень снисходительны къ тому“.

²⁾ Для различенiя ἑτερος (одинъ изъ двухъ взаимно вытѣсняющихъ, напр., ἑτεροφθαλμος — одноглазый) и ἄλλος (совѣтъмъ особаго качества или свойства; ср. ἄλλοφυλος) см. и 2 Кор. XI, 4.

³⁾ Контекстомъ совѣтъмъ не допускается, яко бы въ τινές I, 7 (ср. III, 1) Апостолъ разумѣлъ сатану (Wilhelm Karl), какъ это предполагалъ Тертуллианъ (De praescr. 6) для 2 Кор. II, 11.

— аналогично иудейским общинам — предполагает церковную христианскую организованность. Въ виду принципиальной невозможности описанных явлений (I, 9) Апостолъ, освѣдомившись о проискахъ иудаистовъ въ Галатіи, именно ради этого еще ранѣе (во второе посѣщеніе) предрекалъ и теперь снова говоритъ, что всякій такой смутитель (хотя бы важный и вліятельный) долженъ быть рѣшительно отлученъ въ силу фактической необходимости, которая служить и фактическимъ побужденіемъ (γάρ)¹⁾ для апостольскихъ внушеній. Если истинное Евангеліе обладаетъ божественною полнотою, то всякое добавленіе къ нему будетъ человѣческимъ придаткомъ. Отсюда раздвоеніе контраста между божескимъ и человѣческимъ. Ихъ нельзя совмѣстить, а надо сдѣлать окончательный подтверждающій выводъ²⁾, но (I, 10) можетъ ли кто-нибудь подумать, что св. Павелъ склоняется ко второму противъ перваго? Глаголь *πειθω* по своему значенію „убѣждать, увѣщевать“ представляется не совсѣмъ соответствующимъ въ контекстѣ, — особенно для Бога (ср. 2 Кор. V, 11), но достаточно освѣщается частицею *ἔτι*. Она констатируетъ нынѣшнее положеніе или повтореніе прошлаго (Гал. I, 9; ср. Ін. XIII, 37. XVI, 12. 1 Кор. XIII, 12. 2 Θεсс. II, 7), которое сохраняется и сейчасъ. Посему данная коллизія числилась за Апостоломъ уже ранѣе и вмѣнялась ему *еще и теперь*. Получается сравненіе съ его предшествующимъ предупрежденіемъ, а тогда онъ изобличалъ иудаистовъ въ человѣкоугодливости вопреки правдѣ Христовой, утверждая свою собственную вѣрность исключительно Евангельской истинѣ. По этой комбинаціи надо думать, что лжебратья упрекали Апостола, что онъ слишкомъ приспособляется къ людямъ и, стараясь склонить и привлечь на свою сторону язычниковъ, жертвуетъ номистическими обязательствами, необходимыми для полноты спасенія во Христѣ. И вотъ св. Павелъ спрашиваетъ, неужели до сихъ поръ поддерживается иудаистическое обвиненіе, будто онъ заботится о симпатіяхъ человѣческихъ, а не о Божіихъ (ср. 2 Θεсс. II, 4, 6) и ради этого всячески усиливается понравиться, быть пріятнымъ для людей, не обременяя ихъ законническими требованіями по грѣхознаму человѣкоугодничеству? Но это недопустимо ни принципиально, ни фактически, ибо еслибы онъ доселѣ (*ἔτι*) подлаживался къ человѣкамъ, то не былъ бы никогда рабомъ Христовымъ, какъ покорный и свободный носитель велѣній своего Господа.

Догматическая аксіома о божественной единичности Евангелія Христова подтверждается и личнымъ опытомъ апостольскимъ, поелику *ἔτι* отсылаетъ къ разумѣемымъ фактамъ

¹⁾ Ср. Prof. Th. Zahn, S. 53.

²⁾ Для γάρ см. Prof. Th. Zahn, S. 53.

- прошлаго. Они и приводятся для наглядной конкретной иллюстрації чрезъ внушительное *γνωρίζω* (I, 11), которое специально „даетъ знать“ (ср. 1 Кор. XII, 3. XV, 1. 2 Кор. VIII, 1) читателямъ, что возвѣщенное имъ Евангеліе, соединяющее ихъ съ авторомъ въ братскій союзъ, не является человѣческимъ по аккомодации къ людямъ въ какомъ-либо отношеніи. Не только не было извортливой примѣняемости къ человѣку (*κατὰ ἄνθρωπον*) въ сторону *δ. δασκαλίαι τῶν ἀνθρώπων* (1 Кор. II, 22), но происходило совсѣмъ обратное. Категорически констатируется (I, 12), что Апостолъ не принялъ фактически (*imperf.*) своего Евангелія отъ человѣка по прямой передачѣ (*παρὰ* ср. Филипп. IV, 8). Послѣдняя могла быть вполнѣ легальной и авторитетной (ср. 1 Кор. XV, 3), но получатель все-таки являлся бы лишь механическимъ пріемникомъ сообщеннаго содержанія, въ которомъ самъ лично не былъ компетентенъ гарантировать историческіе факты и ихъ догматическое толкованіе. Для сего требуется особое, проникновенное уразумѣніе, но и съ этой стороны онъ не былъ пассивнымъ ученикомъ, покорно усвояющимъ чужіе уроки, а они непременно были бы человѣческіе, хотя бы и весьма почтенные. Надо допустить, что источникъ и способъ были у него непосредствованные и, слѣдовательно, возводятся къ самому Іисусу Христу. По отношенію къ Нему мыслимо для Апостола лишь обнаруженіе всѣхъ тайнъ Евангелія черезъ реальное озареніе, которое приносить и факты и ихъ освѣщеніе.

- Такъ выходитъ съ логическою неизбѣжностію. Дальше нужно еще доказать, что это не было субъективнымъ обольщеніемъ, или преступнымъ притворствомъ. Для человѣческой области обязательны эмпирическія данныя, чтобы оправдать теоретическія утвержденія. И таковыя имѣются въ достаточной I, 13. степени. Читатели слышали о семъ (I, 13), и это показываетъ, что они были детально информированы. Повидимому, это освѣдомленіе касалось „жидовствованія“ Павлова, а не смѣнившаго христіанства. Въ послѣднемъ случаѣ Галаты должны были бы усвоить апостольское пониманіе о божественномъ происхожденіи Евангелія и благовѣстничества эллинскаго миссіонера. Разъ этого здѣсь не было, — необходимо признать, что разсказывали исключительно о „жидовскомъ“ періодѣ и притомъ такъ, что отсюда получались неблагоприятные выводы противъ христіанскаго служенія Павлова. Подобные пріемы вѣроятны единственно для іудеистовъ, которые легко могли доказывать, что, бывши строгимъ номистомъ, Савль круто измѣнилъ свою политику по внѣшнимъ интересамъ и теперь ради язычниковъ практикуетъ жестокой антиномизмъ. Апостолъ подтверждаетъ фактическую часть слышаннаго Галатами и даже усиливаетъ ея яркія краски. Все прежнее житіе Павлово замыкалось іудействомъ, какъ націоналистически-религіозною системой, которая опредѣляла весь образъ поведенія (*ἀναστροφή*) во

всѣхъ его конкретныхъ функціяхъ. Религіозная приверженность I, 13. необходимо переходила въ фанатизмъ нетерпимости ко всему несогласному, — и вотъ Савль сдѣлался гонителемъ, который не просто ненавидѣлъ, но активно преслѣдовалъ христіанство. Разумѣется, таковы были всѣ убѣжденные іудеи, которые относились враждебно и мстительно къ своимъ христіанскимъ ренегатамъ, но Савль перешагнулъ этотъ общій ординаръ, понятный и даже партійно-нормальный для іудейскаго ожесточенія. Онъ гналъ чрезмѣрно — сверхъ общаго уровня іудейской криминалистической исключительности, хорошо засвидѣтельствованной отношеніями къ Апостоламъ іудейскихъ властей въ книгѣ Дѣяній. Тамъ мы видимъ, что Савль далеко превзошелъ эту практику и старался „до самыхъ глубинъ разорить“¹⁾ и истребить христіанъ физически повсюду — не въ одномъ Іерусалимѣ, но и въ доступныхъ для него центрахъ „разсѣянія“. Значитъ, ему были ненавистны не тѣ или иные христіанскіе исповѣдники, а само христіанство, какъ таковое — по его эссенціальной природѣ. И, дѣйствительно, ярость гонителя направлялась на τὴν ἐκκλησίαν τοῦ θεοῦ — на весь христіанскій союзъ, опредѣленный по происхожденію, существу и дѣйствию творчествомъ и владычествомъ самого Бога. Это есть христіанская организованность, которая удостоверяетъ, что, будучи божественною, она принципиально требуетъ общей взаимной солидарности на основѣ Христовой, санкціонированной Богомъ Отцомъ. Тутъ — универсальный христіанскій принципъ, сколько догматическій, столько же и реальный, ибо первый безъ второго былъ бы лишь идеалистическою фикціей, а послѣдній самъ по себѣ оказался бы простою феноменальностію безъ независимыхъ факторовъ. Общее и частное взаимно связаны, при чемъ второе реально порождается и фактически держится принципиальнымъ. Церковь Божія конкретно выражается въ частныхъ церквяхъ, но она предшествуетъ имъ, какъ производящая первопричина и зиждительная основа ихъ. Посему и бороться съ нею можно съ успѣхомъ лишь черезъ атаки противъ историческихъ ея цитаделей. Такъ именно и дѣйствовалъ тогда Савль, опустошая церкви и вѣру (Гал. I, 24) тѣмъ, что истреблялъ всѣхъ исповѣдниковъ Христовыхъ (Дѣян. IX, 21), превращалъ ее въ пустую фантазію безъ вся-

¹⁾ Блаж. Θεοδορίτῃ, Творенія VII, стр 379. Св. I. Златоустъ: „вѣлъ онъ (Савль) не просто гналъ, но гналъ со всею жестокостію, и не только гналъ, но и опустошалъ, т. е. старался уничтожить, разорить, низложить и истребить Церковь; поступать же такъ свойственно опустошителямъ“ (Migne gr. LXI, col. 626; Творенія X, стр. 747). Глаголь πορθεῖν (какъ и λέρθειν) значитъ: взятый городъ разрушать и опустошать огнемъ и мечемъ († Prof. Th. Zahn, S. 57,57).

I, 14. каго реального примѣненія, когда она становилась просто опаснымъ обманомъ. Всѣ эти горестныя истины слишкомъ достаточно иллюстрированы въ книгѣ Дѣяній, но тамъ сообщается голый фактъ безъ оправдывающей мотивировки. Ее и описываетъ теперь (I, 14) самъ Павелъ въ дальнѣйшей рѣчи, которая говоритъ не о хронологическомъ продолженіи, а о фактическомъ предуготовленіи предшествующаго. Все это предварялось тѣмъ, что Савль — подобно физически-духовному возрастанію всякаго челоуѣка (Лук. II, 52) — преуспѣвалъ въ іудействѣ и быстро шелъ впередъ въ уразумѣніи и жизненномъ усвоеніи его націоналистически-религіозныхъ стихій. Онъ превышалъ всѣхъ своихъ сверстниковъ, — и это тѣмъ зимѣчательнѣе, что относилось не къ какимъ-либо „безбожными“ инородцамъ, непричастнымъ закону іудейскому, а было несомнѣннымъ преимуществомъ предъ сверстниками въ своемъ собственномъ родѣ Израилевомъ (Филлипп. III, 5; ср. Рим. IX, 3). Савль былъ выдающимся изъ всѣхъ ближайшихъ по возрасту іудейскихъ питомцевъ и прозябалъ это въ практической борьбѣ за свои національно-религіозныя идеалы. Послѣдніе имѣли у него активную дѣйственность и — слѣдовательно — предполагаютъ въ немъ практическое настроеніе, какъ постоянный жизненный стимулъ всего іудаистическаго бытія (ὁπάρχων). И этого въ немъ было весьма преизобильно, конечно, по сравненію съ общимъ для данной сферы запасомъ (ср. Евр. II, 1). Въ немъ все регулировалось обычнымъ для іудеевъ номистическимъ масштабомъ, а Савль сверхъ сего былъ *ζηλωτής*. Этотъ терминъ сталъ специфическою кличкой особо-фанатичной націоналистической партіи, но едва ли справедливо (— вмѣстѣ, напр., съ Н. Ewald'омъ —) разумѣть именно ее, ибо въ ней преобладали исключительно политическіе интересы, хотя и на религіозной подкладкѣ. Напротивъ, здѣсь зилотизмъ всецѣло относился къ общеіудейскимъ преданіямъ¹⁾, которыми всегда обозначалось преемственное религіозное наслѣдіе въ отличіе отъ Библии²⁾. Если у Савла оно было и фамилнымъ и личнымъ, то, очевидно, мыслится семейный традиціонализмъ фарисейскій, наиболѣе соблюдавшій и охранявшій воспринятое отъ отцовъ достояніе, воздвигнувшій неприступныя „ограды во кругъ „закона“. И вотъ въ этомъ отношеніи Савль довелъ свою разгоряченную ревнительность почти до партизанско-зилотическаго кипѣнія.

¹⁾ Ср. еп. Теофанъ, стр. 289: „не секта фарисейская разумѣется, а іудейская нація, — среди іудеевъ вообще“.

²⁾ Ср. у Іосифа Флавія τὰ ἐκ παραδόσεως τῶν πατέρων (Antiqu. XIII, 10: 6) и ἡ πατρὶα παράδοσις (XIII, 16: 2). См. Hermann L. Strack und Paul Billerbeck, Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch I (München 1922), S. 691 ff.

Впереди ожидался бурный взрывъ. но вдругъ измѣнилось все въ противную сторону. Этотъ контрастъ (δὲ) былъ абсолютно не подготовленъ холмомъ жизни Парловой и является необычайнымъ, но онъ не былъ и сокрушительнымъ, а только направилъ все теченіе по новому руслу. Отсюда слѣдуетъ, что тутъ дѣйствовало верховное водительство, заранѣе предусмотрѣвшее подобный поворотъ, а въ области божественнаго созиданія, все движется волею Божіей. Такъ и въ настоящемъ случаѣ (I, 15) окончательнымъ вершителемъ былъ Богъ. Онъ рисуется здѣсь не по самопонятному для всѣхъ имени, а по соотвѣтственному дѣйствію, которымъ изначально всѣ частности наклонялись въ высшей цѣли, почему и не произошло катастрофическаго краха. Это былъ ὁ ἀφωρίσας, или властно выдѣляющій нѣчто изъ совокупной массы. напр., часть мирныхъ жертвъ для Господа (Лев. X, 15. XIV, 12 и др.), а нѣкоторыхъ лицъ (священниковъ и левитовъ) — для неотлучнаго служенія Іеговъ (Исх. XXIX, 24. Числ. VIII, 11). Въ апостольствѣ Христовомъ таково избраніе для Евангельскаго благовѣстничества (ср. Рим. I, 1. Дѣян. XIII, 2). Послѣднее у Павла стало центромъ всей жизни, но именно потому, что предназначалось съ самого начала, при чемъ все бытіе по своему возникновенію мотивируется собственно этою конечною цѣлію ἐκ κοιλίας μητρός. Это реченіе прилагается (ср. блаж. Іеронимъ) къ утробному періоду (ср. Мф. XIX, 2) съ самого зачатія (ср. Суд. XVI, 17. Иса. XLIV, 2, 24. XLIX, 1, 5. Пс. LXX (71). 6, и его нельзя примѣнять къ исходу изъ чрева матери, поскольку у насъ трактуется опредѣленіи самого бытія, т. е. прежде нежели плодъ образовался и вышелъ изъ утробы (Іер. I, 5). Эта предестинація, очевидно, должна была реализоваться специальнымъ актомъ, которымъ и было конкретное призваніе Божіе, столь же немотивированное лично и — слѣдовательно — обязанное всецѣло благодати Божіей во Христѣ (ср. I, 6), все устрояющей по спасительной волѣ Господней. Здѣсь всецѣло доминировало милостивое благоволеніе Божіе (εὐδοκῆσεν), осуществившее призваніе въ соотвѣтственной реальной формѣ. И поелику дѣло касалось христіанскаго благовѣстія, — надо было знать точно его объектъ, а при недоступности послѣдняго для человѣческаго вѣдѣнія, — необходимо сообщеніе свыше. И вотъ Богъ въ отношеніи Савла въ потребный историческій моментъ соизволилъ открыть Сына Своего въ немъ (I, 16), такъ что все темное и смутное стало теперь для него вполне яснымъ и неотразимымъ для собственнаго убѣжденія. Тутъ было уже и внутреннее прозрѣніе по всецѣлому усвоенію всего содержанія. Но этимъ нимало не свидѣлствуется, что и самое откровеніе было исключительно внутреннимъ озареніемъ, лишеннымъ всякихъ внѣшнихъ посредствъ, при чемъ отпадаетъ рефератъ Дѣписателя, а самый актъ легко превращается во внутреннее самостоятельное постиженіе, чуждое всякой объ-

I, 16. активной основательности и силы. Однако самое понятіе „откровенія“ категорически утверждаетъ недоступность открываемаго и потому обязательно требуетъ дѣйствія Божія. И разъ прежде это было не осязательно и незримо для человѣка по внѣшней сокровенности, то теперь, очевидно, должны быть удобныя внѣшнія условія для человѣческаго воспріятія. Посему апостольскія слова допускаютъ внѣшнія формы, описываемыя въ книгѣ Дѣяній, хотя и не говорятъ о нихъ прямо. Они констатируютъ внутренній результатъ откровеннаго процесса въ опытномъ и незыблемомъ признаніи, что Распятый Христосъ Искупитель есть собственный Сынъ Божій. Павелъ какъ бы вмѣстилъ Его въ себя (II, 20) настолько, что оказался воплощеннымъ носителемъ Христа Іисуса¹⁾ и въ этомъ смыслѣ прямо принимался зъ Него (IV, 14). Это вполне соответствовало и предначертанной цѣли, которая при данныхъ условіяхъ могла состоять лишь въ томъ, чтобы воздѣйствовать исключительно творческою силою Божіею — за отсутствіемъ всякихъ подготовленныхъ опоръ. Отсюда и миссіонерская сфера Павлова — среди язычниковъ, гдѣ онъ долженъ былъ самъ собою, въ своемъ конкретномъ апостольскомъ лицѣ (med.) благовѣствовать спасительное искупленіе Христово.

По изложенному имѣемъ, что Евангеліе Павлово абсолютно нечеловѣческое, а непосредственно идетъ отъ первоисточника въ Богѣ Отцѣ и Его Сынѣ. Этотъ первый тезисъ (ср. I, 12) аргументированъ съ конкретною солидностію и является фактически непререкаемымъ. Но оставалось еще подозрѣніе, что полученное откровеніемъ было истолковано человѣческимъ разумѣніемъ. Однако тутъ есть нѣкоторая неразрывная связь между обоими моментами. Если нѣчто, столь интересное и важное, пріобрѣтается отъ извѣстнаго авторитета, то естественно, что у него же сейчасъ и просятъ разъясненій, чтобы понять сообщенное и убѣдиться лично. Иначе было бы просто мимолетная сенсация — и объективно и субъективно. А у насъ таковымъ поручителемъ служилъ самъ Богъ, и потому было бы странно нелѣпостію обращаться за толкованіями къ человѣческимъ посредникамъ. Въ отношеніи ихъ „тотчасъ“ было рѣшительное отрицаніе: Павелъ „не приложился къ плоти и крови“. Употребленный глаголь *προσηύχθη* — весьма рѣдкій и въ II, 6 имѣетъ другое примѣненіе. Въ среднемъ залогѣ съ дательнымъ падежемъ онъ долженъ выражать „приложеніе себя“ къ кому или чему-либо. И такъ какъ это совершается по собственной инициативѣ, то, очевидно, преслѣдуется и своя личная польза, для искателя нужная, но другимъ

¹⁾ Ср. у св. I. Златоуста (Migne gr. LXI, col. 638; Творенія X. стр. 749): „онъ (Павелъ) имѣлъ въ себѣ говорящимъ и Христа“.

способомъ недоступная для этого человѣка. Ясно, что испытывается существенное затрудненіе, для котораго прежде всего необходимъ разъясняющій свѣтъ, способный вывести на чистую дорогу. Въ этомъ смыслѣ данный глаголъ употребляется для аппелляцій за помощію къ снотолкователямъ и жрецамъ-прорицателямъ. То же значеніе вполне пригодно и для разбираемаго текста, что Павелъ не прибѣгъ уничиженнымъ, вынужденнымъ и безпомощнымъ просителемъ о содѣйствіи касательно полученнаго откровенія. Ничего подобнаго не было, ибо это оказалось бы обращеніемъ къ „плоти и крови“. Такого комбинаціей терминовъ характеризуется *totus homo exterior* (М. Викторинъ) не по одной своей брѣнности (Еккл. XIV, 19. XVII, 30 и др.); тутъ — главнымъ образомъ — отмѣчается его соподчиненность земному, натуральное тяготѣніе къ нему, нѣчто плотяно-грубое (Еф. VI, 12), неспособное — по естественному несродству — востязать духовное (1 Кор. II, 15) и потому наклонное къ несогласію съ божественнымъ (Мѡ. XVI, 17 и ср. 23) даже до такой степени, что исключается изъ наслѣдія царства Божія (1 Кор. XV, 50). Но это есть крайность совершеннаго обособленія, когда все бываетъ извращенною плотію (Быт. VI, 3, 13), которая заслуживаетъ лишь истребленія. Вообще же разумѣется земная человѣчность съ преобладаніемъ душевности и съ подавленіемъ духовности. Поэтому не имѣютъ важности варіаціи *σάρξ καὶ αἷμα* (Мѡ. XVI, 17. 1 Кор. XV, 50. Ін. VI, 54. 56. Гал. I, 16. Еф. VI, 12. Евр. II, 14) и *αἷμα καὶ σάρξ* (ср. Ін. I, 13), ибо вездѣ указывается въ людяхъ земная одушевленная плотянность, по самому своему существу безсильная воспарить къ духовному и усвоить его собственными напгяженіями, не проникающими до чисто духовной сферы. Съ этой именно стогоны было сорсѣмъ ненатурально обращаться къ одушевленной матеріальности за совѣтами о божественномъ содержаніи небснаго откровенія. Она въ данномъ случаѣ не виновна активно, если таковѡ самое свойство всякой плотяности. Тогда не компетентны здѣсь и высшіе ея представители¹⁾. Въ этомъ направленіи Апостоль и усиливаетъ свою мысль дальнѣйшимъ отрицаніемъ οὐδέ (I, 17), которое гласить, что даже и поименованные потомъ субъекты не правомощны на роль требуемыхъ комментаторовъ. Въ виду сего неправильна и контекстуально тенденціозная теза, яко бы авторъ прямо унижаетъ „преднихъ“ до ординара плоти и крови. Этого не вытекаетъ ни по ходу рѣчи, ни грамматически, а идейно было бы страннымъ абсурдомъ утверждать, будто св. Павелъ считалъ и объявлялъ „самовидцевъ“ Христо

¹⁾ Ср. у св. I Златоуста: τοὺς ἀποτόλους ἐνταῦθα αἰνίσταται. ἀπὸ τῆς φύσεως αὐτοὺς καλῶν (Migne gr. LXI, col. 628; Творенія X, стр. 749).

1, 17. выхъ просто одушевленную плотію. Это невѣроятно, потому что невозможно. Авторъ прямо называетъ ихъ Апостолами, но вѣдь и себѣ онъ никогда не приписывалъ высшаго достоинства. Посему онъ ставитъ ихъ наравнѣ съ собою по божественному апостольству, а оно всегда и у всѣхъ одинаково и не допускаетъ градацій по качественному совершенству. Бываетъ лишь фактически-индивидуальное различіе, какое безспорно и для „самовидцевъ“. Въ отношеніи эллинскаго благовѣстника они — *οἱ τρὸς ἑμὸν Ἀποστόλοι*, т. е. по времени полученія и осуществленія апостольскаго званія были раньше его (ср. Рим. XVI, 7. 2 Кор. XI, 5. XII, 11). Но ясно само собою, что этотъ чисто хронологическій моментъ, неизбежный въ нашихъ мірскихъ условіяхъ временнаго чередованія, нисколько не касается самого апостольскаго отличія. Тамъ выражается чисто земная обусловленность, которая не можетъ ни вліять, ни измѣнять божественнаго преимущества. И для Павла эта хронологическая особенность тѣмъ менѣе обязательна, что его временное запозданіе въ апостольскомъ призваніи опредѣлялось исключительно соизволеніемъ Божиимъ (I, 15), которое было одинаково рѣшающимъ и для всѣхъ другихъ благовѣстниковъ Христовыхъ. „Преднѣ“ раньше Павла, но равны ему. Чтò они — сами по себѣ — могли прибавить къ божественному откровенію? Вполнѣ законно и рационально. что Савл не поднялся (*ἀνῆλθεν*) ради нихъ до возвышеннаго Іерусалима¹⁾, но прямо изъ Дамаска отошелъ (*ἦλθεν*) въ Аравію и потомъ опять возвратился въ Дамаскъ.

Объ этомъ удаленіи въ Аравійскія области книга Дѣяній совсѣмъ не упоминаетъ. — и весь вопросъ будетъ въ томъ, находится ли для него здѣсь достаточное и удобное мѣсто, а его, суля по доминирующему имени Дамаска, надо искать въ чудесномъ обращеніи Савла. Склоняясь къ положительному отвѣту, мы напередъ предупреждаемъ категорически, что — вопреки преобладающему убѣжденію — *дніе доволни* въ рефератѣ Луки (Дѣян. IX, 23) о Дамасскомъ пребываніи Апостола, по нашему мнѣнію, несправедливо распространять (хотя бы частію) и на Аравійскій періодъ. Прямая и ближайшая цѣль этой замѣтки та, чтобы объяснить враждебность Дамасскихъ іудеевъ къ Савлу „многодневными“ и многократными возвѣщеніями о Христѣ среди нихъ, когда они вполнѣ убѣдились въ его принципиальномъ антиномизмѣ. Значитъ, этотъ срокъ долженъ падать на самый городъ Дамаскъ. Но достойно вниманія, что проповѣдническія попытки Савловы по Дамас-

¹⁾ Не имѣетъ рѣшительно никакихъ оправданій та возможность (допускаемая блаж. Іеронимомъ XVII, стр. 30), что по обращеніи Павелъ направился въ Іерусалимъ и уже потомъ въ Аравію или Дамаскъ, гдѣ пробылъ три года.

скимъ синагогамъ вскорѣ послѣ крещенія возбудили только I, 17. удивленіе и недоумѣніе (Дѣян. IX, 20, 21) и потому, сами по себѣ, не могли породить такого озлобленія въ тамошнемъ іудействѣ, пока еще выслѣживавшемъ необычайнаго оратора и выяснявшемъ свою позицію. По всему думается, что былъ потомъ не малый перерывъ, по истеченіи коего Павелъ явился внутренно укрѣпленнымъ, и его прежнія увѣщательныя отношенія смѣнились грозно-сокрушительными филиппиками, вызывавшими замѣшательство въ рядахъ противниковъ (Дѣян. IX, 22). Это и возбудило окончательное озлобленіе многочисленнаго Дамаскинскаго іудейства¹⁾. Для такого прогрессивнаго возмущенія апостольскаго и будетъ самымъ пригоднымъ именно Аравійское удаленіе, которое естественно придется на данный промежутокъ Дамасской исторіи (между Дѣян. IX, 21 и IX, 22, 23)²⁾. Не противорѣчитъ сему и упоминаніе (въ Гал. I, 18) трехъ лѣтъ, поелику у Дѣписателя нѣтъ точныхъ хронологическихъ указаній. Кажется болѣе вѣроятнымъ, что первоначальное проповѣданіе Дамасское (Дѣян. IX, 20) было непродолжительно, ибо явный неуспѣхъ необходимо заставлялъ прекратить дѣло и заняться методическимъ подготовленіемъ лучшихъ результатовъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, разбудить индифферентную къ Евангелію іудейскую массу и заинтересовать ее идейно. Въ такомъ случаѣ позднѣйшее „укрѣпленіе“ апостольское не могло совершиться въ краткій срокъ и требуетъ болѣе продолжительности, хронологически пропорціональной съ грандіозностію послѣдовавшаго эффекта. Въ свою очередь и Дѣписательское выраженіе *ἡμέραι ἱκαναί* — *дни довольно* (Дѣян. XI, 23) не совсѣмъ опредѣленно, и его размѣры колеблются отъ „мало“ до „очень много“, смотря по разумѣемымъ обстоятельствамъ и по связи рѣчи (ср. Дѣян. IX, 43. XVIII, 18 и XXVII, 7)³⁾. На ос-

¹⁾ По Іосифу Флавію (Antiqu. VII, 6 : 7; De bello jud II, 20 : 2), въ Дамаскѣ было гораздо больше 18 тысячъ челоѣкъ еврейскаго населенія, ибо это количество указывается іудейскимъ историкомъ только для избитыхъ Дамаскинцами іудеевъ при Неронѣ.

²⁾ Посему мы не можемъ согласиться и съ распредѣленіемъ Reginald L. Collins'а въ „The Expository Times“ XV, 8 (May 1904), p. 982—983, что лишь послѣ всѣхъ упомянутыхъ Дѣписателемъ Дамасскихъ событій нужно полагать Аравійское удаленіе, начало коего отмѣчается въ 2 Кор. XV, 33. Все это противорѣчитъ и категорическому εὐθέως Гал. I, 16.

³⁾ Такъ, *ἀγέλη χειρῶν ἱκανῶν* употреблено у Лк. VIII, 32 вмѣсто πολλῶν Мѡ. VIII, 30 и ὡς διαχίλιοι Мрк. V, 13; φῶς ἱκανόν Дѣян. XXII, 6—ὅπερ τὴν λαμπρότητα τοῦ ἡλίου XXVI, 13; ἡμέραι ἱκαναί Дѣян. IX, 43. XVIII, 18. XXVII, 7 иногда равнозначуще сходимымъ сочетаніямъ : *ἱκανὸς χρόνος* (Дѣян. VIII, 11. XIV, 3. XXVII, 9) или *ἱκανοί*

1, 17. нованіи всѣхъ этихъ соображеній справедливо полагать на Дамаскъ не менѣе полуторыхъ лѣтъ, а отшествіе въ Аравію приурочивать къ моменту недолгѣ по крещеніи обращеннаго Савла.

О подлинныхъ причинахъ этого уединенія Павлова нѣтъ ни малѣйшихъ свидѣтельствъ. Посему тутъ законны даже вѣроятныя догадки по соображенію со всѣми другими намеками. Самъ Апостолъ внушительно говоритъ, что послѣ откровенія въ немъ Сына Божія онъ не сталъ совѣтоваться съ плотію и кровію (Гал. I, 16), откуда прямо вытекаетъ, что благовѣстникъ чувствовалъ тогда извѣстную нужду и живую потребность въ укрѣпляющемъ совѣтѣ — только не отъ плотскихъ авторитетовъ. И это настроеніе вполне натурально, если первоначальное пламенное проповѣданіе по Дамасскимъ синагогамъ сопровождалось лишь пренебрежительнымъ изумленіемъ, которое парализовало всю миссіонерскую энергію и осуждало апостольскій трудъ на бесплодность. Такое явленіе всего менѣе обѣщало успѣха благовѣстническому усердію и отнимало реальную почву для него, а это необходимо побуждало ревностнаго Савла всецѣло сосредоточиться на себѣ и позаботиться о томъ, чтобы напередъ самому приобрѣсти внутреннюю мощь для „слова со властію“ (Лк. IV, 32), безусловно побѣждающую, хотя бы и раздражительную для упорныхъ¹⁾. Наряду съ этимъ и углубленное размышленіе о столь необычайныхъ судьбахъ своей жизни принудительно направляло помилованнаго зилота къ замкнутому сосредоточенію въ интересахъ точнѣйшаго познанія путей промысла Божія, чтобы прошлое гонительное „жидовствованіе“ не было для него мучительнымъ обличеніемъ совѣсти и не служило для другихъ отталкивающимъ „знаменіемъ пререканія“, тормозящимъ всю миссіонерскую работу, но — напротивъ — представлялось чудотворнымъ орудіемъ въ десницѣ Всевышняго, устрояющаго все ко благу людей и къ торжеству истины Христовой (1 Тим. I, 12—14, 16).

хρῶν (Лк VIII, 27. XX, 9 XXIII, 8); ἡμέραι не рѣдко примѣняется къ періодамъ времени вообще (Лк. I, 5: ἐν ταῖς ἡμέραις Ἡρώδου. XVII, 26, 28. Дѣян. VII, 45. XV, 7: ἀφ' ἡμερῶν ἀρχαίων). Замѣчательно, что подобная терминологія является преобладающею именно у Евангелиста и Дѣяписателя Луки

¹⁾ Посему нельзя согласиться, что Апостолъ пошелъ въ Аравію для проповѣди, „предлагая благовѣствованіе не сподобившимся еще боговѣдѣнія“ (блаж. Θεοδωρίτѣ, Творенія VII, стр. 380; см. и блаж. Ιερωνίμъ, Творенія XVII, стр. 28—29), а еще менѣе можно считать „совершенно произвольною догадку“ о внутреннихъ мотивахъ и духовныхъ плодахъ Аравійскаго уединенія св. Павла, какъ дѣлаетъ еп. Θεοφάνъ (стр. 104—105), подозревающій тутъ непремѣнно раціонализмъ.

Все это наклоняло обращеннаго Савла искать всецѣлаго 1, 17. уединенія и притомъ тамъ, гдѣ было положено божественное основаніе для его прежнихъ іудаистическихъ чаяній, доведенныхъ имъ до катастрофическаго напряженія. Отсюда ближе опредѣляется и самое мѣсто этого пребыванія. Терминъ „Аравія“ не достаточно ясенъ по своимъ географическимъ рамкамъ и собственно примѣняется (у греческихъ писателей, начиная съ Геродота) ко всему Аравійскому полуострову на пространствѣ между Краснымъ моремъ съ юго-запада, Персидскимъ заливомъ и рѣкой Евфратомъ на сѣверо-востокъ и океаномъ на юго-востокъ, а нѣкоторые расширяютъ эту площадь къ сѣверу до параллели Алеппо, къ западу (и обходя Палестину) до Средиземнаго моря — поюжнѣ Газы, къ востоку на Евфратъ до Хабуга, если не до самаго Тигра. На этой огромной территоріи арабскій переводъ Новаго Завѣта (въ Полиглоттѣ, а не у Th. Erpenius = van Erpe † 1624 г.) указываетъ пунктъ El-Belka, каковое наименованіе относилось, повидимому, къ мѣстностямъ около Мертваго моря на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ него, а тогда возможно допустить, что Аравія даже прямо примыкала къ Дамаску съ восточной стороны, почему Павелъ скрывался и жилъ просто за околицей города¹). Это слишкомъ вульгарное объясненіе столь таинственнаго эпизода не оправдывается и географически, ибо терминъ „Аравія“ употребляется и въ Гал. IV, 25, между тѣмъ не здѣсь, конечно, была „Синай гора“. Упомянутое послѣдней дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ, что у Апостола разумѣется Аравія Петрейская (Arabia Petraea) со включеніемъ Синайскаго полуострова, который и надо считать избраннымъ прибѣжищемъ христіанскаго анахорета²).

¹) См., напр., „Neue Kirchliche Zeitschrift“ 1902, VIII, S. 608. Le P. M.-J. Lagrange, допускающій интересы проповѣдничества (р. 16—17). И св. Іустинъ (въ Dial. с. Tryph. 78 s. fin.), говоритъ Іудеямъ: „никто изъ васъ не станетъ отрицать, что Дамаскъ былъ и есть принадлежность Аравійской земли, хотя нынѣ (вѣроятно, по Адриановскому распредѣленію) причисляется къ Сиро-Финикіи“. Сходно Тертуллианъ: Adv. Jud. 6 и Adv. Marc. III, 13.

²) Нашими соображеніями достаточно объясняется, почему избрана была Савломъ именно Аравія, а потому и тѣ даже и нужды въ произвольной (Prof. C. Clemen, Palus I, S. 44) догадкѣ D. S. A. Fries'a (Was meint Paulus mit 'Αραβία Gal. I, 17? въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ II (1901), 2, S. 150—151), будто въ оригиналѣ первоначально читалось Ἀραβία, подъ которымъ (суля по варианту Jos. Flavii Vita, 51) разумѣется Галилейскій городъ недалеко отъ Сепфориды и Каины, нынѣ 'Arabat-et-battôf; при этомъ — вмѣстѣ съ принятіемъ (Prof.

I, 17. И теоретически легко постигнуть, почему Савль двинулся теперь въ эту именно страну. Въ ней былъ авторитетно обнародованъ божественный законъ, которымъ доселѣ было поглощено все существо молодого фарисея. Вполнѣ естественно, что послѣдній пожелалъ обсудить его въ обстановкѣ первоначальнаго опубликованія, дабы понять свою номистическую исторію со всѣми ея эксцессами и катастрофами. И что же раскрывалось тогда предъ апостольскимъ взоромъ? Это, прежде всего, суровыя и безжизненныя скалы, совсѣмъ мертвыя и мертвящія окружающій печальный ландшафтъ. Съ этой стороны онѣ самымъ своимъ видомъ невольно и неотразимо внушали пылливому созерцателю, какъ смертоносно служеніе писмѣнамъ, начертаннымъ на камняхъ (2 Кор. III, 7)!... Тутъ сокрушенный зилоть, сдѣлавшись просвѣтленнымъ христіаниномъ, съ наглядною непосредственностію постигалъ во всей глубинѣ, до какой убійственной степени было безумно и пагубно все это яростное „жидовство“. Но Синай непоколебимъ въ своей неизмѣнности со временъ Моисея и твердо охраняетъ свойственную неприкосновенность, откуда раждалась успокоительная и ободряющая мысль, что во вѣки непреложенъ Господь и всегда достигаетъ своихъ спасительныхъ цѣлей. Значить, въ исторіи божественнаго домостроительства законъ — не враждебная сила, а — скорѣе — „суровый пѣстунъ во Христа“ (Гал. III, 24), почему и для невѣрныхъ соплеменниковъ Савловыхъ возгоралась счастливая надежда, что *такъ весь Израиль спасется, якоже есть писано* (Иса. LIX 20): *придетъ отъ Сіона избавляя и отвратитъ нечестіе отъ Іакова* (Рим. XI, 26). Коль скоро все это справедливо, то терять свою ужасающую мрачность и прежній жестокий зилотизмъ Савла, приобрѣтая характеръ предуготовительный для него лично и педагогически-знаменательный для всего міра, ищущаго Бога и правды Его. И вотъ — подобно памяtnому для Апостола (Рим. XI, 2—4) пророку Илиѣ — св. Павелъ убѣждается, что не въ вѣтрѣ Господь, не въ землетрясеніи и не въ огнѣ, а слышитъ теперь благодный „гласъ хлада тонка“, пославшаго нѣкогда пламеннаго Оесвитянина тоже чрезъ пустыню въ Дамаскъ (3 Цар. XIX, 11—15), что все случившееся

О. Pfeleiderer, Das Urchristentum I², S. 478, 1. Prof. W. C. van Maanen въ Encyclopaedia Biblica III, col. 3609, 1) совершенно сомнительнаго преданія о Галилейскомъ происхожденіи Савла (изъ г. Гискалы) — не менте напрасно утверждается, яко бы иначе необходимо допустить невѣроятный фактъ проповѣдничества Павлова среди бедуиновъ пустыни. Разъ въ текстѣ не говорится о миссіонерствѣ Апостола, то не имѣется поводовъ искать нашу Аравію и въ іудейской Вавилоніи (Alfred Edersheim, The Life and Times of Jesus the Messiah I², p. 14).

въ жидовствѣ было съ предусмотрѣнною цѣлю, да въ немъ I, 17. *первомъ покажетъ Иисусъ Христосъ все долготерпѣніе, за образъ (въ примѣръ) хотящихъ впровати Ему въ жизнь вѣчную* (1 Тим. I, 16).

Такой результатъ и формулируется въ Галатійскомъ посланіи (I, 15), что Богъ избралъ Савла для апостольства отъ самаго зарожденія во чревѣ матери, и потому естественно, что вся его жизнь съ момента появленія на свѣтъ служила конечному спасительному призванію даже своею отрицательностію фарисейскаго воспитанія и зилотическаго бурленія. Аравійское уединеніе было временемъ возрастанія и созрѣванія въ обращенномъ Савлѣ великаго Апостола язычников¹⁾, которымъ онъ долженъ былъ принести радость помилованія благодатію Божіей, исцѣляющею всѣ недуги и изглаждающею всякіе грѣхи. Со всѣхъ этихъ сторонъ данный періодъ былъ и святынею и тайною апостольскаго духа Павлова. Не удивительно, что онъ опущенъ у Дѣписателя, ибо послѣдній изображаетъ лишь фактическое осуществленіе въ исторіи божественнаго плана о вселенской проповѣди въ строгомъ соотвѣтствіи съ божественнымъ достоинствомъ самого искупленія Христова и проходитъ молчаніемъ всѣ лично біографическіе эпизоды, хотя бы они даже были ему извѣстны, что допустимо теоретически и по нѣкоторымъ аналогіямъ: такъ, въ Евангеліи Марковомъ наимѣне похвальныхъ данныхъ о Петрѣ, конечно, потому, что этотъ Апостолъ не распространялся о разныхъ индивидуальных частностяхъ. Тоже вѣрно и въ отношеніи эллинскаго благовѣстника. Но для самого св. Павла это была отраднѣйшая эпоха постепеннаго апостольскаго возмужанія, сообщившая смыслъ и цѣнность всему его бытію. А для специальныхъ задачъ посланія къ Галатамъ Аравійское удаленіе было особенно важно по фактическому удостовѣренію, что указанное Евангельское укрѣпленіе совершалось внѣ всякихъ человѣческихъ

1) Все это показываетъ, что здѣсь нѣтъ надобности въ „духовномъ“ толкованіи, каковое допускалъ и блаж. Іеронимъ, что „Ветхій Завѣтъ, т. е. сынъ рабыни, установленъ въ Аравіи, а послѣднее имя значитъ униженіе и близкая къ паденію“. Дальше получается, что „Павелъ, лишь только увѣровалъ, обратившись къ закону, къ пророкамъ, къ тайнамъ Ветхаго Завѣта, уже склонявшагося къ закату, искалъ въ нихъ Христа, проповѣдать Котораго онъ получилъ повелѣніе; но, открывъ законъ, онъ не долго оставался въ немъ, а возвратился въ Дамаскъ, т. е. къ крови и страданіямъ Христовымъ, а оттуда — подкрѣпленный чтеніемъ пророчествъ — направился въ Іерусалимъ, т. е. къ мѣсту *видѣнія* и *мира*, не столько для того, чтобы научиться чему-нибудь отъ Апостоловъ, сколько для того, чтобы сравнить свое ученіе Евангелія съ ихнимъ“ (Творенія XVII, стр. 31).

I, 17. вліяній и не безъ участія небесныхъ откровеній, о какихъ и Господь предрекалъ обращенному Савлу въ своемъ обѣтованіи: *на се явихся ти, сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси, и яже „я в лю“ тебѣ, изимая тя отъ людей Іудейскихъ и отъ языкъ, къ нимъ же Азъ тя пошлю* (Дѣян. XXVI, 16, 17).

Зилотическій гонитель сталъ христіаниномъ и Апостоломъ исключительно по благовolenію и полномочію Божію, почему имѣлъ право и обязанность для независимой благовѣстнической дѣятельности во имя своего достоинства. Вполнѣ законно, что изъ Аравіи онъ также не пошелъ сразу въ Іерусалимъ, а возвратился опять въ Дамаскъ (Гал. I, 17), гдѣ былъ нѣкогда въ этомъ христіанскомъ состояніи, т. е., очевидно, при совершившемся тамъ обращеніи. Теперь благовѣстникъ снова направился туда, чтобы на мѣстѣ спасительнаго крещенія принести Всевышнему первую жертву своей Евангельской ревности.

Въ итогѣ всего для насъ ясенъ и необходимый выводъ, что бывшій „хульникъ“ преобразился въ ревнителя Христа не по чelовѣческому избранію и наученію и обладаетъ всѣми несомнѣнными прерогативами истинно божественнаго апостольства, поелику у него все отъ Бога по Его всецѣлой волѣ — и призваніе, и даръ и цѣль. Таковъ первый фактъ, который сопровождается и подкрѣпляется другимъ, что, сознавая себя богопосланнымъ Апостоломъ языковъ, св. Павелъ въ этомъ своемъ отличіи и выступалъ въ качествѣ собрата, принципиально равнаго „самовидцамъ“ Господа. Это рельефно обнаружилось черезъ три года, — конечно, по обращеніи, — во время

I, 18. свиданія Павлова со св. Петромъ въ Іерусалимѣ (Гал. I, 18).

Въ посланіи говорится, что писатель самъ восходилъ на возвышенности (ἀνῆλθεν) Іудеи въ священную столицу. О внѣшнихъ поводахъ ничего не упомянуто, но они были въ козняхъ озлобленныхъ Дамасскихъ іудеевъ (Дѣян. IX, 23 сл.). Въ 2 Кор. XI, 32 добавляется, что тому же самому способствовали злостные происки областного правителя и Дамасскаго намѣстника царя Ареѣы. Послѣдняя дата — наиболѣе опредѣленная. Отъ нея именно и надо отправляться. Изъ четырехъ властителей съ указаннымъ именемъ нужно видѣть въ нашемъ случаѣ четвертаго князя Аравіи Nabathaeana) Ареѣу IV-го (по этому фамиліино-династическому прозванію, а не по имению *progritum*) Энея, царствовавшего со времени около 9 года предъ р. Хр. до 40 г. по р. Хр. Онъ былъ тестемъ тетрарха Галилеи и Перее Ирода Антипы (4 г. до — 39 г. по р. Хр.). Аравійская принцесса не была счастлива въ этомъ бракѣ и, наконецъ, убѣжала къ отцу отъ своего коварнаго супруга, измѣнившего ей ради Иродіады (ср. Jos. Flavii Antiqu. XVIII, 5:1). Къ этому присоединились еще споры насчетъ границъ Галаада, до крайности обострившіе взаимныя отношенія. Отсюда между родственниками возгорѣлась война, — вѣроятно, — въ 36 году.

На помощь разбитому Антипѣ Вителлій вынужденъ былъ дви- I, 17.
нуть свои легіоны, но послѣ пасхи (15 нисана—19 апрѣля) 37
года прекратилъ походъ, получивъ въ Іерусалимѣ на третій
день этого праздника вѣсть о смерти († 16 марта) императора
Тиберія (Jos. Flavii Antiqu. XVIII, 5:1, 3). Очевидно, на этотъ
смутный промежутокъ и упадаетъ получение Дамаска Ареею.
Справедливѣе думать, что это совершилось при помощи даренія
или уступки, ибо въ случаѣ насильственного захвата Римляне
не потерпѣли бы подобнаго своеволія и съумѣли бы защи-
тить свои права, располагая на мѣстѣ вполнѣ достаточными
войсками для успѣшной борьбы, о которой ровно ничего не
слышно. Съ другой стороны, новому повелителю Рима (Кали-
гулѣ) было выгодно обезпечить себѣ спокойствіе на отдален-
ной окраинѣ имперіи приобрѣтеніемъ союзника въ томъ, кто
могъ быть опаснымъ врагомъ, причиняющимъ немалыя тре-
воги. Столь же понятно, что представитель Арееы — въ ин-
тересахъ прочнаго утвержденія власти своего принцепала въ
новыхъ его владѣніяхъ — заискивалъ предъ многочисленнымъ
и могущественнымъ контингентомъ Дамасскихъ евреевъ, поче-
му охотно вошелъ въ ихъ замыслы противъ св. Павла и го-
товъ былъ принести его въ жертву фанатической іудейской
зlobѣ¹⁾. Наряду съ этимъ одинаково правдоподобно, что та-
кія обоюдныя поблажки гораздо естественнѣе при началѣ На-
батейскаго господства надъ Дамаскомъ. Теперь находимъ, что
послѣдній былъ покинутъ Апостоломъ — всего скорѣе — око-
ло 38 года, а тогда обращеніе Савла придется на 34—35 г. на-
шей эры (хотя эти цифры, конечно, относительныя).

Во всемъ этомъ важно ближайшимъ образомъ собствен-
но то, что первый визитъ св. Павла въ Іерусалимъ былъ че-
резъ три года съ самаго обращенія, ибо *ἐπειτα* по контрасту
съ *εὐθέως*; категорически выражаетъ, что данное путешествіе
совершилось не сейчасъ по призваніи, а уже послѣ трехъ

¹⁾ Этимъ устраняется догадка Val. Weber'a, будто „на-
мѣстникъ царя Арееы“ (ὁ ἐθνάρχης 'Αρέτῃ τοῦ βασιλέως) былъ
лишь представителемъ въ Дамаскѣ интересовъ своего повелителя,
въ родѣ посла или консула (къ чему склоняется, напр., † Prof. O.
Holtzmann, Die neutestamentliche Zeitgeschichte, S. 97; Prof.
Th. Zahn, Die Einleitung in das N. T. II², S. 632; Prof. B. W. Bacon
въ „The Expositor“ 1899, X, p. 354 sq., 429). Но въ этомъ случаѣ
пришлось бы допустить, что этнархъ считалъ св. Павла подвласт-
нымъ Арееѣ и отвѣтственнымъ предъ нимъ, а какъ это возможно
въ отношеніи „иностраннаго подданнаго“? Одно кратковременное
пребываніе Савла въ Аравіи никоимъ образомъ не доставляло по-
добнаго права. Въ пользу обычнаго толкованія E. Schüger'a см.
и Prof. Carl Clemen въ „Studien und Kritiken“ 1902, IV,
S. 675—676.

I, 17. лѣтъ. Посему въ теченіе всего этого періода эллинскій благовѣстникъ находился внѣ связи съ іерусалимскими авторитетами и не могъ пользоваться ихъ внушеніями. Тогда неоспоримо фактически, что апостольскія притязанія Павловы нимало не условливались человѣческимъ посредствомъ „преднихъ“ и будутъ либо божественными, либо мнимыми. Но послѣднее рѣшительно устраняется всѣми частностями іерусалимскаго посѣщенія, гдѣ св. Павелъ выступилъ полноправнымъ Апостоломъ и нимало не былъ обличаемъ въ самозванствѣ. Было совсѣмъ обратное. Цѣлю этого путешествія служило желаніе *ἱστορήσαι* Пётров. Этотъ рѣдкій глаголъ¹⁾ лучше выясняется по связи съ существительнымъ *ἱστορία*, которое по первоначальному употребленію, несомнѣнно, отмѣчаетъ реальное событіе, способное по своей важности оставить крупный слѣдъ въ данной области и стать историческимъ. Тогда и *ἱστορεῖν* — въ прямомъ смыслѣ — значитъ „дѣлать исторію“, а для сего необходимо участіе крупныхъ факторовъ, какъ св. І. Златоустъ и примѣнялъ къ тѣмъ, кто желаетъ видѣть великіе и знатные города²⁾. Тоже вѣрно, разумѣется, и для лицъ, хотя тутъ мы находимъ его спорадически и лишь о разсказахъ исторической важности³⁾. Съ этой стороны въ анализируемомъ мѣстѣ выражается высокое достоинство св. Петра, ибо свиданіе съ рядовымъ членомъ христіанскаго братства совсѣмъ не было бы историческимъ. Въ одинаковой мѣрѣ подобное преимущество должно быть безспорнымъ и для второго собесѣдника, поскольку вовсе не экстраординарно, бываетъ часто и безъ всякихъ особенныхъ результатовъ, если обыкновенные люди являются подлѣ великихъ и сталкиваются съ ними случайно (чиновники, прислуга), между тѣмъ преднамѣренныя встрѣчи нѣсколькихъ знаменитостей (напр., императоровъ) всегда сопровождаются огромными слѣдствіями въ самыхъ широкихъ кругахъ. Отсюда имѣемъ, что св. Павелъ пошелъ въ іерусалимъ не просто повидаться, но близко и непосредственно по-

1) Ср. для него и „The Expositor“ 1903, II, p. 115. Для новѣйшихъ матеріаловъ по предмету см. Proff. J. H. Moulton and George Milligan, The Vocabulary of the Greek Testament, London 1914—1929, p. 308; Dr. Friedrich Preisigke, Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden, 3. Lief., Sp. 703.

2) Migne gr. LXI, col. 631; Творенія X, стр. 753. По мнѣнію проф. о. А. В. Горскаго, *ἱστορεῖν* выражаетъ: „узнавать что-либо особенно важное“ (см. у † проф. И. Н. Корсунскаго въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“ ч. XLVII, стр. 580, прим. 173).

3) См. 1 Езд. I, 31 (33), 40 (42). Jos. Flavii Bell. jud. VI, 1: 8 οὐκ ἄσχυρος ὢν ἀνὴρ, ἐν ἐγὼ κατ' ἐκείον ἱστορήσας τὸν πόλεμον. Ср. Antiqu. I, 11: 4 и Clem. Rom. I: VIII, 1.

знакомиться съ Петромъ и — по своему апостольскому равен- I, 18.
ству съ нимъ — совершить этимъ нѣкое историческое дѣло.
Для св. Петра потребная необычайность лежала въ его божес-
ственномъ апостольствѣ, раскрывавшемся фактически среди сы-
новъ Израиля. По преполагаемому тождеству званія мы и для
пришельца должны принять равное апостольство, но уже съ
отличіемъ сферы его обнаруженія, простирающагося преимуще-
ственно на язычниковъ. До извѣстной степени — въ Петрѣ
какъ бы воплощалось само „Евангеліе обрѣзанія“ въ чистѣй-
шей, безупречной и авторитетной формѣ, полно и наглядно
отражавшей свой предметъ во всей принципиальной идейности
и практической жизненности. Значить, чрезъ Петра св. Па-
велъ могъ легко, скоро и безошибочно соизмѣрить и удосто-
вѣрить свое эллинское благовѣстіе по божественной силѣ, ка-
кая безспорно усвоялась Евангелію „преднихъ“¹⁾. По этой
именно причинѣ бывший гонитель, разумѣя всѣхъ авторите-
товъ Евангелія²⁾, и направляется спеціально къ Петру, въ ко-
торомъ онъ больше обращаетъ вниманія на положеніе, чѣмъ
на лицо, или во всякомъ случаѣ беретъ второе въ неразрыв-
ности отъ перваго. Для указанной цѣли — заявленія своихъ
апостольскихъ прерогативъ съ готовностію независимо осу-
ществлять ихъ — вполне достаточенъ срокъ въ пятнадцать
дней, или — приблизительно — около двухъ недѣль, но ихъ,
конечно, было бы слишкомъ мало, если допустить, что лишь
теперь св. Павелъ приобрѣлъ истинное христіанское вѣдѣніе и
зарекомендовалъ себя настолько, что приобщенъ былъ къ со-
му апостольскому. Немыслимый по всему предыдущему —
этотъ процессъ рѣшительно исключается и тѣмъ фактомъ
(I, 19), что прибывшій „другого изъ Апостоловъ никого не ви- I. 19.
дѣлъ, кромѣ Іакова, брата Господня“ (ἑτερον δὲ τῶν ἀποστό-
λων οὐκ εἶδον εἰ μὴ τὸν Ἰάκωβον τὸν ἀδελφὸν τοῦ Κυρίου).

Употребленное здѣсь ограничительное сочетаніе εἰ μὴ мож-
но переводить двояко: „какъ только“ (но не болѣе!) и „не счита-
тая“ совсѣмъ. Согласно первому толкованію у насъ получится
такая сенеппія: „я не видѣлъ (сверхъ Петра) никого изъ Апо-
столовъ, какъ только (видѣлъ изъ числа ихъ) Іакова,
брата Господня“. При второй редакціи фраза будетъ гласить:
„я не видѣлъ (помимо Петра) никого изъ Апостоловъ, если
не считать Іакова, брата Господня“ (поскольку въ этотъ
счетъ онъ и не долженъ входить, ибо не принадлежалъ къ

¹⁾ Ср. Тертуллиана De praescr. 23 (Migne lat. II, col. 35—36): (Paulus) „ascendit in Hierosolyma cognoscendi Petri causa, ex officio et jure scilicet eiusdem fidei et praedicationis“,

²⁾ По Тертуллиану, Апостоль Павелъ ходилъ въ Іерусалимъ, „ut cum auctoribus contulit et convenit de regula fidei“ (Adv. Marc. V, 2; Migne lat. II, col. 363).

I, 19. собственно Апостоламъ, или къ тѣснѣйшему лику апостольскому XII-ти).

При первой интерпретаціи ограниченіе простирается единственно на ослабленіе объема дѣйствія въ глагольномъ отрицаніи, — и родственникъ Господень оказывается въ замкнутомъ апостольскомъ кругу, при совершенномъ равенствѣ Петру въ этомъ отношеніи, а выдѣляется онъ просто потому, что лишь его и видѣлъ тогда Павелъ, хотя предполагаются и другія подобныя лица. Іаковъ будетъ вмѣстѣ съ Петромъ по самому апостольству, т. е. въ сонмѣ XII-ти. На этихъ предпосылкахъ создается и доселѣ защищается католическое отождествленіе Іакова Іерусалимскаго съ Іаковымъ Алфеевымъ, (Мѡ. X, 3. Мрк. III, 18. Лк. VI, 15. Дѣян. I, 13), при чемъ „братство“ это Господу оправдывается—по старымъ примѣрамъ—догадкой, что — наряду съ Іосифомъ, Сим(е)ономъ и Іудой (Мѡ. XII, 46. Мрк. VI, 3) — онъ былъ сыномъ Маріи, почитаемой за сестру (Мѡ. XXVII, 56. Мрк. XV, 40, 47. XVI, 1) Богоматери, или братомъ двоюроднымъ Христу по материнской линіи. Однако это была Μαρια(μ) ἡ τοῦ Κλωπᾶ (Ин. XIX, 25), т. е., конечно, жена Клеопы, такъ какъ было бы совсѣмъ безцѣльнымъ обозначеніе ея по отцу или брату въ совершенно неизвѣстномъ человѣкѣ, между тѣмъ замужество за нимъ было отличительною ея чертой по сравненію съ другими одноименными женами. При подобной комбинаціи Клеопы будетъ отцомъ разумѣемаго Іакова, который разомъ является и Алфеевымъ и Клеопинымъ. Для объясненія такого двойства по отчеству обыкновенно допускаютъ¹⁾, что здѣсь нужно видѣть только разницу въ произношеніи общаго имени *κλωπ*, которое при твердомъ выговорѣ звучало „калай = клопай(й)“, а при мягкомъ слышалось „галфай=алфей“.

Данная теорія слишкомъ искусственна, чтобы признать эту конструкцію основательной объективно. Ея наружная убѣдительность — совсѣнно фиктивная, ибо достигается лишь нагроможденіемъ гипотезъ, ровно ничѣмъ не доказанныхъ. Прежде всего важно, что Клеопы (Κλεόπας) и Клопы (Κλωπᾶς), кажется, греческаго происхожденія — по сокращенію изъ Κλεόπατρος (подобно 'Αντίπας и 'Αντίπατρος), и потому ихъ нельзя выводить изъ звуковыхъ особенностей еврейской (арамейской) рѣчи, гдѣ и вокализациа ихъ была бы различная: *κλωπ* для Клопы и *κλωπ* или *κλωπ* для Алфея²⁾. Двойство будетъ не звуковое, а безусловно реальное, какъ и въ Евангеліяхъ Клео-

¹⁾ Такъ и въ The Jewish Encyclopaedia VII (New York 1904), p. 68a.

²⁾ Prof. P. W. Schmiedel прямо свидѣтельствуетъ, что еврейская буква *פ* произносилась твердо и передавалась погречески чрезъ *х* собственно въ срединѣ и въ концѣ словъ, а не въ началѣ.

па (Лк. XXIV, 18) и Клопа (Ин. XIX, 25) называются особо отъ I, 19. Алфея (Мѡ. X, 23. Мрк. III, 18. Лк. VI, 15. Дѣян. I, 13), иногда несомнѣнно указывающаго другое лицо (Мрк. II, 14). Не менѣе существенно, что 2) слияніе именъ Кл(е)опы и Алфея въ единствѣ ихъ семитической основы не допускается филологическими авторитетами¹⁾, поелику оба названія различаются по начертанію и въ общепринятомъ сирійскомъ переводѣ (Пешито: ܟܠܝܘܦܐ и (еще такъ же въ текстѣ Синайскаго, Льюисовскаго кодекса) ܟܠܦܝ) и въ (частной) сирійской рецензії, извѣстной въ качествѣ Іерусалимскаго лекціонарія ܟܠܝܘܦܐ и ܝܠܦܢܐ), языкъ коего нѣкоторые (напр., Eb. Nestle) считаютъ наиболѣе близкимъ къ употреблявшемуся Христомъ и Апостолами. 3) Безусловно, что Палестинскіе говоры издавна (Суд. XII, 6) замѣтно разнились по произношенію — особенно между сѣверомъ и югомъ (Мѡ. XXVI, 73. Мрк. XIV, 70 и ср. Лк. XXII, 59. Ин. IV, 9. Дѣян. II, 7), но нельзя злоупотреблять этимъ несомнѣннымъ фактомъ, ибо народныя фонетическія колебанія всегда бываютъ неустойчивы и капризны, варьируются вовсе не систематично и не однообразно, почему ихъ невозможно угадать даже съ приблизительностію для извѣстнаго конкретнаго случая, а письменная ихъ передача и совсѣмъ не поддается проблематическому опредѣленію. Последнее тѣмъ менѣе примѣнимо для рассматриваемыхъ нами примѣровъ, что Лука пишетъ раздѣльно и Ἀλφῆος (VI, 15) и Κλεόπας (XXIV, 18), нисколько не подозревая и ничѣмъ не оттъняя предполагаемаго тождества этихъ именъ. Наконецъ, 4) небезспорно и то, что Марія Клеопова непремѣнно была сестрою матери Іисусовой. Вѣроятно, что это — особыя жены, и Пешито связываетъ упоминанія о нихъ соединительнымъ союзомъ у Ін. XIX, 25, гдѣ читается слѣдующее: (при крестѣ Іисуса стояли) ܡܪܝܡ ܗܝ ܕܠܝܘܦܐ. ܡܪܝܡ ܕܡܬܐ. ܡܪܝܡ, т. е. (stabant autem iuxta crucem Jeshue) mater ejus et soror matris ejus, et Marjam illa quae (erat) Klejopae (et Marjam Magdalaita). Тоже находимъ и въ новомъ критическомъ изданіи этого сирійскаго текста; правда, тутъ въ нѣкоторыхъ маргинальныхъ помѣткахъ сообщается: „Клеопа и Іосифъ (были) братья, а Марія и Марія, сестра матери Господней, сестры; слѣдовательно, два эти брата имѣли женами этихъ двухъ сестеръ, но въ другизъ указаніяхъ дѣлается оговорка, что это „не точно“, „не вѣрно“²⁾. Къ сему же склоняются и нѣкоторыя

¹⁾ Prof. Franz Delitzsch въ „Zeitschrift für lutherische Theologie und Kirche“ 1876, S. 605, и ср. у E. Wetzel, Alphäus und Klopas въ „Studien und Kritiken“ 1883, III, S. (620—)626(—627). Prof. T. K. Abbott, Essays chiefly on the Original Text of the Old and New Testaments (London 1891), p. 100.

²⁾ Tatraevangelium sanctum juxta simplicem Syrorum ver-

I, 19. мелкія наблюденія. Сестры Господа упоминаются лишь дважды (у Мрк. III, 32. VI, 3) и совсѣмъ не выступаютъ на страницахъ Евангельской исторіи, хотя братьевъ видимъ не рѣдко. Вполнѣ естественно, что въ тягчайшую минуту жизни одна сестра поспѣшила раздѣлить скорбь другой, но для чего тутъ необходимо ея собственное имя, когда важно лишь фамиліное отношеніе? И по параллелизму съ первою двоицею нужно предполагать вторую, — гдѣ аналогично Маріѣ Магдалинѣ — и Маріа Клеопова будетъ особымъ лицомъ. А такая симметрія подсказывается и тѣмъ, что всѣхъ, стоявшихъ при крестѣ Іисуса, было больше, чѣмъ четыре жены (Ин. XIX, 26—27). Значитъ, нѣтъ основаній объяснять братство Христу чрезъ Марію Клеопову: она отмѣчается въ Евангеліяхъ только однажды и нигдѣ не поставляется въ соотношеніе съ братьями Господа, которые всегда называются въ связи съ именемъ Богоматери, какъ сопутствующіе именно ей въ качествѣ сопровождающей свиты (Мѡ. XII, 46 сл. XIII, 55. Мрк. III, 31 сл. VI, 3. Лк. VIII, 19 сл. Ин. II, 12. Дѣян. I, 14). 5). Въ равной мѣрѣ не усматривается причинъ вводить ихъ въ священную семью XII-ти. Фраза Гал. I, 19 этого не требуетъ прямо. Другое дѣло, еслибы сказано было: *ἑτέρον δὲ τὸν ἀπόστολον* — тогда еще можно было бы говорить, что св. Павелъ не видѣлъ другого Апостола такого же, какъ Петръ. Но когда формулируется: *ἑτέρον δὲ τῶν ἀποστόλων*, то отсюда вытекаетъ не болѣе того, что эллинскій благовѣстникъ не встрѣчался (кромя Іакова) ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, которые назывались Апостолами. А извѣстно, что — по новозавѣтному употребленію — послѣдній титулъ не всегда (Лк. VI, 13) покрывался „самовидцами“, имѣя болѣе широкое примѣненіе къ уполномоченнымъ посланникамъ на благовѣстіе Христово (ср. Дѣян. XIV, 14, хотя ср. IX, 27. 2 Кор. VIII, 23. Филипп. II, 25). Достаточно сослаться — по ассоціаціи съ Петромъ — на 1 Кор. IX, 5, гдѣ „прочіе Апостолы“ (*καὶ οἱ λοιποὶ ἀπόστολοι*) разумѣются, конечно, въ смыслѣ вышеупомянутаго апостольства Павлова (ст. 1—2), при которомъ дальнѣйшіе „братья Господни и Кифа“ могли включаться въ него лишь по общему знаменованію. Поэтому при сопоставленіи съ XII-ю „братья Господни“ весьма замѣтно отличаются отъ нихъ (Дѣян. I, 13—14. Ин. II, 12).

Въ виду всего сказаннаго неудивительно, что разобран-

sionem ad fidem codicum, massorae, editionum denuo recognitum lectionum supellectilem quam acquisiverat Philippus Edwardus Pusey, A. M., olim ex aede Christi, auxit, digessit, edidit Georgius Henricus Gwilliam, S. T. B., collegii Hertfordiensis socius; accedunt capitulorum notatio, concordiarum tabulae translatio latina, annotationes (Oxonii 1901), p. 590—591; 591 not. ad vers. 25.

ное мнѣніе не находитъ для себя надлежащаго подкрѣпленія I, 19. въ древнемъ преданіи, возникнувъ послѣ и помимо его. Къ сходному рѣшенію склонялся лишь блаж. Іеронимъ въ своей защитѣ приснодѣвства Маріина противъ Гельвидія (Contra Helv. 12 sqq. отъ 383 г. и ср. epist. XLVI (17), 12, in Matth. XII, 49, in Isa. XVII, 5: Migne lat. XXIII, col. 204 sqq.; XXII, col. 409; XXVI, col. 88; XXIV, col. 18), предполагая, что братья Господни были дѣтьми Алфея, или Клеопы и Маріи, сестры Богоматери. Но и этотъ церковный учитель, имѣвшій при жизни мало единомышленниковъ, былъ далеко не твердъ въ своемъ мнѣніи и постепенно ослаблялъ его силу, пока не пришелъ къ чисто фигуральному истолкованію, что Іаковъ „названъ братомъ Господнимъ по превосходному своему нраву, по несравненной вѣрѣ и по необыкновенной мудрости, а также потому, что онъ первымъ предстоятельствомъ въ той церкви, которую прежде другихъ составили увѣровавшіе во Христа іудеи“ (in Gal. I, 19: Migne lat. XXVI, col. 330—331; Творенія XVII, стр. 33). При томъ Іеронимовское толкованіе создаетъ еще новыя затрудненія, ибо — согласно ему — изъ братьевъ Христовыхъ попадаютъ въ число XII-ти — кромѣ Іакова — еще Симонъ и Іуда¹⁾, но такое расщиреніе явно дисгармонизируетъ съ ихъ замѣтнымъ обособленіемъ и не подтверждается частными данными. Такъ, квалификация Іуды „Іаковлевымъ“ (Лк. VI, 16) едва ли отмѣчаетъ братство Іакову (которое выражается прямо у Іуд. 1) и скорѣе указываетъ отца, а Симонъ характеризуется лишь эпитетомъ „Кананита“ и, вѣроятно, по происхожденію изъ г. Каны (кананей, кананеецъ), но вовсе не по религіозному настроенію въ качествѣ „зилота“, какъ это искусственно выводятъ по сходству значенія словъ еврейскаго (арамейскаго) и греческаго для понятія „ревновать, ревнитель“. Всѣмъ этимъ преграждается входъ въ кругъ XII-ти и для нашего Іакова.

Въ пользу почетнаго исключенія для него выдвигается еще то, что Іаковъ, сынъ Маринъ, называется меньшимъ, или младшимъ (Мрк. XV, 40: ἡσυχὴ δὲ καὶ ὑναιχες ἀπὸ μακρόθεν θεωροῦσιν, ἐν αἷς (ἡν) καὶ Μαριὰμ(μ) ἡ Μαγδαληνὴ, καὶ Μαρία ἡ τοῦ Ἰακώβου τοῦ μικροῦ καὶ Ἰωσὴ (Ἰωσήτος) μῆτηρ). Утверждаютъ, что онъ титулуется такъ по сравненію съ другимъ, который почитается „большимъ“ предъ нимъ, конечно, въ об-

¹⁾ См. у архіеп. Филарета на стр. (35—)36: „Марія и Клеопа-Алфей были родителями тѣхъ лицъ, которыя именуются братьями Господними, и изъ которыхъ Іаковъ (младшій), Іуда Фаддей и Симонъ были въ числѣ 12 апостоловъ. . . Итакъ, Іаковъ братъ Господень былъ роднымъ сыномъ Клеопы-Алфея и Маріи, сестры матери Господней, и слѣд. двоюроднымъ, но не роднымъ, братомъ Господа и онъ же былъ однимъ изъ 12 апостоловъ“.

I, 19. щемъ для нихъ классъ и по свойственному обоимъ одинаковому достоинству¹⁾. Въ такомъ случаѣ все это примѣнимо, яко бы, лишь къ Іакову Алфееву по отличію отъ соименнаго и равнаго въ кругъ Апостольскомъ Іакова Зеведеева. Но при данной комбинаціи весьма странно, что это „меньшинство“ не отмѣчается въ самыхъ спискахъ XII-ти, гдѣ подобная прибавка была бы уместна и дѣлается для другихъ членовъ, характеризующихъ свойственными прозваніями. Разумѣется, вѣрно, что въ эллинистической рѣчи положительная степень съ членомъ могла констатировать и сравнительную, но такое примѣненіе ничуть не обязательно и неизбежно. Напротивъ, *ὁ μικρός*²⁾ у греческихъ классиковъ (Платона, Аристотеля, Ксенофонта) иногда обозначаетъ просто „малый“ ростъ въ свою очередь еврейское *hakkaton* усвоилось, по готтироголожности, древнимъ великимъ историческимъ именамъ³⁾, откуда слѣдуетъ развѣ то, что другой Іаковъ (великій) былъ важнымъ лицомъ въ первохристіанской исторіи, а развѣ не былъ такимъ предстоятель Іерусалимской церкви-матери?

Въ результатъ—спеціальною особенностію Іакова, видѣннаго св. Павломъ въ Іерусалимѣ черезъ три года по обращеніи, будетъ теперь лишь его братство Господу. Эта одна черта и требуетъ дальше своего объясненія. Многіе и даже вовсе не рационалистическіе комментаторы—по примѣру Гельвидія — заключаютъ отъ этого родства къ общности плотскихъ родителей Христа Спасителя и Его братьевъ, какъ имѣвшихъ единыхъ съ Нимъ отца и мать. Ссылаются обыкновенно на буквалистическую и непосредственную очевидность, но она просто примитивна и фактически вовсе не столь принудительна. 1) На библейскомъ языкѣ *ἰδελφός* не предполагаетъ непременно единоутробности (Быт. XIII, 8: Авраамъ и племянникъ Лотъ. XXIX, 15: Лаванъ и сынъ его сестры Іаковъ) и употребляется иногда для лицъ, близкихъ между собою и по другимъ связямъ, гдѣ — по блаж. Іерониму — люди братски сочетаются между собою, напр., *natura, gente, cognatione, affectu*⁴⁾. 2) Выраженіе Мѡ. I, 25 (*δὸν δέ εἰς ἡμεῖς τοῦ υἱοῦ σου τοῦ πρώτου*) *ἔω*; οὗ указываетъ лишь грань извѣстнаго дѣйствія и абсолют-

¹⁾ Hieron. Contra Hely. 13: M. lat. XXIII, col. 205.

²⁾ См. о немъ „The Expositor“ 1903, II, p. 116—117; XII, p. 434—435.

³⁾ См. J. Levy у Prof. Franz Delitzsch, *Horae hebraicae zu Röm. I, 1* въ „Zeitschrift für die gesammte lutherische Theologie und Kirche“ 1877, I, S. 12.

⁴⁾ Ср. патр. Фотія ζητ. 39 (epist. 38), 2 (въ Ἀμφιλοχίαι по изд. Икономоса, Аѣины 1858, стр. 99): Συνηθὲς τοῖς ἱεροῖς λόγοις καὶ τοῖς ἀποστόλοις υἱοὺς ὠνομάζειν, ὅσπερ καὶ τοὺς τῶν ἀδελφῶν παῖδας ἀδελφοὺς καὶ.

но ничего не говорить о послѣдующемъ, а τὸν πρωτότοκον едва I, 19. ли подлинно¹⁾ и—даже въ случаѣ несомнѣнности — 3) оно, какъ и у Лк. II, 23, констатируетъ „первородство“ Иисуса Христа съ чисто законнической точки зрѣнія: тутъ каждый первый сынъ, „ложесна разверзая“ (т. е. у жены, рождающей в первые), всегда былъ и объявлялся первороднымъ безъ всякаго соотношенія съ возможнымъ дальнѣйшимъ потомствомъ, котораго при первенцѣ пока не существуетъ и предусмотрѣть нельзя, ибо бывали, конечно, не рѣдкіе случаи, когда въ еврейской семьѣ имѣлся одинъ сынъ, все-таки являвшійся и прозывавшійся „первороднымъ“. 4) Иосифъ упоминается въ послѣдній разъ, когда Господу Спасителю было 12 лѣтъ (Лк. II, 41 сл.), и затѣмъ совсѣмъ исчезаетъ со страницъ Евангельской исторіи, хотя тамъ встрѣчаются мать и братья Спасителя. Отсюда позволительно догадываться, что вскорѣ онъ достигнулъ естественной кончины, — и намъ придется допустить мало-вѣроятную возможность, что за этотъ двѣнадцатилѣтній періодъ у человѣка, котораго все преданіе изображаетъ старцемъ, были — кромѣ Христа — еще не менѣе четырехъ сыновей (Мѡ. XIII, 55... καὶ οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ Ἰακώβος καὶ Ἰωσῆς (Ἰωσήφ) καὶ Σίμων καὶ Ἰούδας. Мрк. VI, 3: ἀδελφὸς δὲ (καὶ ἀδελφὰς) Ἰακώβου καὶ Ἰωσῆ (Ἰωσήτος) καὶ Ἰούδα καὶ Σίμωνος. Ср. Мрк. XV, 40: καὶ Μαρία(μ) ἡ τοῦ Ἰακώβου τοῦ μικροῦ καὶ Ἰωσῆ (Ἰωσήτος) μήτηρ) и нѣсколькихъ (Мрк. III, 32. VI, 3) сестеръ (вѣроятно, больше двухъ). 5) Самъ Христосъ на крестѣ поручилъ тяжело болѣзную мать Иоанну Зеведееву (Ин. XIX, 26, 27), между тѣмъ было бы гораздо естественнѣе передать ее попеченію родныхъ дѣтей, для которыхъ была ошутительнѣе острая материнская скорбь, а потому здѣсь совсѣмъ неумѣстно ссылаться на „невѣріе“ братьевъ Господнихъ (Ин. VII, 5; ср. Мрк. III, 21), поскольку все касалось единственно родственныхъ чувствъ. И это было бы тѣмъ натуральнѣе, что и при земной жизни Христосъ долженъ былъ еще съ ранняго юношества забывать плотское родство ради духовнаго (Мѡ. XII, 48 сл. Мрк III, 33 сл. Лк. II, 49. VIII, 21. Ин. II, 4), при распятіи же не отмѣчаютъ прямо ни братья, ни сестры, которымъ было бы необходимо всего присутствовать при казни „брата“, хотя бы, для облегченія смертельной муки своей страждущей матери въ тотъ именно моментъ, когда оружіе пронизывало ея душу (Лк. II, 35)

Этихъ резонѡвъ вполне довольно для совершеннаго устраненія того, что справедливо служить столь великимъ иску-

¹⁾ Нѣтъ у LTT^r WHR Nestle, Baljon, Weymouth, A. Souter, v. Soden, хотя въ текстуальномъ преданіи эта прибавка удостовѣрена весьма сильно, при чемъ иногда (D²L d q g²: unigenitum) опускается τὸν υἱὸν αὐτῆς.

1, 19. шеніемъ совѣсти у большинства христіанъ и было бы предудержано фактическимъ констатированіемъ голой истины¹⁾.

Вышеизложеннымъ достаточно опровергается и то, болѣе частное, мнѣніе (св. I. Златоуста²⁾, блж. Ѳеодорита³⁾, проф. Ал. П. Лебедева), будто братья Господни были дѣтьми Клеопы отъ родной сестры Богоматери, Маріи Клеоповой (Ин. XV, 25). Къ сказанному тамъ прибавимъ только одно, что ни откуда не видно и ничѣмъ не предполагается, яко бы эти родственники Христовы были Клеоповыми по рожденію. Напротивъ, связь ихъ съ матерью (Мѡ. XII, 46 сл. XIII, 55. Мрк. III, 31 сл. VI, 3. Лук. VIII, 19 сл. Іоан. II, 12. Дѣян. I, 14), какъ „женою“ Іосифовой, неотразимо внушаетъ, что — подобно ей — они были родственниками Господа тоже чрезъ Іосифа.

Послѣ сего въ нашемъ распоряженіи будутъ лишь два мнѣнія, что 1) братья Господни были „сводными“ — отъ перваго брака Іосифа до прінятія имъ къ себѣ Маріи (Евангеліе Петра, первоевангеліе Іакова и др. апокрифы, Климентъ Ал., Оригенъ, Евсевій Кесарійскій, Иларій Пиктавійскій, „Амвросіастъ“, Григорій Нисскій, Епифаній, Амвросій Медиоланскій, Кириллъ Ал., восточные богослужебные памятники и позднѣйшіе латинскіе авторы), или 2) были плотскими сыновьями Іосифовыми, но отъ жены Клеоповой, которую, какъ вдову бездѣтную, братъ покойнаго Іосифъ, жившій съ нимъ вмѣстѣ (Второз. XXV, 5), взялъ по левирату — „закону ужичества“ (ближайшаго кровнаго родства) для возстановленія сѣмени умершаго, потомство котораго — иначе — совсѣмъ прекращалось⁴⁾.

¹⁾ По интимному *οὐκ ἐγγίνωσκειν αὐτῇ* Мѡ. I, 25 Prof. Ad. v. Haugnack справедливо заключаетъ (Neue Untersuchungen zur Apostolgeschichte, S. 105), „als gehe die Ueberlieferung auf Joseph selbst zurück“.

²⁾ Migne gr. LXI, col. 632; Творенія X, стр. 754: св. Павелъ „могъ бы сдѣлать понятнымъ, о комъ говоритъ, употребивъ другой отличительный признакъ, и назвать его сыномъ Клеопы, какъ сказала Евангелистъ“ (Ин. XIX, 25).

³⁾ Творенія VII, стр. 380 - 381: „Іаковъ называется братомъ Господа, но не былъ роднымъ Его братомъ. Онъ даже былъ не сынъ Іосифовъ, рожденный отъ перваго брака, какъ предполагаютъ иные, но сынъ Клеопы и двоюродный братъ Господу: потому что (этотъ Іаковъ) матерью имѣлъ сестру Матери Господней“.

⁴⁾ Блж. Ѳеофилактъ къ Гал. I, 19 (стр. 16): „И дѣйствительно, еслибы онъ (св. Павелъ) хотѣлъ отличить, то онъ называлъ бы его (Іакова) сыномъ Клеопы. Вѣдь по плоти онъ (Іаковъ) не былъ братомъ Господнимъ, а только имъ считался. Какъ же онъ приходился сыномъ Клеопѣ, — слушай: Іосифъ и Клеопа были братья; когда Клеопа умеръ бездѣтнымъ, — Іосифъ возстановилъ ему сѣмя и родилъ сего (Іакова) и другихъ его братьевъ и

Послѣднее толкованіе зызываетъ больше недоумѣній, 119. чѣмъ рѣшаетъ задачу, ибо представляетъ произвольную комбинацію ничѣмъ недоказанныхъ предположеній, яко бы Клеопа — братъ Іосифа, Марія Клеопова была дочерью перваго, при чемъ будетъ тройственное потомство — отъ собственной жены, Богоматери и вдовы Клеоповой. Получилась бы мало-вѣроятная путаница въ одномъ семействѣ, всего менѣе пригодная для разъясненія темныхъ историческихъ загадокъ. А затѣмъ не оказывается и потребнаго родства, ибо при бракахъ по левирату дѣти вдовы Клеоповой отъ Іосифа (или, по Второз. XXV, 6, — первенецъ) обязательно считались бы и обозначались потомками именно и исключительно Клеоповыми и не имѣли бы „законнаго“ братства съ поколѣніемъ Іосифовымъ, но тогда — при разности матерей — трудно было бы возникнуть и утвердиться такому названію о братственномъ родствѣ Клеоповыхъ наслѣдниковъ съ Іисусомъ Христомъ, для чего не было ни основаній, ни поводовъ, ни оправданій.

Намъ теперь остается принять первую гипотезу, особенно развитую въ патристической литературѣ у св. Епифанія Кипрскаго. При ней совершенно понятно, что дѣти одного отца всѣми и всегда почитались братьями, съ каковымъ отличіемъ и сохранились въ преданіи отъ временъ Христовыхъ.

И ничуть не странно упоминаніе св. Павла о свиданіи его въ Іерусалимѣ съ „братомъ Господнимъ“, поелику Іаковъ былъ не рядовой членъ Іерусалимской церкви, а ея глава и предстоятель, имѣвшій священное званіе Апостола и помѣщаемый потомъ въ посланіи къ Галатамъ (II, 9) выше двухъ другихъ „мнимыхъ столповъ“ Кифы и Іоанна, какъ это всѣмъ было извѣстно по его имени, которое обычно отличалось отъ другихъ его носителей ссылкой на „братственное родство“ Господу. Будучи іерархическимъ начальникомъ Іерусалимской христіанской общины, Іаковъ тѣмъ самымъ неизбѣжно становился главнѣйшимъ и отвѣтственнымъ блюстителемъ интересовъ

Марію, которую, хотя она была дочерью Клеопы, Евангеліе называетъ сестрой Богоматери, такъ какъ Іосифъ по отношенію къ св. Дѣвѣ скорѣе сохранялъ заботливость отца, чѣмъ расположеніе мужа“.

1) Изъ новѣйшей русской литературы по предмету см. „историко-критическое изслѣдованіе“ † проф. Ал. П. Лебедева (съ „обзоромъ и разборомъ древнихъ и новыхъ мнѣній по вопросу“) подъ заглавіемъ „Братья Господни“ (1 Кор. 9, 5. Гал. 1, 19, Москва 1905, а противъ сего ср. брошюру † митр. Георгія (Ярошевскаго) „Теорія профессора А. П. Лебедева о братьяхъ Господнихъ“ (Харьковъ 1907), который и здѣсь защищаетъ свое прежнее мнѣніе (высказанное въ магистерской диссертации „Соборное посланіе св. Апостола Іакова“, Кіевъ 1901, стр. 23 сл.), что „братья Господа — это дѣти Іосифа отъ перваго его брака“.

I, 19. всемірної христіанської місії, для которой всѣ основы и пути полагались лишь во святомъ городѣ. Значить, если и этотъ вселенскій вождь евангелизації подтвердиль апостольскій авторитетъ Павла, — въ такомъ случаѣ получилось для него уже официальное одобреніе практической дѣйственности апостольскаго достоинства, а послѣднее принципиально обезпечивалось въ своей истинности по силѣ солидарности его носителя съ Петромъ. Второй санкціонировалъ самыя апостольскія права, Іаковъ одобрилъ ихъ фактическое осуществленіе. Такимъ образомъ мы находимъ, что три предшествующіе года служили къ огражденію божественнаго источника для апостольства и благовѣстничества Парлора, а эти пятнадцать дней неотразимо убѣждали въ независимости отъ человѣческихъ наученій и полномочій касательно спеціального примѣненія божественныхъ даровъ среди язычниковъ.

Теперь св. Павелъ — въ качествѣ богопосланнаго и церковно признаннаго Апостола — стоитъ уже на порогѣ къ надлежащему выполненію своего провиденціального миссіонерскаго призванія, какъ собственно эллинскій благовѣстникъ. Здѣсь заключалось всецѣлое оправданіе самаго подвига Павлова, — и безспорность своего свидѣтельства о такомъ важномъ моментѣ писатель удостовѣряетъ (I, 20) предъ лицомъ Божиимъ (2 Тим. II, 14. IV, 1) судомъ Всевышняго, что онъ нима-ло не жетъ, въ чемъ, видимо, обвиняли его іудейскіе хулители.

Подобная аппелляція есть, конечно, клятва, ибо употребленная фраза вполнѣ замѣняетъ сходныя реченія *ὁ θεὸς εἶδεν* (2 Кор. XI, 31), *θεὸς μάρτυς* (1 Θεсс. II, 5) и *μάρτυς τοῦ ἔτιν ὁ θεός* (Рим. I, 9; ср. 2 Кор. I, 23), которыя несомнѣнно отмѣчаютъ клятвенный процессъ. Отсюда возникаетъ старый споръ, разжигаемый слишкомъ категоричнымъ и острымъ тезисомъ, что всякая клятва абсолютно противорѣчитъ основнымъ началамъ Христовымъ, являясь уклоненіемъ отъ идеала и завѣта Господня въ сторону іудейской низменности и даже чисто номического приспособленія. Но тутъ большое недоразумѣніе, ибо *abusus non tollit usus*: — реальнымъ злоупотребленіемъ напрасно соизмѣряютъ и искажаютъ самый принципъ. А послѣдній констатируетъ, что при клятвенномъ актѣ мы какъ бы поднимаемся на небеса предъ самое лицо Божіе (*ἐνώπιον τοῦ θεοῦ*) и подтверждаемъ свои слова непосредственною ссылкой на соприсущую святость Божію, которая абсолютно не терпитъ при себѣ ни малѣйшей фальши и обязательно изобличила бы ее вмѣстѣ съ убійственнымъ посрамленіемъ всякаго лгуна (ср. Дѣян. V, 3 слл.), поскольку и вообще нельзя человѣку видѣть Бога безъ смертельной опасности (Суд: XIII, 22). Если здѣсь не пустая условная фикція, близкая къ постыдному взаимному мороченію, то необходимо допустить, что незыблемо принимается фактически доступная и

реальная возможность поднятія людей до самого Бога, чтобы I, 20. состязаться предъ Нимъ съ ожиданіемъ безспорнаго утвержденія или окончательнаго осужденія. Но боговъденіе прежде быко немислимо ни для кого (Исх. XXXIII, 31 сл. 1 Тим. VI, 16) и достигалось лишь Единороднымъ Сыномъ, Который исповѣдалъ Отца во Христѣ Иисусѣ (Ин. I, 18). Этимъ и для вѣрующихъ обезпечивается собственная близость къ Богу по самому ихъ христіанскому бытію, ибо при единеніи съ Господомъ Спасителемъ, какъ Сыномъ Божиимъ, всѣ оправданные, сливаясь съ Нимъ, бывають подлинными чадами Божиими и пользуются тѣснѣйшимъ общеніемъ съ Творцомъ и Владыкою всяческихъ, предъ Которымъ и могутъ свидѣтельствоваться съ несомнѣнностію.

Въ этомъ видѣ клятва безусловно примирима со всѣми истинами Евангелія. Само собою разумѣется, что гораздо лучше и желательнѣе полное ея отсутствіе въ человѣческой средѣ, когда не окажется даже надобности въ этомъ средствѣ (Мѡ. V, 34), поскольку исчезнетъ ложь и не будетъ нужды въ предосторожностяхъ противъ нея, почему станетъ довольно и простыхъ „да“ или „нѣтъ“ (Мѡ. V, 37. Іак V, 12). Это есть идеальное требованіе, которое предполагаетъ и равныя ему конкретныя условія, а — обращенное безъ нихъ въ практическую норму — сдѣлается лишь убійственнымъ для міра, изъ котораго всѣмъ пришлось бы уйти (1 Кор. V, 10), разъ въ немъ *всякъ человекъ*, самъ по себѣ, *ложь* (Рим. III, 4). А безъ такого жизненнаго примѣненія это была бы просто утопическая отвлеченность, коль скоро отвергаетъ постепенную и опосредствованную реализацію, или утрачивала бы свою возвышенность, принижаясь до человѣческой ограниченности и являясь условнымъ пріемомъ безъ всякой зиждительной силы. Идеаль руководить жизнью, но она лишь постепенно приближается къ нему въ послѣдовательномъ движеніи. Царство Божіе и правда Его бывають пока историческою реальностію только во Христѣ Иисусѣ, въ насъ же утверждаютъ не простымъ исповѣданіемъ идеальныхъ доктринъ, а жизненнымъ преображеніемъ въ процессъ послѣдовательнаго благодатнаго возрастанія, гдѣ всѣ промежуточные стадіи относительны и — однако — натуральны и фактически законны.

Все это вѣрно и для клятвы, которою св. Павелъ запечатлѣваетъ неложность своихъ сказаній о событіяхъ, иллюстрирующихъ божественность его апостолства по происхожденію, достоинству и примѣненію.

Всѣ разсмотрѣнныя особенности отчета Павлова не утраиваются прямо и рефератомъ Дѣписателя (IX, 26—30): — весьма возможно, что бывшій гонитель нашель въ Іерусалимѣ доступъ въ христіанскую среду именно чрезъ Варнаву (съ которымъ еще ранѣе, видимо, имѣлъ какія-то частныя связи). Видѣніе двухъ позволяло говорить неопредѣленно объ Апосто-

лахъ вообще, при чемъ у Луки этотъ терминъ употребляется не въ столь строгомъ смыслѣ, а св. Павелъ разумѣетъ другихъ Апостоловъ (Гал. I, 19) такого же ранга и вліянія, какъ Петръ и Іаковъ, и не исключаетъ всѣхъ прочихъ съ подобнымъ наименованіемъ; Іерусалимская проповѣдь Савла и состязаніе съ эллинистами легко укладываются на пространствѣ пятнадцати дней, или около „двухъ недѣль“ и ровно ничего не отрицаютъ, поелику οὐκ εἶδον Галатійскаго посланія относится лишь къ сонму апостольскому XII-ти и не обнимаетъ всѣхъ Іерусалимскихъ христіанъ и насельниковъ, съ которыми могъ встрѣчаться тогда писатель.

- I, 21. Если далѣе (I, 21) св. Павелъ упоминаетъ о своемъ отшествіи въ страны Сиріи и Киликіи (εἰς τὰ κλίματα τῆς Συρίας καὶ τῆς Κιλικίας), то — по снесенію съ извѣстіемъ Дѣян. IX, 30 о „препровожденіи“ его изъ Іерусалима въ Тарсъ Киликійскій — это должно понимать такъ, что изъ Кесаріи онъ направился моремъ и еще на пути приставалъ гдѣ-нибудь на Сирійскомъ побережьи, или же посѣщалъ Сирійскій округъ и до вызова его изъ Киликійскихъ предѣловъ Варнавой въ Антіохію¹⁾. Но проще и вѣроятнѣе думать, что тутъ у Апостола дается лишь суммарное изображеніе Сирійско-Киликійскаго пребыванія въ данной области безъ соблюденія строгой географической точности и взаимной преемственности²⁾, какъ нѣтъ ея и насчетъ хронологіи. Чтò было раньше и чтò послѣ, — не выражается прямо, но вполне согласно съ Дѣеписателемъ, что до отмѣченнаго ниже визита въ Іерусалимъ св. Павелъ былъ въ предѣлахъ и Сиріи и Киликіи, которыя, будучи отдѣльными административно, обособляемыми двумя членами (при названіи каждой), отмѣчаются у писателя подъ общимъ для обѣихъ обозначеніемъ τὰ κλίματα, какъ и у Луки это есть „объединенный церковный округъ“³⁾. Во всякомъ случаѣ тутъ для насъ совершенно темный періодъ жизни Апостола и у него самого рисуется собственно по связи съ аргументаціей всесторонняго и достохвальнаго обнаруженія санкціонированныхъ благовѣстническихъ правъ во всей ихъ независимости. И свидѣтельства сего самоочевидны. Онъ былъ невѣдомъ (I, 22) раньше для христіанскихъ (ἐν Χριστῷ ср. I Θεσσαλ. II, 14) общинъ

¹⁾ Или, наконецъ, что св. Павелъ называетъ эти страны по ихъ положенію на сѣверъ отъ Іерусалима, какъ † Prof. Th. Zahn, S. 73.

²⁾ Для сего ср. Дѣян. XV, 41: διήρχετο δὲ τὴν Συρίαν καὶ Κιλικίαν, хотя здѣсь обѣ области тѣснѣе объединяются однимъ членомъ.

³⁾ † Prof. Ad. v. Harnack, Die Apostelgeschichte: Untersuchungen (Leipzig 1908), S. 80: „ein einheitliches kirchliches Gebiet“.

въ Іудеѣ (ср. Дѣян. V, 16. IX, 31. XI, 1), кромѣ церкви въ Іерусалимѣ (ср. Дѣян. XI, 22), который отличается (ср. Ін. III, 22) отъ всей Іудейской территоріи, конечно, потому, что и для іудейства и для христіанства это былъ не мѣстный центръ, а вселенская религіозная митрополія. Такое положеніе сохранялось и теперь, ибо св. Павелъ продолжалъ оставаться лично неизвѣстнымъ (ἡμῶν ἀγνωστὸς) для іудейскихъ христіанскихъ братствъ по своему благовѣстнически-апостольскому авторитету, почему немыслимы и человѣческое наученіе и естественное пристрастіе простого дружескаго расположенія. Наряду съ этимъ историческимъ фактомъ тѣмъ замѣчательнѣе (I, 23) и ключительное (κλειδίον) явленіе, что проповѣдь Апостола была столь успѣшна и благословенна, что за все это время Іудейскіе христіане непрерывно слышали о ней съ совершенною неотразимостію, если для нихъ Павелъ былъ доселѣ и удержался во всеобщей христіанской памяти, какъ гонитель, для котораго преслѣдованіе христіанъ являлось самою типическою характеристикой его духовнаго бытія¹⁾. И вотъ оказалось, что то исповѣданіе, гдѣ сосредоточивалась вся христіанская вѣра, провозглашалась тогда Савломъ въ качествѣ самой радостной истины, хотя ранѣе онъ разрушалъ ее, какъ эссенціальный гонитель²⁾, опустошая церковь Божию (Гал. I, 13) чрезъ уничтоженіе ея христіанскихъ членовъ (Дѣян. IX, 21). Подобная метаморфоза не могла быть по прямой естественной причинности этихъ моментовъ и обязательно постулируетъ къ верховному участию Бога, сотворившаго такое чудо милости своей, которая олицетворялась и сіяла въ немъ для всѣхъ. Изъ это великое знаменіе премудрости Божіей въ обращенномъ Савлѣ вызывало у вѣрующихъ прославленіе Всевышняго въ виду живого носителя Его спасающей благодати (I, 24). Значить, благовѣстничество Павлово за весь этотъ періодъ было не только независимымъ, но и дѣйствительно божественнымъ. I, 24.

Изъ совокупности описанныхъ фактовъ вытекаетъ съ очевидностію, что апостольское достоинство св. Павла было божественнымъ 1) и по его происхожденію, 2) и по авторитету, 3) и по конкретному способу его раскрытія въ благовѣстіи о

¹⁾ Поэтому *ὁ διώκων ποτέ* и *ὁ πορθήσας* были какъ бы *termini technici* для Савла-гонителя въ устахъ самого св. Павла и говорившихъ погречески іудеохристіанъ: † Prof. Ad. v. Harnack, *Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte und zur Abfassung der synoptischen Evangelien* (Leipzig 1911), S. 70.

²⁾ Для *praes. ὁ διώκων* ср. *ὁ καταλύων τὸν ναόν* Мѡ. XXVII, 40 и *Ἰωάννης ὁ βαπτίζων* Мрк. VI, 14 по сравненію съ *ὁ βαπτιστής* Мѡ. XIV, 2. Но въ Дѣян. IX, 21 *ὁ πορθήσας* аог. употреблено въ качествѣ исторической припоминательной справки.

Христѣ-Спасителѣ. Если все это вѣрно, то онѣ не могъ не быть совершеннымъ Апостоломъ и истиннымъ Евангелистомъ для тѣхъ, которые и были и почитались таковыми по преимуществу. Этотъ дальнѣйшій логическій выводъ касается уже вѣрности служенія званію, степени совпаденія ихъ на практикѣ, которая, соизмѣряясь, одобряясь или изобличаясь своимъ принципомъ, и сама могла осуждать послѣдній раскрытіемъ его фактической непригодности.

Неудивительно, что этотъ существенный пунктъ оправдывается теперь исторически съ особенною торжественностію и неоспоримою непрекаемостію. Въ виду необычайной важности данного событія писатель и говорить о немъ точно и подробно.

- II, 1. Оно случилось черезъ 14-ть лѣтъ (Гал. II, 1) не послѣ обращенія Савлова (Baronius, Spanheim, Pearson, Semler, Keil, Vogel, Eichhorn, Olschhausen, Anger, Fstzische, Wieseler, Val. Weber, проф. о. А. В. Горскій), потому что *παλιν* (*паки вздыхъ*) отмѣчаетъ повторное посѣщеніе Іерусалима и, слѣдовательно, предполагаетъ прежній визитъ туда. Отъ этой именно грани и нужно считать (блаж. Іеронимъ, Usher, Hug, Schrader, Köhler, Hemser, Rückert, Meyer, Вр. J. В. Lightfoot, Sieffert, Zahn), когда получится — приблизительно — 51—52-й годъ.

При сопоставленіи съ книгою Дѣяній находимъ, что это не могло быть въ пятый (XXI, 17 сл.) приходъ Апостола въ Іерусалимъ предъ самымъ его арестомъ (Prof. С. Clemen и ср. Епифанія haer. XXVIII, 4), поелику самое посланіе къ Галатамъ выпущено раньше этого термина. Но не менѣе не удобенъ и второй Іерусалимскій визитъ (XI, 30. XII, 25), принимаемый нѣкоторыми комментаторами (Calvin, Gabler, Rosenmüller, Süsskind, Bertholdt, Kuinoel, Paulus, Köhler, Guerike, Keil, Niemeyer, Flatt, Ulrich, Böttger, Fritzsche, Stölting, Caspari, Ramsay, Val. Weber), ибо онѣ былъ около смерти Ирода Агриппы въ 44 году и по случаю бывшаго при императорѣ Клавдіѣ (41—45 г. г.) голода, а это рѣшительно противорѣчитъ всей апостольской хронологіи и вынуждаетъ защитниковъ данной гипотезы къ произвольной корректурѣ (Lud. Kapellus, Grotius, Keil, Niemeyer, Paulus, Ulrich, Böttger, Semler, Schott и др.) *δὲ τεσσάρων* (черезъ четыре) вмѣсто *δὲ δεκάτεσσάρων* („по четырнадцати лѣтъхъ“), для чего нѣтъ ни малѣйшихъ текстуальныхъ оправданій. Болѣе правдоподобнымъ кажется отождествленіе съ четвертымъ Іерусалимскимъ посѣщеніемъ (XVIII, 21—22) по завершеніи второго миссіонерскаго круга: оно встрѣчается уже давно и поддерживается многими солидными авторитетами (Luther, J. Capellus, Whiston, van Til, Hess, Wieseler, Huther, Lütterbeck), однако сомнительно по неясности совсѣмъ краткихъ извѣстій Дѣписателя, невозможно въ виду сопутствія св. Павлу Варнавы, отставшаго уже послѣ Апостольскаго собора, и ничуть не подтверждается упоминаніемъ Тита, ибо онѣ не совпадаетъ съ фигурировавшимъ тамъ лицомъ, имя котораго пишется въ кри-

тических изданіяхъ разнo: Ἰουδοῦς (t. rec.), Τίτος Ἰουδοῦς (TWH Nestle Souter) и Τίτος Ἰουδοῦς (v. Soden). Помимо сего 1) послѣдній былъ σεβόμενος τὸν θεόν, т. е. приверженецъ іудейской религіи, хотя и не оформившій своей внутренней принадлежности къ ней прямѣмъ прозелитизмомъ, когда нашъ Титъ былъ Ἑλλην; 2) тотъ рисуется жителемъ и даже домохозяиномъ Коринѣскимъ, какимъ не былъ (по происхожденію) спутникъ Павловъ, ибо послѣдній только прибылъ съ Апостоломъ въ Коринѣ.

Послѣ этого мы будемъ имѣть для сличенія лишь третье Іерусалимское путешествіе эллинскаго благовѣстника — изъ Антиохіи во святой градъ по предмету споровъ о значеніи закона Моисеева (Дѣян. XV), такъ какъ предполагать неизвѣстное Дѣписателю посѣщеніе Іерусалима (— W. M. Ramsay иногда между Дѣян. IX и XI, 30, Beza около Дѣян. XIII, 1, Paley и Rev. Prof. Vernon Bartlet предъ Апостольскимъ соборомъ: (C. Werzsäcker, Das Apost. Zeitalter, S. 2180, Schrader между Дѣян. XIX, 20 и 21—) равно не видится и основаній и побужденій, коль скоро остающаяся фактическая возможность подкрѣпляется достаточно прочными соображеніями, а это несомнѣнно и съ отрицательной и съ положительной стороны.

При подобномъ пониманіи, повидимому, исключается второй Іерусалимскій визитъ съ помощію отъ Антиохійцевъ голодающимъ Іерусалимлянамъ, но заявленія даннаго сорта то по страстию къ южно-галатійской теоріи, то по недовѣрію къ правдивости книги Дѣяній (Flatt, Rückert, Baur) съ тенденціозною догадкой, будто Лука измыслилъ эпизодъ по поводу голода либо вполне (Zeller, Hilgenfeld), либо частію, представивъ незаконченное путешествіе завершившимся (Bleek, Ebrard, Neander, Meyer и — съ колебаніемъ — Ammon) или изъ одного — на Апостольскій соборъ — фальшиво сдѣлавъ два (De Wette, Schleiermacher, Spitta), — всѣ эти критическія заявленія напрасны и ничуть не требуютъ насильственного истолкованія (Oehler, Theile, Schott, Val. Weber) предлога διὰ въ смыслѣ латинскаго intra — „въ теченіи четырнадцати лѣтъ“. Нѣтъ достаточныхъ причинъ заподозривась (вмѣстѣ съ Zahn'омъ) подлинность παλιν, однако нельзя и преувеличивать его энергіи, ибо это нарѣчіе („опять, снова“) не равняется непременно δεύτερον: — для него достаточно простой вторичности, но съ нимъ не менѣе удобно мирится и многократность новыхъ повтореній прежняго. Затѣмъ, и сочетаніе διὰ съ род. пад. имени не вполне покрываетъ (— вопреки Paulus, Schott и др. —) μετὰ съ вин. пад.: хотя оба они сходны по своей хронологической силѣ — въ указаніи промежутка времени для даннаго случая по сравненію съ раннѣйшимъ аналогичнымъ фактомъ, — при всемъ томъ первое изъ нихъ, приближаясь къ евр. mikkez (ср. у LXX-ти Второз. IX, 11: διὰ τεσσαράκοντα ἡμερῶν καὶ τὸς ῥάχοντα νοηλῶν) и русскому „черезъ“, выразительно отмѣчаетъ еще особый от-

II, 1. тѣнокъ, что бывшее доселѣ сохранялось за весь названный срокъ безъ колебаній и непрерывно по сію пору (ср. $\delta\epsilon\iota\alpha\lambda\acute{\omega}\nu\omicron\varsigma$ Второз. V, 29 (26). XII, 28. Іов. III, 18. Прем. Сол. IV, 18. Иса. LX, 21. Іер. XX, 11; $\delta\iota\alpha\ \eta\mu\epsilon\rho\omega\upsilon\upsilon$ Мѡ. XXVI, 61. Мрк. II, 1. XIII, 2. XIV, 58. Лк. IX, 37. Дѣян. I, 3), а теперь наступаетъ поворотъ и выдвигается новый моментъ. Вся апостольская фраза гласитъ — примѣрно — въ такомъ тонѣ: черезъ четырнадцать лѣтъ, въ продолженіи коихъ все оставалось одинаковымъ по общему соотвѣтствію принятымъ нормамъ предшествующаго Іерусалимскаго визита, я опять пошелъ въ Іерусалимъ, когда совершилась существенная переменна, въ свою очередь опредѣлившая будущее. Писатель вовсе не отрицаетъ промежуточныхъ Іерусалимскихъ посѣщеній и, пропуская нѣкоторыя изъ нихъ, онъ только свидѣтельствуетъ, что послѣднія совсѣмъ не затрогивали интересующаго предмета, а — напротивъ — формулированное чрезъ три года по обращеніи апостольско-благовѣстническое положеніе Павлово сохранялось за четырнадцать слѣдующихъ лѣтъ безъ всякихъ принципиальныхъ модификацій, и отношеніе всѣхъ разумѣемыхъ сторонъ было тождественнымъ. По этой фактической причинѣ у Апостола не возникало ни малѣйшей нужды перебирать всѣ частныя эпизоды разсматриваемаго періода, какъ идейно однообразнаго: не заключая въ своей обособленности индивидуально-отличительныхъ характерныхъ свойствъ по принципиальному достоинству, они не подходили къ авторскимъ цѣлямъ и потому не могли быть злоупотреблены іудействующими врагами ссылкой на сокрытіе ихъ, разъ эти факты для всѣхъ были равно безразличны, почему само собою падаетъ и возраженіе (Bleek, Ebrard, Meyer), будто св. Павелъ выдавалъ бы себя головой своимъ умолчаніемъ, которое было теоретически законно и лишено всякой тенденціозности.

Итакъ: пока ничто не препятствуетъ видѣть во II-ой главѣ Галатійскаго посланія отчетъ, параллельный XV-й главѣ книгъ Дѣяній, хотя примиреніе ихъ далеко не легко. Здѣсь вся истина, по нашему мнѣнію, будетъ въ томъ, что въ обоихъ рефератахъ сообщается лишь о разныхъ стадіяхъ единого историческаго событія и — согласно фразѣ $\alpha\nu\epsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\eta\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma\ldots$, $\kappa\alpha\tau'\ \iota\delta\iota\alpha\nu\ \delta\epsilon\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \delta\omicron\chi\omicron\upsilon\beta\omicron\iota$ (Гал. II, 2) — у Дѣеписателя о раннѣйшихъ, у Апостола о позднѣйшихъ¹⁾. Получается постепенность открытаго официальнаго собранія и частнаго личнаго совѣщанія, какъ и вполнѣ естественно, что интересы обще-

¹⁾ Поэтому и нельзя согласиться съ Prof. Ad. v. Haugpach, что у обоихъ идетъ рѣчь обо всемъ соборѣ, но св. Павелъ даетъ лично заостренный отчетъ, а у Луки выступаетъ „ein für Jerusalem und Antiochien gleich interessierter Mann“ (Die Apostelgeschichte: Untersuchungen, S. 198).

церковные обсуждались прежде индивидуально-миссионерских. II, 1. Такое распределение моментов обязательно логически и достаточно подкрепляется безспорными фактическими данными, которые раскрываютъ солидарность и взаимную необходимость обоихъ описаній. 1) Въ Гал. II, 7—9 апостольство Павла утверждается на реальной благоплодности его миссионерскаго служенія и затѣмъ изъ этой чисто эмпирической истины извлекается уже доминирующій принципъ. Нельзя спорить, что логически правильнымъ былъ бы совсѣмъ обратный ходъ, когда по признанному достоинству прямо требуется и неизбежно ограждается свойственное ему примѣненіе, которое нисколько не производитъ перваго, а только подкрѣпляетъ его, иллюстрируетъ и оправдываетъ его (ср. 1 Кор. IX, 2). Въдѣ теоретически возможно и фактически не рѣдко бываетъ, что узурпаторы и обманщики прекрасно играютъ незаконно присвоенную роль, а легальные носители званія и власти бываютъ плохими и даже преступными исполнителями своихъ несомнѣнныхъ правъ. Апостоль, разумѣется, понималъ все это и недопустилъ бы предъ лицомъ враговъ столь явной оплошности въ своей отвѣтственной аргументаціи. Посему отмѣченное нарушеніе идейнаго порядка могло вызываться независимою отъ послѣдняго фактической послѣдовательностію, въ которой силою вещей напередъ раскрылось качество осуществленія и уже по нему приходилось оцѣнивать дѣйствующій принципъ. Такъ именно и было на Апостольскомъ соорѣ, ибо во время его рѣчь касалась — ближе всего — плодовъ миссіи Павлозой (Дѣян. XV, 12). Тутъ рефератъ Галатійскаго посланія требуетъ для своего объясненія имѣющихся въ книгѣ Дѣяній извѣстій, которыя этимъ самымъ подтверждаются въ своей достовѣрности. Но тоже безусловно справедливо и для Дѣписательскаго повѣствованія. 2) Въ немъ достойно вниманія, что раньше св. Павелъ предпринималъ свои миссионерскія путешествія по полномочію Антіохійской церкви (Дѣян. XIII, 1—3), которой и доносились о достигнутыхъ результатахъ (XIV, 27), соотносясь съ нею насчетъ дальнѣйшихъ мѣръ (XV, 2—3), а послѣ третьяго Іерусалимскаго визита онъ дѣйствуетъ уже всецѣло по собственной инициативѣ и, никого не спрашивая, смѣло и властно приглашаетъ Варнаву: „пойдемъ опять, посѣтимъ братьевъ нашихъ по всѣмъ городамъ, въ которыхъ мы проповѣдывали слово Господне, какъ они живутъ“ (XV, 36). Прямо это мотивируется у Дѣписателя Іерусалимскимъ соборнымъ декретомъ, одинаково обязывающимъ всѣхъ вѣрныхъ (Дѣян. XVI, 4), и здѣсь нуженъ посредствующій актъ, нарочито санкціонировавшій апостольскій авторитетъ св. Павла для независимаго благовѣствованія въ мірѣ языческомъ. Это наблюдение не менѣе рѣшительно вынуждаетъ допустить вторую и позднѣйшую апостольскую конференцію спеціальнаго характера — лично о св. Павлѣ.

II, 1. При такомъ воззрѣніи поятна будетъ и вся историческая необходимость этого новаго разсмотрѣнія. Апостольскій соборъ „по долгомъ обсужденіи“¹⁾ отвергъ іудаистическую мысль насчетъ обязательности обрѣзанія для совершеннаго спасенія, но этимъ выражалось собственно то, что язычникамъ нѣтъ надобности идти къ христіанству путемъ іудейскаго прозелитизма: они могутъ непосредственно вступать въ церковь Христову, хотя не возбранялся и методъ іудаистическій, какъ пріемлемый и даже наиболѣе утвержденный практикою. Все зависѣло отъ соизволенія заинтересованныхъ лицъ, — и нельзя было съ несомнѣнностію выяснить, гдѣ господствующее правило и гдѣ дозволенное исключеніе. Скорѣе вѣрно, что первымъ казался іудаистическій способъ, а эллинская свобода отъ номистическаго чистилица являлась лишь приспособительнымъ изытіемъ изъ общаго порядка. Очевидно теперь, что синодальнымъ приговоромъ не отмѣнялись принципиально законническія нормы для христіанства по существу и тѣмъ менѣе провозглашались вредными или излишними. Въ такомъ случаѣ пока нимало не вытекало, что законническія ограниченія ветхозавѣтнаго религіознаго режима потеряли всякую сотеріологическую цѣнность, почему и безъ нихъ всякій языческій обращенецъ бываетъ абсолютно равенъ христіанину изъ іудеевъ и можетъ безпрепятственно достигать даже соучастія въ благовѣстничествѣ, какъ было съ чистымъ эллиномъ Титомъ. По связи съ послѣднимъ, олицетворявшимъ всю языческую миссію, для св. Павла вопросъ шель объ окончательномъ упраздненіи номизма въ самой жизни христіанской. Тутъ онъ былъ еще сохраненъ соборнымъ опредѣленіемъ для іудео-христіанъ по условіямъ исторической педагогіи, но эллинская миссія Павлоза фактически созидалась на совершенномъ отверженіи номизма и для догматической прочности требовала принципиальнаго рѣшенія, — конечно, — со стороны однихъ тѣхъ лицъ, которыя единственно компетентны въ сужденіи о существѣ христіанской истины и о ея фактическомъ закрѣпленіи среди людей. Отсюда мы видимъ, что у св. Павла была особая нужда, важная и лично для него самого и для самой судьбы христіанскаго оглашенія. Естественно, что онъ постарался выяснить этотъ предметъ точно и Апостолы нашли необходимымъ отвѣтить спеціально, а іудействующие враги употребили все стремительное усердіе для своего торжества. Понятно, что для сего и устроено было нарочитое, не публичное²⁾ „стяжаніе“ съ одними „знаменитѣйшими“ по минованіи общихъ совѣщаній.

¹⁾ Это выраженіе Дѣян. XV, 7, однако, ничуть не утверждаетъ что тогда были „Mann gegen Mann und Glaube gegen Glaube“, какъ говоритъ † Prof. C. Weizsäcker, Das Apostolische Zeitalter, S. 2168.

²⁾ Для Гал. II, 2 см. въ 2 Макк. IV, 5 противоположеніе

Несомненно отсюда, что между Дѣян. XV и Гал. II нѣтъ противорѣчія, ибо, касаясь разныхъ стадій въ цѣломъ событіи, они не могутъ быть ни тождественными, ни взаимоисключающими, но лишь согласующимися въ главномъ и важнѣйшемъ, какъ это и открывается при безпристрастномъ анализѣ¹⁾. Не менѣе очевидно и необычайное значеніе разбираемаго эпизода въ личной исторіи Павловой, если здѣсь затрогивался самый жизненный нервъ ея и предопредѣлялось все будущее эллинскаго миссіонерства. Поэтому для путешествія въ Іерусалимъ отмѣчается въ Галатійскомъ посланіи и особый мотивъ внѣшняго откровенія божественнаго (Гал. II, 2), которыми Апостолу внушено было свыше, что, исполняя порученіе Антиохійцевъ²⁾, онъ получить авторитетное удовлетвореніе и личныхъ миссіонерско-благовѣстническихъ запросовъ. Они описываются во фразѣ съ отгѣнкомъ непрямого вопроса: *μή πως*³⁾ *εἰς ἑνὸς τρεῶν ἡ ἑδράμων, да не како вотьще те ку*

II, 2.

κοινῇ καὶ κατ' ἰδίαν и ср. въ Дѣян. XX, 20 *δημοσίᾳ καὶ κατ' οἴκους*.

¹⁾ Другой способъ соглашенія предлагаетъ † Prof. Ad. v. Harnack (Die Apostelgeschichte, S. 188 ff.), который, принимая выводы G. Resch'a junior (Das Aposteldekret nach seiner ausserkanonischen Gestalt въ „Texte und Untersuchungen“ XXVIII, 3, Leipzig 1905), утверждаетъ, что апостольскій декретъ — исключительнаго этического содержанія (см. и Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 308), почему въ Гал. II и Дѣян. XV мы имѣемъ два „совершенно самостоятельные реферата: одинъ — Павла, другой — чело́вѣка, равно заинтересованнаго въ Іерусалимѣ и Антиохіи“ (S. 198). Но 1) для сего необходимы слишкомъ большія измѣненія Дѣписательскаго текста и 2) чѣмъ они существеннѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ контрастъ между цѣлію Апостольскаго собора и его результатомъ, что Апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія того, правда ли, что безъ обрѣзанія по обряду Моисееву нельзя спастись и должно ли обрѣзывать язычниковъ и заповѣдывать имъ соблюдать законъ (Дѣян. XV, 1, 2, 5, 6), а въ концѣ концовъ ограничились общими моральными нормами, совершенно умолчавъ о самомъ главномъ. Это абсолютно невѣроятно по самоочевидной неестественности, и потому надо согласиться, что въ декретѣ приводятся немногія легалистическія правла, избранныя по ихъ моральной пригодности для интересовъ чистой христіанской миссіи.

²⁾ Посему это есть не одно внутреннее убѣжденіе, что такая воля Божія (какъ утверждаетъ † Prof. C. Weizsäcker, S. 2148), хотя вообще Апостолъ имѣлъ „Духа Божія“ (1 Кор. IX, 7), какъ объективный факторъ.

³⁾ Въ этомъ смыслѣ для *μή πως* см. † Prof. Th. Zahn, S. 82.

- II, 2. или текохъ. Настоящее время глагола (*теку*) указываетъ всегдашнее и неизмѣнное начало подвига Павлова (ср. 1 Кор. IX, 26), а прош. несоверш. (*текохъ*) отмѣчаетъ частные факты его практическаго осуществленія въ прошломъ. Св. Павелъ желалъ имѣть категорическій отвѣтъ относительно того, правильно ли онъ исповѣдывалъ и избиралъ миссіонерское направленіе и точно ли его держался въ своемъ фактическомъ служеніи. Но по нормальной логикѣ тутъ оба момента должны были совпадать между собою, когда принципъ выражается въ соотвѣтственныхъ актахъ и оправдывается ими въ своей дѣйствительности. Столь строго формулируемое раздѣленіе свидѣлствуетъ, что въ данномъ случаѣ (къмъ-то) не допускалось такого согласія, почему возможно было недоумѣніе и насчетъ заправляющихъ идеаловъ и касательно внѣшнихъ обнаруженій. Осужденіемъ первыхъ, конечно, порицались и вторыя, но фактическія реализаціи ничуть не ограждались во всѣхъ своихъ формахъ истинностію принципиальныхъ мотивовъ, ибо мыслимо теоретически и бываетъ не рѣдко фактически, что при конкретномъ воплощеніи извѣстной аксіомы происходятъ уклоненія и нарушенія, иногда достигающія въ своемъ развитіи чуть не до степени контраста. Практика слишкомъ часто ломаетъ идею. Естественно, что несомнѣнность апостольскаго достоинства — сама по себѣ — далеко еще не апробируетъ благовѣстническаго служенія Павлова въ его подлинныхъ, реальныхъ свойствахъ, которыя могли быть совсѣмъ скверными и даже преступными. Этимъ выдвигалась для спеціальнаго испытанія новая задача: выдерживается ли въ миссіонерской работѣ и оправдывается ли ею тотъ верховный принципъ, какой уже былъ признанъ „предними“ Апостолами по вниманію къ апостольскому избранію св. Павла? Въ результатѣ получилось бы освященіе всего миссіонерскаго метода Павлова — при положительномъ отвѣтѣ, либо его прямое отрицаніе, когда и догматическая основа то утверждалась незыблемо, то отвергалась безвозвратно. Тутъ заключалось своего рода „быть или не быть“ для самаго апостольства Павлова и для всей эллинской миссіи. Столь роковое недоумѣніе было заявлено къ благовѣствованію, примѣнявшемуся при проповѣди среди язычниковъ (II, 2), — и его особенная сила раскрывается упоминаніемъ
- II, 3. Тита (II, 3). Видимо, послѣдній не принадлежалъ къ числу „нѣкихъ другихъ“, отправленныхъ Антиохійцами съ Павломъ и Варнавой на Апостольскій соборъ (Дѣян. XV, 2), поелику онъ не былъ посланъ изъ Антиохіи, а его — сверхъ официальной свиты — „взялъ съ собою“ самъ Апостолъ (Гал. II, 1: συμπαραλῆβον καὶ Τίτῳ) въ качествѣ личнаго довѣреннаго спутника (ср. Дѣян. XV, 37: Βαρνάβας δὲ ἐβούλετο(ύσκη)το συμπαραλαβεῖν (καὶ) τὸν Ἰωάννην τὸν κληόμενον Μάρκον) и, разумѣется, не безъ нарочитыхъ цѣлей, предполагаемыхъ и спеціальнымъ участіемъ верховнаго откровенія. Объ этихъ намѣреніяхъ мы

не безъ права можемъ догадываться по ближайшей характеристикѣ Тита. Первѣе всего, это $\delta\sigma\nu\epsilon\mu\acute{o}\iota$, иже со мною (II, 3), но для пребыванія его съ Павломъ въ Іерусалимѣ такая замѣтка совершенно излишня по несомнѣнности факта, засвидѣтельствованного выше (II, 1). Посему мы должны признать, что данною фразой подчеркивается внутренняя неразрывность названныхъ лицъ, когда второй всегда бываетъ соприсущимъ первому и неразрывнымъ отъ него. Въ этомъ смыслѣ Титъ былъ какъ бы двойникомъ св. Павла, его ближайшимъ помощникомъ на миссіонерскомъ поприщѣ, неоспоримо авторитетнымъ, хотя и вторичнымъ, носителемъ Евангелія Христова по догматическому исповѣданію и миссіонерскому примѣненію. Но — съ другой стороны — онъ и $\epsilon\lambda\lambda\eta\nu\omega\nu$, еллинъ сый, неизмѣнно сохранявшій свое эллинское отличіе, какое типически отдѣляло его отъ другихъ съ религиозной точки зрѣнія, а тутъ характерною является лишь полная непричастность къ номизму со всею его ритуальною практикой. Слѣдовательно, Титъ былъ чистѣйшій язычникъ, совсѣмъ не вѣдавшій ига Моисеевыхъ заповѣдей. Это сочетаніе гласило, что эллинизмъ, не нуждаясь въ обрѣзаніи для полноты своего христіанскаго достоинства, не закрываетъ пути и къ высшимъ степенямъ благовѣстничества. Этимъ живымъ примѣромъ іудеистическія ограниченія уничтожались окончательно для христіанства вообще, а для миссіонерства санкціонируется безызъятное торжество благодати Христовой.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Титъ былъ яркою, неотразимою иллюстраціей всесовершенной независимости Евангелія Христова по методу Павлову. Ясно, что исключительно къ этому пункту должны направляться и всѣ рѣчи о Титѣ, что онъ, какъ вѣрный павлинистъ принципиально не подчинялся іудеистическимъ нормамъ въ своемъ христіанскомъ бытіи. Последнее становилось вполне абсолютнымъ и всецѣло свободнымъ. Но правъ ли здѣсь св. Павелъ? — для рѣшенія этого вопроса было недостаточна общаго соборнаго декрета, ибо всѣ христіане, даже іудеисты, принимали, что Евангеліе назначено и для язычниковъ, но касательно способовъ дѣйствія возможны были и встрѣчались разныя мнѣнія. Теперь естественно и совѣщаніе съ одними „знаменитѣйшими“ (II, 2), гдѣ Апостолъ языковъ одержалъ совершеннѣйшую побѣду, поскольку Титъ не былъ принужденъ обрѣзаться (II, 3), а это предполагаетъ активныя давленія. Последнія исходятъ отъ іудеиствующихъ, потому что именно имъ и не покорился тогда писатель (III, 5). Для такого энергическаго¹⁾ отказа (II, 4) были у него всѣ неоспоримыя II, 4.

¹⁾ Это подчеркивается и адверсативнымъ $\delta\epsilon$, которое несомнѣнно указываетъ, что тутъ начинается новый періодъ († Prof. Zahn, S. 88), почему нельзя стихъ 4-й связывать съ предшествую-

II, 4. причины: 1) эти люди суть *ψευδαδελφοί*, лжебратія и — значитъ — ложно усвояють себѣ братскую солидарность съ истинно вѣрующими чадами Божиими (ср. 2 Кор. XI, 26), которая вполне законно отвергають ихъ партійно-лицемѣрныя требованія (ср. *ψευδαπ'στολος* 2 Кор. XI, 13) и вообще не считаются съ ними въ своемъ христіанскомъ устроеніи и поведеніи; 2) не приналежа внутренно къ христіанско-братской средѣ, они могутъ проникать туда безъ легальной надобности (ср. Рим. V, 20) лишь тайно, подъ фальшивою маской, и потому съ коварными намѣреніями, какъ злостные шпіоны, желающіе внести туда пагубную дезорганизацію (для *κατασχεῖν* ср. 2 Петр. II, 1) съ эгоистическими цѣлями, чтобы секретно высмотрѣть (ср. Нав. VI, 22—25. XIV, 7) и уничтожить все ненавистное для нихъ, а 3) христіанское братство отличается благодатною свободой, которую всѣ члены имѣють во Христѣ Иисусѣ, являясь по силѣ единенія съ Нимъ солидарными дѣлами Небеснаго Отца; понятно, что номисты, будучи рабами закона, шпіонски выслѣживають именно эту привилегію, чтобы парализовать ее совѣтъ и поработить христіанъ не столько себѣ, сколько наравнѣ съ собою, поставивши всѣхъ въ одинаково рабское положеніе законническихъ подневольниковъ.

И эти замыслы были бы достигнуты рѣшительно, еслибы живой носитель Павловыхъ принциповъ — Титъ — былъ принужденъ къ обрѣзанію апостольскимъ приговоромъ. Однако темные соглядатаи потерпѣли окончательный крахъ, а тогда ясно, что и подготовлявшася ими акта въ отношеніи Павлова двойника не случилось. Этимъ расчищается почва для II, 5. оцѣнки разногласій касательно начала 5-го стиха, гдѣ всѣми критическими издателями принято *οἷς οὐδὲ*, но немало ученыхъ желаютъ изъять отрицаніе и тѣмъ утверждаютъ, что св. Павелъ „на часъ“ все-таки уступилъ іудаистамъ. Матеріалы по этому вопросу за новое время объективно собраны и освѣщены проф. Т. Цаномъ (Der Brief des Paulus an die Galater, S. 287—296), который констатируетъ слѣдующія варіаціи: 1) *πρὸς ὄρα* (безъ *οἷς οὐδὲ*), 2) *οὐδὲ πρὸς ὄρα*, 3) *οἷς πρὸς ὄρα* (безъ *οὐδὲ*), 4) *οἷς οὐδὲ πρὸς ὄρα*. Но какіе бы авторитеты ни приводились за всѣ эти редакціи, — первую и вторую изъ нихъ надо считать сокращеніями третьей и четвертой, выпускающими бывшее до нихъ *οἷς*. Дѣлалось это по отвлеченнымъ грамматическимъ соображеніямъ, чтобы стала нѣсколько болѣе правильною апостольская фраза, являющаяся весьма запутанной¹⁾.

ющимъ, опуская *δέ* (напр., блж. Θεοδωρίτѣ, Творенія VII стр. 382; еп. Θεοφάντѣ, стр. 2133—134), ибо для такого изъятія нѣтъ текстуальныхъ основаній.

¹⁾ Но вѣдь это совѣтъ не резонъ. ибо самъ же † Prof. Th. Zahn (S. 89) констатируетъ рѣзкій анаколутъ въ ст. 6-мъ.

Тутъ не было текстуальной принудительности въ существующихъ свидѣтеляхъ, если первую форму Тертуллианъ старается обосновать „чисто діалектическимъ способомъ“ (S. 294). Тоже вѣроятно и для второй разновидности, ибо она проектируется собственно по намекамъ Тертуллиана и иногда прямо называлась греческимъ изобрѣтеніемъ (S. 288—289). По всему изложенному нѣтъ надобности обсуждать всѣ четыре редакціонные оттѣнка, поскольку вся важность лишь въ удержаніи или опущеніи отрицательнаго *οὐδέ*. Но здѣсь наиболѣе рѣшающимъ является то наблюденіе, что отрицательное построение гарантируется греческими авторитетами, а положительное — почти исключительно латинскими, о чемъ категорически говорить блаж. Іеронимъ (стр. 38). Лишь чисто теоретическими соображеніями обезпечивается догадка, будто первое утверждаетъ одновременное существованіе второго (S. 288), которое было изначальнымъ въ латинской Библии (S. 291), но на это нѣтъ фактическихъ данныхъ. Между тѣмъ безспорно, что негативная конструкция извѣстна со временъ Маркіона (около 150 г.) не въ качествѣ его личной корректуры, а какъ общепринятое церковное чтеніе (S. 288). бывшее таковымъ и для св. Иринея (около 185 г.) и для Тертуллиана. При подобныхъ текстуальныхъ условіяхъ мы не имѣемъ научнаго права идти противъ объективныхъ фактовъ. Только чрезвычайная логическая принудительность могла бы склонить къ отступленію вопреки всѣмъ текстуально-критическимъ нормамъ, однако, при внимательномъ разсмотрѣніи получается совсѣмъ обратное. Въ этомъ случаѣ и древніе и новые комментаторы проповѣдуютъ, что разумѣемое „краткое“ подчиненіе св. Павла іудеистамъ относится не къ Апостольскому собору, съ которымъ связывается единственно исторія Тита, какъ этому же помогаетъ и извѣстіе *οὐδ*. При этомъ все предшествующее будетъ принадлежать именно къ эпизоду съ Титомъ. Тогда выйдетъ, что послѣдній не былъ обрѣзанъ въ Іерусалимѣ спеціально изъ-за іудеиствующихъ, чтобы они не смѣли коварно трубить о своей торжественной побѣдѣ надъ Павломъ предъ лицомъ „знаменитѣйшихъ“, а для всѣхъ было ясно, что истина непреодолима и не допускаетъ ни малѣйшихъ сдѣлокъ. Эта политика правдоподобна и принципиально и для миссіонерскихъ пріемовъ Павловыхъ. Но при этомъ толкованіи будетъ совсѣмъ непонятнымъ и даже страннымъ соглашательство апостольское, хотя бы и кратковременное. Чтò бы мы тамъ ни предполагали, — всегда будетъ получаться, что эллинскій благовѣстникъ допускалъ уступки ради приспособленія къ іудеямъ и іудеиствующимъ. Не есть ли все это прямо вопіющее противорѣчіе и мыслимо ли оно въ евангельски непреклонномъ на этотъ счетъ (Гал. I, 10) Апостолѣ языковъ? Правда, въ книгѣ Дѣяній сообщаются о немъ данныя обратнаго свойства, и надо было ихъ просто освѣтить согласно собственнымъ апостольскимъ

II, 5. словамъ. Не отсюда ли и возникли всѣ соотвѣтственные текстуальныя корректуры и примирительныя толкованія? Если „да“, то они всѣ одинаково неудачны и не могутъ быть аргументированы убѣдительно. Прежде всего, грамматическая конструкція нимаго не позволяетъ допускать хронологическое расторженіе между рѣчью о Титѣ и о временныхъ уступкахъ, о которыхъ — въ крайнемъ случаѣ — надо было сказать раньше, а ничуть не послѣ. Затѣмъ, по логической ассоціаціи весьма непонятно, какъ подчиненіемъ чему-либо не вполне истинному можно обезпечить практическое господство для истины, когда въ результатѣ былъ принятъ совершенно противоположный *modus agendi* (ср. Гал. I, 10)?... Наконецъ, и конкретныя сближенія этого рода болѣе, чѣмъ сомнительны. Одни думаютъ, что подчиненіемъ именно было путешествіе св. Павла на Апостольскій соборъ и участіе въ немъ, когда самъ онъ считалъ кардинальный вопросъ — о христіанской свободѣ — не подлежащимъ никакому обсужденію¹⁾. Но дозволительна ли какая-либо рѣчь объ уступчивости іудаистамъ со стороны Павла, если онъ пошелъ въ Іерусалимъ по откровенію? Другіе относятъ анализируемую фразу къ случаю съ Тимофеемъ и другимъ подобнымъ фактамъ миссіонерской приспособительности Павловой. Тутъ мы изъ раннѣшаго періода перескакиваемъ въ позднѣйшій, показывая отсутствіе фактической обоснованности и вовсе не приобретаая ничего цѣннаго для пониманія интересующаго пассажа. Во всѣхъ предполагаемыхъ примѣрахъ не было *ελαττω*, или подчиненія обязательному авторитету (ср. 2 Кор. IX, 13. 1 Тим. II, 11. III, 4), а лишь благовѣстническое примѣненіе неизмѣннаго принципа, не терпящаго ни малѣйшихъ пожертвованій имъ, но повелительно требующаго отъ каждого исповѣдника благоразумнаго использованія ради спасительныхъ цѣлей²⁾. Возможны ли и здѣсь трактаціи объ апостольской аккомодативности іудействующимъ? Очевидно, нѣтъ, и потому всѣ документальныя и кемнотекстуальныя мотивы требуютъ принятія отрицательной конструкціи въ началѣ 5-го стиха.

Въ немъ констатируется, что іудействующие шпіоны хотѣли выиграть свою побѣду, заставивъ обрѣзать апостольскаго спутника, „еллина“ Тита, когда обнаружилось бы фактиче-

¹⁾ Ср., напр., у блаж. Іеронима, Творенія XVII, стр. 38—41.

²⁾ См. св. I. Златоустъ (*Migne gr. LXI, col. 632*; Творенія X, стр. 753—754): „тамъ, гдѣ не было вреда для благовѣстія, онъ (Павелъ въ отношеніи іудейскихъ обычаевъ) являлся уступчивъ во всѣхъ; гдѣ же онъ видѣлъ, что отъ уступчивости произойдетъ для нѣкоторыхъ вредъ, онъ не пользовался этимъ преизбыткомъ смиренія, потому что это уже не значило бы быть смиреннымъ, но погублять и развращать наставляемыхъ“.

ски, что одной благодати недостаточно для христианского совершенства. Но св. Павелъ предусмотрѣлъ эту злостно-опасную сторону и не уступилъ вражескому напору вторгнувшихся соглядатаевъ (οἱς) ни на единое мгновение (horaе momento; ср. 2 Кор. VII, 8. Филим. 15. Ін. V, 35. 1 Тим. II, 17), охраня самое существо Евангелія, или ту истину его (ἡ ἀλήθεια τοῦ εὐαγγελίου), которая въ немъ только и заключается и безъ которой само оно уже не будетъ истиннымъ (II, 5). Следовательно, это есть нечто божественно непреложное и повсюду обязательное всегда для всѣхъ, — въ томъ числѣ, конечно, и для Галатовъ, но всего менѣе лишь для нихъ однихъ. Тогда изъ цитованной фразы нельзя выводить, что Апостолъ разумѣетъ провозглашенное еще до Апостольскаго собора благовѣстіе, почему читатели были южно-галатійцами¹⁾. Между тѣмъ рѣчь ведется принципиальная и говорить о неизмѣнномъ и неповрежденномъ сохраненіи (διαμείνῃ) подлинной Евангельской истины всѣми, когда бы и кто бы ее ни получилъ. Следовательно, и о Галатахъ свидѣлствуется не болѣе того, что они, уже имѣвшіе тогда истинное Евангельское благо, должны были соблюдать его въ томъ видѣ, въ какомъ все это было обезпечено св. Павломъ при описанномъ свиданіи со „знаменитѣйшими“ въ Іерусалимѣ. А оно заключалось въ томъ, что свобода во Христѣ есть необходимѣйшее и главнѣйшее свойство Евангелія Христова. Естественно, что тутъ недопустимы улучшающія добавленія, хотя бы и со стороны „мнимыхъ столповъ“. При томъ и вообще въ дѣлѣ Божіемъ частныя человѣческія отличія бываютъ вполне безразличными, ибо тамъ все отъ Бога, а Онъ нелицепріятенъ, не руководится личными особенностями²⁾, приная ихъ за основу своихъ рѣшеній и дѣйствій (II, 6). Понятно, что этимъ не отрицаются историческія преимущества у „преднихъ“, которые нѣкогда были тѣмъ, чего лишень былъ Павелъ³⁾, но это не составля-

II, 5.

II, 6.

¹⁾ Въ пользу сего † Prof. Th. Zahn (S. 94) указываетъ на πρὸς ὁμᾶς, какъ, яко бы, выражающее собою состояніе покая въ раннѣйшей позиціи, но вѣрнѣе совсѣмъ обратное, и во всякомъ случаѣ энергичность тутъ не ниже активнаго оттѣнка „въ отношеніи васъ“.

²⁾ Ср. Второз. X, 17: ὁ θεὸς... οὐ φανίσκει πρόσωπον. Еврейское *nasa panim* значить: поднимать у кого-либо лицо, чтобы видѣть, рассмотреть.

³⁾ Уже по этому нельзя принять такую „мысль: прежде они думали, что нуженъ законъ, а теперь уже перестали такъ думать (Экум.), въ чемъ у меня съ ними нѣтъ разности“ (еп. Теофанъ, стр. 2142). Въ чемъ же бы тогда заключалась ихъ „знаменитость“? Или она была „мнимая“? Но вѣдь οἱ δοκοῦντες ἀρχεῖν τῶν ἐθνῶν Мрк. X, 42 передается у Мѳ. XX, 25 и Лк. XXII, 25 οἱ ἀρχοντες τῶν ἐθνῶν и οἱ βασιλεῖς τῶν ἐθνῶν.

- II, 6. етъ существеннаго различія теперъ, когда онъ является Апостоломъ и всѣ благовѣстники равны по апостольству. Ясно, что разумѣется самовидчество „знаменитѣйшихъ“ въ непосредственномъ общеніи съ Господомъ Спасителемъ въ періодъ Его земной жизни. Св. Павелъ ничуть не отвергаетъ этого факта, но не допускаетъ іудаистическаго преувеличенія названной исторической черты, будто этимъ дается „преднимъ“ самодержавное преобладаніе и предъ нимъ, какъ предъизбраннымъ и богопосланнымъ Апостоломъ Христовымъ¹⁾. Напротивъ, для самаго благовѣстническаго достоинства это есть нѣчто временное, „бывшее“ и минувшее въ своемъ хронологическомъ превосходствѣ, слѣдовательно — совсѣмъ преходящее, чуждое всегдашней и обязательной для другихъ силы. Вполнѣ нормально, что іерусалимскіе вожди, въ свою очередь, тоже не нашли въ этомъ опоры для властнаго возвышенія надъ своимъ равноправнымъ собратомъ съ возложеніемъ на него добавочныхъ требованій²⁾, когда онъ явился бы несовершеннымъ и нуждающимся въ новыхъ вспомогательныхъ средствахъ для достиженія истинной благовѣстнической высоты. Это значило бы, что св. Павелъ не достаточенъ по сравненію съ „предними“ въ самомъ своемъ апостольскомъ достоинствѣ, а уже было констатировано совсѣмъ обратное. Поэтому дискредитированіе Павлово могло быть только коварнымъ и не имѣло надежды на успѣхъ у прямыхъ выразителей воли Божіей. Подобнаго результата страстно желали іудействующие шпіоны, — и тѣмъ позорнѣе было для нихъ окончательное пораженіе.
- II, 7. Случилось прямо противное злокозненнымъ замысламъ (II, 7). „Предніе“ убѣдились, что — по авторитетному и непреложному довѣрію — св. Павлу поручено неотъемлемо (πέπισμαι) благовѣстіе Христово, и онъ есть уполномоченный строитель тайнъ Божіихъ со спеціальною миссіей проповѣдника для необрѣзанія, которое со стороны воздѣйствія на него спасающей благодати оказывается тождественнымъ съ обрѣзаніемъ. Отсюда неоспоримо и его всецѣлое совпаденіе (καθώς) со св. Петромъ, каковой фактъ энергически выдвигается потому, что Кифа былъ первѣйшимъ представителемъ миссіонерства въ Израилѣ и онъ же смѣло и прежде другихъ переходилъ его границы³⁾. Тутъ не было ни малѣйшаго лицепріятнаго при-

¹⁾ Уже эта связь показываетъ, что въ Гал. II, 6 подъ „бывшими нѣкогда“ безусловно нельзя разумѣть іудаистовъ, яко бы пользовавшихся благоволеніемъ и покровительствомъ „знаменитѣйшихъ“, какъ допускается у Val. Weber'а безъ всякихъ серьезныхъ основаній и побужденій. Ср. „The Journal of Theological Studies“ III, 12 (January, 1902), p. 633—634.

²⁾ Ср. Хеп. Мем. II, 1 : 8 προσχέσθαι τι — возложить новую тяжесть, добавочное (излишнее) бремя.

³⁾ Отсюда ясно, насколько являлось важнымъ для св. Павла

страстія, а все покоилось на осязательныхъ данныхъ, поскольку говорится о видѣніи чего-то исторически совершившагося (*ιδόντες*), а это требуетъ для себя объективныхъ фактовъ, доступныхъ общему наблюденію и точному изслѣдованію. Эти фактическія оправданія изображаются (II, 8) въ качествѣ одинаковаго результата содѣйствія Божія іудейскому и эллинскому благовѣствованію, гдѣ обязательно содружество двухъ силъ — чрезвычайной и постоянной, поддержанной божественнымъ „споспѣшествованіемъ“. Но послѣднее принципиально и практически всегда бываетъ активнымъ, а при единствѣ суммы будутъ совпадающими и вторыя слагаемыя ея. Значитъ, къ равному ординарному фактору привходилъ столь же равный необычный агентъ. Теперь понятно и свойство получаемыхъ отсюда данныхъ, ибо такое сочетаніе необходимо должно было сопровождаться экстраординарными явленіями, превышающими повсюдный нормальный уровень. Тогда передъ нами будетъ нѣчто чудесное, для всѣхъ видимое и неотразимое. Въ этомъ отношеніи между Петромъ и Павломъ, дѣйствительно, усматривается равенство миссіонерскаго опыта и успѣха. Въ Кесаріи „вѣрующіе изъ обрѣзанія изумились, что даръ Святаго Духа излился и на язычниковъ“, а Симонъ на это замѣтилъ (Дѣян. X, 45, 47): егда воду можетъ возбранити кто, еже не крестится симъ, иже Духъ Святыи пріѣша, якоже и мы? Этимъ сердцеѣдецъ Бога нарочито и ясно засвидѣтельствовалъ, что Онъ не положилъ никакого различія между ими и тѣми (Дѣян. XV, 7—9). Тутъ у св. Петра были спеціальныя божественныя удостовѣренія законности и правильности христіанской проповѣди въ пользу свободы для эллиновъ, но и Павелъ съ Варнавою рассказывали о поразительныхъ „знаменіяхъ и чудесахъ“ Божіихъ во языцѣхъ за время своего миссіонерскаго прошлаго. Это были неотразимыя *τὰ σημεῖα τοῦ ἀποστόλου*, являемыя *ἐν σημείοις καὶ τέρασιν καὶ δυνάμεσιν* (2 Кор. XII, 12). Углубляясь дальше въ существо этихъ фактическихъ наблюдений, нельзя было не убѣдиться и въ равноцѣнномъ достоинствѣ регулярнаго фактора апостольскаго благовѣстничества. Если итогъ условливается двумя двигателями, изъ которыхъ сверхъестественный всегда солидаренъ, то и другой долженъ быть не менѣе единымъ, чтобы получался согласный эффектъ. Посему даже ариѳметически несомнѣнно, что совершенное сходство простирается и на вспомошествоваемую свыше апостольскую энергію (II, 9).

II, 8.

II, 9.

сближеніе его съ Апостоломъ Петромъ и какъ оно согласуется съ предпосредствующею аргументаціей (Гал. I, 18), а потому въ самой основѣ невяренъ тезисъ книжки E. Barnicoľ'a, *Der nichtpaulinische Ursprung des Parallelismus der Apostel Paulus und Petrus* (Galater 2, 7—8), Kiel 1931.

II, 9. Для „преднихъ“ она была въ данной имъ и дѣйствующей черезъ нихъ благодати Божіей, которая будетъ въ полной мѣрѣ несомнѣнною и во св. Павлѣ, какъ всегда пребывающая въ немъ и неизмѣнно присущая его благовѣстничеству въ качествѣ равнаго съ Петровымъ дара Божіа. Но разъ исключительно благодатнымъ соучастіемъ обоихъ отмѣченныхъ элементовъ предрѣшаются и важность и плодотворность евангельскаго подвига всѣхъ посланниковъ Христовыхъ, — въ такомъ случаѣ и Апостоль языкъ оказывается на ряду съ „мнимыми столпами“. Уже въ силу этого опытнаго познанія одобрение ихъ слѣдовало теперь неизбежно, и оно непререкаемо со всѣхъ сторонъ, ибо исходило отъ Іакова, Кифы и Іоанна.

Подъ первымъ разумѣется, конечно, вышеупомянутый „братъ Господень“, но если тамъ это отличіе не давало ему преимущества передъ Апостоломъ Петромъ, то и здѣсь первое мѣсто могло принадлежать ему лишь по званію главы Іерусалимской первохристіанской общины¹⁾. Это была церковноматерь, откуда начиналось, отправлялось и пока регулировалось всякое благовѣстіе по распространенію Евангелія во вселенной. Въ этомъ смыслѣ Іаковъ своимъ благословеніемъ санкціонировалъ теоретически-догматическую законность христіанскаго проповѣдничества въ мірѣ языческомъ, удостоверяя историческую contemporaneity привлеченія его въ сферу благодатнаго озаренія. Петръ былъ главнѣйшимъ представителемъ оглашенія во Израилѣ и въ этомъ званіи, специально отмѣчаемомъ у писателя посланія арамейскимъ именемъ Кифа, могъ свидѣтельствовать жизненную потребность такого благовѣстническаго расширенія. Здѣсь ограждались принципъ и практика эллино-христіанской миссіи, но доколѣ еще не было опредѣлено и оцѣнено фактическое качество ея Павлова примѣненія по масштабу пропорциональности реальнаго и идеальнаго. Будучи орломъ богословія и „зрителемъ небесныхъ откровеній“ и всюду подмѣчая всѣ соотношенія со стороны гармоніи или контраста, — св. Іоаннъ былъ особенно способенъ категорически констатировать совпаденіе идеи и факта и окончательно утвердилъ незыблемость благовѣстническаго метода Павлова.

Необходимымъ результатомъ признанія эллино-христіанскаго апостольскаго служенія являлась взаимная солидарность въ самой благовѣстнической дѣятельности, — и „знаменитѣйшіе“ подали пришельцу свои десницы въ знакъ и въ удостовѣреніе внутренней солидарности²⁾ ихъ для фактического со-

¹⁾ Посему правильно подчеркиваетъ † Prof. Th. Zahn (S. 103), что еслибы Іаковъ былъ Апостоль изъ XII-ти, — данный въ посланіи порядокъ былъ бы непонятенъ.

²⁾ См. Lic. Heinrich Seesemann, *Der Begriff Κοινωνία im Neuen Testament* (Giessen 1933), S. 86—87.

участія¹⁾ на этомъ поприщѣ. Это — общность не отвлеченной симпатіи, а взаимнаго практическаго содѣйствія. Но послѣднее мыслимо и бываетъ реально лишь при раздѣльности, а не при единствѣ. Поелику же насчетъ достоинства господствовало у всѣхъ именно второе, то и названная взаимность отсылаетъ къ миссіонерскому осуществленію, какъ должно думать и по упоминанію Варнавы, который сближался со св. Павломъ только въ активной миссіонерской работѣ. Затѣмъ уже ясно, что — при равноправности миссіонерскаго подвига — различіе въ немъ можетъ быть лишь въ примѣненіи единой силы къ разнымъ объектамъ, хотя съ одинаковымъ для миссіи успѣхомъ. Теперь естественно и временное обособленіе, — чтобы одни шли къ язычникамъ, другіе къ обрѣзаннымъ, — и понятенъ его основной этнографическій характеръ ограниченія, но ничуть не географическій, ибо рѣчь идетъ о живой благовѣстнической дѣятельности въ живой восприимлющей средѣ, каковою не можетъ быть страна безъ соотвѣтствующаго населенія. Видимо, говорится о приложеніи благодатной энергіи къ тѣмъ или инымъ пунктамъ — съ преимущественнымъ предоставленіемъ²⁾ св. Павлу эллинизма, „преднимъ“ — народа іудейскаго (II, 9), — впрочемъ, безъ всякихъ запретовъ насчетъ вторженія въ иныя области: тогда послѣдніе были бы для извѣстнаго благовѣстника чужими, а этого не можетъ быть ни для благодати Христовой, ни для ревности апостольской.

Открытымъ и торжественнымъ благословеніемъ миссіи языческой Іерусалимскіе вожди уже выразили эллинскому благовѣстнику свое общеніе въ самой благотворной формѣ, избавивъ его отъ всякихъ нареканій клеветы и злобы и чрезъ это расчистивъ ему путь для безпрепятственности въ миссіонерской работѣ. Со своей стороны и Апостолъ языковъ отвѣчалъ пока единственно доступнымъ для него способомъ вспоможенія бѣдному братству Іерусалимскому (II, 10). Тутъ онъ не просто благотворилъ, но дѣйствовалъ вполне точно въ духѣ установленнаго соглашенія (*ὡς τὸ τοῦτο, сие истое*; ср. 2 Петр. I, 5. 2 Кор. II, 3. VII, 11. Филипп. I, 6. Рим. IX, 17. XIII, 6. 1 Кор. IV, 17 у WH Nestle и v. Soden. 2 Кор. V, 5. Еф. I, 22. Кол. IV, 8)³⁾ и своими милостынными приношеніями свидѣлствовалъ⁴⁾ неразрывную братскую солидарность, какъ

¹⁾ Ср. 3 Макк. IV, 6 . . . *πρὸς βίου κοινωνίαν* . . . „недавно сочетавшіяся къ житію сообщенію“.

²⁾ Ср. блаж. Іеронимъ, Творенія XVII, стр. 45.

³⁾ Значить, нельзя относить *μὲντοι* ко всему предшествующему, какъ еслибы это было нѣчто сверхъ того, но противъ такого пониманія † Prof. Th. Zahn'a (S. 105) см. Вр. С. J. Elliott, St. Paul's Epistle to the Galatians (London 1889), p. 32.

⁴⁾ Для подобнаго пониманія *μνημονεύειν, μερίαν ποιεῖν* ср. Рим. XII, 13. XV, 26. 2 Кор. VIII, 14. Филипп. I, 3 слл.

II, 10. во всякомъ живомъ организмѣ здоровый членъ неизбежно и непринужденно отзывается на скорбь больного (1 Кор. XII, 26).

Всматриваясь въ отдѣльные моменты описаннаго Іерусалимскаго совѣщанія, мы находимъ, что всѣ они согласно укрѣпляютъ незыблемость эллинно-христіанской проповѣди Павловой и по ея принципиальной основѣ и по фактическому обнаруженію, чѣмъ прямо оправдывалось божественно-независимое апостольство и спеціально-эллинское благовѣстничество, удостовѣренное еще при первомъ Іерусалимскомъ посѣщеніи. Далѣе вполне натурально, что св. Павелъ былъ непреклоненъ въ этомъ направленіи и не уступалъ тутъ никакимъ знаменитостямъ, самъ будучи исключительнымъ авторитетомъ. Яркая иллюстрація сему имѣется въ Антиохійскомъ столкновеніи съ

II, 11 сл. Петромъ (II, 11 сл.).

О времени этого событія высказывается мнѣніе, что оно было предъ началомъ третьяго благовѣстническаго путешествія за „нѣсколько дней“ пребыванія Павлоза въ Антиохіи Сирійской (Дѣян. XVIII, 22—23), но теперь здѣсь не было Варнавы, а принципы свободнаго эллинскаго благовѣстничества были сформулированы и закрѣплены столь прочно, что „лицемѣріе“ Петрово оказывалось бы недопустимымъ еретичествомъ. Посему вѣроятнѣе моментъ раннѣйшій, но такой, когда основы и взаимоотношенія миссій іудейской и эллинской, выработанныя теоретически, еще не вошли практически въ спокойное русло¹⁾, а непосредственный ходъ рѣчи Галатійскаго посланія говоритъ о ближайшей хронологической преемственности съ предшествующимъ. Въ виду сего правильнѣе разумѣть періодъ Антиохійской жизни немедленно по возвращеніи Павла и Варнавы съ Апостольскаго собора.

II, 11. Частности этого эпизода очень несложны. Не вдолгъ по прибытіи назадъ Антиохійской делегаціи съ Іерусалимскими уполномоченными — св. Петръ тоже приходитъ въ столицу Сиріи (Гал. II, 11) и, конечно, съ цѣлію поддержать дѣло Павлово, поскольку при всякихъ иныхъ намѣреніяхъ не было бы и самаго „лицемѣрія“ ни практически, ни теоретически. И мы видимъ, что Апостольскій Петръ немедленно по своемъ появленіи на берегахъ Оронта вступаетъ въ общеніе съ язычниками, охотно принимая участіе въ ихъ трапезахъ (ср. Лк. XV, 2. 1 Кор. V, 11) — вопреки непримиримымъ іудаистическимъ предубѣжденіямъ²⁾ — и тѣмъ наглядно свидѣтельствуя о пол-

¹⁾ Посему никакъ нельзя принять, если со своей точки зрѣнія Val. Weber относитъ рассматриваемый эпизодъ къ Дѣян. XIV, 28, то даже къ Дѣян. XIII, 1; или вообще до Апостольскаго собора и до перваго миссіонерскаго путешествія Павлова, какъ думаетъ † Prof. Th. Zahn, S. 111—112.

²⁾ См. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch von

ной равноправности во Христѣ всѣхъ вѣрующихъ. Затѣмъ совершается прискорбный переворотъ. Виновниками его были „нѣкіи отъ Іакова“ (II, 12). Ихъ нельзя считать строгими іудаистами партикуляристическаго типа, когда воздѣйствіе такихъ лицъ на св. Петра было бы непостижимо. Равно не имѣется основаній усвоить имъ званіе специальныхъ посланцовъ „брата Господня“¹⁾, ибо въ этомъ случаѣ не видится ни благословнаго мотива, ни достойной цѣли, разъ уже раньше отправился въ Антиохію совершенно единомышленный и столь великій Апостолъ-самозидецъ, Петръ. Скорѣе всего — это были видные члены изъ круга приближенныхъ сотрудниковъ Іакова, живые выразители его принциповъ о первенствующемъ созиданіи новозавѣтнаго царства Божія на почвѣ іудейства и въ согласіи съ ея священными свойствами. Въ этомъ качествѣ они и безъ всякой намѣренной агитаціи уже однимъ своимъ присутствіемъ напоминали св. Петру объ оставленіи имъ и затемненіи собственной миссіи въ апостольствѣ у обрѣзанія съ его отличительными правами и особыми методами. Теперь Кифа, *timeans ne culparetur ab ipsis* — обрѣзанными (*S. Irenaei Adv. haer. III, 12*), поколебался въ принятомъ поведеніи, сначала укрывался отъ язычниковъ, потомъ явно отстранялся, постепенно отпадая отъ прежней практики изъ опасенія обрѣзанныхъ. Это былъ зазорный соблазнъ для всѣхъ²⁾. Примѣръ Петра былъ столь внушителенъ и заразителенъ, что имъ увлеклись не только іудео-христиане, но даже и вѣрнѣйшій сотрудникъ Павловъ — Варнава (II, 13).

II, 12.

II, 13.

Все это не обычно и тѣмъ не менѣе вполне понятно въ данную эпоху постепенно слагающагося церковнаго устроенія. Іерусалимскимъ соборнымъ опредѣленіемъ была санкціонирована совмѣстность іудео- и эллино-христианства, но этимъ совсѣмъ еще не утверждалось, что первое само должно было уподобляться второму, а не просто не налагать своихъ специфическихъ требованій на язычниковъ. Когда обрисовалась эта сторона, — св. Петръ, какъ будто естественно, измѣнилъ своему первоначальному Антиохійскому поведенію въ интересахъ обезпеченія спокойнаго и неблазненного теченія іудео-христианской миссіи³⁾, „убоявшись страхомъ любви Христо-

Hermann L. Strack und Paul Billerbeck III (München 1926), S. 421; IV, 1 (1928) S. 374, 376—378.

¹⁾ Rev. Fr. H. Chase даже предполагаетъ (въ *A Dictionary of the Bible* ed. by J. Hastings III, p. 756 not.), что эти делегаты принесли и особое письмо св. Апостола Іакова.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ — соблазнительность для другихъ (1 Кор. X, 32) — Петръ былъ зазоренъ, конечно, не для Павла (св. Іоан. Златоустъ: *Migne gr. LXI, col. 641*; Творенія X, стр. 765).

³⁾ Всѣмъ этимъ рѣшительно устраняется самая надобность

II, 13. вой¹⁾ и допустивъ *conversationis vitium, non praedicationis* (T e r t. De praescr. 23: Migne lat. II, col. 36). Впрочемъ, тутъ не было принципиальнаго осужденія прошлому, поскольку это было бы отказомъ отъ кореннаго воззрѣнія, что іудей и эллины равны во Христѣ и ихъ внѣшнія человѣческія отличія не заключаютъ въ себѣ важности, условливающей такое или иное воспріятіе благодатнаго спасенія. Все колебаніе было лишь „лицемѣріемъ“ (II, 13: καὶ συνυπεκρίθησαν αὐτῷ — Πέτρῳ — καὶ οἱ λοιποὶ Ἰουδαῖοι) и состояло не въ измѣнѣ исконному убѣжденію, а только въ приспособительномъ принятіи иного внѣшняго вида, производившаго впечатлѣніе, что такова же была и внутренняя сущность, между тѣмъ фактически было совсѣмъ иное (ср. Лк. XX, 20: ἐγκαθήμενους ἀποκρινόμενους ἑαυτοῖς δικαίους εἶναι). Получался наружный контрастъ, не имѣвшій принципиальнаго оправданія. Поэтому и самъ Петръ κατεγνώσμενος ἦν (II, 11). Этимъ, конечно, означаетъ, что его „зазирали“ другіе, но подобныя осужденія, столь обычныя въ человѣческихъ отношеніяхъ, часто бываютъ пристрастными или прямо невѣрными и не заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Если здѣсь подобное дѣйствіе служить опорой для рѣшающихъ догматическихъ преній, представляя безспорный пунктъ отправленія, то, очевидно, мы имѣемъ теперь точное совпаденіе общаго приговора съ подлиннымъ фактомъ, какъ не подлежащимъ сомнѣнію и спору ни для кого (ср. 1 Ін. III, 20, 21), — прежде всего, для наиболѣе заинтересованнаго лица, которое должно бы протестовать въ случаѣ лжи или извращенія²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что самъ Петръ въ глубинѣ своей

для невозможной гипотезы, будто Антіохійское столкновеніе было притворнымъ и намѣренно устроено Петромъ и Павломъ по взаимному соглашенію, ради нагляднѣйшаго убѣжденія всѣхъ другихъ христіанъ въ упраздненіи законничества (Оригенъ, св. Іоаннъ Златоустъ, Икуменій, Θεοφιλάктъ), каковую фантастическую догадку столь побѣдоносно и успѣшно разбивалъ блж. Августинъ въ горячемъ спорѣ съ Іеронимомъ, о чемъ см. у А. А. Серафимова (архіеп. Серафима, † 3 апрѣля 1903 г.): „Обзоръ переписки блаженнаго Августина съ бл. Іеронимомъ о смыслѣ словъ Гал. 2, 11—14“ въ Московскомъ журналѣ „Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1872 г., ч. II, № 10, стр. 185—225. и отсюда во второй части сборника его сочиненій, Астрахань 1901. Ср. и † Prof. Franz Overbeck, Ueber die Auffassung des Streits des Paulus mit dem Apostel Petrus in Antiochien (Gal. 2, 11 ff.) bei den Kirchenvätern (Programm), Basel 1877.

¹⁾ Еп. Теофанъ, стр. 2169.

²⁾ Съ этой только стороны Петръ и a Paulo est reprehensus, какъ говоритъ Тертуллианъ, De praescr. 23 (Migne lat. II, col. 35).

души не чувствовалъ за собою абсолютной правоты и былъ зазоренъ въ собственныхъ глазахъ, какъ отступившій отъ существеннаго ради временнаго, хотя бы и съ добрыми благовѣстническими намѣреніями. Тутъ не было грѣха принципиальнаго, ибо догматическое убѣжденіе, во всей его сущности, оставалось неизмѣннымъ и неприкосновеннымъ. Тѣмъ не менѣе фактически получалось соблазнительное указаніе для немощныхъ и слабыхъ, что для достиженія полной Евангельской истины недостаточно прямого пути непосредственнаго приближенія ко Христу чрезъ вѣру, а требуются еще и окольные тропинки по ветхозавѣтному законническому маршруту (II, 14). II, 14. Въ дальнѣйшемъ это грозило опасностію заблудиться и къ завѣтной цѣли не придти. Само собою ясно, что для іудео-христіанской мнительности и для іудаистической подозрительности здѣсь былъ поводъ для провозглашенія тенденціозной мысли, будто дѣйствіями Петра набрасывается темная тѣнь на „свободное“ Павлово благовѣстіе, не признающее и не допускающее подобныхъ согласованій съ историческими религіозно-національными преимуществами Израиля. Въ эту горячую эпоху рѣзкихъ обостреній между старымъ и новымъ въ самой жизни, еще сильно бурлившей въ своемъ теченіи, даже одна такая возможность, освященная авторитетомъ „знаменитѣйшаго“ Іерусалимскаго вождя, была крайне грозною, порождая сомнѣнія насчетъ эллино-христіанской миссии и затрудняя спокойное прогрессивное ея развитіе. Отвѣтственность за всѣ эти искушенія падала именно на Петра, столь вліятельнаго по своему положенію во всемъ христіанствѣ. Поскольку же *publicum scandalum non poterat private curari* (блаж. Іеронимъ), то вполне нормально, что Апостоль языкъ говоритъ ему непосредственно лицомъ къ лицу (II, 11: *κατὰ πρόσωπον*¹⁾ ср. Дѣян. III, 13. XXV, 16. 2 Кор. X, 1, 7), и съ открытою торжественностію, дабы, обратившись, Симонъ и въ этомъ случаѣ утвердилъ колеблющихся братьевъ своихъ (ср. Лк. XXII, 32).

Въ посланіи къ Галатамъ писатель даетъ, конечно, не фотографически точныя слова (*ipsissima verba*) своей Антиохійской рѣчи, вѣроятно, болѣе пространной, пламенной и яркой, но сжатое воспроизведеніе кончается не 15-мъ стихомъ²⁾, такъ какъ — для полноты и дѣйственности своего вліянія — всякая полемика противъ извѣстнаго заблужденія требуетъ еще обоснованія самой истины, если не хочетъ быть пустымъ, безжизненнымъ ратоборствомъ — даже за правду. Посему необходимо согласиться съ блаж. Іеронимомъ, что рефератъ Антиохійской рѣчи простирается до конца II-й главы, когда получаетъ

¹⁾ См. Вр. С. J. Ellicott, p. 33, 35.

²⁾ Какъ думаетъ и † Prof. Th. Zahn, S. 128, а изъ древнихъ это допускалъ „Амвросіастъ“.

свое полное развитіе вся апостольская аргументація. При этомъ понятенъ и фактическій ея ходъ, разъ дѣло идетъ лишь о „лицемѣріи“, случайномъ приспособленіи, не точно (иногда даже обманно) отражающемъ подлинное внутреннее содержаніе и, пожалуй, скрывающемъ его. Тогда неизбѣженъ вопросъ: что же за этимъ „лицемѣріемъ“ таится неизмѣннаго и незыблемаго, которое здѣсь лишь примѣняется къ историческимъ условіямъ ради такихъ или иныхъ благословныхъ цѣлей? Это, разумѣется, то, что св. Петръ, желая быть и жить іудеемъ, въ силу номистическихъ условій былъ бы обязанъ всесовершенною вѣрностію собственно Моисею — съ устраненіемъ всякихъ соперниковъ и съ безраздѣльною покорностію Торѣ, какъ единственному „Евангелію“ іудейскаго народа (при томъ же — въ раввинско-фарисейскомъ перетолкованіи). На дѣлѣ находимъ совсѣмъ обратное (II, 14), что Кифа и въ періодъ лицемѣрнаго уклоненія не усвоилъ такого верховнаго абсолютизма ветхозавѣтному законодателю, исповѣдуя догматически, что послѣдній всецѣло поглощенъ Господомъ Христомъ. Значитъ, и тогда онъ жилъ скорѣе поязычески — въ томъ смыслѣ, что ничуть не опирался на свои іудейскія привилегіи и рукозодился единственно благодатію Господней, считая только одну необходимою для „безбожнаго“ эллинизма (хотя бы въ духѣ Апостольскаго собора). Отсюда ясно, какъ непослѣдовательно было бы склоненіе другихъ своимъ примѣромъ къ противоестественному „христіанскому жидовствованію“¹⁾, а — при подавляющемъ достоинствѣ Петровомъ въ глазахъ всѣхъ вѣрующихъ — Антиохійская его метаморфоза была прямымъ принужденіемъ (II, 14) для іудеохристіанъ и счастливымъ оправданіемъ іудаистическаго коварства²⁾. Но фактически это было бы обходомъ въ отношеніи единственной для всѣхъ цѣли — въ истинѣ, которая содержится въ Евангеліи Христовомъ и регулируется только его исключительными нормами (ср. II, 5). Если у разумѣемыхъ путешественниковъ намѣренія были святыя — именно къ этому пункту, то во всякомъ случаѣ взятое направление было не прямое, а связанное съ окольными блужданіями

¹⁾ Для *ἰουδαΐζειν* ср. Евр. VIII, 17: *καὶ πολλοὶ τῶν ἑθνῶν περιτέμνοντο καὶ ἰουδαΐζον διὰ τὸν φόβον τῶν ἰουδαίων*.

²⁾ Уже это одно указываетъ на высокую авторитетность разумѣемаго лица, а потому прямо устраняется (— уже у блж. Иеронима —) искусственно-апологетическая догадка Климента Ал. (ср. Евсевій и псевдо-Дорофей; католическіе писатели Vallarsi, Molkert-buhr, Al. Vincenzi), будто участникомъ разсматриваемаго Антиохійскаго эпизода былъ не св. Апостоль Петръ, но Кифа — одинъ изъ LXX-ти учениковъ Господнихъ. См. и † Prof. Eberhard Nestle въ „The Expository Times“ XIV, 4 (January 1903), p. 192b.

и потому опасное, для ординарнаго большинства даже роковое, но оправдывался ли подобный рискъ индивидуальнымъ положеніемъ св. Петра? Очевидно, нѣтъ, если онъ, будучи іудеемъ, все-таки исповѣдывалъ благодатную вседержавность. Недопустимое лично, — по соображенію съ даннымъ человѣкомъ, — такое поведеніе не оправдывается и объективно — со стороны существа спасительныхъ христіанскихъ упованій (II, 15). Оба собесѣдника по самому своему происхожденію были іудеями и посему¹⁾, натурально пользуясь этими отличіями, оставались непричастными грѣховной сквернѣ „безбожія“²⁾, свойственнаго отчужденному отъ Израиля язычеству (ср. Еф. II, 12). Превосходство ихъ было прирожденное, но тѣмъ не менѣе они все это нынѣ покинули для вѣры и устроятся единственно ею (II, 16). Оцѣнивая этотъ совершившійся фактъ II, 16. принципиально и возстановляя его идейную логику, мы должны будемъ разсуждать въ томъ смыслѣ, что эти два почтенные іудея увидѣли неотразимо, какъ никто и никогда не можетъ оправдаться³⁾ дѣлами (исполненія предписаній) закона, а послѣдняя горькая истина неоспорима, ибо недоступно для грѣшника чистое осуществленіе священной догмы⁴⁾. Съ моральною фатальностію получалось, что тутъ законническая возвышенность больше нарушается, чѣмъ приближается даже при самыхъ благородныхъ стремленіяхъ номистовъ. Ясно, что — для благословеннаго успѣха — напередъ нужно независимое возрожденіе личности, чтобы она оказалась способною продуктивно творить добро. Это желанное благо и доставляется Іисусомъ въ достоинствѣ Христа — Мессіи, или Избавителя человѣчества отъ тяготѣвшей грѣховной безпомощности, каковая свидѣтельствуешь, что для воспріятія христіанскаго обновленія дозвоительно только усвоеніе его по благодати Божіей отъ Господа-Искупителя помимо безсильнаго законническаго напряженія. Отсюда возникаетъ необходимость непосредственнаго общенія со Спасителемъ⁵⁾, чтобы почерпнуть даруемыя блага, но — за

¹⁾ Тутъ *καί* — *consecutivum* (ср. 1 Θεсс. IV, 1): Вр. С. J. Ellicott, p. 37.

²⁾ Для *ἀμαρτωλοί* см. 1 Макк. II, 44. Тов. XIII, 6. Лк. VI, 32 и XVIII, 32 по сравненію съ Мѡ. XX, 19. Мрк. X, 33. Слем. Hom. XI, 16: οὕτως ὡς οὐχὶ Ἰουδαῖος, ἀμαρτωλός κατ. См. также Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 537.

³⁾ Тутъ *οὐ δικαιωθήσεται* констатируетъ абсолютное *non posse*: Вр. С. J. Ellicott, p. 40.

⁴⁾ Посему нельзя согласиться съ † Prof. Th. Zahn'омъ, что „es bezeichnet das diesseitige *δικαιοῦσθαι* bei Pl eine Veränderung nicht der sittlichen Qualität und des sittlichen Verhältnisses, sondern des Verhältnisses des Menschen zu Gott“.

⁵⁾ Для *εἰς Χριστόν* см. С. J. Ellicott, p. 39—40.

отсутствіемъ всякихъ другихъ средствъ — это возможно лишь путемъ вѣры¹⁾. Понятно теперь, что оба они увѣровали, обнаруживъ этимъ, что для приобрѣтенія праведности законничество совсѣмъ неостоятельно. Этотъ личный опытъ собственнаго усмотрѣнія (εἰδέναι)²⁾ заключаетъ принципиальную догматическую истину, что дѣлами закона, точно его воплощающими, не можетъ возстановить и обосновать свою правду предъ Богомъ все человѣчество по его всецѣлой плотской непригодности къ сему (ср. Псал. CXLII, 2), почему люди всегда оставались бы неоправданными. При истинности всего этого недозволительно

II, 17. и возраженіе (II, 17), что, стремясь къ полученію искомой правды во Христѣ, мы, какъ покинувшіе легализованный путь къ ней, окажемся на положеніи лишенныхъ святыни Израилевой эллиновъ, или вмѣстѣ съ ними будемъ грѣшниками. Вѣдь таковыми мы бываемъ чрезъ Христа, по увлеченію Имъ, и въ результатѣ у насъ вышло бы, что именно Онъ активно работалъ грѣху, если всѣхъ Своихъ исповѣдниковъ неизбѣжно подчиняетъ ему. Разумѣется, подобная нелѣпость не терпима, такъ что недопустима даже мысль объ этомъ, но она устраняется и нашимъ отступленіемъ отъ закона по свободному рѣшенію и сознательному убѣжденію. Говорится, что при этомъ будто бы грѣховно попораны всѣ священныя нормы, по существу неприкосновенныя (II, 18). И несомнѣнно, что я былъ бы повиненъ предъ ними и за нихъ, еслибы, покинувъ и разрушивъ, потомъ, одумавшись, опять началъ возобновлять прежнее. Это было бы легкомысленною опрометчивостію, самоубійственною для совершителя. Въ этомъ случаѣ возвратъ раскаянія къ старому только удостовѣрялъ бы мою личную „преступность“ и священную значимость номизма, мною произвольно поруганную. Но уже было констатировано, что Петръ не замышляетъ подобной диверсіи, всегда держась благодати Христовой (II, 14). Конечно, тутъ можетъ быть еще болѣе тяжкое зло, свидѣтельствующее о гибельномъ упорствѣ ренегата въ своемъ заблужденіи. Однако въ разбираемомъ случаѣ все дѣло

II, 18. было совсѣмъ иначе (II, 18). Я умеръ для закона, и вліять на меня живительно онъ не въ силахъ при всей энергіи своего легализованнаго давленія: это безусловная правда, — только съ чрезвычайно существенною оговоркой, что все тутъ произошло διὰ νόμου, т. е. чрезъ его посредство, благодаря ему самому. Слѣдовательно, самъ законъ былъ фактическою причиною моей смерти ему, а потому я не могу искать въ немъ того, что даже и онъ въ себѣ отрицаетъ подобнымъ убійствен-

II, 19. нымъ. Я умеръ для закона, и вліять на меня живительно онъ не въ силахъ при всей энергіи своего легализованнаго давленія: это безусловная правда, — только съ чрезвычайно существенною оговоркой, что все тутъ произошло διὰ νόμου, т. е. чрезъ его посредство, благодаря ему самому. Слѣдовательно, самъ законъ былъ фактическою причиною моей смерти ему, а потому я не могу искать въ немъ того, что даже и онъ въ себѣ отрицаетъ подобнымъ убійствен-

¹⁾ Ср. для εἰς Іак. II, 24 (causa sine qua non), а διὰ — и средство и источникъ: Вр. С. J. Ellicott, p. 39.

²⁾ Тутъ причастіе имѣетъ казальную энергію: Вр. С. J. Ellicott, p. 38.

нымъ вліяніемъ. И намъ извѣстно, принципальное основаніе, II, 19. что, побуждая къ праведности, но нимаю не давая ея и лишь распаляя внутреннюю жажду духовнаго томленія, законъ необходимо отсылалъ къ божественному носителю и подателю ея во Христѣ Іисусѣ. Ясно, что предъ такимъ закономъ я не преступень, ибо ему именно и повинуюсь всецѣло, удовлетворяю его кореннымъ влеченіямъ. Отсюда безспорно, что и въ итогъ номистической абнегаціи нельзя ожидать грѣховнаго омертвенія, близкаго къ языческому „безбожію“. Напротивъ, предшествующій актъ законнической измѣны бываетъ лишь при сліяніи со Христомъ, и въ Немъ возможна только собственная Ему жизнь для Бога. Значитъ, умираніе закону достигается не анолизмомъ атеистическаго либертинизма, а сораспятиемъ Христу, когда въ единеніи съ Нимъ я усвою и крѣпость обновленія отъ Воскресшаго Господа. Тутъ моя плотская жизнь исчезаетъ, и я получаю новую, которая почерпается въ божественномъ Избавителѣ. Въ этомъ именно и заключалась искомая мною цѣль¹⁾. Я благодатно срастаюсь со Христомъ и погибаю („умираю“) въ Немъ со своею личною особенностію естественной ограниченности и религіозно-моральнаго убожества, потому что теперь всецѣло дѣйствуетъ вселившійся въ меня Жизнодавецъ (II, 20). Съ Нимъ я едино, но какъ мертвая плотики персональность, и — слѣдовательно — живеть теперь во мнѣ Христосъ своєю божественною силой и еже хотѣти и еже дѣяти (Филипп. II, 13). Съ этой точки зрѣнія нынѣшнее пребываніе мое во плоти лишено самобытности и не имѣетъ ни малѣйшей опоры въ моей независимой индивидуальности, которой уже нѣтъ. Если же оно все-таки продолжается, то мы должны согласиться, что и фактически и этически здѣсь все создается новымъ оживляющимъ началомъ, при чемъ я живу и чувствую для себя моральное оправданіе лишь благодаря животворящей вѣрѣ во Христа, гдѣ срастворяюсь божественному Избавителю, а Онъ — въ качествѣ истиннаго Сына Божія — приходитъ ко мнѣ по своей безпредѣльной любви и спасаетъ каждого изъ насъ благодѣтельнымъ подвигомъ своей самопреданности. Изъ Него возникаетъ и на Немъ держится все наше христіанское бытіе, откуда неизбѣжно, что при Немъ рѣшительно недопустимо ничто второе, хотя бы это были „дѣла законныя“: — иначе (II, 21) произошло бы отверженіе²⁾ благодати искупительнаго возрожденія отъ Бога, потому что если въ законѣ средство полученія людьми правды Божіей, то Христосъ умеръ туне (δωρεάν) — безъ

II, 20.

II, 21

¹⁾ Посему тутъ ζήσω — не fut., а aor. subj. (ср. 1 Θεсс. V, 10): Вр. С. J. Ellicott, p. 42—43.

²⁾ Для ἀθετήν ср. Лк. VII, 30. 1 Кор. I, 19. Гал. III, 15. 1 Макк XV, 27.

II, 21. достаточныхъ оснований или поводовъ и безъ благоплодныхъ результатовъ¹⁾).

Въ итогѣ всего раскрывается, что благовѣстнический методъ св. Павла обладаетъ принципиальною христіанскою неизбылемостію и подтверждаетъ его апостольскую авторитетность по способу происхожденія и по характеру примѣненія, какъ это призналъ теперь молчаливымъ согласіемъ Апостоль Петръ²⁾. При столь стройномъ логически-предметномъ сочетаніи всѣхъ частей аргументаціи конечный моментъ фактической защиты апостольскаго достоинства служить къ показанію еще и неложности догматическихъ убѣжденій касательно всеобщаго спасенія во Христѣ Іисусѣ исключительно благодатію Божіей, когда апостольское ученіе является проповѣдію благовѣстія христіанской свободы въ чадахъ Божіихъ.

Часть III-я.

„ЕВАНГЕЛІЕ“ ХРИСТОВО

У

СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА (глл. III—IV).

Вси вы сынове Божіи есте въ-рою о Христѣ Іисусѣ: елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь.

Гал. II, 25—27.

Свое апостольское достоинство св. Павелъ неразрывно связалъ съ благовѣстіемъ и тѣмъ открылъ просторъ для подробнаго изложенія догматическихъ воззрѣній.

¹⁾ Для *ῥωρεάν* см. Ін. XV, 25 (Пс. XXXIV, 19), а въ Пс. XXXIV (35), 7 оно передаетъ евр. *chinnam*, означающее собственно *ἀντίτιος*; ср и Сир. XX, ²⁸/₂₅.

²⁾ Блаж. Θεοδωρίтъ, Творенія VII, стр. 383—384: „Великій Петръ молчаніемъ подтверждаетъ слова Павловы“.

Въ чемъ же именно состоитъ провозглашаемое во языцѣхъ

„Евангеліе“ Павлово

въ его существѣ и по отношенію къ „закону“?

Первая часть вопроса не требуетъ многихъ разсужденій даже для „несмысленныхъ“ Галатовъ (III, 1: ὁ ἀνοήτοι Γαλάται!), которые не столько неразумны, сколько неразумительны (ср. 1 Тим. VI, 9) и потому способны увлекаться страстно и необдуманно. Естественно, что въ этомъ настроеніи кто-то рѣшительный и вліятельный приковалъ ихъ къ себѣ чисто магическимъ очарованіемъ, какъ — по тогдашнему вѣрованію — умѣли дѣлать это нѣкоторыя змѣи, парализовавшія жертву своими глазами и затѣмъ свободно уничтожавшія ее¹). Нѣчто подобное случилось и съ Галатійцами. Иначе нельзя объяснить происшедшую измѣну, коль скоро доселѣ ихъ взоръ былъ всецѣло фиксированъ на Распятомъ Избавителѣ съ такою яркостію, точно живымъ портретомъ Онъ предначертанъ былъ передъ ними, хотя бы въ лицѣ Апостола, принятаго въ свое время какъ бы за Христа Іисуса (IV, 14). Вѣдь это было неповиновеніе истинѣ, личное противленіе ей, а она слишкомъ понятна для всякаго здраваго соображенія. Галатійцы — христіане, имѣющие въ себѣ Духа Божія и воспріятіемъ Его ставшіе „пневматиками“ (III, 2). Достаточно спросить себя: откуда произошло это величайшее чудо? Неужели отъ дѣлъ (исполненія) закона? Но — тогда — почему не было этого прежде? Не ясно ли, что причина сему была въ проповѣданной и воспринятой слухомъ вѣрѣ²), которая единеніемъ съ Богомъ чрезъ Христа доставляетъ всѣ духовные дары? Тутъ всякое уклоненіе было бы ниспаденіемъ до прежней низменности уже въ самомъ христіанскомъ бытіи (III, 3), ибо, начавъ его духовно, Галаты спустились до плотскаго уровня, регулируемаго законничествомъ. Начало процесса совсѣмъ не сходится съ концомъ³), когда ожидалось его торжество въ достиженіи духовной высоты и въ закрѣпленіи прочнаго положенія по собственному усердію и усилію (ἐπιτελέσωμε ср. Филипп. I, 6). Въ этихъ границахъ былъ достаточный промежутокъ, требовавшій сосредоточеннаго напряженія, чтобы возрастать и утверждаться. Тутъ

III, 1.

III, 2.

III, 3.

¹) Ср. Сир. XIV, 8: πονηρὸς ὁ βασκάνων ὀρθαλμῶν. Прем-Сол. IV, 12: βασκανία φαλότητος ἀμαυροῖ τὰ καλὰ

²) См. † Prof. Th. Zahn, S. 140, ₈₃, 141, что ἡ ἀκοή тоже, что κήρυγμα, но только первое — въ отношеніи слушающаго, второе — въ приложеніи къ говорящему, почему разумѣется „ein gläubiges Hören“.

³) Ср. 1 Цар. III, 12: ἀρξομαι καὶ ἐπιτελέσω.

III, 4.

необходима постоянная борьба за идеалъ, связанная со всякими страданіями за него въ виду внутренних колебаній и внѣшнихъ искушеній (III, 4). Если трудно, даже мучительно для брэннаго существа просто держаться духовности, то тѣмъ болѣе тяжело подниматься дальше и дальше къ завѣтной цѣли до всецѣлаго овладѣнія и собственнаго усвоенія въ неотъемлемое достояніе. Per aspera ad ardua — этотъ путь обязательно бываетъ страстнымъ, и именно его разумѣтъ Апостолъ при ἐπαθετε, какъ и св. Петръ ἐπιτελεῖσθαι ассоциируетъ съ τὰ παθόντων, заповѣдуя вѣрующимъ: „отрезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ вашъ ходитъ, яко левъ рыкая, ища кого поглотить“ (1 Петр. V, 8—9). Нельзя предполагать внѣшнихъ гоненій, для которыхъ было бы совсѣмъ неизвѣстно, отъ кого, почему и какъ таковыя могли произойти, при чемъ они всегда бываютъ напрасными по мотивировкѣ и даже по самому исходу, ибо совсѣмъ не даютъ ни искреннихъ отреченій, ни чистыхъ обращеній. Напротивъ, духовная выспренность неразрывна отъ страшной опасности, что, упавши съ нея, чловѣкъ не только потеряетъ даромъ употребленныя затраты, но будетъ ниже прежняго и, пожалуй, совсѣмъ разобьется. Тутъ въ религиозно-моральной области нѣтъ механической restitutio in integrum, а непременно бываетъ жестокой ущербъ, иногда невознаградимый. Объ этомъ авторъ и напоминаетъ деликатно читателямъ, что пусть бы хоть бывшее осталось лишь напраснымъ. Но и этого не можетъ быть, поелику здѣсь уже не простой регрессъ къ исходному пункту, но переменна духовныхъ факторовъ и измѣна имъ (III, 5).

III, 5.

сознательная и потому особенно преступная, такъ какъ Галатійцы при самомъ своемъ возрожденіи видѣли ихъ исключительное дѣйствіе по силѣ вѣры и потомъ слишкомъ наглядно убѣждались въ спасительности послѣдней, которая изъ своего источника даруетъ духа и своею энергіей совершаетъ чрезвычайныя знаменія. Посему ничто въ личной жизни не оправдываетъ предательства Галатійцевъ, и они (хотя бы устами своихъ соблазнительей) могли ссылаться дальше лишь на то, что теперь подчиняются священнымъ завѣтамъ Израильской исторіи, божественной по основанію и теченію. На дѣлѣ тамъ было со-сѣмъ противное, наклоняющее къ благодатному устроенію. Безспорные факты свидѣтельствуя, что обрисованное у Апостола специальное новозавѣтное избавленіе предносилось истинному номизму и

III, 6.

было животворящею его душой (III, 6). Такъ — и по прямому слову ветхозавѣтнаго закона (Быт. XV, 6) — актъ высочайшаго довѣрія Богу, когда Ему Авраамъ предался всецѣло вопреки всѣмъ фактическимъ возможностямъ, — этотъ актъ былъ зачтенъ дѣйствительно въ праведность съ признаніемъ ея реальной наличности (ср. IV, 3), поскольку этотъ патріархъ и трактовался и былъ „другомъ Божиимъ“ (ср. Іак. II, 23. 2 Пар. XX, 7. Иса. XLI, 8). Но всѣ (должны быть) согласны, что

именно въ этомъ религіозномъ отличіи заключается и все достоинство праотца Израильскаго, что онъ былъ вѣрующій праведникъ, или праведный по вѣрѣ — помимо національныхъ и индивидуальныхъ особенностей. Тогда несомнѣнно (III, 7: *ἀρα* = *rebus ita comparatis*), что подлинное сыновство ему можетъ условливаться лишь одною вѣрой, разъ самъ онъ и все у него было по вѣрѣ¹⁾. Подобный выводъ подтверждается (III, 8) и божественнымъ обѣтованіемъ: „въ тебѣ благословятся всѣ народы“ (Быт. XII, 3. XVIII, 18 и XXII, 18). Тутъ сказано, что благословеніе получитъ чрезъ Авраама по единенію съ нимъ, но для „всѣхъ народѣвъ“ это невозможно плотскимъ способомъ черезъ кровныя связи и необходимо предполагаетъ превосходящее плотскую ограниченность начало, какимъ и была всегда вѣра, доступная *всѣмъ* племенамъ земнымъ. Въ этомъ смыслѣ и догматически и исторически незыблемо, что въ самомъ предреченіи Божіемъ Аврааму рѣшительно предусматривалась свободная новозавѣтная практика оправданія язычниковъ изъ источника вѣры²⁾. Понятны и дальнѣйшія слѣдствія. Они будутъ заключаться въ томъ, что если благословеніе Божіе почерпается при общеніи только съ вѣрнымъ Авраамомъ и лишь чрезъ вѣру, то и доступно оно именно вѣрующимъ (III, 9), которые одни обладаютъ истиннымъ родствомъ, ведущимъ къ сыновнему пріобрѣтенію оправданія Авраамова.

III, 8.

III, 9.

Закону здѣсь нѣтъ мѣста, и его вторженіе необходимо сопровождается обратными результатами съ отстраненіемъ отъ благодѣтельной сферы. Въ этомъ и основаніе (III, 10), что оказываются „подъ клятвою“, наложенною еще на прародителей (Быт. III, 16 сл.) и криминально обостренною номизмомъ, всѣ, *елицы отъ дѣлъ закона суть*, или тѣ, кто созидаетъ свою правду на его фактическомъ осуществленіи, поелику этого совѣстѣ не бываетъ и быть не можетъ по неустранимому препятствію. Основнымъ законническимъ требованіемъ служить заповѣдь (Второз. XXVII, 26) о всегдашнемъ и всецѣломъ исполненіи всѣхъ дробныхъ номистическихъ предписаній, а они неизмѣнно являются цѣлю, подлежащей нашему непрестанному творенію, и не находятъ въ нашей волѣ законченности,

III, 10.

¹⁾ Въ этомъ духѣ даже говорится, что „отецъ еврейской расы не былъ собственно евреемъ“: Prof. G. G. Findlay, *The Epistle to the Galatians* (London 1891), p. 187.

²⁾ Специальное удареніе на томъ, что оправданіе по вѣрѣ предусматривалось для Новаго Завѣта не вообще, а именно язычникамъ (*τὰ ἔθνη*), показываетъ, что, обращаясь къ извѣстнымъ читателямъ, писатель неразрывно связываетъ ихъ съ первыми, поскольку они были языческими обращенцами, предусмотрѣнными заранѣе въ качествѣ чуждыхъ закона и свободныхъ отъ номистическаго посредничества.

III, 11.

III, 12.

III, 13.

нуждающейся лишь въ сохраненіи и продолженіи. Самою своею исполнительностію мы нарушаемъ и оскорбляемъ законническія нормы. Посему законъ не даетъ праведности, — и принципиальная причина коренится въ самомъ существѣ истиннаго спасенія (III, 11), что праведникъ живетъ вѣрою (Аввак. II, 4), ею сохраняетъ свою (праведную) жизнь, конечно, потому, что она служитъ исключительною опорой послѣдней, а тогда неотразимо, что именно отъ вѣры онъ почерпаетъ и самую свою праведность, которая — значить — безъ этого ни возникнуть, ни существовать не можетъ¹⁾. Напротивъ, абсолютное условіе законническаго бытія полагается не въ вѣрѣ, а въ строгомъ и точномъ исполненіи („Мои законы исполняйте и Мои постановленія соблюдайте, поступая по нимъ. Я Господь, Богъ вашъ. Соблюдайте постановленія Мои и законы Мои, которые исполняя, человекъ будетъ живъ; ср. Неем. IX, 29. Іезек. XX, 21) закона (III, 12), между тѣмъ этого ни у кого не бываетъ въ такой степени, чтобы обладать оравдывающе-жизненными свойствами. Но всякіе легалистическіе статуты, обязательно доставляя оплату награды за ихъ точное примѣненіе, не менѣе неотвратимо навлекаютъ наказаніе осужденія за малѣйшія неисправности. Въ силу этого надъ подзаконными необходимо тяготеетъ неумолимая клятва, почему нужно напередъ освободиться отъ нея, чтобы имѣть фактическую возможность для достиженія благословенія Авраамова. Это извѣщеніе и совершено Христомъ, ибо Своимъ позорнымъ висѣніемъ на (крестномъ) древѣ въ качествѣ наихудшаго преступника (Второз. XXI, 23) Онъ добровольно предоставилъ безпрепятственный просторъ для неограниченнаго обнаруженія всей энергіи возмездія со стороны закона, а послѣдній, исчерпавъ при такой свободѣ всю свою грозную силу, потомъ убиваетъ самъ себя своею несправедливостію въ отношеніи къ безгрѣшному и невинному Страдальцу²⁾ и затѣмъ фатально упраздняется (III, 13), какъ лишившійся всякаго права на бытіе слишкомъ очевидно и абсурдно безпардонностію. Монстры возможны по рѣдкому исключенію, но они не имѣютъ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. къ Евр. X, 38. Раввинистическія толкованія см. въ *Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch* III, S. 542—544 въ смыслѣ заслуженности дѣла.

²⁾ Éd. Bruston въ „*Revue de théologie et philosophie*“, 1891, p. 322—323 относитъ эти рѣчи къ поруганіямъ Иисуса Христа во время страданій, но нѣтъ основаній для столь тѣснаго, исключительнаго ограниченія, а касательно толкованій А. Ричля см. проф. В. А. Керенскій въ „*Православномъ Собесѣдникѣ*“ 1903 г. № 3, стр. 374—375, и въ отдѣльномъ изданіи: *Школа ричлианскаго богословія въ лютеранствѣ* (Казань 1903), стр. 576—577.

оправданій для нормального существованія, которое при торжествѣ ихъ неудержимо должно разрушиться совсѣмъ. Не правда только потому и функционируетъ въ мірѣ, что не обнаруживается всецѣло и пользуется наличными остатками добра, а иначе она испарилась бы скоро за отсутствіемъ всякихъ жизненныхъ ресурсовъ. Но вотъ это самое случилось на Голгоѣ, когда — за упраздненіемъ закона — уничтожились всѣ его ограниченія. Такъ открывался путь къ усвоенію благъ Авраамовыхъ, которыя теперь освобождались отъ связывающихъ номистически-національных стѣсненій и потому одинаково воспринимаются и язычниками, ибо почерпаются уже во Христѣ путемъ единенія (вѣры) съ Нимъ безъ всякаго участія закона. Дальше прямо выходитъ, что именно со времени этого универсалистическаго распространенія спасительное благословеніе Авраамово начинаетъ проявлять реально свою фактическую дѣйственность, каковая прежде рѣшительно преграждалась клятвою, парализовавшею всякое вліяніе. Значитъ, и сами іудеи сподобляются этого благостнаго дара тоже лишь съ настоящаго момента номистическаго освобожденія и, конечно, путемъ вѣры, подающей и Духа святости для жизни возрожденія (III, 14)¹⁾.

III, 13.

III, 14.

Неизбѣжный выводъ ясенъ самъ собою, что истинное, предусмотрѣнное исполненіе завѣтныхъ чаяній совершается не дѣлами закона и бываетъ только уже послѣ его упраздненія, которое требуется по самому ихъ неотразимому смыслу. Естественно, что законъ не могъ быть устраненіемъ и замѣщеніемъ первоевангелія (ср. III, 8). Какъ братья, хорошо понимающіе другъ друга, побратски воспользуемся для наглядности аналогіями изъ области житейскихъ отношеній, обычныхъ среди людей (ср. Гал. I, 11. 1 Кор. III, 3. XV, 32. 1 Петр. IV, 6). Тутъ для формально утвержденного завѣщанія незыблемо, что въ немъ никто (другой, кромѣ тестатора)²⁾ не въ правѣ ни отмѣнять что-нибудь, ни прибавить въ дополненіе къ легализованному³⁾ (III, 15). Почеловѣчески приложимъ эту точку зрѣнія, въ качествѣ мѣрки, и къ благословенію Авраамову въ совокупности всѣхъ божественныхъ благъ, которыя были узаконены какъ бы по наслѣдству въ качествѣ юридическаго легата⁴⁾. Для него важно (III, 16), что обѣтованія Божіи даны Ав-

III, 15.

III, 16.

¹⁾ Тутъ два $\tau\alpha$ являются координированными (Рим. VII, 13):
† Prof. Th. Zahn, S. 159.

²⁾ Поэтому ничего не измѣняется въ формулѣ Апостола, если мы знаемъ, что въ Греціи допускались добавленія въ видѣ „кодицилловъ“, но лишь отъ самого завѣщателя, о чемъ см. Siebart у Pauly-Wissowa V (Stuttgart 1905), Sp. 351.

³⁾ Ср. Jos. Flavii Bell. jud. II, 2: 3 ἀξίων τῆς ἐπιδικασθῆναι τὴν διαθήκην εἶναι κυριώτερον. Antiqu. XVII, 9: 4.

⁴⁾ Для Гал. III, 15 о διαθήκῃ см. Евр. IX, 16—17. Ср. и

рааму и сѣмени его совмѣстно для обоихъ (Быт. XIII, 15. XVII, 8), при чемъ ἐρρέθησαν (изрекались не разъ и вполнѣ определенно) и ἐπαγγελίαι (множ. ч.) свидѣлствуютъ, что въ многократномъ, многочастномъ и категорическомъ повтореніи воля Божія нашла себѣ пунктуальное и законченное выражение. Это нѣчто неотмѣнное и вѣчное согласно слову Божию (Быт. XVII, 7): καὶ στήσω τὴν διαθήκην μου ἀνὰ μέσον ἐμοῦ καὶ ἀνὰ μέσον σου καὶ ἀνὰ μέσον σπέρματός σου μετὰ σέ εἰς γενεὰς αὐτῶν εἰς διαθήκην αἰώνιον, εἶναί σου θεός καὶ τοῦ σπέρματός σου μετὰ σέ. Здѣсь — поэтому — дорогѣ и знаменательна всякая малѣйшая черта. А въ приведенной выше формулѣ крайне характерна отмѣченная совмѣстность, при которой *Авраамъ лишь вкупѣ съ „сѣменемъ“* получалъ обѣтованіе Божіе, дѣйственное для праотца и потомства, откуда будетъ справедливо и обратное, что „сѣмя“ принимаетъ обѣтованіе сразу же въ неразрывности отъ Авраама. Для соблюденія перваго условія достаточно, что наряду съ патріархомъ включается въ число обѣтованныхъ наслѣдниковъ и его „сѣмя“. Въ свою очередь для послѣдняго тестаментарное требованіе будетъ выполнено не иначе, какъ чрезъ такое совмѣщеніе, при которомъ въ обѣтованномъ пользованіи неизмѣнно и натурально соучаствуетъ и Авраамъ. Эта нераздѣльность мыслима только при тождествѣ взаимнаго сліянія праотца Израильскаго и потомства въ цѣлостной индивидуальности, объединяющей ихъ въ себѣ. Очевидно, это будетъ единичная личность съ достоинствомъ „второго Авраама“, достигшая его обѣтованія въ фактическое обладаніе и сообщающая всѣмъ другимъ. По изложенному выше, — хотя и вопреки раввинизму, — таковъ есть Христосъ Искупитель (III, 16), ибо лишь Онъ одинъ — и никто болѣе и раньше! ¹⁾ — освободилъ обѣтованіе отъ узъ клятвы и, воспринявъ его въ собственность, даруетъ наслѣдникамъ Авраамовымъ, которые прежде не могли примѣнять его по своей подзаконнической клятвенности. Благословеніе Божіе предназначено для всѣхъ чадъ Авраамовыхъ, но всѣ они получаютъ не сами по себѣ и непосредственно, а чрезъ Христа, распечатавшаго божественное завѣщаніе для пользованія всѣмъ міромъ (Гал. III, 14), и лишь въ союзѣ съ христіанами (Евр. XI, 39—40). Значитъ, разсчитанное на всѣхъ наслѣдниковъ Авраамовыхъ, — обѣтованіе фактически достигалось единымъ наслѣдникомъ и уже чрезъ него распространялось на всѣхъ другихъ. Этотъ христіанскій фактъ живой исторіи и внутренняго опыта Апостоль и иллюстри-

Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 545—549 о завѣщаніяхъ.

¹⁾ Въ немъ никогда „сѣмя твоѣ“ не относилось къ Мессіи: Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 553.

руетъ¹⁾ удареніемъ на единственномъ числѣ термина *καὶ τῷ σπέρματι αὐτοῦ (и сѣмени его)* согласно формалистической тестаментарной строгости насчетъ точности въ каждой буквѣ завіщательнаго акта и по чисто объективнымъ даннымъ, ибо евр. *zera*, будучи коллективнымъ понятіемъ потомства вообще²⁾, въ разбираемомъ стихѣ фактически можетъ означать только нумерическую единичность (ср. Быт. IV, 25. XXI, 13. 1 Цар. I, 11. 2 Цар. VII, 12—15) и тѣмъ самымъ отсылаетъ къ Господу Спасителю, разъ именно Онъ одинъ удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ завіта Божія съ Авраамомъ. Всѣ его потомки соучаствуютъ въ этихъ благахъ, но единственный наслѣдникъ есть Христосъ-Мессія³⁾.

Итакъ: обѣтованіе было о Христѣ и — въ качествѣ завіщательнаго акта — не отмѣняется позднѣйшими прибавленіями. Во первыхъ, онъ былъ формально утвержденъ Богомъ (конечно, при помощи клятвы: Быт. XXII, 16. Второз. I, 8 и др.; ср. Евр. VI, 17, 18. VII, 21 изъ Пс. CIX, 4) прежде и пріобрѣлъ юридическую неприкосновенность. Съ другой стороны, и законъ, явившись послѣ, не имѣлъ компетентности исправлять завітнаго опредѣленія⁴⁾, если только это не исходило отъ самого завіщателя, когда будетъ уже не измѣненіе, а уничтоженіе стараго новымъ — съ устраненіемъ всякихъ рѣчей о документѣ аннулированномъ. Но о подобномъ погашеніи завіта нигдѣ ничего не слышно, почему должно помнить о хронологическомъ разстояніи между обѣтованіемъ и Синайскимъ уложеніемъ въ 430 лѣтъ (III, 17).

Промежутокъ отмѣчается у св. Павла согласно Іосифу Флавію⁵⁾, псевдо-Іонафану (въ Таргумѣ на Исх. XII, 40), книгѣ

III, 16.

III, 17.

¹⁾ Посему здѣсь и нельзя даже заводить какія-либо рѣчи о раввинистическихъ фокусахъ аргументаціи Павловой, какъ дѣлають Fr. Sieffert (S. 191) и R. A. Lipsius (S. 40).

²⁾ Но возможно и plur., напр., въ 4 Макк. XVIII, 1: ὁ τῶν Ἀβραμῶν σπέρματος ἀπόγονοι πάντες Ἰσραηλεῖται.

³⁾ Аналогично сему и Самъ Господь Спаситель усвоетъ исключительно Себѣ наименование „Сына Человѣческаго“ — по совершеннѣйшему воплощенію пророческихъ предуказаній Даніила (VII, 13 сл.), хотя бы у послѣдняго разумѣлся — первоначально или собственно — больше идеальный Израиль, а вообще это сочетаніе означало человѣка по естественному преемственному рожденію cadaquo изъ земнородныхъ.

⁴⁾ См. къ сему и къ III, 15.

⁵⁾ Antiqu. II, 15: 1 у B. Niese, I, p. 150: Κατέλιπον δὲ τὴν Αἰγύπτου μηνὶ Ξανθικῷ πεντεκαίδεκάτῃ κατὰ σελήνην μετὰ τριάκοντα καὶ τετρακόσια ἢ τὸν πρόγονον ἡμῶν Ἀβραμὸν εἰς τὴν Χαναανίαν ἐλθεῖν.

III, 17. Юбилеевъ¹⁾ и у раввинистовъ²⁾, хотя въ иныхъ мѣстахъ названный іудейскій историкъ³⁾ и Филонъ⁴⁾ эту цифру относятъ только къ Египетскому порабощенію и — слѣдовательно — всю сумму увеличиваютъ почти вдвое противъ Апостола. Нѣтъ надобности входить во всѣ подробности темной и спорной ветхозавѣтной хронологіи съ ея разногласіями по даннымъ масоретскаго текста и по соотношенію съ разными переводами. Для нашихъ ближайшихъ цѣлей достаточно констатировать, что отмѣтка Галатійскаго посланія нисколько не противорѣчитъ библейскимъ указаніямъ, хотя — по выраженію блаж. Іеронима — *non parva res est et a multis quaesita, nescio an ab aliquo sit inventura*. Уже св. Іоаннъ Златоустъ (Homil. XXXVII: M. gr. LXI, 654; Твор. X, 782) и блаж. Августинъ (Quaest. in Hept. II, 47: M. lat. XXXIV, 610) обращали вниманіе, что въ Быт. XV, 13 предрѣченіе о страннической жизни сѣмени Авраамова *въ земли не своей* (ἐν γῇ οὐκ ἰδίᾳ) обнимаетъ и обитаніе въ Ханаанѣ, бывшемъ пока собственно обѣтованнымъ (ср. Евр. XI, 8—9), а въ Исх. XII, 40 греческій переводъ LXX-ти (ἡ δὲ κατοίκησις τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ ἦν κατόκησαν ἐν γῇ Αἰγύπτῳ καὶ ἐν γῇ Χαναάν) ἐτη τετρακόσια τριάκοντα πέντε) и Самарянское Пятюкнижіе разумѣютъ Египетскую и Ханаанскую земли. При такомъ счисленіи на Египетское рабство придется около 200 съ небольшимъ лѣтъ, — и подобный итогъ косвенно оправдывается

¹⁾ См. † Prof. Aug. Dillmann у H. Ewald въ „Jahrbücher der Biblischen Wissenschaft“ III (Göttingen 1871), S. 77: „für den aufenthalt in Aegypten 238 jahre bleiben“. Ср. у проф. о. А. В. Смирнова, Книга Юбилеевъ или Малое Бытіе (Казань 1895), стр. 183 (гл. XLVI): „И Израиль жилъ въ странѣ въ Египтѣ семнадцать лѣтъ... И онъ умеръ въ четвертый годъ пятой седмины сорокъ пятого юбилея“. Стр. 186 (гл. XLVIII): „И въ шестой годъ третьей седмины сорокъ девятого юбилея ты ушелъ, и оставался (въ Египтѣ) шесть седмины и одинъ годъ. И ты возвратился въ Египетъ во вторую седмины во второй годъ въ пятидесятый юбилей“. Стр. 191 (гл. L): „Сорокъ девять юбилейныхъ годовъ отъ дней Адама до сего дня, и одна седмина и два года“.

²⁾ См. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III S. 17 — 430 лѣтъ отъ завѣта и — II (München 1924), S. 668 ff. — 400 лѣтъ отъ рожденія Исаака, такъ что на Египетское рабство приходится 210 лѣтъ.

³⁾ Jos. Flavii Antiqu. II, 9:1 у B. Niese I, p. 225: καὶ τετρακοσίων μὲν ἐτῶν χρόνου διήνυσαν ταῖς ταλαιπωρίαις. De bello jud. X, 9:4 ibid. XI, p. 487: οὐ τυραννοῦμενοι καὶ βασιλεύσιν ἀλλοφύλοις ὑποπεπτωκότες τετρακοσίοις ἔτεσιν... ἐπέτρεψαν τῷ θεῷ.

⁴⁾ Quis rerum divinarum heres sit § 54 у Mangey I, p. 511, (Cohn et) Wendland III, p. 61 (и англійскій пересказъ у Yonge II, p. 148): τετρακόσια δὲ ἔτη γίνεται ἡ δουλεία.

нѣкоторыми другими соображеніями¹⁾, не встрѣчая безусловныхъ препятствій²⁾). Левій жилъ въ Египтѣ 94 года, внукъ его и отецъ Моисеевъ Амрамъ былъ женатъ на своей теткѣ — дочери Левіиной Іохаведѣ (Исх. VI. 20. Числ. XXVI, 59 и ср. Исх. II, 1), а законодатель еврейскій родился за 80 лѣтъ до исхода (Дѣян. VII, 23, 30). При 430 годахъ Египетскаго рабства — для матери Моисея въ моментъ его рожденія получился бы не совсѣмъ вѣроятный возрастъ (ср. Быт. XVIII, 11 сл. XXIII, 1) въ $(430 - (94 + 80 =) 174 =) 256$ лѣтъ, между тѣмъ при Павловомъ счетѣ было бы тогда не болѣе 50-ти годовъ.

III, 17.

Во всякомъ случаѣ законъ былъ послѣ завѣта и — по юридическому принципу — не могъ исправлять второго и устранять его³⁾, какъ это непременно вышло бы при условіи замѣны и вытѣсненія (III, 18): — тутъ полученіе совершалось бы уже „законнымъ порядкомъ“ и, слѣдовательно, по праву, а Богъ оказалъ Аврааму милость (въ дарованіи наслѣдія) чрезъ обѣтованіе и — значить — исключительно по своей благой волѣ.

III, 18.

Опять вытекаетъ, что, осуществляясь во Христѣ, законъ не могъ и не имѣлъ цѣлію предвосхищать себѣ несвойственную

¹⁾ По наблюденіямъ проф. R. H. Charles'a, вообще масоретская хронологія не имѣетъ за себя авторитета древности и едва ли существовала въ началѣ христіанской эры, а въ данномъ случаѣ она тѣмъ болѣе сомнительна, что всѣ другія извѣстія (Филона, Іосифа Флавія и Дѣян. VII, 6) только воспроизводятъ указаніе Быт. XV, 13 и (— кромѣ Bell. jud. V, 9: 4 —) отличаются неопредѣленностью своего хронологическаго примѣненія (The Assumption of Moses, p. 3—4, not. ad I, 2).

²⁾ Нѣкоторые (напр., Rev. John E. H. Thomson, Books which influenced Our Lord and His Apostles, Edinburgh 1891, p. 322) находятъ подтвержденіе второму, болѣе длинному численію въ „Вознесеніи Моисея“, читая въ I, 3, что ко времени кончины 120-лѣтняго законодателя „протекло четьреста семьдесятъ лѣтъ со времени прихода (пра)отцевъ въ Египеть“; но 1) текстъ латинскихъ фрагментовъ здѣсь до крайности испорченъ, 2) цифръ не сохранилъ и 3) считается позднѣйшею маргинальною глоссой. См. Rev. Prof. R. H. Charles, The Assumption of Moses (London 1897), p. 34, crit. not. ad I, 3. Если у Prof. Carl Clemen'a поставлено (Die Himmelfahrt Moses въ Die Apokryphen und Pseudepigraphen des A. T., herausg. von Prof. E. Kautzsch II: Die Pseudepigraphen des A. T., Tübingen — Freiburg i. B. und Leipzig 1900, S. 317) „... 400 seit dem Auszug aus Phönicien“, то эта цифра просто перенесена сюда изъ масоретскаго текста Библии.

³⁾ Ср. Рар. Охуг. III, 490, 3, (отъ 124 г. по Р. Хр.) *πρὸς ἀχὺρωσιν ἀγειν τὴνδε τὴν διαθήκην*.

III, 19.

энергію, чтобы сообщать всѣмъ благословенія Авраамовы. Его задача была, очевидно, совсѣмъ иная. Тсперь легче разрѣшить и дальнѣйшій вопросъ (III, 19): что же такое законъ по своему существу и смыслу? Это очерчивается словами: τῶν παραβάσεων χάριν προσετέθη, *преступленія(й) ради приложена*, гдѣ нарѣчный предлогъ (ср. Лк. VII, 47. 1 Ин. III, 12. Іуд. 16. Еф. III, 1, 14. 1 Тим. V, 14. Тит. I, 5, 11) всегда сохраняетъ основной оттѣнокъ понятія χάρις и констатируетъ благопріятное содѣйствіе „въ пользу“ чего-либо такого, что, „благодаря“ ему, получаетъ здѣсь новую опору для своего продолженія и развитія. Этимъ естественно колеблется старинное толкованіе (ср. Фефилакта, Икуменія; блаж. Іеронима и др.), будто законъ данъ для обузданія (ἀντὶ χαλίνου ὁ νόμος у св. І. Златоуста)¹⁾. Наоборотъ, по буквальному грамматическому смыслу, его предначертаннымъ служеніемъ будетъ благопріятное вліяніе для τῶν παραβάσεων. Этотъ терминъ (ср. Рим. II, 23. IV, 15. V, 14. 1 Тим. II, 14. Евр. IX, 15) означаетъ не грѣхъ вообще, но специальное его проявленіе, когда по преслушанію воли допускается грѣховно-активное преступаніе (ср. Евр. II, 2) точно формулированной и повелительной нормы, въ результатъ чего бываетъ совершившееся грѣховное паденіе (παράπτωμα ср. Гал. VI, 1; Clem. hom. XI, 16: τῶν παραπομάτων χάριν ἡ τιμωρία ἐπεται). Въ данномъ случаѣ могли разумѣться только обсуждаемая законническія предписанія въ качествѣ юридическихъ преградъ, которыя люди нелегально переходятъ вопреки запрещеніямъ. Отсюда находимъ, что законъ приззошелъ не безъ того, чтобы его нарушали. Тогда въ исполнителяхъ необходимо предполагается упорная сила сопротивленія законнической корректности, — сила внутренняя и независимая, но получающая теперь отчетливое конкретное выраженіе въ качествѣ грѣховной законопреступности. Ясно, что это бывшій ранѣе законъ (Рим. V, 13. VII, 7 и др.) грѣхъ, къ коему потомъ присоединяется νόμος, почему о немъ и сказано прямо προσετέθη — приложенъ къ бывшему доселѣ и сродному фактору сверхъ и въ добавленіе къ нему. Естественно, что при подобной дружественной комбинаціи будетъ неизбѣжный итогъ въ возбуждающемъ оживотвореніи (Рим. VII, 8—9) и усиленіи (1 Кор. XV, 56) существовавшей грѣховности, которая теперь начинаетъ энергически функционировать уже въ видѣ юридической преступности (Рим. IV, 15). Такъ было фактически на протяженіи всей исторіи, — и здѣсь Апостольскъ раскрываетъ намъ, что это случилось не вопреки законоизрекавшей волѣ, разъ все происшедшее предусматривалось еще въ самомъ началѣ процесса. Если же непремѣннымъ предвареніемъ и обязательнымъ условіемъ водворенія закона должна

¹⁾ Migne gr. LXI, col. 654; Творенія X, стр. 782.

быть наличность родственной величины, то лишь бытіе послѣдней опредѣляетъ его возникновеніе, примѣненіе и продолженіе. Слѣдовательно, законъ не есть учрежденіе ни исконное, ни вѣчное, а появляется и прекращается вмѣстѣ со своимъ двойникомъ. Но мы знаемъ, что грѣхъ — историческаго происхожденія и упраздняется обѣтованнымъ „сѣменемъ“ во Христѣ Иисусѣ. Потому и господство закона, отправляясь отъ извѣстнаго пункта времени по своему историческому утвержденію, простирается въ своемъ дѣйствіи только до этого предѣла безусловно гарантированной фактической реализаціи божественнаго обѣтованія¹⁾, когда „прейде сѣнь законная благодати пришедшей“.

Таковы принципиальныя и историческія границы номизма. Исключительно въ нихъ законъ обладаетъ достаточною важною и совсѣмъ не можетъ затрогивать сферы обѣтованной, куда просто не проникаетъ за своимъ аннулированіемъ. Онъ былъ опубликованъ высшимъ авторитетомъ (ср. Дѣян. VII, 44. 1 Кор. IX, 14) въ качествѣ юридически-принудительнаго постановленія, какъ *διαταγής*, или формальный институтъ²⁾. Съ другой стороны, и посредниками провозглашенія были Ангелы, на присутствіе которыхъ указываютъ всѣ грозно чудесныя (ср. Евр. XII, 18 сл.) знаменія при Синаѣ (ср. Псал. CIII, 4), какъ LXX усматривали свидѣтельство о нихъ во Второз. XXXIII, 2, гдѣ поеврейски говорится, что „Господь отъ Синая... шелъ съ тѣми святыхъ“, имѣя „по правую руку огонь закона“, а греческіе переводчики вмѣсто послѣдней фразы поставили: *ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἄγγελοι μετ' αὐτοῦ* — согласно распространенной потомъ религіозной традиціи³⁾. Такое соучастіе безплотныхъ небесныхъ духовъ архидіаконъ Стефанъ считалъ символомъ славы закона (Дѣян. VII, 53), а посланіе къ Евреямъ (II, 2) принимаетъ его за вѣрную поруку твердости ветхозавѣтнаго сло-

¹⁾ *Ἐπήγγελται* — пассивно, какъ, напр., въ 2 Макк. IV, 27.

²⁾ Значитъ, это есть важный моментъ аргументаціи, и потому причастіи *διαταγής* нельзя разрѣшать въ простое *καί*, какъ предлагаетъ Prof. W. M. Ramsay, A Historical Commentary on the Epistle to the Galatians, p. 381.

³⁾ См. Дѣян. VII, 53. Иосифа Флавія Antiqu. XV, 5; 3 у B. Niese III, p. 356: *ἡμῶν δὲ τὰ κάλλιστα τῶν δογμάτων καὶ ὁσιώτατα τῶν ἐν τοῖς νόμοις δι' ἁγγέλων πρὸς τοῦ θεοῦ μαθόνων*. Филон De somniis I, 22 у Mangey I, p. 642 (Cohn et) Wendland III, p. 235 (и Yonge II, p. 322). Книга Юбилеевъ у Ewald'a Jahrb. II, S. 233; III, S. 74; ср. у проф. о. А. В. Смирнова, Книга Юбилеевъ (Казань 1895), стр. 57. Объ иудейскихъ преданіяхъ см. еще J. Gfröger, Das Jahrhundert des Heils I, S. 226, 357 f. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 554—555.

- III, 19. ва, преступленіе и послушаніе коего неминуемо влекли за собою праведное воздаяніе. Наконецъ, и фактическимъ вручителемъ (ἐν χειρὶ) закона народу еврейскому былъ получившій его отъ Господа (Исх. XXIV, 12. XXXI, 18. XXXII, 19. XXXIV, 29) Моисей¹⁾, великій пророкъ, отмѣченный перстомъ Божиимъ въ сіяніи лица его (2 Кор. III, 7). Все это принимается Апостоломъ, какъ неотразимое свидѣтельство о величіи закона, который санкціонируется въ свойственномъ ему достоинствѣ по его дѣйствительнымъ размѣрамъ. Надо только внимательно рассмотреть и точно оцѣнить всѣ эти номистическія поручительства. Тутъ Богъ посредствовался Ангелами, а блескъ ангельскій отражался для людей единственно въ преломляющемъ посредничествѣ Моисеевомъ. Въ этомъ послѣднемъ условіи и состояла специальная особенность Синайскаго законоположенія, почему именно ею опредѣляется подлинный его смыслъ. Чтò же собственно означаетъ это посредство? И грамматически и фактически несомнѣнно (III, 20), что по самой своей природѣ посредникъ, какъ конкретный ὁ μεσίτης²⁾, можетъ быть развѣ лишь при двухъ сторонахъ и совсѣмъ не меньше, когда пришлось бы посредствовать кого-либо единаго съ самимъ собой, чтò нелѣпо. Посему далѣе будетъ столь же неизбежно отрицательное утвержденіе, что онъ не бываетъ посредникомъ (для) одного, ибо тогда посредствовать уже нѣ съ кѣмъ. Здѣсь необходимо требуется что-нибудь второе, но Богъ — одинъ и представляетъ собою божественное единство (въ существѣ) со всею абсолютностію. Теперь получается такой выводъ: разъ посредничество обязательно предполагаетъ двойство, а его нельзя находить въ строго единомъ Богѣ, то, очевидно, законъ не исключительно божественный, не чисто божественное учрежденіе, не самоцѣльное и не самосвѣтное выраженіе воли Божіей, если чрезъ него послѣдняя входитъ въ соглашеніе, примиряется и приспособляется къ другой³⁾. Эта вторая небожественна и преходяща; естественно, что и отвѣчающій ей законъ Синайскій будетъ временно-аккомодативнымъ институтомъ домостроительственной педагоги, которая въ историческомъ процессѣ обнаруживается многократно и многообразно.

¹⁾ Ср. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 556.

²⁾ Тутъ авторъ отъ общаго понятія посредничества въ III, 19 (ἐν χειρὶ μεσίτου) переходитъ (въ ст. 20) къ специальному опредѣленію самой природы посредничества по эссенціальному его свойству.

³⁾ Не совсѣмъ понятно, какъ все это можно отнести къ „la loi primitive“, о чемъ старается E. Bruston въ „Revue de théologie et de philosophie“ 1894, I, p. 56.

И это пониманіе не было въ устахъ Апостола абсолютно неожиданною и оскорбительною странностію ни для кого, поелику еще пророкъ Іезекииль говорилъ о своихъ предкахъ отъ имени Іеговы (XX, 25): „и (Азъ) дахъ имъ заповѣди не добры, и оправданія, въ нихъ же не будутъ живи“, какъ Спаситель прямо свидѣтельствовалъ іудеямъ о разводѣ (Мѡ. XIX, 8): „Моисей по жестокосердію вашему повелѣ вамъ пустити жены ваша: изъ начала же не бысть тако“.

Сообразивъ все сказанное, мы легко усмотримъ, что св. Павелъ охотно признаетъ необычайныя достоинства закона по силѣ обстоятельствъ и способовъ, виновниковъ и участниковъ его опубликованія. Наравнѣ со всѣми своими соплеменниками — писатель вполне принимаетъ высокую важность дѣйствовавшего тамъ посредничества, сообщившаго всему Синайскому институту наименованіе Моисеева¹⁾: — только въ этомъ, для всѣхъ безспорномъ, фактѣ онъ подмѣчаетъ и сокрушительную энергію для всякихъ номистическихъ притязаній въ пользу необходимости законническихъ нормъ для достиженія полнаго христіанскаго спасенія. Именно потому Моисей Апостолъ называется просто по его спеціальному отличію Синайскаго ходатайства и 20-й стихъ начинаетъ энергическимъ противоположеніемъ, которое устраняетъ совсѣмъ и сокрушаетъ всѣ іудейскія и іудаистическія преувеличенія ослѣпленно-фанатическихъ защитниковъ законническаго величія, когда у нихъ историческое значеніе возводится въ догматическое.

Къ прежнимъ даннымъ, что 1) самъ законъ осуществляется во Христѣ и поглощается въ христіанствѣ, но 2) ничуть не отмѣчаетъ обѣтованія Божія, отнынѣ присоединяется 3) третья черта въ интересахъ причиннаго выясненія всѣхъ другихъ, что онъ таковъ вслѣдствіе натурально свойственной ему временной приспособительности. Отсюда естественно возникаетъ еще дальнѣйшій вопросъ: не былъ ли — поэтому — законъ помѣхою и тормазомъ для обѣтванія, враждебно-препятствующимъ ему учрежденіемъ? — и отвѣтъ будетъ (III, 21) безусловно отрицательный, поелику и вообще диспаратное не есть нѣчто адверсативное. Для утвержденія нужны были два качества, что законъ 1) имѣлъ цѣлю замѣнить завѣтъ и 2) располагалъ къ тому достаточными средствами для оживотворенія, или для созданія независимой собственной номистической жизни: — въ этомъ случаѣ чрезъ него, дѣйствительно, осуществлялось бы исконное намѣреніе обѣтованія въ сообщеніи

¹⁾ Совсѣмъ не понятно, какъ въ рѣчи о ветхозавѣтномъ законѣ можно предполагать посредникомъ Іисуса Христа, хотя эту мысль защищали въ древности, напр., блаж. Іеронимъ (Творенія XVII, стр. 91) и Теофилъ (стр. 40).

людямъ праведности, которая ведетъ къ неисчерпаемой жизненности, поддерживается и питаетъ ее¹⁾; но фактически нѣтъ первого и — слѣдовательно — не находится второго. Напротивъ (III, 22): воплощающее и олицетворяющее законъ — Писаніе именно по этому своему номистическому характеру крѣпко и всѣхъ заключило и подчинило верховенству грѣха²⁾, поелику іудеи оказались подъ клятвою (III, 10), а язычники были *безбожны въ міръ* (Еф. II, 12). Здѣсь искомая праведность могла открываться лишь по изытіи и аннулированіи закона, при чемъ она становится собственностію этого побѣдителя и чрезъ него переходитъ на всѣхъ присныхъ по силѣ единенія съ нимъ. А это есть Іисусъ Христосъ съ безконечною и неограниченною братіею искупленныхъ, откуда получаемъ, что обѣтованіе дается въ фактическое обладаніе однимъ вѣрующимъ и только по вѣрѣ. Изъ этихъ наблюденій вытекаетъ, что по своимъ внутреннимъ стремленіямъ законническое порабощеніе не противно цѣлямъ обѣтованія и — скорѣе — отрицательно подготовляло ихъ универсальное исполненіе внѣ всякихъ національных рамокъ, ибо приводило къ всеобъемлющей и всѣмъ доступной вѣрѣ. До водворенія новаго міропорядка съ господствомъ послѣдней (III, 23) — роль закона ограничивалась національно іудеями и исчерпывалась строгимъ храненіемъ ихъ въ своей оградѣ³⁾. Тѣмъ не менѣе даже и это узничество служило на пользу мессіанско-благодатныхъ плановъ. Иначе вышло бы развѣ всеобщее языческое совращеніе безбожія, а теперь упраздненіемъ „клятвы законной“ начинается владычество благословеній духа оправданнаго и жизни святой. По всему очевидно, что самое стреженіе еврейское подъ закономъ направлялось къ вѣрѣ, долженствовавшей открыться и по ветхозавѣтному предчувствію, если именно она лежала въ основѣ исконнаго обѣтованія и проникала его. Значить (III, 24), фактически (ᾧστε) законъ служилъ намъ же, будучи для евреевъ *пѣстункомъ*, или педагогомъ (ср. 1 Кор. IV, 15), который морально дисциплинируетъ питомца для зрѣлаго и отвѣтственного наслѣдничества. Это былъ суровый дядька, путемъ ограниченій, запрещеній и обузданій приготавливавший и направлявший ко Христу, какъ своей высшей цѣли, чтобы въ Немъ всѣ мы почерпали оправданіе отъ вѣры и тѣмъ самымъ пріобрѣтали полную самостоятельность. Естественно (III, 25), что когда приходитъ и водворяется этотъ порядокъ вѣры, — причастники ея уже не нуждаются въ пропедевтической опекѣ, являясь благодатными наслѣдниками. Но эта

¹⁾ Ср. объ этомъ выше къ III, 11 на стр. 130.

²⁾ Для συχλείειν ср. Пс. XXX (31), 9.

³⁾ Ср. Пр. Сол. XVIII, 15 . . . ἐφρουρεῖτο εἰς τὴν ἀσίδηρον εἰρηκτὴν κατὰ κλεισθεῖς.

юридически-фактическая полномочность относится къ правдѣ, а она есть исключительное достояніе Божіе, которое можетъ усвоиться лишь при обладаніи всѣми наслѣдственными преимуществами сыновства. Въ такомъ случаѣ оправданіе христіанское незыблемо утверждаетъ, что всѣ облагодатствованные суть истинно чада Божіи по своему реальному общенію въры съ Господомъ-Искупителемъ, ибо своимъ чловѣчествомъ въ Иисусѣ Онъ натурально соединяется съ нами и своимъ мессіанствомъ во Христѣ возводитъ къ Богу, какъ общему отцу (III, 26). Для людей вся задача здѣсь будетъ лишь въ обезпеченіи 111, 26. этого соединенія съ Избавителемъ, дарующимъ богосыновство, — и это вполнѣ безспорно, поелику (III, 27) уже совершилось 111, 27. крещеніе, а βαπτίζω съ предлогомъ εἰς вин. пад. констатируетъ погруженіе въ водную стихію, напр., Иордана (Мрк. I, 9), и въ отношеніи Христа (Рим. VI, 3) указываетъ на таинственно-неразлучное сочлененіе съ Нимъ, наше сраствореніе въ Господѣ. Потому дѣйствіе этого акта, простираясь на всѣхъ принявшихъ, разрѣшается облеченіемъ во Христа, гдѣ они — по прекрасному выраженію св. Іоанна Златоуста¹⁾ — приходятъ εἰς μίαν συγγένειαν καὶ μίαν ἰδέαν (въ одно сродство и въ единый образъ), „принимаютъ Его образъ и начертаніе, дѣлаются причастными Логосу“ (св. Мееодій Патарскій) и съ Нимъ пріобрѣтаютъ равное для всѣхъ благодатное сыновство. Въ этомъ у христіанъ все специальное отличіе (III, 28), но послѣднее абсо- 111, 28. лютно не зависитъ отъ религіозно-національных, социальныхъ и половыхъ градацій, и въ немъ нѣтъ особенностей іудея и эллина, раба и свободнаго, мужчины и женщины (ср. Рим. X, 13. Кол. III, 11): ибо богосынство почерпается исключительно во Христѣ и производитъ единый благодатно-сыновній организмъ, гдѣ каждый сохраняетъ свою индивидуальность (εἰς). Тутъ всѣ вѣрующіе неизбежно сливаются въ нераздѣльное цѣлое по тождеству въры испуленія и благодати возрожденія.

Въ итогѣ имѣемъ (III, 29), что Христовы — по нерастор- 111, 29. жимости союза съ Главою — являются истиннымъ потомствомъ Авраама чрезъ его подлинное сѣмя и — согласно божественному обѣтованію — бываютъ наслѣдниками всѣхъ праотеческихъ благословеній и чаяній, разъ завѣтъ былъ о Христѣ (ср. III, 17), а они съ Нимъ и въ Немъ. Конечно, закону тутъ нѣтъ мѣста, какого не было у него и прежде соотвѣтственно подлинному его достоинству и изначальному предназначенію. Частнѣе эта новая дополнительная особенность, что наше христіанское сыновство не отъ закона, опять освѣщается примѣрною аналогіей изъ житейской сферы (IV, 1). Беремъ переход- 111, 29. ный возрастъ на ступени „младости“ между παῖς и ἀνήρ, когда

¹⁾ Migne gr. LXI, col. 656; Творенія X, стр. 785.

IV, 1. субъектъ чуть не до противоположности отличается отъ „мужа“ (ср. 1 Кор. XIII, 11. Еф. IV, 13—14), ибо есть просто $\nu\eta\text{-}\pi\iota\omega\varsigma$ и не владѣетъ еще правомъ самостоятельно-авторитетной и отвѣтственной рѣчи ($\nu\eta + \epsilon\pi\omega\varsigma$ или $\pi\iota\omega\varsigma$ съ дигаммой¹⁾). Въ этотъ періодъ даже прирожденный наслѣдникъ подобенъ

¹⁾ Ср. объ этомъ у Ch. Dageberg et Edm. Saglio III, 1, p. 485—488; V, p. 485b. Курсъ римскаго права † проф. К. А. Митюкова; изданіе второе съ добавленіями привагъ-доцента А. К. Митюкова (Кіевъ 1902), стр. 38—39: „Возрастъ дѣтства римляне называютъ *infantia*, а лицъ этого возраста *infantes* или *qui fari non possunt*, т. е. которые не могутъ говорить съ сознаниемъ значенія произносимыхъ ими словъ. Всѣ юридическіе акты совершались въ древнее время у римлянъ въ устной формѣ. Почему способность произносить эту форму съ сознаниемъ значенія словъ ея и совпадаетъ со способностію совершать юридическіе акты... *Infans* было дитя, не достигшее 7-ми лѣтъ“, когда — по Макробію — *eodemque anno id est septimo plene absolvitur integritas loquendi*. Наряду съ *infantes* „неспособны совершать нѣкоторые акты лица, вышедшія изъ дѣтскаго возраста, но не достигшія совершеннолѣтія. Это были *impuberes, qui fari possunt, infantia maiores*. Они не могутъ понимать значенія всѣхъ юридическихъ актовъ. Почему законъ и не допускаетъ ихъ къ совершенію актовъ отчужденія имущества и вообще актовъ обязывающихъ ихъ. Къ актамъ чистаго пріобрѣтенія несовершеннолѣтній былъ вполне способенъ“. Такой періодъ продолжался до 14-ти лѣтъ — для мужчинъ — и до 12-ти — для женщинъ. Соответственно этому (стр. 247—348) „римское право различаетъ два вида опеки: 1) опеку въ собственномъ смыслѣ (*tutela*) и 2) попечительство (*cura*). Основная идея обоихъ этихъ учреждений одна и таже... (Но) только опекунъ давалъ лицу, которое находилось подъ его опекой, такъ наз. *auctoritatem*... Дитя старше 7 лѣтъ само могло совершать юридическіе акты, но опекунъ своимъ участіемъ восполнялъ еще незрѣлую личность этого дитяти. Это восполненіе и есть *auctoritas* опекуна. Попечитель также содѣйствуетъ несовершеннолѣтнему при совершеніи имъ нѣкоторыхъ юридическихъ актовъ. Но это содѣйствіе попечителя есть только согласіе (*consensus*), или одобреніе акта, совершеннаго лицомъ вполне способнымъ дѣйствовать юридически, но лицомъ неопытнымъ, легко доступнымъ для обмана и увлеченія со стороны другихъ. *Auctoritas* опекуна есть нераздѣльная составная часть акта, совершаемаго малолѣтнимъ; согласіе же попечителя есть особое отдѣльное дѣйствіе, подтверждающее въ извѣстныхъ случаяхъ актъ несовершеннолѣтняго“. Полнолѣтіе было въ 25 годовъ, и до этого времени послѣдовательно смѣнялись опекунъ и попечитель, которые не могли быть при одномъ субъектѣ совмѣстно.

рабу, будучи юридически господиномъ и распорядителемъ всего достоянія. Напротѣвъ (IV, 2), онъ пока находится подъ надзоромъ „попечителей, учителей и педагоговъ“ (Philonis ad Сaj. 4: М. II, р. 549: *υἱπιοὶ ἐπὶ θυγα, χρηιδῆ καὶ χρῆζοντα ἐπιτρόπων καὶ διδασκάλων καὶ παιδαγωγῶν*), въ своей личной свободѣ заправляется эпитропами¹⁾, а въ имущественно-хозяйственныхъ дѣлахъ контролируется экономами. И такъ продолжается до установленнаго отцомъ срока для фактическаго пользованія законною частію. Здѣсь Апостоль употребляетъ юридическую терминологию²⁾,

¹⁾ Объ *ἐπίτροπος* см. у D a r e m b e r g et Edm. S a g - l i o II, 1, р. 728—732. Ср. 1 Макк. XI, 1. XIII, 2.

²⁾ Здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ о встрѣчающихся въ Галатійскомъ посланіи „юридическихъ“ указаніяхъ, которыя утилизуются одними ради защиты южно-галатійской теоріи (W. M. Ramsay), другими привлекаются для мысли о римскомъ происхожденіи даннаго апостольскаго документа (Ant. Halmel). Первые отмѣчаютъ слѣдующія черты. I) Св. Павелъ объявляетъ вѣрующихъ чадами Авраамовыми (III, 7) въ силу ихъ наслѣдничества, чѣмъ предполагается, что наслѣдуютъ только сыновья (природные и adoptивные), а не дочери или постороннія лица, между тѣмъ по тогдашнему римскому праву, дѣйствовавшему въ сѣверной Галатіи, можно было каждая сдѣлать наслѣдникомъ безъ усыновленія; лишь въ греческой юридической практикѣ южно-галатійскихъ областей со временъ Александра В. и Селевкидовъ сохранялось древне-римское уложеніе о наслѣдническихъ преимуществахъ мужского пола, кровнаго и усыновленнаго. II) Въ Гал. III, 15—17 завѣщаніе считается извѣстнымъ заранее и неотмѣняемымъ, какъ было по греческимъ законамъ, требовавшимъ публичной передачи testamentарныхъ актовъ чиновникамъ, которые должны были хранить ихъ и не допускать ни малѣйшихъ поправокъ, когда — по римскимъ нормамъ — завѣщанія были секретомъ при жизни тестатора, получали дѣйственность уже по смерти его и до тѣхъ поръ легко измѣнялись. III) По римскому праву (см. прим. 1 на стр. 142) малолѣтній сынъ до 14-ти годовъ находился подъ tutor'омъ (*ἐπίτροπος*) и до 25-ти подъ curator'омъ (*οἰκονόμος*), но отцу дозволялось назначать по завѣщанію только перваго (Inst. I, 23, 1: *curator testamenti non datur*), а не второго; поэтому обратное сообщеніе Гал. IV, 2 встрѣчается для себя аналогію лишь въ сиром-римскомъ или въ греко-сирскомъ юридическомъ памятникѣ, бывшемъ въ примѣненіи среди южно-галатійскихъ жителей (ср. W. M. Ramsay, A Historical Commentary on St. Paul's Epistle to the Galatians, p. 392—393).

Всѣ эти соображенія при внимательномъ разборѣ (Prof. P. W. Schmiedel'я въ Encyclopaedia Biblica II, col. 1608—1610) оказываются неубѣдительными. Прежде всего, неточно воспроизводятся факты. Для греческихъ законовъ констатируется, что, по крайней мѣрѣ, съ IV—III вѣка до р. Хр. завѣщатель располагалъ свободою

IV, 2. но примѣнительно къ обиходному ея употребленію, почему и трудно выяснитъ всѣ пункты согласно строгимъ юридическимъ нормамъ¹⁾. И вотъ тогдашнее право не зна-

въ назначеніи наслѣдниковъ (ср. J. Mittheis, S. 341); равно и самыя завѣщанія не обязательно было передавать въ официальные учрежденія, откуда — опять же — ихъ можно было брать и уничтожать, почему неотмѣняемость не доказана и едва ли вѣроятна (ср. у Мэнъ, Древнее право, Спб. 1876, стр. 137 сл., 160, 167); на востокъ вообще не выдерживалось римское различіе между двумя видами опеки (собственно опекой — надъ малолѣтнимъ) и суга (попечительствомъ надъ несозрѣвшимъ, хотя юридически правоспособнымъ), а греки знали лишь первую и потому у нихъ былъ только одинъ терминъ *ἐπίτροπος*, такъ что, — когда послѣдній специализировался — погречески прямо писалось *χορηγῶν*, иногда вытѣснявшееся чрезъ *φροντιστής* (наряду съ *χόριος*). Не менѣе того не совсѣмъ правильно освѣщаются и апостольскія свидѣтельства. Вѣрующіе суть сыны Авраама (ср. Рим IV, 11 сл., 16—18, но по усыновленію не ему, а Богу (Гал. IV, 5—6), какъ дѣти обѣтованія по Исааку — отъ свободной (IV, 28, 31). Если Апостоль говорить (въ IV, 15, 17) о судьбѣ заветнаго распоряженія уже по кончинѣ завѣщателя, то — значитъ — не включаетъ послѣдняго въ число тѣхъ, кто при жизни его некомпетентенъ модифицировать завѣщаніе, которое неприкосновенно для другихъ и всегда подвластно тестатору (ср. Мэнъ, стр. 126). Касательно „попечителей“ и „домоправителей“ св. Павелъ выражается не съ технической строгостію, не отрицая (— вопреки юридическимъ требованіямъ —) ихъ одновременной совмѣстности; поэтому далеко не безспорно и то, что отецъ рисуется умершимъ (ср. W. E. Ball, St. Paul and the Roman Law, Edinburgh 1901, p. 29—30 и въ „The Contemporary Review“ № 308: August, 1891, p. 289), поскольку подобный случай представляется возможнымъ и при жизни хозяина (Лк. 12, 29 сл.). Наконецъ, всѣ эти данныя убѣждали бы рзвѣ въ знакомствѣ благовѣстника съ греческими законами, нмало не удостовѣряя этого для читателей: — иначе пришлось бы согласиться, что язычники Галатійскіе (III, 13, 23—25. IV, 5) и Коринѣскіе (1 Кор 1, 1) были пунктуально освѣдомлены въ Моисеевыхъ предписаніяхъ. Въ силу этого не содержатъ научной принудительности въ пользу южно-галатійской гипотезы и ссылки на Гал. III, 24 сл. III, 28 и др. на тѣхъ основаніяхъ, будто „педагоговъ“ (нзъ) рабовъ не было на сѣверѣ Галатіи и лишь на югѣ ея женщины имѣли большую независимость при мужчинахъ. По всему сказанному ясно, что вообще юридическое толкованіе апостольскихъ текстовъ не должно быть проводимо съ излишнимъ скрупулёзностію. См. и ниже.

¹⁾ Такъ, самая регламентація возрастовъ по римскому праву, — вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія, а раньше степень зрѣлост

IV, 2.

ло¹⁾ отеческой привилегіи насчетъ опредѣленія наслѣдническаго термина, который рѣшался годами, а не завѣщательскою волей. Догадки о специальныхъ особенностяхъ Галатійской наслѣдственной практики ничего не объясняютъ и просто принимаютъ за фактъ недоумѣнныя апостольскія слова. Ключъ нужно искать въ нихъ самихъ, а тутъ рѣчь идетъ о времени „младости“, къ которому и относится *ἡ προδεσμία τοῦ πατρὸς*. Не видно также, что отецъ мыслится скончавшимся. Скорѣе вѣрно обратное, что онъ еще при жизни, пользуясь отеческою властію, могъ задерживать наслѣдническія части своего имущества за собою, и требованіе ихъ „по закону“ не считалось приличнымъ, хотя бы и удовлетворялось (ср. Лк. XV, 12, 29—31). Во всякомъ случаѣ вѣрно, что юридическое право далеко не было фиксировано съ незыблемостію²⁾ и не всегда совпадало съ реальнымъ владѣніемъ, не дѣйствовавшимъ по тѣмъ или инымъ причинамъ. Совершенно сходно этому и всѣ мы — іудеи и эллины — до момента христіанской зрѣлости были въ рабскомъ подчиненіи „стихіямъ міра“ (IV, 3). Эти *τὰ στοιχεῖα τοῦ κόσμου*³⁾ проще и правильнѣе относить къ космическимъ элементамъ, составляющимъ упорядоченный внѣшній міръ и гармонически регулирующимъ его. Въ религіозномъ смыслѣ это означаетъ не просто религіозную примитивность⁴⁾, а космическую приспособительность религіознаго сознанія въ догматѣ и въ практикѣ. Именно такою аккомодативностію — наряду съ эллинизмомъ — отличалась и вся номистическая педагогія (въ законѣ и даже пророкахъ⁵⁾, потому что она была приноровлена къ стихійно-космическимъ условіямъ человѣческой ограничен-

IV, 3.

опредѣлялась, кажется, эмпирически, о чемъ см. у проф. Д. И. Азаревича, О различіи между опекой и попечительствомъ по римскому праву (Спб. 1872), стр. 33 сл., какъ въ этомъ сочиненіи специально обсуждаются и всѣ вопросы, служащіе ближайшимъ предметомъ изслѣдованія автора; въ частности, подтверждается (на стр. 34) и извѣстіе Апостола Павла (въ Гал. IV, 2) о дозволенности назначенія срока для прекращенія опеки.

¹⁾ Нензвѣстно это и въ раввинизмѣ: *Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III*, S. 570.

²⁾ См. у Le P. M.—J. Lagrange, *Galates*, p. 297—98.

³⁾ По этому вопросу за новѣйшее время см., напр., у B. E. Bandas, *The Master-idea of Saint Paul's Epistles or the Redemption: a Study of Biblical Theology* (Brügge 1925), что *τὰ στοιχεῖα τοῦ κόσμου* — не высшія духовныя силы, но элементарное, первоначальное обученіе и знаніе. См. и Prof. Ernest De Witt Burton, p. 510—518.

⁴⁾ Ср. даже Prof. Ernest De Wirt Burton, p. 518: „the rudimentary religious teaching possessed by the race“.

⁵⁾ Ср. блаж. Іеронимъ, Творенія XVII, стр. 100, 108—109.

ности (напр., въ праздникахъ и обрядахъ)¹⁾ и созидалась лишь на внѣшнемъ упорядоченіи человѣческаго поведенія съ требованіемъ рабски-безотвѣтной покорности себѣ (ср. IV. 9—10). При подобномъ положеніи крайней подневольности людей и названный деспотическій строй не могъ прекратиться ни самъ собою, ни человѣческими усилиями, а требовалъ высшаго вмѣшательства, которое, въ свою очередь, нуждалось въ подготовленной почвѣ для дѣйствія и воспріятія, чтобы пропедевтический опытъ неотразимо убѣждалъ, что всѣ ресурсы и способы исчерпаны, и засимъ необходимо нѣчто новое, болѣе совершенное. Тутъ нѣтъ анархической революціи, ибо бывшее доселѣ измѣняется по завершеніи доступнаго осуществленія своихъ цѣлей во времени и при томъ высшею властію, господственно освобождающею узниковъ. Отсюда нормально (IV, 4), что виновникомъ этого переворота является Богъ, выступающій не произвольно, а въ самый удобный моментъ, когда наступило τὸ πλῆρωμα τοῦ ἁγίου и время наполнилось до края тѣмъ, что должно было въ него вливаться и составлять всецѣлое его содержаніе. Естественно, что достиженіе этой полноты оказывалось послѣднимъ предѣломъ для даннаго дѣйствія, и оно дальше прекращалось за фактическою невозможностію продолженія. Въ религіозно-промыслительномъ отношеніи этимъ отмѣчалось, что доблгодатная эпоха получила все свойственное вліяніе со стороны закона, который уже исчерпалъ всю свою педагогическую энергію и положительно и отрицательно, воспитывая въ людяхъ чистую вѣру въ Бога и сознаніе своей беспомощности для спасенія. Теперь именно было благовременно, чтобы послѣ законническаго предваренія открылось самое обѣтованіе во всемъ фактическомъ торжествѣ. Посему-то нынѣ Богъ и послалъ Сына Своего, а Онъ, замѣняя собою все космическое, будетъ эссенціально вышемірнымъ, или истинно божественнымъ. Такое качество возможно лишь при сосуществованности божеству, обезпечивающей одинаковое божеское естество. Въ свою очередь это преимущество бываетъ неразрывно отъ современности, каковая для божественной области всегда равняется вѣчности. Потому и сказано усилительно ἐξ-απ-έστελεν — исторически отослалъ отъ Себя то, что было ранѣе (ср. Лк. XXIV, 49. Дѣян. VII, 12. XII, 11) въ сферѣ жизни Отца и — значитъ — вѣчно. Это посланничество было для сообщенія людямъ сыновняго наслѣдованія. Разъ же для пріобрѣтенія сего люди сами по себѣ неспособны, — здѣсь долженъ войти въ союзъ съ ними и поднять до Себя Нисшедшій. Ясно, что въ этихъ интересахъ необходимы и общія свойства человѣчности и спеціальныя приспособленія ея къ условіямъ наслѣдничества, га-

¹⁾ Ср. св. I. Златоустъ: Migne gr. LXI, col. 657; Творенія X, стр. 785.

рантировавшагося прежде законничествомъ. Подобный характеръ выполненія Сыномъ своей миссии и отмѣчается у Апостола соподчиненными причастіями—такъ, что *γενόμενον ἐκ ὑναιχός* (бываема отъ жены) указываетъ принятіе не бывшей доселѣ полной человѣческой природы, которая бываетъ только при рожденіи¹⁾ отъ „жены“, а *γενόμενον ὑπὸ νόμου* (бываема подъ закономъ) означаетъ столь же добровольное подчиненіе закону, которое не требовалось непременно для самаго, человѣческаго бытія и — слѣдовательно — допускалось намѣренно ради успѣха ближайшей задачи Сыновняго посланничества. По человѣчеству Христосъ натурально сблизился съ людьми и законническою покорностію усвоилъ первенствующій изъ тогдашнихъ оправдательный методъ. Дальше нужно было либо улучшить и укрѣпить данное средство, или — при его испытанной негодности — устранить новымъ, болѣе дѣйственнымъ. Естественно, что, будучи совершаемо въ общечеловѣческой сферѣ, фактическое выполненіе искупительныхъ плановъ должно было идти обратнымъ порядкомъ — отъ частнаго къ общему. Если дѣло касается примѣненія законническихъ приемовъ, то и результатъ сначала и больше всего долженъ обнаруживаться въ предѣлахъ владычества закона, откуда благотворное вліяніе будетъ распространяться уже на обширные круги. Апостолъ и удостоверятъ (IV, 5), что все описанное было задумано и предпринято для достиженія того факческаго успѣха, чтобы освободить подзаконныхъ, выкупивъ (*ἐξαγοράσῃ*) ихъ изъ номистической подневольности, а рабство могло прекращаться только выплатою необходимой цѣны господину, который иначе не желаетъ освободить своихъ слугъ. Самымъ искупительнымъ намѣреніемъ утверждается, что пребываніе подъ законническимъ попеченіемъ было недостаточно и неудобно для надлежащаго увѣнчанія оправдательныхъ цѣлей, которыя стѣснялись и парализовались въ своемъ примѣненіи. Нужна была для нихъ полнѣйшая свобода, чтобы возобладавало истинное избавленіе. Ясно, что послѣднее могло достигаться лишь чрезъ упраздненіе подзаконнаго состоянія вмѣстѣ съ устраненіемъ всего законничества, когда получится реальное оправданіе. Въ такомъ случай обязательно принять, что бывшіе подзаконники, будучи выкуплены на свободу, приобрѣтаютъ теперь сыновнюю полноправность и, конечно, потому,

¹⁾ Вполнѣ произвольно и грамматически и контекстуально, яко бы *γενόμενον ἐκ ὑναιχός* отмѣчаетъ не воплощеніе, а только уничтоженность человѣческой природы (какъ утверждаетъ М. Brückner, *Die Entstehung der paulinischen Christologie*, Strassburg 1903, S. 35 u. Anm. 1). Напротивъ, вполнѣ правильно, что — вопреки Валентиніанскому *διὰ* — *ἐκ* означаетъ рожденіе сверхъестественное († Prof. Th. Zahn, S. 200 Anm.).

- IV, 5. что великій освободитель усыновляетъ ихъ себѣ, приобщая къ собственному бого-сыновству. Онъ является уже единственнымъ и исключительнымъ владыкою всѣхъ обѣтованныхъ благъ, почему и награждаетъ лишь въ силу своего личнаго соизволенія, рѣшительно не допуская никакихъ законническихъ ограниченій и условій. Отсюда логически неоспоримо, что при искупленіи іудеевъ одновременно и фактически открывался равный просторъ для приближенія къ Господу всѣмъ людямъ. За упраздненіемъ номизма слѣдуетъ универсализмъ благодати, которая при сохраненіи его связывалась бы въ своемъ примѣненіи и дѣйствиіи, какъ этого требовали, іудаисты, вовсе не отрицавшіе доступа къ христіанству для язычниковъ. Только онъ мыслился и практиковался номистически обусловленно, а теперь бываетъ вполнѣ безпрепятственнымъ и сопровождается усыновленіемъ. Тутъ не простое періодическое *adoptio*, хотя въ греко-римскомъ правѣ послѣднее давало совершенно реальныя преимущества, иногда приближавшіяся къ натуральнымъ привилегіямъ естественнаго сыновства¹). Но во всякомъ случаѣ реальное рабство совсѣмъ не уничтожается теоретическимъ зачисленіемъ въ разрядъ дѣтей и требуетъ для своего дѣйствительнаго прекращенія не менѣе фактическаго *conditio filiorum* въ несомнѣнномъ фактическомъ обладаніи (ср. Рим. VIII, 14—15). Если первое вѣрно для подзаконности, то второе столь же безспорно для благодати. Правда, тутъ не прямое сыновство, но всыновленіе (*ἡ υἱοθεσία*), однако лишь потому, что христіанское сыновство наше есть вторичное и производное, посредствуется въ своемъ возникновеніи и продолженіи среди человѣчества натуральнымъ Сыномъ Божиимъ, бывая въ каждомъ изъ вѣрующихъ реальнымъ свойствомъ облагодатствованнаго состоянія. По этой именно фактической причинѣ (IV, 6), что вы — подлинно и дѣйствительно сыны, Богъ даровалъ вамъ въ „Духѣ Сына Своего“ и особаго ходатая для вѣчнаго поддержанія въ васъ сыновнаго достоинства.
- IV, 6.

О ниспосланіи этого новаго дѣятеля употребляется прежній терминъ *ἐξ-απ-ἑσταίλευν*, а потому и Духъ Св. — подобно Христу — будетъ самостоятельною и вышесмірною личностію божественнаго характера²). Затѣмъ — согласно параллелизму между *αὐτοῦ* ст. 4-го („посла Богъ Сына Своего“) и *αὐτοῦ* *χρῆτοῦ* ст. 6-го („посла Богъ Духа Сына Своего — отношеніе Духа къ Сыну совпадаетъ съ отношеніемъ Сына къ Отцу, ко-

¹) Объ *adoptio* по греко-римскому праву см. у Ch. Daremberg et Edm. Saglio I (Paris 1877), p. 75—80.

²) Совсѣмъ непонятно и ничѣмъ не обосновано замѣчаніе блаж. Іеронима (Творенія XVII, стр. 104), что есть нѣкоторое отличіе Духа Святаго отъ Духа Сына, хотя дѣлается ссылка на Лк. XII, 10.

торые консубстанціальны по божественному естеству. Пропорціонально сему является несомнѣннымъ, что Духъ Св. единосущенъ Сыну, будучи таковымъ и для Отца, ибо двѣ величины (Отецъ и Духъ), равныя порознь третьей (Сыну), всегда бываютъ равны взаимно. Отсюда мы видимъ, что названіе Духа Сыновнимъ рисуетъ Его лишь со стороны божественнаго существа и не затрагиваетъ личныхъ особенностей. Поэтому разсматриваемое апостольское свидѣтельство напрасно привлекается¹⁾ для обоснованія католической идеи Filioque въ исхожденіи Духа Св. „и *отъ Сына*“, поскольку она касается опредѣленій въ Троичности по ипостаси, о чемъ св. Павелъ здѣсь совсѣмъ не говоритъ, хотя ясно предполагаетъ это упоминаніемъ о посольствѣ, которое немыслимо безъ индивидуальной самобытности посылаемаго.

Духъ Св. называется только Сыновнимъ, между тѣмъ по соестественности Онъ былъ въ одинаковой мѣрѣ и Отчимъ. Эта особенность показываетъ, что — при несомнѣнности единосущія — рѣчь теперь идетъ специально объ участіи Духа въ Сыновнемъ подвигѣ, о сохраненіи и укрѣпленіи избавленія Христова въ людяхъ. Для самаго успѣха тутъ нужно было, чтобы продолжатель спасительной миссіи благодатнаго искупленія былъ не ниже своего предшественника, а это всего лучше обезпечивалось ихъ натуральною сосуществованіемъ въ тождественной у обоихъ божественности. Духъ Св., будучи Сыновнимъ, воспринимаетъ искупительную миссію Сына для проведенія ея въ жизнь человѣчества на протяженіи всей міровой исторіи (ср. Іоан. XIV, 16—17, 26. XV, 27. XVI, 7, 13). И Онъ очищаетъ и освящаетъ наши благодатно-сыновнія воздыханія къ Богу, являясь неумолчно вопіющимъ въ насъ: Ἀββᾶ ὁ πατήρ! Апостолъ удерживаетъ (см. и Рим. VIII, 15) арамейское слово (ἄββᾶ = отецъ) изъ устъ Христа Спасителя (Мрк. XIV, 36) и изъ употребленія христіанскихъ собраній, но усиливаетъ его энергію въ повтореніи даннаго понятія греческимъ выраженіемъ, чтобы отмѣтить горячность и непоколебимость нашего сыновняго обращенія, гдѣ нашей внутренней искренности точно соотвѣтствуетъ незыблемость нашего христіанскаго убѣжденія, что Богъ есть истинно и дѣйствительно Отецъ нашъ, къ Которому мы взываемъ въ „Молитвѣ Господней“ по заповѣди Христовой. Значитъ, фактическое сыновство наше утверждаетъ въ своей наличности и непрерывности божественными воз-

¹⁾ Это мы видимъ не только у католическихъ авторовъ (напр., † Rud. Coggely S. J.), но прежде даже у старокатоликовъ: см. у † о. протопресвитера І. Л. Янышева, Новыя офіціальныя и другія данныя для сужденія о вѣрѣ старокатоликовъ (Спб. 1902), стр. 67, а въ подлинникѣ см. „Revue Internationale de Théologie“ № 39 и въ оттискѣ отсюда (Bern 1902) на стр. 44.

глашеніями Духа Св. съ непоколебимою безспорностію. Здѣсь принципъ абсолютно обезпеченъ въ тождественномъ ему приложеніи по своему вліянію въ человѣческомъ родѣ. Тогда и въ частностихъ для каждаго исповѣдника Христова вѣрно (IV, 7), что если онъ фактически бываетъ сыномъ Божиимъ, то болѣе и далѣе не рабъ (ср. Іоан. XV, 15)¹⁾, почему, будучи полноправнымъ, становится и наслѣдникомъ въ неограниченномъ смыслѣ, но всего этого достигаютъ лишь постольку, поскольку реально имѣетъ сыновство, или единственно чрезъ Іисуса Христа—Мессію.

IV, 7.

Въ итогѣ мы снова приходимъ къ добытому прежде выводу, что божественное обѣтованіе о наслѣдованіи осуществляется не закономъ, дарованнымъ для иныхъ цѣлей, а исключительно, всецѣло и прямо чрезъ воплощеннаго Сына Божія, доставляющаго христіанамъ и сыновнія права и сыновнія блага. Для этого потребно неразрывное общеніе съ Нимъ въ вѣрѣ, которая и служитъ теперь единственнымъ путемъ для нашего оправданія. Неизбѣжно, что отселѣ всякіе другіе способы недозволительны и бываютъ препятствіемъ для благодатнаго воздѣйствія, разъ для сего выдвигаются непригодныя средства, претендующія на равенство и соперничество съ истиннымъ методомъ. Принятіе законничества повлечетъ (IV, 8) отпаденіе изъ благодатной сферы въ прежнее религіозное невѣжество языческаго поклоненія фантастическимъ божествамъ, которыя не по природѣ (φύσει μὴ ὄντι) и, слѣдовательно, натурально не имѣютъ (μὴ φύσει ὄντι) никакой божественности, и въ этомъ смыслѣ суть „глаголеміи бози“ (1 Кор. VIII, 5), хотя могутъ быть нѣкоторыми реальными величинами (ср. Евр. I, 6. II, 7)²⁾.

IV, 8.

IV, 9.

Произойдетъ лишь возвращеніе (IV, 9) черезъ номизмъ къ космическимъ стихіямъ (ср. IV, 3), „немошнымъ“ даровать правду, поелику онѣ „бѣдны“ по своей природѣ и не обладающія необходимыми оправдательными запасами. Таковы и были законническія нормы по ихъ космической аккомодативности въ строжайшемъ приспособленіи къ условности нашего міротеченія. Допустимъ ли подобный странный и страшный регрессъ?

¹⁾ Ясно, что у св. Павла сыновство считается совершенно несовмѣстимымъ съ рабствомъ, а потому безусловно ошибочны предположенія (напр., у Rev. Septimus Buss, *Roman Law and History in the New Testament*, London 1901, p. 282—283), будто въ Гал. IV, 1 Апостолъ говоритъ съ точки зрѣнія римскихъ юридическихъ нормъ, по которымъ сынъ находился подъ отеческой властію (*patria potestas*) почти на положеніи раба (p. 273—274, 364).

²⁾ Раввинизмъ допускаетъ, что „не сущіе боги“ то Ангелы, то демоны, то совсѣмъ ничто: *Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch* III, S. 48—51; 51—53; 53—60.

IV, 9.

Вѣдь это измѣна самому Богу. Онъ по существу Своему недоступенъ и недосягаемъ для людей. И Галаты именно теперь должны были лучше понимать эту истину по своему жидовствованію, ибо ветхозавѣтному человѣку нельзя было видѣть Господа и не умереть (Исх. XXXIII, 20, 23. Суд. XIII, 22. Дан. X, 8. 1 Тим. VI, 16), а послѣплѣнный Израиль даже не смѣлъ произносить своими грѣшными устами святѣйшее божественное имя („тетраграмму“). Посему для богопознанія необходимо, чтобы сначала Богъ призналъ насъ и открылъ Себя намъ, — и лишь потомъ начинается наше боговѣдѣніе въ созерцаніи и постиженіи¹⁾. Это именно и было съ Галатами, которые въ христіанствѣ приобщились къ исповѣданію Сына (Ин. I, 18), какъ „Бога являшагося плотію“. Естественно было ожидать, что они всячески постараются сохранить дарованное, между тѣмъ — къ ужасу Апостола²⁾ — обнаружился уклонъ на сторону прежняго порядка религіозной жизни, хотя въ номистической формѣ (IV, 10) соблюденія священныѣхъ дней недѣли и мѣсяцевъ, священныѣхъ временъ (въ видѣ, напр., длительныхъ праздниковъ и постовъ) и знаменательныхъ годинъ (субботней и юбилейной)³⁾. Выходило (IV, 11), что весь трудъ апостольскій сведенъ на нѣтъ и, слѣдовательно, потраченъ напрасно — безъ всякой пользы для читателей. Отсюда неотразимо, что они отвергли просвѣтительное оглашеніе, конечно, по разочарованію въ благовѣстникѣ. Весь вопросъ переносился на личную почву, но ничего подобнаго не было между ними (IV, 12). Галаты нимало не обидѣли самого Апостола какою-нибудь несправедливостію, направленною прямо противъ него, и онъ по прежнему считаетъ ихъ своими братьями во Христѣ. Въ этомъ отношеніи св. Павелъ вполне равенъ адресатамъ и потому проситъ ихъ быть подобными ему, какъ и онъ имъ по общему для всѣхъ христіанскому братству. Не было и нѣтъ ни малѣй-

IV, 10.

IV, 11.

IV, 12.

¹⁾ Ср. Irenaei Adv. haer. IV, 6:4: Ἐδίδαξεν ἡμᾶς ὁ Κύριος ὅτι θεὸν εἰδέναι οὐδεὶς δύναται μὴ οὐχὶ Θεοῦ δοξάζοντος (nisi deo docente), τοῦτέστιν, ἀνευ Θεοῦ μὴ γινώσκεισθαι τὸν Θεόν· αὐτὸ δὲ γινώσκεισθαι τὸν Θεόν, θέλημα εἶναι τοῦ Πατρὸς. Γινώσκονται καὶ αὐτὸν οἱς ἂν ἀποκαλυφῇ ὁ υἱός.

²⁾ Въ свою очередь раввинизмъ выдвигалъ обратный тезисъ и, напр., еще Елеазаръ изъ Модины († около 135 г.) осуждалъ Апостола Павла за то, что онъ пренебрегалъ священными временами: Kommentar zum N. T. aus T. und Midrasch III, S. 571.

³⁾ Ср. † Prof. Th. Zahn, S. 210. См. для терминологіи Рим. XIV, 5—6; Кол. II, 16. Иудея. VIII, 6 (χωρὶς προσεββάτων καὶ σεββάτων καὶ προνουμηνιῶν καὶ ἑωρτῶν καὶ χαρμοσυνην). Иса LXVI, 23. 2 Пар. XXIII, 4. А Филонъ говоритъ (De sept. II, p. 286 М.): ἵνα τὴν ἐβδομάδα τιμῇσι κατὰ πάντας χρόνους ἡμερῶν καὶ μηνῶν καὶ ἐνιαυτῶν κτλ.

- шихъ причинъ для нарушенія этой взаимности. Благовѣстникъ впервые остановился среди Галатовъ и сталъ проповѣдывать имъ вслѣдствіе неожиданной физической немощи, задержавшей его въ этой области¹⁾ (IV, 13). Значить, и поводъ для благовѣстничества былъ не принципиальный, а „случайный“, и содержаніе миссіонерскихъ рѣчей объ абсолютной силѣ во Христѣ оказывалось въ полномъ противорѣчій съ фактическимъ положеніемъ пришельца. Съ этой стороны (IV, 14) въ безпомощной плоти апостольской было для Галатійцевъ несомнѣнное фактическое искушеніе къ недовѣрію и противленію благовѣстнику и его слову. Однако тогда читатели не отнеслись къ нему изъ-за этого съ презрѣніемъ и отвращеніемъ, а потому усмотрѣли въ немъ даже божественнаго посланника, совершающаго спасительную миссію Христову съ абсолютною животворностію ея историческаго первоисточника²⁾. Это наполняло ихъ такимъ блаженствомъ всецѣлаго внутренняго удовлетворенія (IV, 15), что они всячески ублажали Апостола (ср. Рим. IV, 6) и были готовы на величайшія жертвы самоотверженной благодарности вплоть до того, чтобы изъять и отдать очи свои — *carrissima membra corporis* (Pelagius: ср. Второз. XXXII, 10. Пс. XVI, 8. Зах. II, 8). Св. Павелъ не забылъ этого и всегда вспоминаетъ съ отрадою благословенія. Въ такомъ случаѣ (IV, 16) могло ли быть отсюда такое фактическое слѣдствіе (*факт*), что благовѣстникъ сталъ затѣмъ враждебнымъ для нихъ? Это совсѣмъ немыслимо, а вся разница была лишь въ томъ, что авторъ началъ говорить истину не для нихъ, съ миссіонерско-учительными цѣлями, но именно имъ и, конечно, потому, что она оказалась потомъ сомнительною и спорной, хотя прежде была божественною и неприкосновенной (Иса. LXIII, 10). „Правда глаза колетъ“ и для всѣхъ внѣшне непріятна, да что же дѣлать? Случилось нѣчто печальное. Истина въ этомъ неповинна, ибо всегда свята, праведна и блага. Тутъ отвѣтственны люди, которые отѣснили Апостола и стараются занять его мѣсто. Мы должны согласиться, что они проникнуты равнымъ горѣніемъ заботливости о читателяхъ (IV, 17) и ревнительны къ нимъ до крайней искренности, чтобы тѣ принадлежали только имъ. Но разъ это связывается съ отвлеченіемъ отъ истины, то явно, что такое резнованіе —

¹⁾ Ясно, что нельзя здѣсь разумѣть ни немощь у слушателей Павла (блаж. Іеронимъ, стр. 115, 116). ни его преслѣдованій и опасностей (блаж. Теофилактъ, стр. 48).

²⁾ † Prof. Cuthbert H. Turner говоритъ, что въ „Актахъ Павла и Тимотея“, гдѣ содержится „a first-century nucleus“, Апостолъ рисуется „full of grace, at one time like a man, at another like angel“ (Studies in Early Church History, Oxford 1912, p. 181—182).

IV, 17.

не доброе, не опредѣляется красою самой истины по содержанию и по мотивамъ. Остается допустить, что преобладаютъ интересы индивидуальнаго или партійнаго пристрастія, по которымъ смутяны активно стараются исторгнуть Галатійцевъ изъ нормальнаго, хрстіански-братскаго положенія (ср. IV, 12), уничтожить его у нихъ совсѣмъ (ср. Рим. III, 27), чтобы они сдѣлались іудаистическими приспѣшниками. Очевидно, что все это случилось не въ первое посѣщеніе апостольское, озаренное лишь яркимъ свѣтомъ беззавѣтной любви. Разумѣется промежутокъ между нимъ и вторымъ визитомъ, предполагаемыхъ въ упоминаніи прежняго пребыванія (IV, 13). Іудействующіе успѣли достигнуть немалыхъ результатовъ, но больше по энергическимъ усиліямъ совратителей, чѣмъ по фактическимъ паденіямъ Галатовъ. Понятно, что Апостолъ съумѣлъ отрезвить ихъ и направить на истинный путь, а это опять же могло быть только при вторичномъ нахожденіи св. Павла въ Галатіи. Тогда они снова предались истинѣ и опять стали ревнителями ея (IV, 18), но въ такомъ случаѣ обязательна всегдашняя непреклонная привязанность, равная абсолютной неизбылемости этой спасительной истины. Посему читатели должны быть ревнительными во всякомъ добрѣ (*ἐν καλῷ*)¹⁾, свойственномъ подлинной истинѣ — постоянно и неизмѣнно, а не просто по авторитетному вліянію вторично присутствовавшего у нихъ просвѣтителя. Это было бы лишь подражаніе доброму примѣру, но не принципиальная неизбылемость, которая нуждается лишь въ обоснованіи и руководствѣ. Въ нихъ Апостолъ не отказывается и теперь, поскольку Галаты продолжаютъ быть его дѣтьми (IV, 19; ср. 1 Тесс. II, 11), которыхъ онъ родилъ во Христа своимъ благовѣствованіемъ (1 Кор. IV, 15. Филим. 10). Они поколебались, но не отпали безнадежно, и процессъ рожденія для нихъ оказался незаконченнымъ. И если Апостолъ говорить: *πάλιν ὁδίνω*, — эти слова относятся не къ новому зарожденію, а лишь къ продолженію и завершенію родильнаго періода (ср. Иса. V, 18. Апок. XII, 2; Ін. XVI, 21). Въ физическомъ смыслѣ послѣдній простирается хронологически до тѣхъ поръ, пока (*ἔχρις*) сформируется изъ плода опредѣленное живое существо съ индивидуальнымъ человѣческимъ образомъ, который дальше подлежитъ уже цѣложизненному развитію. Поскольку теперь рѣчь о духовномъ хрстіанскомъ рожденіи, — и у благовѣстника по отношенію къ Галатамъ чревоболѣніе прекратится не прежде того, какъ въ нихъ ясно и неизгладимо воплотится образъ Христовъ, по которому для всѣхъ несомнѣнно, что они — чада Христовы. Видимо, перво-

IV, 18

IV, 19.

¹⁾ Тутъ *ζηλοῦσθαι* — пассивно, выражая опредѣленное состояніе, и есть субъектъ фразы, а *καλόν* — предикатъ: † Prof. Th. Zahn, S. 221.

- IV, 19. начальный актъ совершился, но послѣдующее возрастаніе затруднилось настолько, что и послѣ двукратнаго посѣщенія св. Павелъ долженъ принимать особыя заботы, какія бываютъ неизбѣжны у родильницы до образованія настоящаго дитяти опредѣленнаго пола. Для сего потребны и спеціальныя приспособленія, чтобы обезпечить желанный успѣхъ. Тутъ необходимы дѣтская преданность и довѣріе обращенныхъ къ своему просвѣтителю, чтобы онъ могъ увѣнчать ихъ рожденіе полнымъ возмужаніемъ по типу Христову. Прежнія апелляціи его были для нихъ горьки и непріятны, поселяя опасное подозрѣніе во враждебности¹⁾. Ради святаго дѣла Апостолъ хотѣлъ бы (IV, 20) теперь — при столь трагически сложившихся обстоятельствахъ — снова побывать у Галатовъ лично и матерински измѣнить свой голосъ, конечно, по тону и содержанію и, разумѣется, въ благопріятную для нихъ сторону, заговорить съ ними ласково, успокоительно и ободрительно (ср. 1 Фесс. II, 12). Это есть естественное родительское желаніе благовѣстника, вполнѣ несомнѣнное въ немъ по самому порождающему отношенію его къ читателямъ. Необходимо, что такое стремленіе и разрѣшилось бы реальными трансформациями, но для этого надо знать всѣ конкретныя условія и частности. Вотъ тутъ-то и былъ существенный дефектъ, ибо писатель свидѣтельствуешь: *ἀπορροῖμι ἐν ὑμῖν*. Трактуются объ авторскомъ настроеніи, и потому нельзя принять пассивное толкованіе, что Апостолъ отсутствуетъ среди Галатійцевъ по ихъ сомнѣнію и даже отверженію его въ ихнемъ братствѣ. Это было бы прекращеніе всякихъ отечески-сыновнихъ связей и не дозволяло продолженія послѣднихъ, коль скоро приходилось бы все начинать совсѣмъ снова. Правильнѣе медіально-активное пониманіе (ср. Лк. XXIV. 4. Ін. XIII, 22. Дѣян. XXV, 20. 2 Кор. IV, 8), что самъ благовѣстникъ чувствовалъ свое лишеніе между читателей (*ἐν ὑμῖν*), нѣкоторое внутреннее разобщеніе и, будучи отдаленнымъ отъ нихъ духовно и пространственно, не могъ знать фактическаго положенія и оріентироваться твердо въ своихъ отеческихъ начинаніяхъ для окончательнаго возрожденія Галатовъ.

Апостолъ не имѣлъ непосредственныхъ свѣдѣній и, нуждаясь въ нихъ для собственной прозѣрки, находился пока въ недоумѣніи о происходящей у Галатійцевъ смутѣ. Это затрудняло принятіе рѣшительныхъ мѣръ. Его отеческая любовь наклоняла къ участливой заботливости, между тѣмъ достигавшіе слухи были весьма неблагопріятны и наклоняли къ рѣзкимъ дѣйствіямъ. Было несомнѣнно, что читатели возвращались къ

¹⁾ Въ іудеистически-сектантскихъ кругахъ и послѣ говорили объ Апостолѣ Павлѣ, что это — *ἐχθρὸς ἀνθρώπου* (Слем. Ном., epist. Petri 2), ille inimicus homo (Слем. Ном. I, 70—71)

прежней „стихийности“, но только подъ формою іудаистическаго номизма. Этимъ провозглашалась вѣчная значимость законничества, какъ обязательнаго для полноты благодатнаго вліянія. Отсюда получалось, что отдѣльно оба они не совершенны и требуютъ другъ друга взаимно. Въ такомъ случаѣ должны быть у нихъ и взаимныя предубаженія — у старѣйшаго въ видѣ идейныхъ ожиданій, у младшаго — въ формѣ реалистическихъ желаній. Это неизбежно при единствѣ цѣли и стремленій закона и благодати. Первый тоже былъ божественнымъ и способствовалъ промыслительнымъ планамъ спасающе-искупающей воли Божіей, а потому въ немъ необходимы отчетливыя знаменія его истинной исторической роли. Съ точки зрѣнія Павловой это будетъ временность номизма при рельефномъ отбѣненіи того свойства, что не отъ него послѣдуетъ свобода всецѣлаго наслѣдничества и сыновняго господства. Этимъ захватывался самый центръ спора съ іудаистами. Они не отвергали совѣтъ и благодати, но для плодотворнѣйшаго усвоенія ея считали нужными законническія нормы, упорно вѣруя, что лишь ими безусловно ограждались наслѣдственно-обѣтованныя права, ибо тутъ достигалось натуральное, какъ бы кровное родство съ Авраамомъ, отцемъ благословеннаго обѣтованія. И если только при этихъ законническихъ предвареніяхъ бываетъ окончательный дѣйственный успѣхъ, то безъ нихъ, очевидно, и притязаніе сомнительно и обладаніе фиктивно. Такъ формулируется различіе сыновъ и пасынковъ со стороны пріобрѣтенія достоянія Авраамова на основаніи двоякихъ отношеній къ патріарху — плотскаго (чрезъ законъ) и духовно-обѣтованнаго (по благодати). Масштабомъ оказывается двойство такого сыновства, каковое двойство и надо выяснитъ съ неотразимостію по его подлинной важности въ актѣ завѣтнаго наслѣдничества. Въ этихъ именно¹⁾ интересахъ и избирается эпизодъ о двоякихъ дѣтяхъ Авраамовыхъ (IV, 21 сл.)

IV, 21 сл.

Этотъ примѣръ издавна и широко употреблялся въ іудейскихъ дискуссіяхъ по данному предмету для огражденія особыхъ привилегій Израиля и догматической авторитетности номизма. Съ тою же цѣлію его эксплуатировали въ свою пользу и антипавлистическіе іудаисты, естественно вызывая у своего противника обратное толкованіе, какъ исключительно правильное. Тѣмъ не менѣе Апостолъ сосредоточился на данной исторіи не ради одной полемической самозащиты, а по дѣйствительному соотвѣтствію между ею и христіанскимъ облагодатствованіемъ. Тутъ пропорціональность по истинѣ поразительная, ибо въ обоихъ рядахъ находятся всѣ главнѣйшіе элементы сравненія, т. е. двоякаго сыновства и двоякой наслѣднической участи. Разумѣется, въ библейскомъ сказаніи трак-

¹⁾ † Prof. Th. Zahn, S. 126: γάρ = nämlich.

IV, 21 сл. туется собственно объ имущественномъ обладаніи, но не нужно забывать, что у Израильтянъ вмѣстѣ съ достиженіемъ имущественнаго первенства переходили и всѣ обѣтованныя прерогативы первородства. Кто былъ наслѣдникомъ, тотъ являлся и носителемъ обѣтованія, получаемаго и передаваемого преемственно — отъ отца сыну. Теперь аналогичность будетъ совершеннѣйшею, и это раскрываетъ намъ всю натуральность подобной аргументаціи въ качествѣ авторитетной библейской иллюстраціи. Понятно и то, что она получала всю свою убѣдительность не иначе, если реальное положеніе христіанское освѣщалось одинаково реальнымъ прототипомъ, который, какъ бывшій и законченный, обнаруживаетъ съ фактической неотразимостію, *что* именно всегда бываетъ при равныхъ условіяхъ. Для самой состоятельности апостольскихъ соображеній необходимо требуется, чтобы анализируемый случай былъ дѣйствительнымъ историческимъ событіемъ. Поэтому должно согласиться, что св. Павелъ отправляется отъ исповѣданія несомнѣнной фактической достовѣрности взятаго историческаго примѣра. Но послѣдній совпадалъ со своимъ христіанскимъ двойникомъ лишь по господствующимъ факторамъ, о которыхъ и по единичному классическому опыту мы съ твердостію заключаемъ, что они будутъ функционировать аналогично при всякихъ сходныхъ примѣненіяхъ. Повторенія прямого нѣтъ, и прошлое не копируется, а воспроизводится по сокрытымъ въ немъ принципамъ, хотя и въ новой формѣ. Въ этомъ смыслѣ бывшая историческая реальность фактически безспорна, но не исчерпывается лишь преходящею внѣшнею конкретностію, потому что предуготовляетъ и предзнаменуетъ свое всецѣлое раскрытіе, когда господствующая идея до точности воплотится въ дѣйствительности. Тамъ за внѣшностію непремѣнно таится нѣчто высшее, которое ею только отражается частично и несовершенно, почему весь данный фактъ — по своей идейной сторонѣ — „предвѣщаетъ иное“, или аллегоризуетъ¹⁾). Можно сказать, что онъ держится своею идеей и прямо указываетъ на необходимость и способъ ожидаемаго всецѣлаго осуществленія. Послѣдняго еще не имѣется, но оно типическимъ эпизодомъ неотвратимо и ясно предначертывается, какъ долженствующее наступить въ иной реализаціи лучшаго достоинства. Посему и соотношеніе бывшаго съ теперешнимъ будетъ аллегорическимъ, гдѣ въ минувшей исторической наличности реально заключается и экзегетически обнаруживается фактическое прообразующее и но-

¹⁾ Ср. у св. I. Златоуста (Migne gr. LXI, col. 662; Творенія X, стр. 792: „эта исторія изображаетъ не только то, что представляется въ ней съ перваго взгляда, но выражаетъ также и нѣчто другое, а потому и названа иносказаніемъ“.

сказаніе. Апостолъ идетъ отъ факта къ факту и — на основаніи ихъ взаимной гармоніи по существу — изъ перваго извлекаетъ историческое предрѣшеніе насчетъ второго. Тутъ нѣтъ ни произвола, ни фантастики, если представляется реальное сближеніе, данное въ самой природѣ анализируемыхъ вещей. Естественно, что этимъ способомъ разрушалась агитаторская очаровательность лже-братьевъ и отрезвлялось іудаистическое обольщеніе Галатійцевъ.

Послѣдніе — по внушенію своихъ соблазнительей — „желаютъ быть подѣ закономъ“ (IV, 21: οἱ ὑπὸ νόμον θέλοντες εἶναι) и сами по доброй волѣ рѣшаются устроить свою жизнь такъ, чтобы сна во всемъ была строго номистической и создавалась властнымъ господствомъ законническихъ вліяній. Для этого нужно не просто „слушать“ законническія велѣнія, напр., во время синагогальныхъ субботнихъ собраний, всегда заключавшихъ чтеніе Писаній (ср. Дѣян. XIII, 27. XV, 21), а — главнымъ образомъ — слушаться ихъ¹⁾ съ готовностію всецѣлаго повиновенія. Въ этомъ именно тонѣ²⁾ благовѣстникъ своимъ вопросомъ и приглашаетъ читателей (IV, 22) къ внимательному анализу разсказа, записаннаго въ книгѣ законной (Быт. XVI, 15. XXI, 3) и потому несомнѣннаго и авторитетнаго. Тутъ мы находимъ двойство сыновства и при томъ совершенно такое, какое іудаисты думали ввести въ христіанство — съ первороднымъ превосходствомъ для нихъ самихъ и съ подчиненіемъ себѣ увѣровавшихъ язычниковъ, которые приравнивались къ прозелитамъ. Чтò же характернаго въ этомъ двойствѣ? По самымъ библейскимъ даннымъ видимъ (IV, 23), что одинъ изъ Авраамовыхъ дѣтей былъ рожденъ по плоти (κατὰ σάρκα γεγέννηται) — при исключительномъ господствѣ плотскихъ началъ по возникновенію, теченію и завершенію всего процесса, но онъ „отъ рабы“ и — слѣдовательно — рабъ натуральный. Другой произошелъ въ силу обѣтованія (διὰ τῆς ἐπαγγελίας), которое нимало не исключаетъ физиологическаго участія плотскихъ началъ, ибо нельзя челоуѣку родиться на свѣтъ помимо плоти. Значить, утверждается не болѣе того, что посредствомъ обѣтованія былъ вызванъ къ жизни и про-

IV, 21.

IV, 22.

IV, 23.

¹⁾ Ср. Мѡ. XVII, 5. XVIII 15, 16. Мрк. IX. 7. Лк. VI, 49. IX 35. XVI, 29, 31. Ин. VIII, 38. XVIII, 37. Дѣян. IV, 19, хотя всѣ эти примѣры (—за исключеніемъ двухъ подчеркнутыхъ—) имѣютъ другое сочетаніе — не съ винит. пад., а съ родительнымъ. См. также и Оригена Philocalia I (= De principiis lib. IV), 13: τοῦ ἀκούειν ἐν τῷ νοεῖν καὶ γινώσκειν κρινόμενου у J. Armitage Robinson, The Philocalia of Origen (Cambridge 1893), p. 20.

²⁾ Для γάρ въ смыслѣ „именно“ см. † Prof. Th. Zahn, S. 226.

- IV, 23. дуктивной дѣйственности самый плотскій факторъ, функционировавшій потомъ по свойственнымъ нормамъ и съ обычною естественностію. Но важность, конечно, въ творческой причинѣ, а таковою для заматорѣвшихъ родителей было обѣтованіе Божіе, почему и обязательно говорить, что второй сынъ былъ всецѣло обѣтованный, какъ плодъ обѣтованія. Этого — отъ свободной и, очевидно, самъ по природѣ свободенъ. Въ спеціальному сочетаніи этихъ особенностей сказывается принципиальная закономерность, которая необходимо должна сохранять свою непреложность при всѣхъ сходственныхъ приспособленіяхъ и примѣненіяхъ. Съ этой стороны и въ своемъ достоинствѣ частныхъ иллюстрацій, какъ таковыхъ (*ἄτινα*), всѣ эмпирическія детали являются аллегорическими (IV, 24) по своему реальному знаменованію касательно результатовъ соотношенія всѣхъ упомянутыхъ элементовъ — плотскаго и рабственнаго, духовнаго и свободнаго. По историческому библейскому событію ясно, что плоть даетъ изъ себя только соприсущее ей рабство и тѣмъ самымъ фатально устраняетъ отъ обѣтованнаго наслѣдія, доступнаго лишь свободнымъ и полномощнымъ дѣтямъ, каковыя бываютъ исключительно по обѣтованію.

Предъ нами теперь авторитетно обрисовываются два пути наслѣдствования, а въ духовной области воспріятія благословенія Авраамова послѣднее регулируется двумя завѣтами, которые, очевидно, будутъ подобны своимъ прототипическимъ предвареніямъ, ибо они служатъ спеціальными средствами для обезпеченія наслѣдственного успѣха. Но законъ гарантировалъ и санкціонировалъ за своими приверженцами ихъ прирожденныя прерогативы и въ этомъ смыслѣ приближался къ плотяности, мотивируя именно ею наслѣдственные права номистовъ. Если это вѣрно, тогда вполне безспорны и его качества и неизбѣжная судьба. Посему важнѣе всего отыскать и констатировать, имѣются ли въ немъ плотскіе предикаты. Апостольскій отвѣтъ, въ общемъ, ясенъ, но нюансы нѣсколько затемняются текстуальными варіациями (y † Br. J. B. Lightfoot, p. 192—200; † Prof. Th. Zahn, S. 296—299). Констатируются слѣдующія разновидности въ стихѣ 25-мъ: а) τὸ γὰρ Σινᾶ ὅρος ἐστίν (MCFG); б) τὸ (сѣ δὲ или γὰρ) Ἀγὰρ Σινᾶ ὅρος ἐστίν („мемфисскій“, т. е. богаирскій переводъ; ABDE; KLP); в) τὸ γὰρ Ἀγὰρ ὅρος ἐστίν (въ лат. текстѣ D и въ E). Текстуальное преданіе сильнѣе говорить за первую редакцію, и ее принимаетъ нѣсколько критическихъ изданій (LT(Tr.)WH marg.), какъ такую, изъ которой легче вывести другія путемъ вставки имени Ἀγὰρ или замѣны Σινᾶ чрезъ него. Послѣднее было вполне естественно, ибо въ предшествующемъ рѣчь шла объ Агарі при единичномъ сближеніи ея съ Синаемъ. Посему эту связь и закрѣпили прямо соотвѣтствующею формулировкой, но это уже было выражено сейчасъ (въ стихѣ 24-мъ) и требовало

лишь раскрытія или обоснованія, а повтореніе одного и того же тезиса никогда не доказываетъ ничего и не убѣждаетъ никого, создавая въ данномъ случаѣ неожиданную странность, что рабыня Авраамова вдругъ оказывается горою Синаемъ¹⁾. Все это слишкомъ ненатурально и сразу устраняетъ третье чтеніе, которое стараются спасти ссылкой на то, что слово „Агарь“ означаетъ поарабски „скалу“ (гору)²⁾, чего не зная, конечно, ни одинъ Галатіецъ, какъ и всякій другой остается въ недоумѣніи, почему подъ Агарью разумѣтся гора непременно въ Аравіи. И по теченію всей апостольской аргументаціи ожидается обезпеченіе высказанной мысли, что законъ есть нѣчто рабское и по наслѣднической значимости аналогиченъ Агари, черты которой и необходимо отыскать въ немъ, сосредоточивъ все вниманіе исключительно на этомъ комментируемомъ институтѣ.

Съ этой точки зрѣнія разберемъ самые интересующіе факты. Одинъ завѣтъ *ἀπὸ θεοῦ Σινᾶ*, — имѣетъ въ этой горѣ и отъ нея начало своего историческаго бытія и потомъ продолжается только въ достоинствѣ „Синайскаго“, какимъ и называется всегда. Отсюда прямо вытекаетъ, что онъ существуетъ реально лишь съ этого момента и, происшедши въ извѣстное время, не обладаетъ независимою самобытностью: его не было и потому не будетъ, а въ срединѣ между этими гранями онъ всюду бываетъ тварно-обусловленнымъ и лишенъ автономности. Въ дальнѣйшемъ неизбежно, что, не будучи самостоятельнымъ, Синайскій завѣтъ по своему происхожденію и по самой природѣ является соподчиненнымъ или подвластно-рабскимъ. Естественно, что его произведенія оказываются натурально рабскими по самому рожденію отъ него (ср. IV, 25). Но Агарь, какъ таковая (*ἡγίς*), или по природнымъ наслѣдническимъ правамъ своего потомства, обнаружи-

1) Для сего блаж. Θεοφιλάктъ (стр. 53) предполагалъ, что „Синай находится въ Аравіи и на арабскомъ языкѣ называется Агарь“ (см. и о. І. Я. Галаховъ, стр. 289—290), какъ Іеронимъ (стр. 31) понималъ послѣднее имя въ смыслѣ униженная и близкая къ паденію, а св. І. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 662; Творенія X, стр. 792) утверждалъ, что „гора Синай на языкѣ страны означаетъ раба“.

2) Но ср. Н. Winckler, который въ свою очередь предлагаетъ еще болѣе запутанное астрологически-космологическое истолкованіе, усвоивъ арабскому *haḡr* значеніе „полдень“, т. е. кульминационный пунктъ: *Encyclopaedia Biblica* by Rev. Prof. T. K. Cleyne IV, col. 4631, 4642—4643. Но р. Симеонъ бенъ-Юхай (около 150 г.) видитъ въ этомъ имени указаніе, что Агарь была Египетская рабыня: *Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch* III, S. 572—573.

IV, 25.

ваеѣтъ именно эти свойства, почему законъ вполнѣ сближается съ нею въ одинаковой рабственности по всѣмъ своимъ наслѣдническимъ особенностямъ. А въ наемницѣ Авраамовой эти отрицательныя дѣйствія предрѣшались ея натуральнымъ рабствомъ, которое, судя по тождеству результата, должно быть и въ Синаѣ. Объ немъ же несомнѣнно (IV, 25) въ качествѣ самоочевиднаго и неотразимаго факта, что эта гора лежитъ въ Аравіи, служившей мѣстомъ обитанія потомства агарянскаго (ср. Пс. LXXXIII (82), 7. 1 Парал. V, 19), которое всегда искало только земнаго знанія, не достигая истинной премудрости, и потому было земнымъ по самому званію „сыновей Агари“ (Вар. III, 23)¹⁾. Это была агарянски-рабская страна во всѣхъ своихъ частяхъ, включая и Синайскія вершины. Слѣдовательно, завѣтъ первый по своему Синайскому возникновенію происходитъ изъ рабской области, которая — аналогично Агари — можетъ давать изъ себя только рабственность. Тогда понятно, что и ея порожденіемъ служить законъ рабскій, законъ порабощенія, а не свободнаго сыновства. Здѣсь Апостоль лишь варьируетъ и разъясняетъ свои прежнія толкованія, что номизмъ былъ временно-приспособительнымъ учрежденіемъ и — значитъ — рабски-солодчиненнымъ (см. къ III, 19—20).

При истинности изложеннаго необходимо ожидается фактическое подтвержденіе въ рабствѣ подзаконныхъ, какъ таковыхъ. Завѣтъ Синайскій „соотвѣтствуетъ“ (συντοιχεί) нынѣшнему земному Іерусалиму по единству общаго для нихъ класса (συντοιχίαι), къ которому оба они относятся по своимъ типическимъ свойствамъ, ибо проникнуты однимъ духомъ, а это незыблемо для всѣхъ, поелику священная столица Израиля была живымъ и точнымъ воплощеніемъ законническихъ началъ, функционировавшихъ тамъ со всюю полнотою, безпрепятственностію и индивидуальностію²⁾. Историческій Іерусалимъ былъ эссенціально-законническимъ и потому попадалъ въ законническій разрядъ по всѣмъ своимъ натуральнымъ качествамъ, по которымъ былъ тождественъ закону³⁾.

¹⁾ Ср. у блаж. Θεοδωρίτα (Творенія VII, стр. 400): „законъ ветхій данъ съ горы Синая, а у оной горы вселяется родъ Агари“.

²⁾ Этимъ довольно ясно предполагается очевидная для всѣхъ наличность всего законническаго культа при нормальныхъ его обнаруженіяхъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, а потому совѣтъ напрасно изъ даннаго указанія стараются вывести (Rud. Steck), будто Галатійское посланіе написано послѣ разгрома Іерусалимскихъ святынь въ 70-хъ годахъ.

³⁾ Ср. св. I. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 662; Творенія X, стр. 792: „сродна ему и близко указываетъ на него“); † Prof. Th. Zahn, S. 236.

Но оказывается¹⁾, что именно по таким своим онтологическим отличиям теперешний, законнический Иерусалим и пребывает в рабствѣ. Последнее вызывается и обуславливается не внѣшними социальными-политическими мотивами и всецѣло покоится на законнической основѣ. Свидѣтельство тому имѣемъ въ порабощенности Иерусалимскихъ чадъ, которыя бывають въ рабствѣ и рабствуютъ не по своей винѣ или личной причинѣ, а лишь по сыновней родственности, по достоинству духовныхъ порожденій законническаго Иерусалима, дарующаго и опредѣляющаго все ихъ особое бытіе. Иудеи страдали, конечно, какъ нація, но не за свою національность, а за подзаконную гордыню и Иерусалимскую нетерпимость, по которымъ они весь міръ считали созданнымъ только ради ихъ, а всѣхъ „гоевъ“ третировали хуже гадовъ. И для разсматриваемой эпохи нельзя не согласиться, что порабощенность политической зависимости Иудеи отъ Рима обуславливалась преимущественно номистическою приверженностію, чрезъ зилотизмъ приведшею потомъ къ окончательному крушенію іудейской государственной автономности. Вездѣ и всегда политическія коллизіи вырастали изъ номистической надменности оскорбительнаго для всѣхъ самопревозношенія, когда законъ употреблялся для политическаго вызывательства и навлекалъ тяжкія политическія стѣсненія на его ревнителей, какъ было и при последнемъ несчастіи возстаніи Баркохбы. Въ описанномъ видѣ политическая порабощенность законниковъ была фактическимъ удостовѣреніемъ, что законъ есть дѣйствительно рабскій институтъ, коль скоро онъ является такимъ по своему происхожденію и конкретному дѣйствию. Все это бываетъ съ нимъ въ силу его плотности, ибо онъ запечатлѣваетъ и гарантируетъ лишь плотскія притязанія завѣтнаго наслѣдничества по кровному родству съ Авраамомъ.

Другой завѣтъ предполагается противнымъ (δέ) Синайскому, а разъ послѣдній былъ топографически-земнымъ, то второй будетъ ἡ ἄνω Ἱερουσαλὴμ (IV, 26). Разница тутъ прежде всего пространственная, и потому данный градъ есть Ἱερουσαλὴμ ἐπουράνιος (Евр. XII, 22). Но тамъ земная генетичность закона связывалась съ его привременностію, почему здѣсь необходима темпоральная независимость, такъ что „горній Иерусалимъ“ существуетъ внѣ космическихъ условий, куда онъ „сходитъ отъ Бога съ неба внизъ, приготовленный какъ невѣста, украшенная для своего мужа“ (Апок. XXI, 2). Синайское происхожденіе обусловило то, что законъ былъ данъ „ради преступленій“, вызывалъ грѣховныя нарушенія его и порождалъ

¹⁾ Варианты γάρ (MABCD*) и δέ (DcEKL) — послѣ δουλεύει — почти равноправны по текстуальному удостовѣренію, но логически какъ будто болѣе соотвѣтствуетъ теченію мыслей второе чтеніе.

IV, 26. клятвенное осужденіе номистовъ по самой своей исторической аккомодативности. Не имѣя послѣдней и будучи надпространственнымъ, вышній Іерусалимъ бываетъ „новымъ“ или оригинальнымъ сравнительно съ земнымъ по всѣмъ своимъ свойствамъ, какъ градъ и храмъ Божій (Апок. III, 12), эссенціально святой (XXI, 2, 10) и потому служащій скинію Бога съ человѣками, съ которыми Онъ и будетъ обитать (XXI, 3). По всѣмъ этимъ качествамъ „вышній Іерусалимъ“ вполне аналогиченъ царству небесному, являясь столицею его у Апокалиптика (XXI, 11 сл.), и — значитъ — представляется величайшею божественною реальностію, которая идеально несомнѣнна во всемъ своемъ содержаніи, исторически же осуществляется постепенно, пока въ соотвѣтственныхъ условіяхъ воплотится всецѣло и навсегда. Тутъ моментъ будущности предрѣшается эссенціальною качественностію по самому небесному происхожденію. Новый Іерусалимъ чуждъ порабощающихъ стѣсненій града номистическаго и констатируетъ особое гражданство, независимое отъ законническихъ ограниченій и, конечно, совсѣмъ обратное прежнему сервилизму. Естественно, что „горній Іерусалимъ“ бываетъ натурально свободнымъ и потому принимаетъ въ свою гражданственную среду однихъ свободныхъ членовъ. Но послѣднихъ не было при номистической деспотіи, и ихъ нужно было создавать свободными рожденіемъ отъ свободной, какъ формируются участники царства небеснаго въ свободныхъ адептахъ земной церкви Христовой¹). Тутъ вездѣ бываетъ именно и точно таковою (ἡτις), со всѣми отмѣченными достоинствами, „мать наша“, которою мы рождаемся въ христіанское бытіе и отъ которой получаемъ христіанскую жизнь. Но параллельно закону и вытѣсняющею его въ сферѣ оправданія была для Апостола вѣра, благодатно устрояющая спасеніе человѣческое съ творческою продуктивностію. Въ этомъ отношеніи только вѣра бываетъ духовною „матерью нашей“²) въ наслѣдникахъ царства Божія чрезъ сыновъ церкви Христовой³). Подобно Саррѣ — она была и пребудетъ единственною производительницей свободныхъ и полноправныхъ чадъ обѣтованія въ христіанскихъ исповѣдникахъ. Правда, нѣкогда господствовалъ законъ, и вѣра оставалась

¹) Здѣсь и различіе съ раввинизмомъ, что онъ видѣлъ въ вышнемъ Іерусалимѣ не общество или общину людей, но исключительно созданный на небѣ градъ: Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 573.

²) Ср. Polyс. Epist ad Philipp. 3, 3: ...τὴν δοθεῖσαν ἡμῖν πίστιν, ἣτις ἐστὶ μήτηρ πάντων ἡμῶν.

³) Вопреки сему въ раввинизмѣ таковою матерью почитаются народъ Израильскій, земля Израильская, Іерусалимъ, Тора: Kommentar zum N. T. aus T. und Midrasch III, S. 574.

безъ потомства; однако быстрый и широкій ростъ христіанской семьи свидѣтельствуешь, что ошибочно было бы считать ее совершенно неплодной на основаніи простаго факта, что съ ней пока не было мукъ рожденія (IV, 27). Вѣдь тоже извѣстно и о заматорѣвшей Саррѣ, но съ тѣмъ результатомъ, что ея сынъ былъ обѣтованнымъ и сталъ родоначальникомъ безчисленнаго потомства. Значить, и въ данномъ случаѣ были особыя причины, коренившіяся вовсе не въ органической неспособности со стороны вѣры. Правильно совсѣмъ обратное. Яркій опытъ христіанской исторіи убѣждаетъ, что надъ нею сбывается радостное слово пророческое (Иса. LIV, 1) о восторженномъ веселіи неплодной, потому что теперь — по сравненію съ соперницей — у нея болѣе многочисленное потомство, непрерывно и прогрессивно растущее, между тѣмъ какъ та постепенно и неудержимо теряетъ въ своихъ дѣлахъ. Неотразимо, что — въ контрастѣ минувшему отчужденію — неплодная обладаетъ нынѣ всѣми супружескими правами свободнаго общенія съ мужемъ. Посему и тѣ изъ людей, которые бывають „братьями“ по равному сыновству христіанскому или чрезъ вѣру, благодаря послѣдней суть истинные Исаакиты и — въ параллель этому обѣтованному (Быт. XVIII, 10) сыну Авраамову (но ничуть не чрезъ него) — бывають чадами обѣтованія (IV, 28) въ томъ смыслѣ, что рождаются не по плотскому порядку, а согласно обѣтованію (gen. subject.) и этимъ получаютъ въ исключительное обладаніе завѣтную наслѣдственность. Въ виду такого тождества непозволительно сомнѣваться, что и въ религіозномъ наслѣдованіи непременно повторится до точности бывшее въ матеріальномъ, хотя бы историческая внѣшность не благопріятствовала этому. Тутъ наружная уничиженность христіанства не должна смущать нашей совѣсти, тревожимой іудаистическими соблазнами, и мы обязаны видѣть здѣсь предвареніе и залогъ своей славы. Вѣдь все это нынѣ происходитъ такъ же, какъ и тамъ, гдѣ рожденный по плоти гналъ духовно-обѣтованчаго (IV, 29): въ Библии объ этомъ не сказано прямо (Быт. XXI, 9), но самый фактъ изгнанія Агари по требованію Сарры и нѣкоторые религіозныя преданія внушаютъ, что Измаиль какъ-то оттѣснялъ Исаака отъ наслѣдственности¹⁾, для чего могъ ссылаться, напр., на свое плотское старшинство, при чемъ все это выражалось съ оскорбительною назойливостію. Однако Писаніе убѣждаетъ (Быт.

IV, 27.

IV, 28.

IV, 29.

¹⁾ Блаж. Іеронимъ думаетъ, что Измаиль „добивался преимуществъ обрѣзанія и первородства“ (Творенія XVII, стр. 137), т. е., конечно, требованіями матери. А раввинскія преданія говорятъ, что Измаиль преслѣдовалъ Исаака съ намѣреніемъ убить послѣдняго: Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 575—576.

XXI, 10), что сынъ рабыни не только не получилъ всего наслѣдства, но не имѣлъ въ немъ и минимально доли (ср. Суд. XI, 2), хотя вообще у Авраама сыны наложницъ награждались нѣкоторыми добровольными подарками (Быт. XXV, 6). Напротивъ, здѣсь все наслѣдствованіе перешло сыну свободной, который принципиально являлся и фактически сталъ единственнымъ обладателемъ всего нераздѣльнаго богатства (IV, 30). Поэтому, если мы — братья и связываемся лишь солидарностію вѣры въ общемъ для всѣхъ богосыновствѣ, то для насъ вполне безспорно, что мы — не дѣти рабы по натуральному или добровольному законничеству, а сыны свободной (IV, 31) и — значитъ — всесовершенные, исключительные наслѣдники.

Теперь опять находимъ, что въ концѣ концовъ и самъ законъ направлялъ къ вѣрѣ, какъ выше освѣщался въ своемъ соподчиненномъ и педагогическомъ достоинствѣ для періода „младости“ человѣчества. Онъ не былъ производителемъ самаго обѣтованнаго спасенія и потому не могъ служить къ достиженію его въ качествѣ пригоднаго нормальнаго средства. Послѣднее обязательно должно соответствовать своему предмету со строжайшею пропорціональнію. Но объективная сущность избавленія Христова состоитъ въ искупительномъ Голгоескомъ подвигѣ, гдѣ карающій законъ со всею неуклонимостію обрушивается на святѣйшую безгрѣшную жертву въ лицѣ Богочеловѣка и эту смертельную несправедливостію самъ себя убиваетъ. Чрезъ это уничтожается тяготѣніе клятвы законной, а міропорядокъ клятвенно-законный, построенный на періодической отвѣтственности и возмездіи, замѣняется благодатно обѣтованнымъ. Тутъ всѣ блага бываютъ всецѣлою собственностію воплощеннаго Сына Божія — Мессіи Іисуса Христа — и заимствуются только отъ Него при условіи тѣснѣйшаго общенія съ Нимъ. Понятно, что единственно возможнымъ способомъ будетъ сліяніе въ вѣрѣ и чрезъ вѣру, когда вѣрующій приходитъ въ натуральное сродство съ Господомъ (ср. Гал. III, 26—27). Все здѣсь чрезъ Христа, во Христѣ и отъ Христа. При этомъ уже не остается мѣста заслугамъ самого человѣка, и никто изъ людей не имѣетъ въ себѣ лично обезпеченнаго права на завѣтное обѣтованіе, которое, какъ божественное, сохраняется непреложно, но устрояется благодатію Божіей и достигается вѣрою Христовой.

Въ итогѣ опять выходитъ, что все священное завѣта ветхаго осуществляется лишь въ царствѣ Христовомъ и его собственными методами. Законъ тутъ отвергается безусловно, ибо и въ исторіи божественнаго домостроительства онъ былъ приспособительнымъ учрежденіемъ педагогическаго свойства, хотя воспитывалъ больше отрицательнымъ путемъ, своею недостаточностію развивая осмысленное и горячее стремленіе къ тѣмъ благамъ, какія въ немъ возвѣщались, но фактически никѣмъ не приобретаемы. Все исчерпывалось пробужденіемъ спа-

сительной жажды, для которой требовалось потомъ надлежащее удовлетвореніе. А законническая практика неотразимо удоставляла всесовершенную человѣческую немощность, исключаящую всякія надежды на спасительность тварныхъ средствъ. Посему долженъ былъ выступить дѣятель божественный, и такимъ явился Сынъ Божій, предвѣчно связанный съ міромъ, который именно чрезъ Него вызванъ къ бытію въ качествѣ вторичнаго образа Божія (см. Кол. I, 15—17). Однако все избавленіе было рассчитано на людей, и отсюда возникаетъ необходимость сочетанія абсолютной божественности и полной человѣчности въ единой индивидуальности, чтобы въ ней преодолѣвалъ и торжествовалъ самъ нуждающійся человѣкъ. Поэтому въ проповѣданіи св. Павла объективно основой Евангелія Христова рисуется тотъ историческій фактъ, что наше искупленіе отъ грѣховнаго убожества и реально-юридической неспособности къ наслѣдничеству устроялось исключительно Голгофскою жертвой Сына Божія. Впрочемъ, пока всѣ „выгоды“ остаются во всецѣломъ обладаніи Господа Спасителя, а другими пріобрѣтаются только при благодатномъ соучастіи съ Нимъ въ Его богочеловѣческихъ преимуществахъ, но вовсе не по собственному усердію свободнаго подражанія Ему въ хожденіи по путямъ правды, которой нѣтъ ни у кого помимо Христа. Естественнo, что здѣсь все зависитъ отъ того, чтобы достигнуть персональнаго общенія съ Искупителемъ, слиться съ Нимъ до самопоглощенія, когда каждый натурально будетъ наслаждаться жизнью пребывающаго въ немъ Христа (Гал. II, 19—20). Ясно, что съ субъективной стороны, или по способу усвоенія себѣ людьми искупительныхъ даровъ Христовыхъ въ личную собственность благовѣстіе Павлово утверждается на вѣрѣ, которою всѣ приводятся въ благодатный союзъ съ божественнымъ Сыномъ. Вмѣстѣ съ этимъ получается божественное содержаніе, и для него требуется равный регуляторъ тождественнаго достоинства. Такъ предъ нами раскрывается вторая, субъективная черта въ апостольскомъ воззрѣніи на спасительное дѣло Христово, что его плоды прививаются и возрастаютъ въ насъ подъ неизмѣннымъ и непремѣннымъ заправленіемъ божественнаго Духа Святаго.

Всѣми этими факторами обеспечивается неизбѣжный и несомнѣнный результатъ, что вѣрою единенія человѣкъ пріобрѣтаетъ во Христѣ богоусыновленіе, сохраняя его за собою въ неприкосновенности чрезъ Ходатая — Духа. Въ этомъ качествѣ благодатствованный человѣкъ и наслѣдуетъ и живетъ съ сыновнею независимостью, пользуясь свободой полного распоряженія и по своей натуральной зрѣлости и по юридической компетентности. При догматическомъ освѣщеніи искупительнаго подвига Христова въ благовѣстіи апостольскомъ у насъ будетъ Евангеліе свободы христіанской по нашему сыновству Богу и Отцу чрезъ Христа-Сына во Святомъ Духѣ

Сыновнемъ. При такихъ особенностяхъ своихъ вѣрующій, конечно, долженъ и дѣйствовать во всемъ соотвѣтственно свободному состоянію, когда будетъ жить безукоризненно, въ гармоническомъ согласіи съ „канонами новой твари“ (ср. VI, 16, 15).

Такъ предначертывается и обусловливается нравственное ученіе св. Апостола Павла.

Часть IV-я:

НРАВСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА ОБЪ ИСТИННО ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ (глл. V—VI).

*Вы на свободу званы бысте, братіе:
точію да не свобода ваша въ вину
плоти; но любовію работайте
другъ другу (Гал. V, 13).*

Догматическія созерцанія Апостола Павла приводятъ къ моральнымъ наставленіямъ. Здѣсь предполагается начертать для возрожденнаго образъ поведенія, точно подходящій къ его подлинному достоинству и указывающій путь къ нормальному христіанскому процвѣтанію при всегдашнемъ успѣшномъ развитіи. Самымъ смысломъ этой задачи требовалось теоретическое выясненіе законовъ христіанскаго бытія, а потому опредѣленіе послѣдняго служить опорой и точкой отправленія для созиданія и формулированія христіанской этики.

Въ чемъ же, — спрашивается, — особенное и существенное достоинство всякаго христіанина, какъ вѣрующаго? Его главнѣйшее характерное отличіе заключается въ томъ, что онъ получилъ свойства и права сыновства и въ этомъ отношеніи располагаетъ совершенною свободой — подобно юридически и фактически полномощному наслѣднику, вступившему въ обладаніе всѣмъ достояніемъ. Теперь понятно, что и въ нравственной жизни всегда и всюду должна проявляться одна свобода, безъ которой не можетъ и не бываетъ христіанскаго обпагодатствованія. Тогда первымъ принципомъ христіанской

нравственности будетъ неизмѣнное пребываніе или непоколебимая устойчивость въ благодатной свободѣ при безусловномъ устраненіи всего, что гдѣ-нибудь носить хотъ тѣнь поработительнаго стѣсненія (V, 1). Но для безошибочности выполненія этого основного правила слѣдуетъ со всею отчетливостію раскрыть спеціальныя качественныя преимущества данной свободы, какъ истинно христіанской. Объ ней сказано, что именно ею (τῇ ἐλευθερίᾳ) и въ интересахъ ея утвержденія въ мірѣ (— ἡ¹⁾) *dativus commodi* —) насъ Христосъ свободилъ и, конечно, лишь постольку, поскольку Онъ самъ эссенціально свободенъ. А въ Немъ это достоинство покоится на всецѣломъ воплощеніи воли Божіей по Его натуральному богосыновству, откуда естественно, что Онъ и дѣйствуетъ внѣ всякихъ ограниченій съ сыновнею независимостію. Отраженіе этихъ свойствъ въ вѣрующихъ будетъ святостію при закрѣпленіи въ себѣ божественности, а послѣдняя почерпается при единеніи со Христомъ и сохраняется чрезъ живое воспроизведеніе Его во всемъ своемъ благодатномъ устроеніи. Необходимо, что человѣкъ возрожденный, будучи свободнымъ, проявляетъ въ этомъ свое сыновство, которое реально награждаетъ сыновнею независимостію. Значить, христіанская свобода есть непосредственное обнаруженіе сыновне-чистаго общенія съ Отцемъ чрезъ Сына, когда подъ водительствомъ божественнаго Духа мы удерживаемъ органическую неразрывность съ Господомъ Спасителемъ чрезъ воспроизведеніе Его въ себѣ, или чрезъ возможно полное осуществленіе „закона Христова“. Христіанская свобода, являясь прямымъ выводомъ²⁾ христіанскаго усыновленія, слу-

¹⁾ Это ἡ, не принятое у LTTGrWH Nestle v. Soden A. Souter, достаточно удостовѣрено текстуально въ сочетаніи τῇ ἐλευθερίᾳ ἡ (DEKL) и въ формѣ τῇ ἐλευθερίᾳ (FG), которыя легче могли дать чтеніе въ одномъ τῇ ἐλευθερίᾳ (KABCDP) путемъ опущенія ἡ или замѣны его черезъ τῇ, чѣмъ наоборотъ. Съ другой стороны, эта квалификация требуется и логически. Что Христосъ освободилъ людей свободою или для свободы, — это ясно само собою и не нуждалось въ столь выразительномъ напоминаніи, почему неприемлемо для насъ соединеніе IV. 31 и V, 1 въ одно предложеніе (при опущеніи οὖν въ V, 1). Напротивъ, обязательно было внушить читателямъ, что они должны были держаться не всякой свободы, а лишь такой, которою освободилъ Спаситель.

²⁾ Нѣтъ особой надобности спорить о положеніи οὖν то послѣ ἐλευθερίᾳ (CKL), то послѣ στήθε (KABCFGP), такъ какъ при удержаніи ἡ оно вездѣ будетъ отмѣчать практическій выводъ для читателей, о которыхъ выше (IV, 31) сказано, что они — сыны свободной и, слѣдовательно, должны „стоять“ въ свободѣ. А для στήθε — кромѣ Ап. Павла — см. Мрк. III, 31. XI, 25. Ін. I, 26. VIII, 44.

V, 1. жить только натуральнымъ отблескомъ послѣдняго, въ равной мѣрѣ пользуясь всѣми его прерогативами и принимая всѣ его высокія обязательства. Христіанинъ живетъ свободно, но въ строжайшемъ соотвѣтствіи со всѣми требованіями своего званія.

Посему христіанская свобода вовсе не сближается и не ограничить ни съ противозаконіемъ, ни съ беззаконіемъ или внѣзаконностію, ибо въ себѣ самой содержитъ собственныя регулирующія нормы, рѣшительно устраняя тѣ, которыя пригодны лишь для рабственности, гдѣ онѣ умѣстны, между тѣмъ свободная христіанственность выше этого уровня. Тутъ первѣе всего желательно огражденіе своей сыновней автономности при помощи всегдашней неразлучности отъ Искупителя, какъ ея источника и подателя. Это будетъ положительный постулатъ христіанской морали для жизненнаго примѣненія благодатныхъ началъ. Отрицательнымъ и вторичнымъ, — хотя столь же непремѣннымъ, — требованіемъ должно быть отверженіе всего противнаго, препятствующаго и несроднаго. Съ этой точки зрѣнія неизбѣжно, что и въ нравственномъ отношеніи всецѣло устраняется законъ ветхозавѣтный. Теперь — вопреки коварнымъ обольщеніямъ іудаистовъ — Апостолъ со всею убѣдительностію открываетъ неоспоримую и осязательную причину. Она выражается сжато и энергично авторитетнымъ словомъ, которое звучитъ властно и внушительностію и дышетъ отрезвляющею призывностію¹⁾, какъ бы поставляя предъ глазами читателей очевидную конкретность въ *ἴδε* или *ἰδέε* (V, 2). А она заключается для Галатійцевъ въ слѣдующемъ обращеніи: „если вы обрѣзываетесь“ сами (*περιτέμνεσθε*) — безъ всякаго понужденія къ сему вашимъ христіанскимъ сыновствомъ, то, разумѣется, дѣлаете это 1) добровольно и 2) по убѣжденію въ важности этого акта для поддержанія христіанскаго спасенія. Такимъ способомъ послѣднее въ своемъ нормальномъ бытіи и всесовершенномъ дѣйствіи будетъ условливаться уже законническою операціей и теряетъ свой исключительно христіанскій характеръ. Обрѣзаніе пріобрѣтаетъ тутъ силу самостоятельной спасительности и отторгаетъ отъ Христа, не допускающаго подобныхъ пособниковъ, которые — даже при добромъ стремленіи къ вспоможенію являются фактически просто узурпаторами, посягающими на абсолютную единственность Господа въ нашемъ искупленіи и возрожденіи. Помощь подрываетъ самый авторитетъ, какъ недостаточный. Понятно, что для обрѣзающихся Христосъ перестаетъ быть вседовлѣющимъ и разобщается отъ нихъ столь неестественнымъ приниженіемъ. Тогда органическая связь перитемнистовъ съ Избави-

V, 2.

¹⁾ Св. І. Златоустъ находилъ здѣсь выраженіе увѣренности въ расположеніи читателей (Migne gr. LXI, col. 664; Творенія X, стр. 795).

телемъ прерывается, и Спаситель, будучи вѣчнымъ носителемъ и подателемъ благодати, оказывается совсѣмъ бесполезнымъ для такихъ ренегатовъ, коль скоро они сами устраняются отъ живительныхъ лучей Христова сіянія. Это грозно-печальное слѣдствіе тѣмъ неумолимѣе и неотвратимѣе, что здѣсь немислима половинчатость или двойственность, чтобы при симпатіяхъ къ законничеству можно было сохранить и всю благодатную живительность. Напротивъ: тутъ либо „да“ — и все, либо „нѣтъ“ — и ничего¹⁾. Вдумаемся въ предметъ внимательнѣе. Всякій человѣкъ есть обрѣзывающійся (V, 3: *τεριζομένῳ* медіально-активно), самъ добровольно и сознательно подчиняющійся этому ритуальному іудейскому акту. Очевидно, онъ принимаетъ на себя эту печать по признанію ея необходимой для него спасительности, а послѣднюю получаетъ данный оперативный пріемъ лишь въ качествѣ преддверія къ цѣлостной оправдательной системѣ законничества и совсѣмъ не имѣетъ религіозной важности въ обособленіи, когда допускается, напр., по медицинскимъ соображеніямъ. По усвояемой ему іудеями религіозной роли обрѣзаніе въ своей сферѣ равняется крещенію въ христіанской области и сопровождается подчиненіемъ тому строю, куда посвящаетъ и благословляетъ. Естественно, что „почивающій на обрѣзаніи“ будетъ рабскимъ должникомъ закона, чтобы постоянно и безпрекословно творить его во всей мелочной дробности формъ и нормъ²⁾. Такъ снова начинается прежнее, — но теперь уже ренегатское, — оправданіе себя „въ законѣ“ (V, 4: *οἵτινες ἐν νόμῳ δικαιοῦσθε*), какъ

V, 3.

V, 4.

¹⁾ Понятно, что здѣсь попытка единенія доказываетъ только то, что — по существу — „такой человѣкъ не вѣруетъ ни во Христа, ни въ законъ“, какъ говорятъ св. I. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 665; Творенія X, стр. 795).

²⁾ Поэтому со строго номистической точки зрѣнія вполне логично талмудическое предостереженіе: „отступникъ отъ закона о субботѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ отступникъ отъ закона во всей его цѣлостности“ (см. у Dr. J. H. Hamburger въ *Real-Encyclopädie des Judentums* III, 3, Leipzig 1896, S. 67), а въ новѣйшее время утверждается, что „обрядности составляютъ существенную часть еврейскаго закона“ и ими нельзя пренебрегать безъ опасности для цѣлаго (см. „Берлинскіе выкресты“ д-ра Замптера въ переводѣ Ев. Тр. въ С.-Петербургскомъ журналѣ „Восходъ“ 1903 г., № 1, стр. 165—169). Отсюда же понятно, что зазорная Вереника (сестра Агриппы II, правнучка Ирода В.) предъ третьимъ (собственно и фактически — вторымъ) бракомъ съ Полемономъ Киликійскимъ потребовала отъ него только обрѣзанія (Jos. Flavii Antiqu. XX, 7: 3), ибо послѣднее всегда почитается въ іудействѣ „краеугольнымъ камнемъ еврейства“ (см. и „Восходъ“ 1882 г., № 7—8, стр. 12).

- V, 4. единоспасительномъ источникѣ, религіозное усердіе къ отысканію въ немъ всей правды и всецѣлое заключеніе себя въ его деспотію. Въ результатѣ неизбежно является отлученіе отъ Христа (κατηγήθητε ἀπὸ Χριστοῦ), освобожденіе отъ Него, какъ прекратившагося, бездѣйственнаго фактора (Рим. VII, 2), между тѣмъ, „умерши для закона, которымъ были связаны, мы, хрістіане, избавились отъ него (οὐκ ἐστὶν ἡμεῖς κατηγόμενοι ἀπὸ τοῦ νόμου, ἀποθνήσκοντες ἐν ᾧ κατηγόμεθα), дабы намъ служить Богу въ обновленіи духа, а не по ветхой буквѣ“ (Рим. VII, 6). Въ такомъ случаѣ обрѣзывающійся совершаетъ прямую измѣну въ отношеніи Христа и неудержимо выпадаетъ (ср. 2 Петр. III, 17) изъ благодатно-спасительной державы Христовой.

Для обрѣзанныхъ тогда упраздняется и вся благодатная дѣйственность, потому что функционируетъ она плодотворно для человѣка только въ своей собственной средѣ — независимаго хрістіанскаго сыновства. Въ немъ все создается на нашей неразрывности отъ Сына, съ Которымъ мы входимъ въ органическое общеніе чрезъ вѣру. Послѣдняя, объединяя насъ съ Господомъ, въ каждомъ частномъ случаѣ наполняется оправдывающимъ содержаніемъ Голгоѣской жертвы и сама бываетъ вмѣстительницею искупительныхъ благъ. Но если эти сокровища сыновне-божественны, то и нормальное пользование ими нуждается въ божественномъ же посредничествѣ. Отсюда ясно, что таковое можетъ доставить „духъ“ (πνεῦματι) не нашъ, но единственно Святый Духъ Божій (V, 5). При этомъ вѣра становится и носительницею и сообщительницею намъ самой правды Христовой, которую, какъ нѣчто уготованное для насъ, мы почерпаемъ (ἀπ-εκ-δεχόμεθα) въ личное обладаніе именно изъ нея (ἐκ τῆς πίστεως). Она, — строго говоря, — не средство для приобрѣтенія оправданія, подаваемого помимо нашей заслуженности, а — скорѣе и точнѣе — способъ передачи, единственно возможный для этого случая, гдѣ необходимо тѣснѣйшее соприкосновеніе со спасительнымъ источникомъ. Все это въ потребномъ совершенствѣ исполняетъ вѣра, приводящая ко Христу, и ею мы усваиваемъ себѣ въ собственность желанную намъ праведность. Отнынѣ послѣдняя бываетъ уже нашимъ достояніемъ и въ свою очередь оказывается опорой нашихъ дальнѣйшихъ хрістіанскихъ упованій. Посему ее нельзя считать предметомъ (объектомъ) надежды, отъ которой (черезъ которую) она только еще ожидается (— δι-καιοσύνης genitivus objectivus для ἐλπίδα —) въ будущемъ¹⁾. Фак-

¹⁾ Такъ, напр., блаж. Іеронимъ, относившій апостольскую рѣчь ко второму пришествію Христову (Творенія XVII, стр. 145), а въ новѣйшее время — † Prof. Th. Zahn, который считаетъ ἐκ πίστεως координированнымъ по отношенію πνεῦματι и оба признаётъ адвербіальнымъ опредѣленіемъ для ἀπεκδεχόμεθα, ἐλπίς пони-

тически бываетъ совѣтъ иное, разъ это является безспорнымъ и реальнымъ обладаніемъ нашимъ. Значитъ, у Апостола разумѣется не надежда на праведность, но надежда отъ праведности, которая въ качествѣ активнаго субъекта (— *δικαιοσύνης genitivus subjectivus* —) даетъ намъ все, что она можетъ и должна дать. И успѣхъ безусловно несомнѣненъ, поелику тутъ вѣра бываетъ исключительнымъ двигателемъ всего процесса. Причина очевидна и коренится въ томъ, что здѣсь все и всецѣло поκειται во Христѣ Исусѣ (V, 6), какъ богочеловѣческомъ Мессіи, а въ сферѣ Его благодатнаго владычества равно (ὡςτε — οὕτε) безсильны (ср. Кол. III, 11) и потомъ исчезаютъ (ср. къ Гал. VI, 15) въ своихъ оправдательныхъ притязаніяхъ или отрицаніяхъ и обрѣзаніе и необрѣзаніе. Нужно лишь сліяніе съ Господомъ Спасителемъ, но это устрояется одною вѣрой, которая бываетъ не процессуальнымъ, а законченнымъ и всегда функционирующимъ актомъ, коль скоро мы подлинно находимся уже въ Икупителѣ. Въ этой своей дѣятельности вѣра не допускаетъ улучшеній по безукоризненности доставленнаго результата и сама начинаетъ работать свойственными ей обнаруженіями. Отсюда получаемъ, что апостольское реченіе δι' ἀγάπης ἐνεργουμένη (любовію поспѣшествуема) — не пассивное въ смыслѣ провозглашаемой и принимаемой католичествомъ *fides formata*¹⁾, т. е. вѣры, формируемой постепенно и непрерывно, усовершенствующейся и приходящей въ крѣпость зрѣлости посредствомъ любви. Напротивъ, первая рисуется всецѣлой и активной, почему во второй лишь производитъ свой плодъ. Такова и есть вѣра, дѣйствующая сама изъ себя и сама по себѣ (— ἐνεργουμένη медіально-активное —) при помощи любви, ее обнаруживающей и запечатлѣвающей²⁾.

По этой связи раскрывается, какимъ образомъ изъ вѣрующей активности рождается любовь и въ чемъ она состоитъ. Любовь бываетъ отблескомъ вѣры, а эта вселяетъ въ насъ икупляюще-спасающаго Христа (Гал. II, 20) и потому дѣйствовать со всею спасительностію непременно по силѣ и нормѣ ис-

маетъ въ смыслѣ ожидаемаго блага (Рим. VIII, 24. Кол. I 5. Евр. VI, 18) и въ *δικαιοσύνης* видѣлъ gen. appos. (S. 249), откуда у него все сводится къ „die zuversichtliche Urwertung dieser zukünftigen *δικαιοσύνης*... im Endegericht“.

1) См. Conc. Trident., sessio VI, cap. 7 (de justificatione): *nam fides, nisi ad eam spes accidat et caritas neque unit perfectum cum Christo, neque corporis ejus vivum membrum efficit.*

2) Разумѣется, въ живомъ процессѣ необходимо получается потомъ органическое взаимообращеніе, почему тутъ ἐνεργουμένη значить и дѣйствующая и воздѣйствуемая (еп. Θεοφάνъ, стр. 2366—367).

- V, 6. торического подвига Христова. Въ этомъ качествѣ вѣра христіанская обязательно отражаетъ въ себѣ и черезъ себя самую сущность избавленія Христова. Но Господь былъ въ немъ абсолютною любовью и по условливающему мотиву, и по фактическому методу, и по конечной цѣли своего мессіанскаго служенія. Понятно, что вѣра, будучи истинно христіанской, всегда и натурально дѣйствуетъ изъ себя самой безъ всякаго внѣшняго понужденія всецѣлою любовью и именно любовью Христовой — въ святости оправданія, какъ искони и во вѣки праведень Христось, — въ жизни обновленія, какъ всесовершенъ эссенціально Сынъ Божій, и — въ благодати исправляющаго и возсозидающаго снисхожденія, какъ *исполнь благодати* (Ин. I, 14) воплощенный Логось-Избавитель. Христіанская вѣра органически-необходимо свидѣтельствуется и осуществляется фактически любовью, когда мы закрѣпляемъ благодатно-реальное единеніе съ Богомъ чрезъ Искупителя и, приобрѣтая въ Немъ сыновнюю близость богообщенія, поднимаемся до сокровенныхъ тайнъ божества. Натурально, что любовь христіанская, какъ доводящая до богосозерцанія, рисуется у св. Апостола Іоанна средствомъ богопознанія (1 Ин. IV, 7—8), ибо лишь чрезъ нее достигается взаимообщеніе познающаго и познаемаго до степени тѣснѣйшаго соприкосновенія, даже сопроникновенія (1 Ин. IV, 16).

Апостоль Павелъ разсматриваетъ любовь въ неразрывности отъ вѣры оправданія при ихъ гармоническомъ сочетаніи въ христіанской практикѣ, гдѣ слѣдствіе бываетъ тождественнымъ своей причинѣ по достоинству. Такая дѣятельность христіанская будетъ безусловно нормальной или строго нравственной; но ея источникъ — во Христѣ, способъ — въ вѣрѣ, руководство — въ Духѣ Св., увѣнчаніе — въ любви. Законъ и здѣсь остается внѣ границъ христіанскаго облагодатствованія въ его обнаруженіяхъ среди людей. Въ этомъ направ-

- V, 7. леніи (V, 7) читатели доселѣ шли хорошо, т. е. по вѣрному христіанскому пути, который, открывая широкій просторъ для свободы каждаго, самъ по себѣ не могъ вынуждать къ уклоненіямъ. Очевидно, была внѣшная причина, заставившая сойти съ благодатной стези, но это было своевольнымъ непослушаніемъ истинѣ, къ какой та призывала и вела. Ясно (V, 8), что тутъ непослушаніе ей (*μὴ πείθεσθαι*) связано съ обратнымъ послушаніемъ (*ἡ πειρασνῇ*)¹⁾, которое должно было относиться всецѣло къ истинѣ, а теперь отдается совсѣмъ противоположному²⁾.

¹⁾ Посему *πείθεσθαι* по формѣ, конечно, пассивно: „меня убѣдили“ (Ср. Rev. Clement Bird въ „The Expositor“ 1393, June, p. 471—472), но результатъ получился активный: „я убѣдился, принявъ это убѣжденіе“.

²⁾ Не представляется ни потребнымъ, ни основательнымъ на-

Въ такомъ случаѣ все это идетъ не отъ призвавшаго (I, 6, 15) и всегда призывающаго (праес. τοῦ καλοῦντος), а таковъ есть только самъ Богъ, первоисточникъ и зиждитель истины вѣры, знанія и жизни во всемъ мірѣ. Въ этой области даже малѣйшее отступленіе будетъ поворотомъ въ сферу тьмы и погубить всю прежнюю работу, какъ ничтожная частица закваски вызываетъ броженіе во всемъ тѣстѣ (V, 9; ср. 1 Кор. V, 6). Въ виду именно этой опасности Апостоль продолжаетъ надѣяться (V, 10), что, — поскольку читатели находятся въ Господѣ и служатъ Ему, — они въ данномъ вопросѣ не мыслятъ иначе по сравненію съ авторомъ, а всякій возмутитель, какъ таковой, неизбѣжно понесетъ осужденіе. Это совершится помимо людей въ силу неумолимаго возмездія и потому независимо отъ положенія разумѣемыхъ лицъ, кто бы они ни были по этому смущающему званію (ὅστις), напр., въ родѣ или изъ числа нѣкихъ отъ Іакова (Гал. II, 12)¹⁾. Эти люди соблазняютъ къ обрѣзанію и какъ будто ссылаются на подобные эпизоды изъ собственной апостольской практики Павловой (хотя бы о Тимоѣѣ: Дѣян. XVI, 3). Но (V, 11) еслибы, — говоритъ своимъ Галатійскимъ братьямъ во Христѣ св. Павелъ, — я до сихъ поръ проповѣдывалъ обрѣзаніе, ревнителемъ котораго онъ нѣкогда былъ, то (ἀρξ = rebus igitur comparatis) его не трогали бы преслѣдованіями клеветы и внѣшнихъ удрученій (ср. 2 Кор. XI, 23 сл.) за благовѣстническую дѣятельность, ибо въ ней не провозглашалась бы спасительная вседержавность единого креста Христова, и — слѣдовательно — исчезалъ бы всякій поводъ къ соблазну изъ-за него послѣдняго за отсутствіемъ самаго соблазняющаго предмета²⁾. Значитъ, и объективно и лично — въ отношеніи Апостола Павла — смутьяны были οἱ ἀναστατοῦντες (V, 12) и старались поставить все вверхъ ногами (Дѣян. XVII, 6. XXI, 38) вопреки естественному положенію вещей и событій, мучительно вынуждая (ἐνέκοψεν V, 7) васъ оторваться отъ Христа черезъ обрѣзаніе. Но для всѣхъ и для нормальнаго порядка религиозной жизни было бы гораздо лучше, еслибы они окончательно и совсѣмъ были отрѣзаны отъ союза христіанскаго братства³⁾, подъ которымъ укрываются въ

V, 9.
V, 10.

V, 11.

V, 12.

чинать съ τῇ ἀληθείᾳ μὴ πείθεσθαι новое предложеніе, которое составляетъ единое цѣлое со ст. 8-мъ, какъ дѣлаетъ † Prof. Th. Zahn (S. 252—253).

¹⁾ Для ὅστις ср., напр., Дѣян. III, 23, а ὁ ταράσσων — въ виду нерѣдкихъ случаевъ множ. числа въ посланіи (I, 7. IV, 17. V, 12. VI 12—13), — конечно, не говоритъ прямо о единственности особо выдающагося лица († Prof. Th. Zahn, S. 255), но и не исключаетъ такового среди многихъ другихъ.

²⁾ Ср. Gustav Stählin, Skandalon, Gütersloh 1930.

³⁾ Едва ми можно относить ἀποκόψοντα къ кастраціи, какъ и

качествѣ іудеохристіанъ, выдавая себя за наисовершенныхъ членовъ.

- V, 13. Весь предшествующій парентезъ, вызванный пламеннымъ возбужденіемъ отеческой любви Апостола къ Галатамъ, наглядно убѣждаетъ, что нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ къ отпаденію въ номизмъ, *ибо* (V, 13) вѣрующіе призваны къ свободѣ и должны пребывать въ ея сферѣ; но это ничуть не ведетъ къ нравственной распущенности анонизма и не склоняетъ къ этической необузданности антиномизма. Вѣдь наша свобода — всецѣло христіанская, изъемящая изъ-подъ владычества міровой стѣхійности и — прежде всего — устраняющая отъ брэнной плотяности, которою мы приковываемся къ міру. Ясно, что разумѣмая свобода абсолютно чужда всякихъ плотскихъ элементовъ и не можетъ быть точкою опоры (εἰς ἀφορμήν, ср. Лк. XI, 54. Рим. VII, 8, 11. 2 Кор. V, 12. XI, 12, 1 Тим. V, 14) для развитія активности со стороны плоти. Свобода наша остается и насъ удерживаетъ въ чисто духовной области вѣры, а тамъ всюду и во всѣхъ дѣйствуетъ любовь Христовой самопреданности на пользу всѣхъ и каждаго. Поэтому христіански свободные не превозносятся взаимно, но работаютъ другъ другу любовью (ἀλλὰ διὰ τῆς ἀγάπης δουλεύετε ἀλλήλοις) по ея натуральному и неустранимому влеченію. Это есть какъ бы порабощеніе, однако добровольное¹⁾ и обоюдное, гдѣ всѣ самоотверженно служатъ взаимно во имя любви Христовой. Такимъ способомъ христіане покажутъ себя на высотѣ идеала, къ которому направлялось все предшествующее. Понятно, что отъ послѣдняго они теперь избавляются навсегда, за ненадобностію предвареній при фактической наличности желательнаго успѣха. Вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ будетъ реальная полнота высокихъ номистическихъ стремленій, по ихъ осуществленію въ христіанствѣ. Эта истина, неизбѣжная по смыслу христіанскаго званія, имѣетъ для себя неотразимое законническое оправданіе. Оно содержится (V, 14) въ самомъ словѣ закона ветхозавѣтнаго, поелику этотъ бываетъ выполненнымъ фактически²⁾ во всей его цѣлостности (ὁ πᾶς νόμος)

† Prof. Th. Zahn (S. 258), хотя этотъ глаголѣ и употребленъ не безъ соотношенія съ *περιτέμνεσθαι* (ср. Theophyl. ad Autol. I, 9: Migne gr. VI, col. 1037 fin.), къ которому фанатически склоняли читателей іудайсты (Гал. VI, 12).

¹⁾ Ср. *δουλος* объ Апостолахъ Дѣян. IV, 29. Іак. I, 1 и др., а въ Ветхомъ Завѣтѣ — о пророкахъ (Іер. VII, 25. Дан. IX, 6, 10. Амос. III, 7. Зах. I, 6)

²⁾ Чтеніе (Rec.) *πληροῦται* (въ формѣ *praesens*’а) и плохо удостовѣрено текстуально и не столько удобно логически, констатируя лишь фактъ исполненія всего закона, но ничего подобнаго пока не было и Апостоломъ не допускалось, а еслибы это встрѣ-

при точномъ воплощеніи его кардинальной заповѣди (Лев. XIX, V, 14. 18): *возлюбиши ближняго твоего яко(же) самъ себе.*

Относительно ея несомнѣнно, что она не достигалась при номизмѣ, однако исчерпывала все содержаніе оправдательныхъ стремленій и тяготѣній закона, ибо послѣдній былъ назначенъ утвердить на землѣ братство любви на религіозной почвѣ. Понятно отсюда, что христіанское исполненіе этой заповѣди будетъ сколько удовлетвореніемъ, столько же и упраздненіемъ законническихъ запросовъ этого рода. Упомянутое повелѣніе требуетъ признанія „ближняго“ *своимъ*, и это встрѣчается между людьми при узахъ кровнаго родства въ семействѣ, національности и т. п. Но дальше мы находимъ нѣчто большее, поелику категорически требуется совершенное отождествленіе меня съ другимъ, при чемъ и взаимная любовь получить свое истинное выраженіе. Это обязательство совсѣмъ непосильно для отмѣченныхъ посредствъ, поелику сынъ не есть отецъ и царь не равенъ рабу своихъ подданныхъ, какъ и имъ самимъ. При обычныхъ факторахъ ничто не могло устранить подобныя дифференціаціи. Для сего нужно высшее объединеніе, гдѣ всѣ безразлично одинаковы. Въ подзаконномъ состояніи такая ситуація мыслима была лишь при общемъ приниженіи всѣхъ предъ Богомъ по рѣшительной зависимости отъ Него и по естественной человѣческой несамобытности. Законъ и обеспечивалъ заповѣданное тожество провозглашеніемъ идеи универсальной тварности. Само собою очевидно, что для фактическаго уравниенія людей по этой истинѣ необходимо для всѣхъ равное исповѣданіе ея, а для номизма кругъ точнаго вѣдѣнія замыкался тѣсными границами Израиля. Это количественное сѣуженіе сопровождалось и качественнымъ раздробленіемъ, ибо между тварными — даже среди избранныхъ членовъ за-вѣтнаго союза — нѣтъ натуральной внутренней взаимности сліянія, поскольку здѣсь тварное уравниеніе производится не чрезъ самихъ тварей, а черезъ третью инстанцію стоящаго внѣ ихъ Бога. Тутъ каждый усматриваетъ въ ближнемъ себя собственно не по равенству ему, а по равному отношенію всѣхъ къ общему для нихъ Творцу. Это было непремѣннымъ догматическимъ постулатомъ для взаимнаго самопризнанія съ тожествомъ всѣхъ каждому и наоборотъ. На практикѣ данное

чалось и признавалось, — въ такомъ случаѣ законъ оставался бы обязательно дѣйствующею нормой. Напротивъ, перфектная редакция (у LTT^r WH Nestle v. Soden A. Souter) *τεπλήρωται* въ текстуальномъ отношеніи хорошо обеспечена (ABC) и свидѣтельству-етъ самый принципъ потребной номистической реализаціи, а уже отсюда выводится, что таковая несомнѣнна въ христіанствѣ (ср. Рим. XIII, 8), которое теперь поглощаетъ и упраздняетъ весь номизмъ (Рим. X, 4).

V, 14. требованіе нимало не достигалось и только порождало рѣзкое обособленіе между знающими Бога и Его законъ и между невѣжественными простецами. Создавалось уже религіозное раздѣленіе въ самихъ подзаконныхъ на *chaberim* и *am-haarez*, изъ коихъ вторые по своему номистическому невѣжеству были неспособны къ оправдывающей законнической исполнительности и потому принципиально являются „проклятыми“ (Ин. VII, 49), какъ обреченные Господомъ сосуды не въ честь или прямо въ погибель (Рим. IX, 21—22). А прозелиты даже высшихъ степеней всегда оставались по существу чуждыми Израилю и не имѣли никакого участія въ „заслугахъ отцовъ“¹⁾. При подобныхъ условіяхъ и самая идея „ближняго“ неизбѣжно затемнялась, и ея конкретное примѣненіе становилось недоумѣннымъ и почти совсѣмъ отрицательнымъ (ср. Лук. X, 29), судя и по Евангельской притчѣ о добромъ самарянинѣ. По всему этому и въ самомъ іудействѣ теоретическое тожество не исключало на практикѣ самыхъ крайнихъ градацій даже въ самой религіозной области и фактически сопровождалось преобладаніемъ націонализма, потомъ окончательно восторжествовавшего. Тѣмъ не менѣе нельзя забывать, что законъ, не доставляя заповѣданной взаимной любви, видѣлъ и находилъ бы въ ней свое абсолютное увѣнчаніе. Онъ былъ разсчитанъ именно на водвореніе религіозно-моральной солидарности въ человѣчествѣ по одинаковой у всѣхъ святости чрезъ воплощеніе правды Божіей, при чемъ непремѣнно функционировалъ бы и фактически исполнялся въ повсюдной любви взаиморавенства по достоинству. Для ветхозавѣтнаго домостроительства все это было просто искомою цѣлю: если же она реализуется въ христіанствѣ, то послѣднее и бываетъ исполненіемъ закона. И, дѣйствительно, въ царствѣ благодати всѣ члены сливаются въ общее цѣлое съ естественностію и необходимостію. Въ немъ всѣ участники органически объединяются съ божественнымъ Сыномъ и чрезъ Него сами становятся истинными чадами Божіими. Затѣмъ уже ясно, что дѣти одного отца бываютъ между собою братьями и не могутъ не усматривать другъ въ другъ равное чадо Божіе. Значить, христіанинъ, — пока остается вѣрующимъ, или въ силу этого своего спеціальнаго преимущества, — натурально созерцаетъ себя самого въ каждой „ближнемъ“ по одинаковому христіанскому обновленію и любить братски не съ національною узостію плотскаго происхожденія, а съ необъятнымъ универсализмомъ всѣмъ доступной и для всѣхъ открытой вѣры.

Теперь безспорно, что — по своимъ безжественнымъ началамъ — законничество до точности воплощается въ хри-

¹⁾ См. Kommentar zum N. T. aus Talmud und Midrasch III, S. 558.

стіанствѣ, гдѣ находить совершенное удовлетвореніе самымъ высшимъ релігіозно-моральнымъ требованіямъ, превышавшимъ его собственную активную енергію. Посему, — какъ исполненный всецѣло, — законъ не имѣетъ силы и дѣйственности въ благодатномъ христіанскомъ строѣ, который, однако же, чуждъ и противозаконія и беззаконничества, ибо держится поверхъ номистическаго уровня, обладая своими заправляющими нормами. Не удивительно, что въ христіанскомъ союзѣ недопустима среди истинныхъ его членовъ раздробленность взаимной вызывательской обособленности, господствующая въ плотской сферѣ и регулируемая законничествомъ. Иначе обязательная братская солидарность вытѣсняется столкновеніемъ несовмѣстимости, которая ведетъ къ устраненію одного другимъ при ожесточенной борьбѣ cadaque за свое независимое существованіе. Отсюда раждается инстинктивная потребность обоюднаго угрызения и пожирания, а — при равной интенсивности у всѣхъ — оно должно сопровождаться полнымъ взаимнымъ истребленіемъ вслѣдствіе такого „общественнаго разбойничества“¹⁾ (V, 15). Картина — свойственная Галатамъ и возможная у нихъ²⁾. Но все это питается плотяностію и внѣ ея не бываетъ. Въ виду сего Апостоль и говоритъ авторитетно, что христіане, избавившись изъ-подъ плотяныхъ оковъ, обязаны всецѣло сообразоваться съ условіями своего новаго бытія (V, 16). Послѣднее, созидаясь божественнымъ Сыномъ, нуждается и въ столь же божественномъ руководителѣ, который закрѣпляетъ и охраняетъ наше тѣсное объединеніе во Христѣ съ Богомъ Отцемъ. Таковъ и есть Духъ божественный, являющійся специальнымъ двигателемъ христіанскаго жительства, гдѣ Онъ бываетъ центромъ опредѣляющимъ границы периферій, и служить солнцемъ, регулирующимъ планомѣрность всего теченія. Разумѣется, при Его спасительномъ контролѣ все будетъ совершаться съ надлежащею христіанскою правильностію, ибо остается тогда въ собственной благодатной области и функционируетъ по ея исключительнымъ принципамъ. Понятно, что теперь вѣрующей будетъ ходить безпрепятственно и безбоязненно, не опасаясь потерять христіанскую почву и ниспасть за черту христіанской духовности. Этимъ незыблемо предрѣшается, что духовный по самому своему достоинству оказывается независимымъ отъ плотяности и органически не можетъ слѣдовать ея специфическимъ вліяніямъ, которыя просто даже не досягаютъ христіанской возвышенности. Тутъ и непреложно и необходимо, что подобный челоѣкъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ исполнять οὐ + μὴ τελέσῃτε) плотскихъ вожделѣній ни по объективнымъ, ни по субъективнымъ мотивамъ. Обратное еще было бы мыслимо

¹⁾ Слова блж. Ієронима (Творенія XVII, стр. 170.

²⁾ Ср. † Prof. Th. Zahn, S. 261.

- въ нѣкоторой степени, еслибы плоть, — въ качествѣ моральнаго фактора, — имѣла хоть малѣйшее родство съ Духомъ, соприкасалась съ Нимъ и незамѣтно примѣшивалась къ Его отправленіямъ, постепенно вторгаясь въ духовный процессъ, сообщая свое настроеніе и, наконецъ, овладѣвая всецѣло. Но
- V, 17. сему препятствуетъ та фактическая причина (V, 17), что между ними господствуетъ внутренняя противность (*χάτα*), а жаръ и холодъ, свѣтъ и тьма вмѣстѣ не бываютъ, устраняя другъ друга при встрѣчѣ. И, по истинѣ, такая плоть натурально стремится къ враждебному для Духа, Который отвѣчаетъ одинаково въ томъ же самомъ тонѣ. Отсюда неизбежно, что при фактическихъ столкновеніяхъ они не переплетаются и не входятъ даже въ механическое содружество, всегда сохраняя свою природную непримиримость. Въ этомъ случаѣ плоть усиливается, чтобы человѣкъ дѣйствовалъ не духовно, какъ Духъ побуждаетъ поступать вопреки плотяности, ибо эти принципы противоположны не по направленію въ разныя стороны, а по взаимной адверсативности въ пониманіи и рѣшеніи общихъ задачъ. Отдавшись тому или иному фактору, люди уже подчиняются ему съ утратою своей воли, которая можетъ выражаться теперь только однимъ извѣстнымъ способомъ — духовнымъ либо плотнымъ. А когда водителемъ нашимъ будетъ
- V, 18. Духъ (V, 18), — мы самою своею духовностію изъемлемся изъ плотяной неупорядоченности и этимъ избавляемся отъ законническаго соподчиненія, ибо для него нѣтъ матеріала, разъ у насъ въ мысли и жизни воцаряется наилучшая гармонія. Законъ не находитъ тутъ приложенія, ибо приспособленъ для плотяности, какъ это для всѣхъ ясно съ неотразимостію по обнаруженіямъ послѣдней (V, 19). Плоть хочетъ устроиться именно по своему типу, однако не обладаетъ самобытностію, чтобы развиваться изъ себя самой и по себѣ въ цѣлостную органическую систему. Всѣ напряженія ея исчерпываются лишь частными актами и разрозненными фактами, которые мотивируются плотяностію и бываютъ, конечно, специфически плотскими (*τὰ ἔργα τῆς σαρκός*), поелику плотію производятся (*genetiv. subjectivus*) и воплощаютъ ее съ точностію (*genetiv. objectivus*). Съ этой стороны они для всѣхъ осязательно-наглядны и легко постигаются въ своихъ отличительныхъ качествахъ. Такъ открывается неограниченное плотяное владычество, нестѣсняемое въ своей активности. При такомъ рѣшительномъ напорѣ плоти, и первѣйшимъ¹⁾ ея запечатлѣніемъ будетъ *πορνεῖα* — беспорядочное и ничѣмъ не контролируемое удовлетвореніе плот-

¹⁾ Вставка (Rec.) *πορνεῖα*, не принятая въ критическихъ изданіяхъ, отсутствуетъ въ *н*АВСР* и является не совѣмъ понятною логически, ибо это значило бы начинать со специфическаго блуднаго грѣха и переходить къ блуду вообще.

сихъ инстинктѣ въ „блудѣ“. Здѣсь плоть достигаетъ полнаго главенства въ зазорныхъ проявленіяхъ законнаго инстинкта и, простираясь далѣе, естественно налагаетъ всюду свою ἀκαθαρσία — „нечистоту“ плотскаго вожделѣнія и плотянаго интереса всякаго рода и вида со всѣми ихъ плодами и слѣдствіями. Послѣ этого для нея не оказывается достаточныхъ препонъ къ самому бурному кипѣнію, — и она проявляется потомъ въ ἀσελγεια¹⁾ — съ крайнею необузданностію и съ „непотребствомъ“ (ср. Прем. Солом. XIV, 26. Мрк. VII, 22) неприкрытой наглости бѣшеннаго цинизма, когда уже совсѣмъ не желаютъ стѣсняться и „дѣлаютъ всякую нечистоту съ ненасытностію“ (Ефес. IV, 19). Плоть захватываетъ окончательное верховенство и демонически (ср. 2 Θεсс. II, 4) воздвигаетъ себѣ свой „идоло-служебный культъ“ (ср. Ефес. V, 3) въ εἰδωλολατρ(ε)ία (V, 20) съ религиозными волшебствами²⁾ разныхъ φαρμακ(ε)ία (ср. Апок. XXI, 8)³⁾, всегда обильно употреблявшихъ въ подобной религиозно-извращенной ассоціаціи. Тутъ плотяно-матеріальныя средства всякихъ внѣшнихъ „чародѣйствъ“ предполагаютъ плотяность религиознаго сознанія въ грубомъ понятіи о подвластности такимъ волшебнымъ способамъ самого божества, какъ матеріалистически податливаго, а при этомъ несомнѣнна плотяность движущаго интереса и преслѣдуемой цѣли. Въ этомъ состояніи самообоженія плоть не можетъ допускать равенства себѣ или соперничества, а потому она ко всему иному „враждебна“ (ἐχθρα), горделиво все „оспариваетъ“ (ἔρεις) по чувству злостной „завистливости“ (ζήλοι) и — при естественной неуступчивости другой стороны — распаляется бурною „яростію“ въ θυμός. Въ результатѣ будетъ фактическая „враждебность“ (ἐριθεία; ср. Іак. III, 14) ко всякому упорствующему. Разъ же это настроеніе присуще всѣмъ плотянымъ индивидуальностямъ съ одинаковою интенсивностію, — отсюда неизбежно рождаются

V, 19.

V, 20.

1) Этотъ терминъ не совсѣмъ ясенъ по своему происхожденію и специфическому значенію, но безспоренъ въ немъ оттънокъ открытаго вызывающаго цинизма: см. и Proff. J. H. Moulton and George Milligan, The Vocabulary of the Greek Testament, p. 84.

2) Ср. S. Justini Apol. I, 14: οἱ δὲ καὶ μαγικαῖς τέχνας χρώμενοι, ἀγαθῶ καὶ ἀγεννήτῳ Θεῷ ἑαυτοὺς ἀνατεθεικότες. Иса. XLVII, 9, 12. Мал. III, 5. Апок. IX, 21.

3) О подобныхъ явленіяхъ въ апостольскій вѣкъ ср. Дѣян. XIX, 19 и 2 Тим. III, 13, а Анкирскій соборъ 314 г., приближавшійся къ вселенскому по своему численному составу († Prof. C. H. Turner, Studies in Early Church History, Oxford 1912, p. 44), специально говоритъ объ идоложертвовавшихъ (прав. 1, 2, 4), объ отравѣхъ (пр. 21, гдѣ φθόρον Вальсамонъ принимаетъ въ смыслѣ φάρμακον) и о волхованіяхъ (пр. 24).

„расколъ“ (δικοστασία) непримиримыхъ партій, которыя по своимъ руководящимъ принципамъ скоро и съ неминуеюостію формируются въ убѣжденные „еретическія“ фракціи (χίρῆσεις).
 V, 21. Тогда необходимо возникаетъ (V, 21) неумолимое взаимное „ненавистничество“ (φθόνος) съ тенденціею къ „убійственному“ уничтоженію (φύρος) противника, дабы на развалинахъ всеобщаго погрома было для плоти удобно и свободно торжествовать свою побѣду въ дикомъ „опьяненіи“ (μέθαι) охмѣляющихъ и неслышанно-безчинныхъ оргій (ἡμίαι).

При столь безбрежномъ плотскомъ абсолютизмѣ все прочее подобное ясно само собою и не требовало подробнаго перечисленія, понятнаго и логически-предметно и по живымъ наблюдениямъ тогдашней религіозно-моральной дѣйствительности. Не менѣе несомнѣнны и всѣ выводы, для которыхъ Апостолу было достаточно напомнить читателямъ сказанное имъ прежде — во второй его визитъ у Галатійцевъ. Ихъ христіанское усердіе и моральное напряженіе направлены къ наслѣдованію царства Божія, но при плотскомъ деспотизмѣ они были бы τὰ σαυτὰ πράσσοντες, всегда и непрерывно осуществляющими всю сумму плотскихъ возможностей въ указанномъ выше родѣ. Между тѣмъ у всѣхъ вѣрующихъ искомый идеалъ заключается въ βασιλεία θεοῦ — въ такомъ строѣ, который всецѣло создается отъ Бога, имѣетъ Его своимъ виновникомъ (genetiv. subjectivus), откуда вытекаетъ, что тутъ обязательно должна выражаться со всѣмъ совершенствомъ и царствовать именно воля Божія (genetiv. objectivus). Пока эта задача бываетъ идеальной и выполняется частично и постепенно въ членахъ церкви Христовой, каковая служить моментомъ и средою водворенія на землѣ царства Христова, воплощающаго царство Божіе со всею фактической точностію въ личности Господа Икупителя, а увѣнчаніе будетъ достигнуто людьми реально лишь въ царствѣ Бога и Отца. (1 Кор. XV, 24 сл.). При всемъ томъ главенствующій факторъ всегда бываетъ божественный, противный плотности, почему всѣ плотянные, какъ чуждые ему, не будутъ имѣть даже малѣйшаго касательства къ царственно Божію наслѣдію (ср. 1 Кор. VI, 9—10). Для этого нужно безусловное соотвѣтствие царственной божественности, а оно требуетъ производителя, способнаго къ сему и достойнаго, — значить, — не менѣе божественнаго. Но извѣстно, что продолжаетъ миссію Христа и утверждаетъ наше единеніе съ Богомъ Духъ Святый, Который — поэтому — и будетъ исключительнымъ водителемъ вѣрующихъ въ церкви Христовой къ царству Божію. Дѣйствуя въ своей сферѣ и съ божественно-властною самодержавностію, Онъ даетъ изъ Себя нѣчто органически цѣлостное, какъ Его натуральный „плодъ“ (V, 22), единый по источнику и по содержанію — вопреки дробности плотскихъ „дѣлъ“, порождаемыхъ безсистемными порывами плотности. При такомъ божественномъ абсо-

V, 22.

лютизмъ Духа въ самомъ процессѣ — и результатъ, естественно, бываетъ одинаково божественнымъ въ качествѣ адекватнаго отраженія въ христіанахъ свойствъ жизни собственно божественной. А въ премірномъ бытіи Троичности царствуетъ „любовь“, покоящаяся на эссенціальномъ тождествѣ и сосущественной неразрывности всѣхъ божественныхъ Лицъ. Но всѣ благодатствованные, находясь въ таинственномъ сочлененіи съ Отцемъ чрезъ Сына во Св. Духѣ, неразрывно связываются братскою солидарностію взаимной самопреданности и въ каждомъ другомъ любятъ самихъ себя (ср. V, 13) по тождеству своего христіанскаго бытія. Въ этомъ смыслѣ любовь есть первѣйшее обнаруженіе вѣры, корень и вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей, изъ коихъ лишь она одна *николи же отпадаетъ* (1 Кор. XIII, 8). Впрочемъ, любовь христіанская обладаетъ подобными преимуществами только при сыновней неразлучности нашей съ Богомъ, когда вполне нормальна у насъ радость (ср. 1 Фесс. V, 16) при достиженіи этого спасительнаго союза, который вселяетъ въ души миръ невозмутимой солидарности съ небомъ и спокойной гармоничности на землѣ въ „человѣкахъ благоволенія“ (Лк. II, 14), между тѣмъ у нечестивыхъ нѣтъ ни того, ни другого (Иса. LVII, 21). Въ дальнѣйшемъ практическомъ примѣненіи будетъ фактически закрѣпляться пріобрѣтенная благодатно божественность. Но по отношенію къ роду человѣческому и всему сотворенному Всевышній долготерпѣливъ по своей благодатной милости, — и въ Его чадахъ отраженно будутъ обитать *μακροθυμία* и *χρηστότης* — „сдержанность“ для гнѣвливой обидчивости на ближняго по „доброму влеченію“ къ нему, которое, однако, не граничитъ съ попустительствомъ, ибо старается дѣйствовать „благами исправленія“ (*ἀγαθωσύνη*), чтобы поднять павшаго на свою высоту и пріобщить къ радостной восторженности. Христіанская активность тутъ не измѣняетъ своей природѣ, засажая въ другихъ то самое, что отличаетъ ее натурально. Здѣсь успѣхъ достигается и потому, что она бываетъ непреклонна стойкою, остается вѣрною себѣ (*πίστις* ср. Рим. III, 3. Тит. II, 10) во всѣхъ своихъ особенностяхъ и въ этомъ достоинствѣ касается всякаго недуга съ „мягкостію врачеванія“ (V, 23), чуждаго суровости прещенія (*πρώτης* ср. Мѡ. XI, 29), поелику „самодержавна“ въ своихъ свойствахъ и не допускаетъ искаженія и омраченія ихъ чѣмъ-либо несроднымъ или противнымъ при фактической реализаціи (*ἐγκράτεια*).

Данное перечисленіе снова убѣждаетъ, что сюда неприемлимъ дисциплинарно-регулирующій и карающій законъ, для котораго нѣтъ даже пункта приложенія въ царствѣ правды ср. 1 Тим. I, 9), раскрывающейся въ жизни вѣрующихъ изъ себя самой съ соприсущею святостію. Какъ противъ нея и всѣхъ носителей¹⁾ можетъ дѣйствовать номизмъ? Вѣдь всѣ они прин-

¹⁾ Тутъ τοιοῦτων — mascul. († Prof. Th. Zahn, S. 266).

ципально находятся внѣ этой сферы, и значить — для нихъ законъ просто не существуетъ, совершенно исчезая предъ другими, высшими нормами духовнаго бытія. Всѣ творцы поименованныхъ и аналогичныхъ добродѣтелей суть *οἱ τοῦ Χριστοῦ*

V, 24. *Ἰησοῦ* (V, 24) — такіе, которые всецѣло пребываютъ въ Господѣ Искупителѣ и только въ Немъ благодатно имѣютъ свою онтологическую опору, а потому, распявшись со Христомъ, они фактически умертвили свою плоть¹⁾, отняли у нея активную жизненность для противодуховной работы чрезъ свои плотскія влеченія разныхъ саркическихъ вожделѣній, или похотей. Безъ послѣднихъ не оказывается и матеріала для законническаго кодекса, который необходимо бываетъ совсѣмъ бездѣйственнымъ и долженъ умереть (ср. Евр. VIII, 13).

Теперь получаемъ, что — недозволительный и непригодный для возникновенія христіанской жизни — законъ совсѣмъ неумѣстенъ для ея поддержанія и развитія. Она состоитъ въ свободѣ богоусыновленія, которое пріобрѣтается единеніемъ съ Сыномъ Божіимъ и реально обнаруживается воспроизведеніемъ качествъ божественнаго Главы въ дѣтяхъ по благодати, когда достигается всецѣлое совпаденіе должнаго съ наличнымъ въ этической безупречности.

Ясно, что основа и источникъ нравственной христіанской дѣятельности — Христось, ея орудіе—вѣра, фактическое запечатлѣніе — любовь со всѣми модусами и развѣтленіями. Въ такомъ случаѣ, если здѣсь и можетъ быть рѣчь о заправляющемъ регуляторѣ, — это будетъ охранитель и укрѣпитель начавшагося христіанскаго процесса въ его постепенномъ нормальномъ развитіи, гдѣ онъ способствуетъ прогрессивному теченію и процвѣтанію съ авторитетностію и безошибочностію своихъ производящихъ божественныхъ факторовъ. Таковымъ и является Духъ Божій. Но разъ только Имъ и при Его соотвѣтственномъ вліяніи мы живемъ христіански корректно, то естественно, что Онъ будетъ исключительно силой всего нашего моральнаго устройства во всѣхъ конкретныхъ модификаціяхъ нравственнаго поведенія, гдѣ каждый совмѣстно съ другими²⁾ долженъ идти въ рядъ (*στοιχῶμεν*) съ Духомъ, имѣя Его единственнымъ заправителемъ всего поведенія (V, 25). Этимъ же божественнымъ двигателемъ, конечно, станутъ опредѣляться и всѣ наши частныя отношенія, какъ христіански-духовныя. Въ числѣ ихъ прежде всего немыслимо самопрославленіе, поелику оно было бы пусто и безсодержательно, не имѣя для себя ни

¹⁾ Нѣтъ ни малѣйшаго основанія или повода видѣть здѣсь плоть Христову и потомъ относить апостольскую замѣтку къ „плотскому разумѣнію Писанія“, какъ Оригенъ у блаж. Іеронима (Творенія XVII, стр. 185—186, 187).

²⁾ Ср. † Prof. Th. Zahn, S. 267.

малѣйшей опоры тамъ, гдѣ все и всецѣло Божіе, а тогда совѣтъ не будетъ ни предлога, ни причины для взаимнаго вызывательскаго раздраженія по чувству зависти въ себѣ и съ порожденіемъ ея въ другихъ (V, 26). При отсутствіи всякаго V, 26. превозношенія съ устраненіемъ фактическихъ побужденій къ раздору легко формулируется истинный способъ нормальнаго христіанскаго поведенія при всѣхъ жизненныхъ уклоненіяхъ и конкретныхъ коллизіяхъ. Нужно думать, что изъ своего мисіонерскаго опыта Апостолъ беретъ подходящее и знакомое, говоря какъ бы о примѣрныхъ нравственныхъ паденіяхъ. Самая форма рѣчи убѣждаетъ, что это случай далеко не гипотетическій, а—скорѣе—совершенно реальный¹⁾. Допустимъ (VI, 1), VI, 1. что ἐξ ν καὶ προλή(μ)φθῆ ἀνθρώπων ἐν τινὶ παραπτώματι, что онъ захваченъ (ср. Пр. Сол. XVII, 16) какимъ-нибудь грѣховнымъ правонарушеніемъ и пойманъ въ немъ „на самомъ преступленіи“, „съ поличнымъ“ (ἐπ’ αὐτορρηφ, flagrante delicto). При всемъ томъ онъ и нынѣ остается нашимъ „братомъ“, почему требуетъ пока лишь спасительнаго исцѣленія возвращеніемъ къ братской нормѣ (ср. 2 Тесс. III, 15). Но наше преимущество заключается въ томъ, что мы — πνευματικοί, или духовные, ибо въ своемъ христіанскомъ бытіи всецѣло устроены Духомъ²⁾. Естественнo, что мы и должны „вставлять на свое мѣсто вывихнутый членъ“ (καταρτίζειν) и приводить нарушенное въ надлежащій порядокъ (ср. Мѡ. IV, 21. Мрк. I, 19. 1 Тесс. III, 10), какъ находящіеся ἐν Πνεύματι — со свойственною Ему мягкостію цѣлительнаго врачеванія, равно чуждаго и насильственно-му принужденію и обличительной жестокости болѣзненно-разстраляющаго укора. Иначе — при другомъ, противномъ способѣ — мы покажемъ себя не „духовными“ и засвидѣтельствуемъ свое собственное плотное паденіе, отрѣшаемся отъ сферы Духа и уготовляемъ реальную почву для аналогичнаго уязвленія плотию. Слѣдовательно, наша братски исправляющая миссія есть прямое, натуральное и необходимое требованіе самаго христіанскаго достоинства нашего, почему обязательно для сохраненія его здоровой крѣпости и плодотворной активности.

¹⁾ См. и выше на стр. 52.

²⁾ Не можемъ согласиться съ мнѣніемъ еп. Θεοφана (стр. 2416), будто бы „вѣроятнѣе, что св. Павелъ подъ духовными разумѣетъ здѣсь тѣ лица, которымъ онъ поручилъ смотрѣть за другими и блюсти среди вѣрующихъ и вѣру и жизнь по вѣрѣ. Они, конечно, были совершеннѣйшіе между всѣми; но долгъ исправлять падающихъ лежалъ на нихъ не ради ихъ совершенства, а ради Апостольскаго избранія на это дѣло, сопровождавшагося у св. Павла обычно рукоположеніемъ“. Если отмѣчается, что „ни въ какомъ обществѣ не бываетъ“. „чтобы всѣ исправляли всѣхъ“, то см. Мѡ. XVIII, 17. 1 Кор. V, 3 сл. 2 Кор. II, 6—8.

- VI, 1. Принимая на себя тяготы другого, тѣмъ самымъ всякій изъ вѣ-
рующихъ все непоколебимѣе утверждаетъ въ духовности и
своею помощію поскользнувшемуся брату отнимаетъ у себя
самого часть возможностей для плотского вторженія, возра-
стаетъ и закаляется духовно. Въ результатѣ получается, что
подобнымъ взаимнымъ бремениношеніемъ мы облегчаемъ не-
мощнымъ путь къ религіозно-моральному возвышенію и, под-
нимая ихъ до своего „духовнаго“ уровня, побѣждаемъ въ се-
бѣ самихъ личнаго врага въ соприсущей намъ грѣховной на-
клонности къ плотяному буреванію. Черезъ это нами точно
осуществится и „законъ Христовъ“ (*ὁ νόμος τοῦ Χριστοῦ*), ко-
торый фактически раскрытъ Христомъ (genitiv. subjectivus) для
неуклоннаго примѣненія. Очевидно, это будетъ законъ искуп-
ляюще-спасающаго подвига Христова, а онъ состоялъ въ ис-
цѣленіи недужныхъ и возведеніи падшихъ, когда Искупитель
„взялъ на себя наши немощи и понесъ болѣзни“ (Мѡ. VIII, 17
изъ Иса. LIII, 4). Повторяя тоже въ своей христіанской прак-
тикѣ, мы — понятно — со всѣмъ возможнымъ совершенствомъ
будемъ вмѣстѣ исполнять (ср. Мѡ. XIII, 14) и совокупными усилія-
ми¹⁾ непремѣнно исполнимъ (*ἀνα + πληρώσετε*)²⁾ норму спасительна-
го служенія Христова (VI, 2), какъ единственное правило и исклю-
чительную основу нашей морально-благодатной жизни. Все это
бываетъ для насъ натуральнымъ и даже принудительнымъ
принципіально не только въ объективномъ отношеніи, или по-
тому, что, будучи искупленными, мы должны отражать въ се-
бѣ историческій фактъ Голгоэскаго искупленія во всѣхъ его
спеціальныхъ качествахъ, доступныхъ намъ. Не менѣе сего мы
побуждаемся къ этому и съ субъективной стороны — по раз-
смотрѣнію нашего дѣйствительнаго религіозно-моральнаго по-
ложенія. Разумѣется его несамобытность по происхожденію и
продолженію, не позволяющая высокоумѣрности въ кастовыхъ
рамкахъ. Логика тутъ неумолимая и сокрушительная для вся-
кой индивидуально-горделивой обособленности. Причина — въ
томъ, что для послѣдней нужно помыслить себя чѣмъ-либо
- VI, 3. (VI, 3), способнымъ къ автономному бытію, какъ не обуслов-
ленному и ни отъ кого независимому, а для этого нѣтъ моти-

¹⁾ Св. I. Златоустъ (Migne gr. LXI, col. 675; Творенія X, стр. 808): „исполняйте всѣ вмѣстѣ совокупными силами, терпя недостатки одинъ другого“.

²⁾ Вѣсто аориста *ἀναπληρώσετε*, хорошо засвидѣтельство-
ваннаго (NACDgr.KLNP), мы предпочитаемъ (вмѣстѣ съ LTTg Nestle) чтение (BFG pesch. copt. (bohair.) aethiop. Vulg.) въ фор-
мѣ будущаго времени *ἀναπληρώσετε*, главнымъ образомъ, по кон-
текстуальной логикѣ, гдѣ исполненіе „закона Христова“ обуслов-
ливается взаимнымъ бремениношеніемъ и, значитъ, представляется
дальнѣйшимъ по сравненію съ послѣднимъ.

вирующихъ и оправдательныхъ матеріаловъ, ибо каждый по VI, 3. своей человѣческой индивидуальности есть абсолютное ничто для возникновенія и процвѣтанія своего христіанскаго званія и состоянія. Неизбѣжно, что результатомъ такого мечтанія будетъ гибельное „умоповрежденіе“ (φρεναπατά ἐαυτόν) съ обольщеніемъ своего разума¹⁾ обманчивыми призраками, будто человѣкъ самъ по себѣ достигъ идеала и въ правѣ съ холодною пренебрежительностію смотрѣть на борющихся братьевъ. Напротивъ, всѣ почерпаютъ свое достоинство не изъ самихъ себя, но имѣютъ его внѣ и выше, откуда оно лишь усвоится въ личное обладаніе. Поэтому при нравственно-христіанскомъ возрастаніи все сводится ко всегдашнему и непрестанному закрѣпленію въ себѣ благодатно даннаго содержанія самымъ дѣломъ. Естественно, что христіанскій долгъ разсужденія будетъ выражаться непрерывнымъ и строгимъ испытаніемъ²⁾ своей христіански-реализующей дѣятельности (VI, 4) по принципу со- VI, 4. отвѣтствія своего поведенія идельной задачѣ. Тогда — въ случаѣ удовлетворительнаго исхода этого искуса — отыщется матеріаль и для справедливой похвалы (τὸ καύχημα), — только теперь уже не за чужой счетъ въ силу субъективно-фарисейскаго превосходства надъ грѣховностію ближняго, но исключительно за свой собственный — въ мѣру достигнутой нравственной зрѣлости. Похвальба черезъ другого всегда бываетъ незаконною и пустой, потому что говоритъ лишь о недостаткахъ брата и о моей горделивости, а потому ничуть не удостовѣряетъ моей личной моральной безукоризненности, которая оцѣнивается единственно масштабомъ того, что подлежитъ исполненію. И вотъ въ этомъ отношеніи у всѣхъ есть свое „бремя“ нравственно-религіознаго подвига въ осуществленіи христіанской святости (VI, 5), гдѣ, — какъ мы видѣли, — возможны и VI, 5. дозволительны именно взаимность и солидарность по всецѣлой братственности.

Со всѣхъ сторонъ аргументируется, что — по самому отличительному характеру христіанскаго бытія — высшіе для своего обезпеченія побуждаются дѣйствовать въ духѣ врачующе-кроткаго снисхожденія къ слабымъ и колеблющимся. Впрочемъ, это нисколько не значитъ, что послѣдніе въ правѣ жить лишь попеченіями „духовныхъ“, не заботясь о собственномъ трудѣ моральнаго усовершенствованія. Напротивъ, у нихъ есть тоже своя обязанность одинаковаго этическаго характера. Своимъ паденіемъ они показываютъ въ себѣ практическихъ невѣждъ и по этому качеству аналогичны всѣмъ обучаемымъ

¹⁾ По блаж. Іерониму (Творенія XVII, стр. 197), φρεναπατά — обольщать свою душу.

²⁾ По блаж. Теофилактѣ (стр. 70), δοκιμάζειν значитъ мет' ἀκριβείας ἐξετάζειν.

- тѣми или другими авторитетами. Отсюда имѣемъ контрастъ *б* *κατηχομένους* и *б* *κατηχῶν* (VI, 6)—наставляемаго и наставляющаго по ихъ специальному и взаимному отношенію. Второй со-общаетъ ученику слово своей мудрости, — въ нашемъ примѣрѣ — слово Евангельскаго благовѣстія и этимъ точно удовле-творяетъ своей обязательной миссіи проповѣдника объ избавленіи Христовомъ, его возродившемъ и спасающемъ. Первый рисуется обучающимся и постепенно воспринимающимъ все „духовное“ богатство своего просвѣтителя. Для полнаго успѣха своего усердія слушатель необходимо вынуждается къ равно-му обладанію всѣми силами ментора, а это возможно лишь при собственномъ соучастіи, когда питомецъ личнымъ напря-женіемъ всей своей энергіи поднимается до уровня своего вос-питателя и здѣсь заимствуетъ всѣ его преимущества¹⁾. Ходъ историческаго возрастанія христіанства на землѣ опредѣляется не самобытнымъ творчествомъ людей, а усвоеніемъ ими заранѣе даннаго содержанія чрезъ полномощныя посредства изъ того источника, гдѣ оно содержится всецѣло и откуда разли-вается по всему міру соотвѣтствующими каналами. Помимо этихъ путей божественное оправданіе не распространяется и не достигается. Понятно, что тутъ всего опаснѣе заблужденіе
- VI, 7. (VI, 7), будто „Богъ поругаемъ“ (*μὴ πλανᾶσθε, θεὸς οὐ μωχτη-ρίζεται*), т. е. можетъ быть проведенъ и обойденъ въ реализа-ціи Его спасительныхъ плановъ и оставленъ въ нѣкоторомъ посмѣянніи (ср. Іезек. VIII, 17; *μωχτηρισμός* въ 2 Макк. VII, 39), если людьми все пріобрѣтается безъ Него своими силами и средствами. Нѣтъ, — здѣсь все Божіе и получается лишь божественными способами. Въ этомъ пунктѣ господствуетъ стро-жайшее соотвѣтствіе не менѣе обычнаго примѣра, что всегда пожинаютъ именно то, что и сѣютъ. Но всякій, уклоняющійся отъ этого закона въ пожинаніи духовномъ, отвергаетъ боже-ственные орудія воспріятія, почему долженъ утверждаться на однѣхъ собственныхъ способностяхъ и въ своихъ интересахъ замыкается ихъ предѣлами. Отторгаясь отъ божественныхъ

¹⁾ Мы несогласны, что у Апостола говорится только о щедрости въ матеріальныхъ благахъ (1 Кор. IX, 11. Рим. XV, 27. 1 Тим. V, 17. Дидахи 13, 2. 15, 1—2), какъ изъ древнихъ св. I. Златоустъ (*Migne gr. LXI, col. 676*; Творенія X, стр. 809—810), блаж. Θεοφιλότης (Творенія VII, стр. 407), блаж. Θεοφιλάктъ (стр. 70—71), блаж. Ιερώνимъ (Творенія XVII, стр. 70—71), равно и въ новое время, напр., еп. Θεοφάνης (стр. 2430). Хотя св. Павелъ считалъ законнымъ (1 Кор. IX, 11. 2 Θεсс. III, 9) и охотно принималъ помощь отъ преданныхъ христіанъ (Филипп. I, 5), но, вообще, старался не быть въ тягость никому (2 Кор. XI, 7—9. XI, 13, 15), работая (1 Кор. IX 6) своими руками (1 Кор. IV, 12. 1 Θεсс. II, 9. 2 Θεсс. III, 8. Дѣян. XX, 33—35).

факторовъ, онъ остается въ сферѣ тварной ограниченности, которая очерчивается рамками плотяности. Неизбѣжно теперь, что, куда бы подобные субъекты ни простирались со своими усилями, они вездѣ будутъ наталкиваться и имѣть средю приложенія только плотъ, которая оказывается единственно почвой для сѣянiя (VI, 8), какъ оттуда же заимствуются и его материалы. При столь безызытномъ плотяномъ верховенствѣ жатва необходимо заимствуется отъ производящей почвы и, конечно, бываетъ всецѣло плотяною, потому что въ ней и сѣятель, и сѣмя, и грунтъ одинаково плотяны. Разумѣется, итогъ будетъ равнымъ и исчерпывается въ φθoρά, или объемлющемъ насъ тлѣнiи плотянаго разложенiя (Рим. VI, 21), которое не обладаетъ ресурсами для непрерывной жизненности и сопровождается погибелью вѣчной (2 Θεσσ. I, 9) въ утратѣ благъ божественнаго бытiя. Напротивъ: сѣющiй въ Духъ находится въ Немъ и, почерпая тамъ всѣ свои запасы, получаетъ отъ Него сообразное, т. е. жизнь не менѣе тлѣнности безусловную, не устранимую роковою необходимостiю физической смерти и — значить — вѣчную, переходящую дальше міра нынѣшняго въ вѣкъ грядущiй. Это соотвѣтствiе незбылемо увѣряетъ насъ въ совершенной благоплодности подобнаго подвига, ибо въ немъ духовная живительность увѣнчивается духовно-нескончаемою жизненностiю. Такое наблюдение само собою должно укрѣплять вѣрующихъ въ непрестанной бодрости, чтобы въ осуществленiи натурально прекраснаго и добраго мы всегда были тверды и не смущались эмпирическимъ разладомъ внѣшнихъ фактическихъ слѣдствiй съ достоинствомъ нашихъ внутреннихъ влеченiй (VI, 9). Въ земной жизни это бываетъ часто, но отсюда нельзя и не должно выводить, что при своемъ добродѣланiи (τὸ καλὸν ποιοῦντες) мы попадаемъ и бываемъ во злѣ¹⁾. Этотъ тяжелый диссонансъ не зависитъ отъ самаго добра, которое по своей природѣ всегда благостно и направляетъ къ блаженству. Съ этой принципиальной точки зрѣнiя теперешнiй разладъ скорѣе свидѣтельствуетъ, что пока предъ нами среда не подходящая и не пригодная для адекватнаго обнаруженiя идеальнаго въ реальномъ, почему ожидается эпоха полнаго господства добра, когда будетъ наиточнѣйшее согласiе между должнымъ и дѣйствительнымъ. А что такой перiодъ непременно наступитъ, — это принудительно требуется всѣми свойства-

1) Читенiя ἐν(γ)κακῶμεν (NAB*D*) и ἐκκακῶμεν (CD⁸KLP) немного разнятся по силѣ текстуальнаго удостовѣренiя, но первое принимается большинствомъ критическихъ изданiй (LTT⁸ WH Nestle A. Souter) и намъ лично представляется болѣе вѣроятнымъ логически, ибо опасность заключается не въ самомъ фактѣ бѣдственности, а въ томъ, что мы окажемся находящимися во злѣ и именно потому будемъ бѣдствовать.

- VI, 9. ми истиннаго добра, которое не было бы самимъ собою, если-бы не достигало своего безусловнаго раскрытія во внѣшнемъ запечатлѣніи. Въ „свое ему время“ добро и будетъ безпрепятственно функціонировать со всею полнотою всецѣлаго собственнаго воплощенія. Въ виду этого — вмѣсто маловѣрнаго унынія — намъ нужно постараться обезпечить себѣ въ будущемъ благотворный результатъ, который бываетъ лишь непосредственнымъ и естественнымъ излученіемъ добра и натурально сообщается всѣмъ его носителямъ. Наша этическая задача должна заключаться въ достиженіи этой неразрывности съ идеаломъ, чтобы потомъ мы могли наслаждаться желанною реализаціей. Ясно, что для пріобрѣтенія людьми этого единенія съ добромъ обязательны достаточный промежутокъ — стремленій, напряженій и борьбы во имя надежды, но еще безъ обладанія ея сокровищами. Таковъ и есть „вѣкъ нынѣшній“, характеризующійся больше моральными исканіями и нравственными испытаніями. Въ этой связи и при подобномъ озареніи морально-жизельскія аномаліи и коллизіи теряютъ свою соблазняющую и удручающую остроту и пріобрѣтаютъ высокое этическое значеніе въ качествѣ предуготовительныхъ стадій, доставляющихъ и морально оправдывающихъ наше участіе въ вѣчномъ духовномъ пожинаніи. Если же такъ, то и не будемъ ослабѣвать въ своей приверженности къ добру. Наоборотъ: по отмѣченнымъ основаніямъ постараемся еще на землѣ¹⁾, — доколѣ есть время (VI, 10) и пока не поздно, — непрерывно и прогрессивно утверждаться въ добрѣ, когда оно — параллельно нашему возрастанію въ немъ — будетъ сказываться во всемъ нашемъ поведеніи со свойственною благодѣтельностью. Здѣсь нѣтъ блага отзлеченнаго, потому что христіанское добро всегда бываетъ жизненнымъ факторомъ, какъ неотдѣлимое отъ самой жизни христіанской, чрезъ которую и функціонируетъ благодѣтельность въ дѣятельной практикѣ. Но понятно, что обнаруженіе по своему объему реально покрывается размѣрами воспроизводимой имъ силы и сосредоточивается въ этихъ границахъ. Поэтому и созершенное христіанское добродѣланіе обнимается сферою своего порождающаго начала, гдѣ имѣются всѣ условія для его полнаго расцвѣта. Этотъ кругъ очерчивается размѣрами фактическаго владычества вѣры, поелику только ею водворяется въ насъ и самое христіанское благо, осуществляемое въ личности. Естественно, что между „своими по вѣрѣ“ (πρὸς τοὺς οἰκείους τῆς πίστεως) наша благотворная активность должна функціонировать и иначе (μάλιστα) по сравненію съ примѣненіемъ ея ко „всѣмъ“ (VI, 10). Конечно, добро универ-
- VI, 10.

¹⁾ Ср. (Clem. Rom.) ad Corinthios II, 8: ὡς οὖν ἐσμὲν ἐπὶ γῆς. II, 9: ὡς ἔχομεν χαίρόν. Ignat. ad Smyrn. 9: ὡς ἔτι χαίρόν ἔχομεν.

сально и стремится ко всеобщему награжденію, не взирая на различіе въ объектахъ. Однако тутъ все направляется собственно къ тому, чтобы прежде всего привлечь всѣхъ другихъ въ область фактическаго благодѣянія, и лишь теперь они будутъ пользоваться всѣми рефлексами послѣдняго, между тѣмъ какъ ранѣе только располагались къ добру затрогивавшею ихъ внутреннею его благодію. Христіанская доброта мысли и дѣла принципиально простирается на весь міръ и желаетъ всѣмъ доставить благо, которое и фактически проявляется надъ ними во всемъ своемъ содержаніи, но лишь тогда, когда они примутъ его всецѣло и ему предадутся окончательно (1 Тим. IV, 10). Можно и даже должно призывать къ вѣчному блаженству всѣхъ и каждого и этимъ самымъ дѣлать имъ добро, но нельзя доставить въ собственность благъ царства небеснаго тому, кто не числится тамъ, хотя бы, гражданиномъ. Въ этомъ смыслѣ Апостоль и заповѣдуетъ, чтобы христіанское добродѣланіе всегда соотвѣтствовало своимъ устремленіемъ универсализму божественно-необъятнаго источника, а въ пригодной сферѣ господства вѣры обнаруживалось со всѣмъ реальнымъ богатствомъ фактическаго благоудѣлствования (ср. 1 Тим. V, 8). И эта цѣль настолько обязательна и возвышенна въ христіанскомъ бытіи, что Апостоль не потяготился собственноручнымъ писаніемъ (VI, 11), дабы удостовѣрить, что сами эти присяжные перитемническіе адвокаты¹⁾ влекутся крестомъ Христовымъ и чрезъ обрѣзание желаютъ только отличаться по плоти, какъ доставляющіе обрѣзаніемъ высшее совершенство (VI, 12), ибо закона, во всей его принудительности, они вовсе не исполняютъ (VI, 13). Но личная похвала фактически невозможна въ христіанствѣ, гдѣ все — Божіе и не допускаетъ никакого равноправнаго союзника ради наилучшаго успѣха. Посему въ дѣлѣ пріобрѣтенія и устроенія своего спасенія св. Павелъ не можетъ и не желаетъ усвоить себѣ нимальшихъ похваленій (VI, 14). И необходимая причина этого для всѣхъ осязательна и непреложна. Она кроется въ нашей полной христіанской несамобытности, гдѣ все бываетъ у насъ вторичнымъ, почерпая въ своемъ производителѣ и свою крѣпость и свою гордость. Естественно, что нашему смиренію единственное изъятіе дозвоительно лишь для творческаго фактора христіанскаго званія и достоинства. А благодатное бытіе наше покоится на ἐν τῷ σταυρῷ — на крестномъ искупленіи, для моей пользы подъятомъ и меня дѣйствительно спасающемъ. Это вполне ясно по взаимной комбинаціи всѣхъ участниковъ, ибо предъ нами крестъ „Господа нашего“ (τοῦ Κυρίου ἡμῶν), почему я — Его всепреданный

VI, 10.

VI, 11.

VI, 12.

VI, 13.

VI, 14.

¹⁾ † Вр. J. B. Lightfoot, p. 222. Ср. † Prof. Th. Zahn, S. 280.

- VI, 14. рабъ, неразрывный отъ Него и въ самомъ торжествѣ, поелику близокъ къ Нему по воспринятому человѣчеству въ „Иисусѣ“, Который — при нашемъ единеніи вѣры — властно обновляетъ и щедро обогащаетъ, будучи божественнымъ Месіей во „Христѣ“. Въ такой своей неразлучности крестъ, сообщая меня съ вышемірнымъ Избавителемъ, исторгаетъ изъ космически-стихійныхъ условій нашего земного существованія, принижавшихъ богодарованный законъ по его приспособленности къ міру. Теперь всѣ подобныя ограниченія не достигаютъ до благодатнаго уровня и перестаютъ не только вліять ослабляющимъ или стѣсняющимъ образомъ, но даже и просто быть, исчезаютъ съ нашего „духовнаго“ горизонта. Съ этой стороны — совершенной взаимной несродности — космосъ какъ бы пригвождается и лишается всякой энергіи по отношенію къ благодатному строю; въ свою очередь и я, сраспинаясь Христу, ухожу изъ-подъ космической державы, извергаюсь ею и бываю мертвымъ для ея заправляющаго контроля. Такъ появляется независимая христіанская жизнь, которая всегда удерживаетъ это свое исключительное свойство, потому что для членовъ благодатнаго союза, пребывающихъ вѣрою во Христѣ Іисусѣ, теряютъ свою значимость всѣ космическія связи съ равною (οἶτε—οἶτε) и безвозвратно окончательностію (VI, 15). Теперь не просто утрачивается силу (ср. V, 6 ἰσχύει), а рѣшительно улетучивается изъ „духовной“ сферы περὶ τοῦ, — и съ прекращеніемъ обрѣзанія мы избавляемся отъ космическихъ нормъ закона. Тоже вѣрно и для ἀκροβυστία, разъ необрѣзанность не служитъ болѣе печатію и символомъ языческаго порабощенія стихійностію. Повидимому, погибли и пропали всѣ необходимые ресурсы для самой жизни съ неизбежностію всеобщей смерти. И если — при столь рѣшительномъ разрывѣ съ міромъ — христіанинъ все-таки продолжаетъ существовать, то необходимо принять, что имѣются особые факторы, производящіе и поддерживающіе собственное христіанское бытіе. Последнее есть реальный повсюдный фактъ и потому будетъ не чисто формирующимся процессомъ сотворенія (— χτίσις въ активномъ смыслѣ —), не получившаго опредѣленности и законченности. Напротивъ, предъ нами уже прочный результатъ (ср. Іак. I, 18. Рим. I, 25. Евр. IV, 13) творческаго созиданія (— χτίσις пассивно —) въ сложившемся благодатномъ твореніи, которое является новымъ по своему
- VI, 15.

¹⁾ Для VI, 15 имѣются чтенія ἐστίν (LTr Nestle v. Soden), ἔστιν (TWN A. Souter) по $\aleph^*ABCD^*FG$, и ἰχύει по $\aleph^*D^*KLP$; второе и текстуально походить на корректуру согласно V, 6 и логически не столь уместно, ибо послѣ умиранія чловѣка и міра другъ для друга должна наступать не безпомощность, а безслѣдность нашего бытія.

возникновению и оригинальнымъ по отличительному характеру. Все это бываетъ чрезъ Христа Иисуса (ср. 2 Кор. V, 17), по своему эссенціальному сыновству и насъ усыновляющаго Богу. Посему, живя въ достоинствѣ богосозданной „новой твари“, мы окажемся дѣйствующими въ качествѣ дѣтей Божіихъ, поступающихъ нормально и пользующихся Отчимъ благоволеніемъ. Понятно, что, держась въ рядъ (для *στοιχῆσθαι* ср. и IV, 25) съ этими особенностями своего христіанскаго возрожденія, полагая такой принципъ „канонъ“ (τῷ καὶ νόμῳ τούτῳ), или уравниателемъ всего нашего житейскаго поведенія (VI, 16), мы во всемъ становимся примиренными съ Творцомъ, VI, 16. и отъ Него нисходитъ на насъ свыше миръ совѣсти чистой и жизни святой¹⁾. Въ этомъ случаѣ именно на вѣрующихъ исполняются всѣ высокія чаянія Израильскія (ср. Псал. CXXIV, 5. CXXVII, 6). Значить, по воспріятію и закрѣпленію ихъ въ себѣ христіане фактически бываютъ Израилемъ Божиимъ, — такимъ, какого Богъ желалъ имѣть въ народѣ своемъ и нашель лишь въ братствѣ вѣрующихъ благодатныхъ дѣтей своихъ (ср. Рим. IX, 8), изъ которыхъ не исключаются безусловно и природные Израильтяне.

Тзкъ достигалось все потребное даже для враговъ Апостола, и онъ дальше не допускаетъ для себя никакихъ обременяющихъ стѣсненій (VI 17), а читателямъ, какъ братьямъ по общему богосыновству, желаетъ неизмѣннаго пребыванія спасающей благодати Господней „съ духомъ“ ихъ (VI, 18), VI, 18. поскольку они теперь — „духовные“ и чужды всякаго соучастія плоти.

Естественно, что въ этой сферѣ и на такой основѣ христіанскій подвигъ непременно приведетъ насъ къ идеальной цѣли, гдѣ добро будетъ властвовать безпрепятственно, всецѣло и непрестанно. Здѣсь мы имѣемъ прямой и вѣрный путь къ небу, — и, достигнувъ этихъ вершинъ, поучающія проповѣди апостольская получаетъ окончательное завершеніе, ибо потомъ начинается уже нравственное пребываніе въ неизмѣнномъ сохраненіи результатовъ цѣложизненнаго нравственнаго возрастанія. Но послѣднее ограждается незбылемо въ своемъ нормальномъ развитіи, потому что состоитъ лишь въ закрѣпленіи свойствъ Божіихъ чрезъ божественное посредничество Христа и при божественномъ руководствѣ Духа. Посему въ христіанствѣ наша нравственная жизнь бываетъ отблескомъ жизни божественной и въ ней получаетъ свою непреложную опору и высочайшее освященіе. Спасительное избавленіе будетъ сопровождаться равнымъ моральнымъ устрое-

¹⁾ Не можемъ принять мнѣніе † Prof. Th. Zahn'a (S. 282), что здѣсь миръ относится къ нынѣшнему бытію, а милость — къ страшному суду.

VI, 18. ніємъ. И если первое было освобожденіемъ къ сыновне-свободной независимости. то второе столь же рѣшительно бываетъ проникнуто стихіями свободного сыновства и служитъ реализацію свободныхъ прерогативъ. Нравственная практика христіанская есть осуществленіе и закрѣпленіе свободныхъ преимуществъ вѣры спасенія Божія по благодати. Въ нравственномъ отношеніи не менѣе, чѣмъ и въ догматическомъ, ученіе св. Апостола Павла является истиннымъ благовѣстіемъ христіанской свободы, несомнѣнной въ искупленныхъ по достоинству полноправныхъ сыновъ Божіихъ, свободныхъ въ выраженіи своихъ благодатныхъ отличій и невольнымъ при ихъ лишеніи. Въ христіанствѣ благодатно сыновняя свобода бываетъ нравственной, а нравственная дѣятельность оказывается натурально свободной.

Часть V-я:

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОСЛАНІЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

*Будите якоже азъ, зане
и азъ, якоже вы.*

Гал. IV, 12.

У св. Апостола Павла догматическія предпосылки утверждаютъ собою всѣ этическія приложенія. Въ этомъ рѣшительномъ обоснованіи морали на догматикѣ заключается особое специально-христіанское достоинство „Евангелія“ Павлова, гдѣ теоретическое воззвѣніе прямо и вѣрно отражаетъ историческій фактъ Христова искупленія, а этическое назиданіе служитъ лишь живымъ примѣненіемъ принципіальныхъ нормъ. Отсюда очевидна вѣчная незыблемость апостольскаго благовѣстія. Но оно раскрывается здѣсь при строгомъ вниманіи къ наличнымъ потребностямъ времени и удовлетворяетъ его насущнымъ запросамъ. Этимъ уже заранѣе удостоверяется

*и с т о р и ч е с к о е з н а ч е н і е п о с л а н і я
к ъ Г а л а т а м ъ.*

Къ сожалѣнію, какъ неизвѣстны въ подробностяхъ ближайшія и частныя условія происхожденія рассматриваемаго

писанія Павлова, такъ же точно мы не можемъ отвѣтить и на вопросъ о томъ, къмъ оно было передано по адресу и съ какими чувствами принято первыми его читателями. Нѣкоторые (напр., у Rudolf Steck, *Der Galaterbrief nach seiner Echtheit untersucht, nebst kritischen Bemerkungen zu den paulinischen Hauptbriefen*, Berlin 1888) категорически высказываютъ, что разбираемое посланіе осталось совершенно бесплоднымъ, и ни одинъ изъ Галатійскихъ сыновей Апостола не услышалъ убѣждающе-призывнаго голоса своего духовнаго отца, если и лично эллинскій благовѣстникъ удалится изъ этой страны послѣ вторичнаго посѣщенія съ горестнымъ чувствомъ скорбнаго разочарованія и съ мрачною безнадежностію, а потомъ вскорѣ произошло измѣнническое отпаденіе. Все это преувеличено до крайности, и краски сгущены тенденціозно вопреки подлиннымъ переливамъ свѣта и тѣней. Напротивъ, св. Павелъ покинулъ Галатію съ достаточною увѣренностію насчетъ ея дальнѣйшаго христіанскаго развитія, поскольку безъ этого настроенія было бы странно удивляться (Гал. I, 6) по поводу іудеистическаго увлеченія Галатовъ, разъ эта катастрофа предусматривалась заранѣе и не могла быть для автора неожиданностію. Въ свою очередь и возобладаніе въ Галатіи іудействующихъ шло собственно подъ коварнымъ прикрытіемъ и во имя авторитета Павлова, — яко бы частію исправляется и частію улучшается дѣло апостольское, но именно ради его торжества и процвѣтанія. Естественно, что Галатійцы, вѣря подлогу по уваженію къ оригиналу, тѣмъ болѣе должны были внимать и повиноваться послѣднему. И мы знаемъ, что при личной встрѣчѣ они были вполне послушны самому св. Павлу, а значитъ, должны были покориться и письменному апостольскому вразумленію. Мы скорѣе въ правѣ и обязаны думать, что — подобно Коринеу — и въ Галатіи успѣхъ увѣнчалъ мужественныя усилія великаго миссіонера въ его аргументаціи — фактически незыблемой, логически строгой, дышущей отеческою лаской ободренія и милости даже въ самой бурной стремительности и грамматической порывистости языка, не всегда выдерживающей принятую корректность и сбивающагося на иной строй въ архитектурникѣ предложеній (въ „анаколуѣахъ“, напр., II, 4—6), почему возможны чисто вербальныя перетолкованія апостольскихъ фразъ¹⁾.

Однако нельзя извлекать чего-либо несомнѣннаго и изъ словъ счастливаго упованія, что читатели — по сравненію съ писателемъ — „не будутъ мыслить иначе“ (V, 10), поелику это говорится по принципу долженствованія и служить

¹⁾ О стилѣ посланія къ Галатамъ см. C. H. Watkins, *Der Kampf des Paulus um Galatien: eine Untersuchung* (Tübingen 1913), S. 3—17.

отраженіемъ любви, всему доброму вѣру емлющей (ср. 1 Кор. XIII, 7). Во всякомъ случаѣ вся эта область скрывается отъ нашего взора вслѣдъ за появленіемъ посланія. Правда, въ 2 Тим. IV, 10 говорится: *Δημᾶς... ἐπορεύθη εἰς Θεσσαλονίκην, Κρήσκης εἰς Γαλατίαν* (*Γαλλίαν*), *Τίτος εἰς Δα(ε)λματίαν*. Это случайное упоминаніе о миссіи Крискента (Кресцента) могло бы внушать, что связи Апостола съ Галатіей не прекращались до конца его жизни; но данное свидѣтельство не ясно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, неустойчивъ самый текстъ, и одни (WH, Nestle, Alexander Souter съ ADEFGKL) принимаютъ чтеніе *εἰς Γαλατίαν*, другіе (Tregelles на полѣ, Tischendorf, Базельское изданіе 1880 г., Н. v. Soden съ C) удерживаютъ *εἰς Γαλλίαν*. Затѣмъ, дозволительно колебаніе касательно точнаго географическаго значенія обоихъ употребленныхъ терминовъ. Еще древніе экзегеты первый изъ нихъ прямо приурочивали къ Галліи (Θεοδὸρὸς Μοψουεστійскій и Θεοδορίτῃς Кипрскій въ „Твореніяхъ“ VII, стр. 730: „такъ Апостолъ назвалъ Галліи, такъ назывались онѣ въ древности, такъ и нынѣ именуютъ ихъ знакомые съ внѣшнею ученостію“), или допускали лишь второй (Евсевій Кесарійскій), для котораго категорически отрицалось сходное распространеніе его и на Галатію (св. Епифаній Кипрскій). Касательно редакціи *εἰς Γαλατίαν* ссылаются (Prof. W. M. Ramsay), что другое чтеніе едва ли могло вытѣснить его столь рано въ качествѣ болѣе ясной для читателей корректуры, ибо названія *Γαλλία* и *Γάλλοι*, какъ отличительныя для западно-европейскихъ галловъ, впервые попадаютъ въ греческомъ языкѣ не ранѣе 100 года по р. Хр.¹⁾ и только Страбонъ († ок. 24 г. по р. Хр.) употребляетъ въ такомъ именно смыслѣ слово *Γαλλικόν*, а отчетливое различеніе Галатіи Малоазійской и Галліи Европейской чрезъ *Γαλατία* и *Γαλλία* засвидѣтельствовано намъ въ греческой письменности не прежде III-го вѣка (у историка Иродіана † ок. 240 г.). Значитъ, исторически наиболѣе вѣроятна первоначальность начертанія *εἰς Γαλατίαν*, но и это не даетъ твердой опредѣленности въ виду географической растяжимости понятій *Γαλατία* и *Γαλάται*, которыми у греческихъ писателей I—III-го христіанскихъ вѣковъ (Діодоръ Сицилійскій, Страбонъ, Іосифъ Флавій, Плутархъ, Аппіанъ, Павзаній, Діонъ Кассій, Атеней и др.) захватывалась и европейская Галлія (см. блаж. Θεοδορίτῃς), долго не имѣвшая одного спеціальнаго обозначенія²⁾. Поэтому нельзя рѣ-

¹⁾ У философа Ениктета въ I вѣкѣ по р. Хр. или — точнѣе — записяхъ его ученика Фл. Арріана во II-мъ в. въ Dissect. II, 20 : 17.

²⁾ Впрочемъ, въ Сивиллиныхъ оракулахъ подъ *Γαλάται*, несомнѣнно, разумѣются наши Галаты (III, 485, 509, 599), какъ упоминаемые (V, 340) подлѣ Лидянъ и Памфилійцевъ (см. Die Oracu-

шительно исключать послѣднюю, такъ какъ гипотеза (W. M. Ramsay'я) о приверженности Апостола Павла къ официально-римской терминологіи субъективна и колеблется не менѣе компетентными сужденіями о греческомъ складѣ его мышленія и рѣчи (Edward Hicks). И общность наименованія *Γαλατία* не могла затруднять или вводить въ затрудненіе Тимоѳея, поелику онъ имѣлъ всѣ удобства разузнать точно отъ передатчика посланія. Связь съ Далматіей отмѣчается и въ Monumentum Ancyranum въ пользу европейской Галатіи, или Галліи (ἐξ Ἰσπανίας καὶ Γαλατίας καὶ παρὰ Ἀσσυρίων), къ которой склоняетъ и близость ея къ Риму, гдѣ написано 2 посланіе къ Тимоѳею, хотя бы традиціи Вѣнны (во Франціи къ югу отъ Ліона) и Mo(a)gu(o)ntiacum — Майенса (Майнца на Рейнѣ) о насажденіи въ нихъ христіанства Крискентомъ не обладали историческою безспорностію¹⁾ и сами мотивировались и прикрывались анализируемою новозавѣтною замѣткой, которая позднѣйшими читателями легко истолковывалась въ отношеніе Европейской провинціи, искавшей для своихъ церквей апостольскаго обоснованія, откуда естественно и корректурное поясненіе (εἰς) Γαλλίαν, потомъ устранявшее первоначальное *Γαλατίαν*.

Но если даже и примѣнять 2 Тим. IV, 10 къ Галатіи подвиговъ Павловыхъ²⁾, — это будетъ единственный слѣдъ ея за весь апостольскій вѣкъ. Память ея вновь воскресаетъ предъ нами около 192 г. по связи съ монтанистическими движеніями, проникавшими въ Анкиру (Евсевія Ц. И. V, 16:4), а при Діоклитіановскихъ гоненіяхъ этотъ городъ запечатлѣлъ свою христіанскую зрѣлость цѣлымъ сонмомъ мучениковъ³⁾. Однако на Анкирскомъ соборѣ (314 г.) были всего лишь два Галатійскіе епископа — мѣстный и Юліопольскій⁴⁾. Впрочемъ, для

la Sibyllina bearbeitet von Dr. Joh. Geffcken въ изданіи Берлинской Академіи Наукъ, Leipzig 1902, S. 73, 74, 79, 121). Въ Апокалипсисѣ Даниїла перечисляются (у Dr. Erich Klostermann, Analecta zur Septuaginta, Hexapla und Patristik, Leipzig 1895, S. 115) Асія, Фригія, Галатія, Каппадокія, Сирія, почему вѣроятно, что тутъ разумѣется уже Галатійская провинція.

¹⁾ Однако дальняя связь имени Крискента съ Европейскою Галліей подтверждается и надписью у C. Voelckh, Corp. Inscr. № 3.888: Κρήσκεντα ἐπίτροπον Λουγδούνου Γαλλίας.

²⁾ Κρήσκης τῶν κατὰ Γαλατίαν ἐκκλησιῶν, упоминаемый въ качествѣ епископа въ Apost. Const. VII, 46 между Онисимомъ въ Веріи примакедонской и Акилой и Никитой въ областяхъ Асін, видимо, предполагается въ Галатіи Малоазійской.

³⁾ О времени Траяна или Домиціана для Анкиры см. Prof. Max Meinertz, Einleitung in das Neue Testament, S. 4102.

⁴⁾ Ср. и † Prof. A. d. v. Harnack, Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten II (zw. Aufl. Leipzig 1906), S. 179 ff.

позднѣйшаго періода (съ IV вѣка) удостовѣрена наличность многихъ епископій въ обѣихъ частяхъ, образованныхъ при Θεοδοσίи В. (около 386—395 г.), — въ *Galatia prima (magna) sive proconsularis* съ г. Анкирой и въ *Galatia secunda (parva) s. salutaris* съ г. Пессинѡмъ. Тѣмъ не менѣе Галатія, издавна раздиравшаяся сектантско-еретическими смутами¹⁾, не выступала съ широкою и видною вліятельностію въ христіанской исторіи, въ византійскую эпоху опустошалась арабами и персами, была въ рукахъ сельджукскихъ турокъ, короткое время переходила къ латынамъ (при крестоносцахъ), порабощалась татарами и, наконецъ, при Сулейманѣ захвачена была османскими турками, во владѣніи коихъ остается доселѣ, при чемъ Анкира (Ангора, Анкира) является теперь столицей новой Турціи (республиканской).

Такимъ образомъ, мы не въ состояніи прослѣдить непосредственное дѣйствіе посланія къ Галатамъ въ ближайшихъ и отдаленныхъ кругахъ и періодахъ. Тутъ большой дефектъ для нашего научнаго любопытства, но чрезъ это весь документъ отрѣшается отъ своего узкаго фактическаго предназначенія и приобрѣтаетъ широкое достоинство принципіальнаго памятника, который — независимо отъ своей ближайшей цѣли — рѣшаетъ общеисторическую задачу и способствуетъ нормальному теченію всего христіанства. Въ этомъ отношеніи высокая важность даннаго апостольскаго писанія достаточно очевидна и обнаруживается съ полною ясностію. Въ немъ благовѣстникъ стремится и хочетъ раскрыть условія и способы достиженія христіанами того идеала святости, какой начертанъ и осуществленъ Господомъ Искупителемъ и обязательенъ для всѣхъ Его исповѣдниковъ. Здѣсь самъ собою и съ крайнею остротой нераспутанной еще исторической коллизіи выдвигался принципіально-догматическій вопросъ о точнѣйшихъ отношеніяхъ домостроительства ветхаго къ новому, ибо оба они обладали божественною санкціей по самому происхожденію и ведутъ къ единой цѣли — совершеннаго человѣческаго спасенія. Двѣ равныя силы на общемъ пути и въ одномъ направленіи необходимо сталкиваются и переплетаются между собою,

¹⁾ См. и блаж. Іеронимъ въ „Твореніяхъ“, стр. 77: „Кто знаетъ Анкиру, тотъ подобно мнѣ знаетъ, сколь многіе расколы раздирають ее до настоящаго времени и сколь великимъ разбродомъ въ ученіи она обезчещена. Я не стану говорить о Катафригійцахъ, Офитахъ, Барбаритахъ и Манихеяхъ, ибо эти имена человѣческаго несчастья уже извѣстны. Но кто когда-нибудь въ какой-либо части Римскаго міра слышалъ тамъ названія Пассалоринкитовъ, Аскодробовъ (Аскодроговъ) и Артотиритовъ и другія еще болѣе удивительныя (подраздѣленія), чѣмъ даже имена ихъ? И до настоящаго времени остаются слѣды ихъ безсмыслія“.

входя въ самыя различныя сочетанія, пока не будутъ примирены взаимно. До тѣхъ поръ недоумѣнія по этому предмету были требованіемъ самого факта и дѣла, а не просто заблуждающейся и упорствующей мысли іудаистовъ. Было бы всяческою неправдой думать, будто іудействующіе агитаторы сознательно руководились исключительно низменными побужденіямъ зазорнаго свойства и не чувствовали серьезныхъ религиозно-моральныхъ побужденій. Напротівъ: они тоже искали праведности Божіей и боролись именно за нее, когда въ сотеріологическихъ интересахъ рекомендовали удерживать и старыя средства. Поелику же новыя съ ними не согласовались и ихъ вытѣсняли, — отсюда возникло тяжелое осложненіе самаго тревожнаго характера. До своего устраненія эта принципиальная трудность была болѣзненнымъ и сокрушительнымъ бременемъ мятущейся совѣсти даже у крайнихъ іудействующихъ партизановъ, которые не находили себѣ успокоительнаго исхода и мучились душевно. Объ этомъ говоритъ съ убѣдительною и анализируемою посланіе. Въ немъ Апостолъ Павелъ категорически свидѣтельствуетъ (VI, 12), что „желающіе похвалиться по плоти принуждаютъ Галатовъ обрѣзаться, чтобы не быть гонимыми крестомъ Христовымъ“: *Ἰσοὶ θέλουσιν εὐπροσώπησαι ἐν σαρκί, οὗτοι ἀναγκάζουσιν ὑμᾶς περιτέμνεσθαι, μόνον ἵνα (μὴ) τῇ σαρτί Χριστοῦ († HW Ἰησοῦ) (μὴ) διώκωνται* (διδώκωνται L marg. T). Иногда комментируютъ эти слова въ примѣненіи къ внѣшнимъ преслѣдованіямъ за чистое христіанство. Допускается, что своею ревностію въ пользу обрѣзанія эллинохристіанъ іудействующіе лжебратья являлись двигателями религиозно-національной пропаганды, снискивали снисходительное благоволеніе невѣрующихъ соплеменниковъ и избавлялись отъ іудейскихъ взрывовъ противъ нихъ, а въ глазахъ языческой римской власти сохраняли легальность *religionis licitae*, доставляя ее и всѣмъ своимъ сторонникамъ, какъ іудейски-обрѣзаннымъ (Val. Weber)¹⁾. Все это до крайности спорно и, пожалуй, прямо фантастично. Что до второго пункта, то о немъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи въ апостольскомъ текстѣ, гдѣ трактуется единственно объ іудаистическихъ потаенныхъ вождѣлѣніяхъ, связанныхъ съ подчиненіемъ христіанъ обрѣзанію. Языческое правительство съ глубокимъ отвращеніемъ относилось къ послѣднему и лишь пренебрежительно допускало столь ненавистную ему національно-религиозную практику²⁾, а потому ради

VI, 12.

1) Ср. у блаж. Іеронима въ „Твореніяхъ“ XVII, стр. 207, 208: „Тотъ, кто былъ обрѣзанъ, — хотя бы онъ былъ и христіаниномъ, — со стороны язычниковъ разсматривался, какъ іудей“. „Дѣйствительно, ни іудеи, ни язычники не могли преслѣдовать тѣхъ, которыхъ видѣли и обрѣзывающими прозелитовъ и даже соблюдающими предписанія закона“.

2) Адріанъ (и еще Антонинъ Пій: см. † Prof. Ad. v. Haг-

нея никоимъ образомъ не могло распространять одинаковую принципиальную терпимость на іудейскихъ неофитовъ, за которыми не признавала полного равенства даже сама іудейская догматика, ибо въ ней иногда раздавались авторитетные голоса, что прозелиты — это парша на Израилѣ. Посему тогда нельзя было и помыслить, чтобы христіанство при сохраненіи обязательности обрѣзанія для своихъ языческихъ сочленовъ удержало іудейскія религіозно-гражданскія привилегіи¹⁾. Исторія показываетъ совсѣмъ обратное, какъ и фактически компромиссъ разрѣшался тѣмъ, что сами іудео-христіане либо снова поглощались іудействомъ, либо совсѣмъ утрачивали іудейскій обликъ и не могли выдержать равновѣсія обоихъ элементовъ, хотя бы, въ формахъ сектантства. Этимъ колеблется и первая догадка, коль скоро мы съ несомнѣнностію знаемъ, что христіанство, понимавшее и открыто свидѣтельствовавшее свою религіозную оригинальность, всегда было гибельнымъ ренегатствомъ для іудейской ортодоксіи и ничуть не спасалось отъ

пакк, Die Mission I², S. 7,; cnf. Orig. c. Cels. II, 13) даже прямо воспретилъ для іудейскихъ прозелитовъ операцию обрѣзанія, приравнявъ его къ кастрированію. См. по этому вопросу съ разныхъ сторонъ † Prof. Theodor Mommsen: „Historische Zeitschrift“ 64 (N. F. 28 für 1890 J.), S. 400 u. Anm. 1; Römische Geschichte V, S. 545, 549; Römisches Strafrecht (Leipzig 1899), S. 638—639. The Jewish Encyclopedia IV, p. 95a, 571a, 610a. В. П. Соколовъ, Обрѣзаніе у евреевъ (Казань 1892), стр. (42—) 45—46 (—47).

¹⁾ См. особенно † Prof. Th. Mommsen въ „Historische Zeitschrift“ 64 (28), S. 423. Примѣромъ сего можетъ служить отношеніе къ государственному культу императоровъ (о немъ см. Römische Mythologie von L. Preller, dritte Aufl. von H. Jordan, II, Berlin 1883, S. 425—453). Свобода уклоненія отъ исполненія его для іудейства († Prof. Ad. v. Harnack, Die Mission I², S. 227) совсѣмъ не простиралась на христіанство (ibid. I², S. 248 ff.), хотя сначала римское правительство едва ли точно различало послѣднее отъ перваго (см. † Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi III³, Leipzig 1898, S. 74, и ср. J. Hastings, A Dictionary of the Bible, Extra-Volume, p. 104a). Впрочемъ, іудеи не уклонялись отъ участія въ императорскомъ культѣ (Prof. W. M. Ramsay въ „The Expositor“ 1902, II, p. 100—101, 108) столь рѣшительно, какъ христіане, почему мы видимъ терпимость къ синагогѣ по сравненію съ церковію (Th. Mommsen въ „Historische Zeitschrift“ 64(28), S. 400—401) и гоненія противъ второй (W. M. Ramsay въ „The Expositor“ 1902, II, p. 108, и The Church in the Roman Empire, p. 191 sqq.; † Prof. Ad. v. Harnack, Die Mission I, S. 248. Aust, Religion der Römer, Münster i. W. 1899, S. 98).

ея лютости соблюденіемъ іудейскихъ религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ. Для иллюстраціи довольно напомнить о судьбѣ обрѣзаннаго Апостола языковъ и о страданіяхъ его отъ іудейскаго фанатизма — даже именно потому, что онъ исполнялъ нѣкоторыя іудейскія церемоніи (Дѣян. XXI, 23 слл.). Иудаисты не въ правѣ были ожидать лучшей участи за свое перитемническое усердіе въ отношеніи языкохристіанъ. При этомъ и собственно гоненія были внѣ іудейской компетенціи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагалось тягчайшее преступленіе, заслуживавшее „по закону“ іудейскому смертной казни (Ин. XIX, 6—7). Они въ апостольскій вѣкъ, конечно, бывали часто и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ римской имперіи, однако не имѣли, хотя бы, тѣни формальной корректности (ср. Дѣян. XVIII, 12 сл. XIX, 40) и намѣренно оправдывались передъ римскимъ начальствомъ не религіозными побужденіями (Дѣян. XVII, 6, 7). Наконецъ, іудействующимъ гораздо проще было бы обезпечить себѣ спокойствіе и неприкосновенность отъ активной іудейской злобы прекращеніемъ своей христіанско-миссіонерской дѣятельности, которая только, яко бы, и дискредитировала ихъ въ іудейскихъ кругахъ, вызывая іудейскую подозрительность.

Грамматическое строеніе апостольской фразы тоже не благоприятствуетъ анализируемому толкованію. Выразительное *ἐν* съ рѣшительностію подчеркиваетъ, что для іудействующихъ вся бѣда была единственно и исключительно въ крестѣ Христовомъ, а послѣдній рисуется фактическимъ орудіемъ разумѣемаго гоненія (*τῷ σταυρῷ* *dativus instrumentalis*), но не просто его причиною и поводомъ (*διὰ* съ *accus.* и *genit.*). Говорится: крестомъ, а не „черезъ крестъ“ или „изъ-за креста“. Видимо, „гонить“ въ данномъ случаѣ именно послѣдній, и для устраненія его спеціальнаго давленія принимаются всѣ мѣры. Съ этой точки зрѣнія удовлетворительно разрѣшается вся загадка. Если крестъ гнететъ, то ясно, что онъ обладаетъ санкціонированнымъ мною господствомъ и не отвергается за его ненужностію или ничтожностію, когда совсѣмъ исчезало бы и все притѣсняющее крестное вліяніе. Посему незбылемо, что для іудаистическихъ зилотовъ крестъ не былъ постороннимъ и чуждымъ до степени пренебреженія. Напротивъ: онъ близокъ и дорогъ имъ и этимъ самымъ вызываетъ у нихъ гонительство душевной муки. Несомнѣнно это по слѣдующимъ соображеніямъ. Крестъ берется, конечно, въ Павловомъ освѣщеніи въ качествѣ единственнаго способа искупленія, гдѣ не допускаетъ наряду съ собою ничего подлѣ, кромѣ и сверхъ себя. Здѣсь и заключалось великое искушеніе для іудаистической религіозной политики. Что Іисусъ Христосъ есть Мессія, — это нормально и согласно съ идеей Искупителя, почему въ этомъ достоинствѣ іудаисты всегда были готовы исповѣдать Господа, подобно современнымъ Ему евреямъ, желавшимъ даже провозгласить Его царемъ іудейскимъ (Ин. VI, 15). Но что

средство нашего спасенія столь позорно и что оно до такой степени безызытно и единично, — съ этимъ безусловно не мирилась мнительная іудейская совѣсть. Религіозный интересъ раздвояется, — и въ сердцѣ происходитъ болѣзненный раздоръ живой симпатіи и инстинктивнаго протеста по отношенію къ кресту Христову. Душа разомъ и влечется и отталкивается одинаково энергично, ибо желаетъ стать христіанскою и въ тоже время стремится сохранить важнѣйшее изъ іудейства въ прежнемъ достоинствѣ. Въ этой коллизіи было все затрудненіе. Поэтому и крестъ потерялъ бы свою искуcительность, какъ всеисключающій универсальный источникъ спасительности, коль скоро вмѣстѣ съ нимъ будетъ примѣняться еще другой оправдательный пріемъ. И св. Павелъ прямо свидѣтельствуешь, что — при допущеніи имъ обрѣзанія въ спасительный процессъ — крестная блаженность принципиально уничтожалась и самъ онъ избавлялся бы отъ непрерывныхъ гоненій со стороны іудаизма (V, 11), а этотъ послѣдній могъ снять съ Апостола свою анафему при убѣжденіи, что у него крестъ не отѣсняетъ совершенно законническихъ методовъ и не имѣетъ всеустраняющей абсолютности. Такого компромисса у благовѣстника не могло быть, откуда ясно, что — въ этомъ Павлинистическомъ пониманіи — крестъ Христовъ вызывающе угнеталъ іудаистовъ своею всеобдержностію, поскольку еще не былъ призеденъ во внутреннюю солидарность съ ихъ доктринальною предзанятостію. Натурально, что іудействующіе, не желая ни отказаться отъ своихъ теологическихъ пристрастій, ни порвать всякія связи съ христіанствомъ, пытались ослабить бремя этого тягостнаго столкновенія, служившаго преткновеніемъ для мирнаго религіознаго развитія. По самому положенію вещей неизбѣжно, что при взаимной противности обѣихъ величинъ это примирительное усиліе осуществлялось не иначе, какъ дипломатическимъ путемъ — чрезъ водвореніе такого порядка, чтобы наружно казалось, будто старое не нарушено въ своихъ прерогативахъ и новое не поглощаетъ ихъ съ соблазнительною пренебрежительностію. Въ виду сего естественны и энергичныя іудаистическія усилія сгладить крестную раздражительность чрезъ утвержденіе практики обрѣзанія въ собственной области вѣдѣнія и дѣйствія креста Христова, который внѣшне лишался тогда универсалистической единичности. Въ этомъ не было объективной нужды, и рьяные іудайсты руководились совѣмъ не ею. Имъ надо было избавиться отъ (чувства) крестнаго удрученія и лишь ради этого они хотѣли хвастливо сохранять свое правовѣрное іудейское лицо (*εὐπροσώπηται*) чрезъ плотское подчиненіе себѣ язычниковъ въ но-

V, 11. мистическомъ обрѣзаніи (VI, 12—13). Предъ ихъ напряженнымъ взоромъ могла мелькать счастливая надежда, что этимъ способомъ препятствіе препобѣждено и крестное смущеніе устранилось принципиально и фактически. По намѣреніямъ

искреннихъ іудаистовъ тутъ не было догматической подкладки въ тендеціозной мысли насчетъ сотеріологически-обязательной значимости обрѣзанія въ качествѣ преддверія къ обособленной и цѣлостной оправдательной системѣ номизма, поелику и сами они не соблюдали закона (VI, 13) въ такомъ догматическомъ достоинствѣ.

Мы видимъ теперь, что точное опредѣленіе истинныхъ взаимоотношеній между домостроительствомъ законническимъ и благодатнымъ было тогда жгучимъ вопросомъ живой христіанской исторіи¹⁾. Отъ извѣстнаго рѣшенія этой задачи зависѣла судьба всего дальнѣйшаго христіанскаго теченія. Разъ мы согласимся на іудаистическую сдѣлку, — въ результатѣ у насъ получится, что новозавѣтное избавленіе само по себѣ не достаточно и нуждается въ опорахъ, не менѣе потребныхъ для законченности спасенія. Отсюда вышло бы реформированное іудейство, которое не постигаетъ самой сущности Христова искупленія, не обладаетъ имъ и не сообщаетъ его никому²⁾. Ясно, что христіанство этимъ лишалось своей живительности и обрекалось на неизбежное исчезновеніе, какое и постигло всѣ іудеохристіанскія секты.

Изъ сказаннаго раскрывается отчетливо вся историческая важность разсматриваемаго кризиса по связи съ дальнѣйшимъ христіанскимъ прогрессомъ³⁾. Однако несомнѣнное фактическое

¹⁾ По этимъ разъясненіямъ нашимъ видно, насколько несправедливы утвержденія, будто, увлекаясь полемикой, Апостоль допуская рѣзкости опрометчивыхъ преувеличеній въ своихъ уничтожительныхъ сужденіяхъ насчетъ закона (см. Henry St. John Thackeray, *The Relation of St. Paul to Contemporary Jewish Thought*, London 1900, и ср. Rev. Robert J. Drummond, *The Relation of Apostolic Teaching to the Teaching of Christ*, Edinbusgh 1900, p. 364), платилъ іудействующимъ агитаторамъ равною монетой († Prof. Ernst von Dobschütz, *Die urchristliche Gemeinden: sittengeschichtliche Bilder*, Leipzig 1902, S. 118) и здѣсь не освободился отъ фарисейскаго фанатизма (S. 116).

²⁾ По сужденію св. I. Златоуста (Migne гр. LXI, col. 623; Творенія X, стр. 743), справедливо „Павель называетъ обрѣзаніе ниспроверженіемъ Евангелія“.

³⁾ Даже Эрнестъ Реианъ говоритъ (Святой Пввель, русскій переводъ З. Н. Журавскою, С.-Петербургское изданіе Н. Глаголева, стр. 81): „Прибытіе Павла въ Іерусалимъ (Дѣян. XV) — одна изъ самыхъ торжественныхъ страницъ въ исторіи христіанства. Предстояло разрѣшить великое недоразумѣніе; людямъ, въ которыхъ заключалось все упованіе новой религіи, предстояло встрѣтиться лицомъ къ лицу. Отъ ихъ величія душевнаго и прямоты сердечной зависѣло въ этотъ моментъ все будущее человѣчества“.

осложненіе нельзя и не должно преувеличивать фальшивую гипотезой, будто данная коллизія удерживала всю свою роковую остроту іудаистическаго пошиба и для ума „преднихъ“ Апостоловъ, яко бы тоже склонявшихся къ ветхому при господствѣ новаго. Эта теоретически-предзанятая догадка понынѣ пользуется большими симпатіями въ рационалистической экзегетикѣ, стремящейся къ чисто рациональному истолкованію христіанства изъ обычныхъ историческихъ факторовъ, но подобное воззрѣніе не имѣетъ серьезныхъ основаній въ анализируемомъ посланіи. Мы знаемъ, что св. Павелъ свое апостольство¹⁾ ограждалъ отъ возраженій и подозрѣній именно своимъ тожествомъ съ благовѣстниками и самовидцами Господа²⁾, а этого не случилось бы при ихъ іудаистическихъ тяготѣніяхъ, которыя, — судя по столкновенію съ Петромъ въ Антиохіи (Гал. II, 11 сл.), — эллинскій миссіонеръ умѣлъ громить въ „знаменитѣйшихъ“ не менѣе смѣло и безпощадно, чѣмъ въ іудействующихъ шпіонахъ. Вся личная апологетика Павлова съ неотразимостію убѣждаетъ, что, приравнивая себя къ „преднимъ“, Апостольскій языкъ и ихъ приближаетъ къ себѣ до полного сліянія по авторитетности званія, или считаетъ ихъ безусловно солидарными съ собою догматически, хотя бы у нихъ сферы и методы оглашенія были нѣсколько иныя. Поэтому св. Павелъ категорически называетъ (II, 9) ихъ „столпами“, держащими Церковь, при чемъ эпитетъ *мнимые* (*οἱ δοκῶντες στήλοι εἶναι*) гласитъ, что таково было общее мнѣніе, и самъ писатель принимаетъ его вполне (св. Іоаннъ Златоустъ: *Migne gr. LXI, col. 634; Творенія X, стр. 757*). Изъемяются лишь ложныя іудаистическія перетолкованія въ ту сторону, что тѣлесное лицеизрѣніе Спасителя доставляетъ особыя привилегіи верховенства, чуть не конкурирующаго съ главенствомъ Христовымъ въ царствѣ Божіемъ, если апостольская полномочность возводится къ санкціонирующему посредству „преднихъ“. Это отвергали и они сами въ духѣ Павловомъ,

- II, 9. „столпами“, держащими Церковь, при чемъ эпитетъ *мнимые* (*οἱ δοκῶντες στήλοι εἶναι*) гласитъ, что таково было общее мнѣніе, и самъ писатель принимаетъ его вполне (св. Іоаннъ Златоустъ: *Migne gr. LXI, col. 634; Творенія X, стр. 757*). Изъемяются лишь ложныя іудаистическія перетолкованія въ ту сторону, что тѣлесное лицеизрѣніе Спасителя доставляетъ особыя привилегіи верховенства, чуть не конкурирующаго съ главенствомъ Христовымъ въ царствѣ Божіемъ, если апостольская полномочность возводится къ санкціонирующему посредству „преднихъ“. Это отвергали и они сами въ духѣ Павловомъ, ибо не нашли (II, 6) здѣсь опоры для властнаго „привозложенія“ (*ἐμοὶ οἱ δοκῶντες οὕδεν προσανέθεντο*) къ тому, что совершалось св. Павломъ въ силу его независимаго апостольства. Поэтому „предніе“ были неповинны и въ іудаистической агитации. Конечно, въ посланіи свидѣлствуется (II, 3) что ни Титъ... нужденъ бысть обрѣзатися (*οὐδὲ Τίτος... ἡναγκάσθη περιτμηθῆναι*). Этимъ предполагается возможность принудительнаго давленія, а при своемъ высокомъ апостольскомъ самосознаніи эллинскій благовѣстникъ не потерпѣлъ бы

¹⁾ Объ „апостольствѣ“ см. и † Prof. Ad. v. Haug, *Die Mission I², S. 267 ff.*

²⁾ См. еще, напр., 1 Кор. VII, 40: „мнюся и азъ Духа Божія имѣти“.

его ни отъ кого, кромѣ Іерусалимскихъ вождей¹⁾, поелику іудействующіе согладатаи не обладали въ глазахъ Павловыхъ и тѣною подобной авторитетности²⁾. „Предніе“ рисуются поборниками обрѣзанія, но таковыми они являлись единственно по ожиданіямъ и соображеніямъ іудаистовъ. Послѣдніе разсчитывали на гнетущую поддержку „столповъ“ — и, однако, ошиблись въ этомъ горько, ибо — вопреки ихъ упованіямъ — желательнаго принужденія совѣмъ не было³⁾. Результатъ получился обратный іудаистическимъ вождѣленіямъ и согласный съ принципами Павловыми. „Знаменитѣйшіе“ были солидарны съ просвѣтителемъ язычества и по существу противны іудаистическимъ нормамъ. И если *нѣціи отъ Іакова* (II, 12) были въ идейномъ родствѣ съ іудействующими лжебратьями и ссылались въ свое подкрѣпленіе на Іерусалимскаго представителя, — это было просто злоупотребленіемъ недоразумѣнія или коварства. Сообразно сему и другіе аналогичные случаи мы обязаны соизмѣрять масштабомъ, даннымъ въ письмѣ членовъ Апостольскаго собора къ Антиохійцамъ (Дѣян. XV, 24): „нѣкоторые, *вышедшіе отъ насъ*, смутили васъ своими рѣчами..., что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, но этого мы имъ не поручали“ (*οἱς οὐ διεστείλαμεθα*). При такой взаимности и внутренней гармоніи въ догматическихъ созерцані-

II, 12.

¹⁾ См. и † Prof. Th. Zahn, S. 92.

²⁾ Поэтому и † Prof. P. W. Schmiedel утверждаетъ, что обрѣзаніе Тита было предложено „предними“ въ качествѣ примиряющаго компромисса (см. Encyclopaedia Biblica I, col. 920—921), какъ это допускалъ и † Prof. C. Weizsäcker (Das apostolische Zeitalter, S. 2155), говоря, что „знаменитѣйшіе“ давали въ этомъ смыслѣ совѣтъ Апостолу Павлу.

³⁾ См. выше на стр. 110—113 и ср. Rev. Prof. Kirsopp Lake, Galatians II, 3—5 въ „The Expositor“ 1906, III, p. 236—245. Для спасенія своихъ построеній критики (Semler, Griesbach, Koppe, Dav. Schultz, Farrar, Klostermann, Naber, Voelter, Joh. Weiss, Th. Zahn въ Realencyklopädie XV³, S. 79; изъ древнихъ см. Iren. lat., Tertull., Victor, Ambrosiaster) готовы даже вычеркнуть *οἱς οὐδε* въ Гал. II, 5, чтобы, по крайней мѣрѣ, доказать, что св. Павелъ обрѣзалъ Тита на основаніи принятаго имъ опредѣленія Апостольскаго собора (Prof. Paul Ewald въ Realencyklopädie XI³, S. 701). Но, какъ мы видѣли, документальныхъ оправданій для этого опущенія имѣется теперь (только въ d при D — Claronmontanus, (греко—) латин., въ Парижской Национальной б-кѣ gr. № 107, прежде 2245, VI вѣка: см. у Prof. Friedrich Zimmer, Der Galaterbrief im altlateinischen Text, S. 19, и въ курсахъ) ничуть не болѣе, чѣмъ во времена блаж. Іеронима, который отвергалъ подобное чтеніе (Творенія XVII, стр. 38, 40—41).

яхъ, „предніе“ на Іерусалимской конференціи открыто признали во св. Павлѣ равночестнаго собрата по апостольству и богослужащаго сотрудника по благовѣстничеству. Поэтому и раздѣленіе между ними миссіонерскихъ сферъ (II, 9) покоилось на безспорномъ тождествѣ достоинства и проповѣди обѣихъ сторонъ. Все сосредоточивалось на интересахъ обезпеченія наилучшихъ успѣховъ евангелизаціи, ради которой былъ избранъ временный методъ разнаго примѣненія общей силы къ различнымъ средамъ. При всемъ томъ, источникъ и цѣль были одинаковы, такъ что въ дальнѣйшемъ теченіи оба потока имѣли слиться въ единомъ океанѣ согласно вѣрующихъ во Христа и равно оправданныхъ. Съ этой точки зрѣнія все дѣло мѣтко охарактеризовано еще у Тертулліана прекрасными словами строгой юридической точности: *inter se distributionem officii ordinauerunt, non separationem Evangelii; nec ut aliud alter, sed ut aliis alter praedicarent*¹⁾. Въ свою очередь и эпистола съ Петромъ въ Антиохіи (Гал. II, 11 сл.) скорѣе наглядно иллюстрируетъ это тѣсное принципиальное содружество, ибо тутъ было лишь случайное ли ц е м ѣ р і е несоотвѣтствія во внѣшнемъ обнаруженіи съ внутреннимъ настроеніемъ, которое этимъ самымъ свидѣлствуется въ своей догматической несомнѣнности, всегда исповѣдывавшейся Апостоломъ языковъ²⁾.

Мы совсѣмъ не находимъ раздора у св. Павла и самовидцевъ Господнихъ, но — и помимо этихъ излучающихъ преувеличеній — взятый историческій моментъ, пронизанный вліяніемъ Апостола языковъ, былъ знаменателенъ самъ по себѣ, поелику съ него могло пойти пагубное раздвоеніе въ христіанскомъ теченіи съ опасностію, что послѣднее совсѣмъ затеряется и изсякнетъ. Понятно теперь, насколько дорогъ и апостольскій отвѣтъ на эти глубокіе запросы христіанской мысли и жизни. Въ этомъ отношеніи самъ св. Павелъ выразительно отбѣняетъ и нарочито удостовѣряетъ необыкновенное значеніе своего посланія, когда говоритъ (VI, 11), что писалъ большими буквами (πλησίνοισι γράμμοισιν), т. е. своимъ типичнымъ некрасивымъ почеркомъ³⁾ — крупно, не быстро и съ трудомъ,

¹⁾ De praescript., cap. 23 ap. Migne, lat. ser. t. II, col. 36: Апостолы „учредили между собою распредѣленіе (обязанностей) по должности (въ ея отправленіи), а не раздѣленіе въ самомъ Евангеліи и при томъ не такъ, что каждый (изъ членовъ двухъ сторонъ) проповѣдывалъ иное (содержаніе), но (чтобы онъ проповѣдывалъ лишь) другимъ“ (лицамъ).

²⁾ Ср. Tertull. De praescr., cap. 23, 29: Migne lat. II, col. 35, 41.

³⁾ Такое пониманіе, извѣстное издавна (св. І. Златоустъ: Migne gr. LXI, col. 673; Творенія X, стр. 812; блаж.

однакоже, совсѣмъ не будучи „книжникомъ скорописцемъ“, начерталь его собственноручно все — съ начала до конца¹⁾. Благовѣстникъ — вопреки обычной ему практикѣ диктовки — не потяготился этою тяжелой и утомительной механической работой, — разумѣется, — не безъ достаточной причины, какою представляется единственно лишь особенная важность обсуждаемаго предмета, который потребовалъ отъ автора всего напряженія апостольскаго вниманія, при чемъ выражалось этимъ и отеческое вниманіе Галатамъ, коль скоро ради нихъ благовѣстникъ жертвовалъ рѣшительно всѣмъ. И мы нашли, что разсматриваемая задача была неразрѣшеннымъ пока сомнѣніемъ самой христіанской исторіи. Писатель и разбираетъ это затрудненіе въ принципиальной сущности, чтобы навсегда устранить съ христіанскаго пути. Рѣчь идетъ о полученіи правды въ достиженіи фактической личной праведности, а здѣсь изъяснялъ мотивированныя притязанія на активное соучастіе въ этомъ процессѣ законъ Моисеевъ, но фактически онъ былъ безсиленъ доставить истинное оправданіе. Наоборотъ, и наиболѣе пламенное усердіе даже самыхъ ревностныхъ его служителей увѣнчивается лишь клятвой (III, 10), ибо заповѣданныхъ номистическихъ дѣлъ нельзя по правдѣ выполнить человѣку неоправданному (II, 16), который неизбежно подпадаетъ юридическому возмездію (III, 12) проклятія за всякую неисправность, хотя добивался вознагражденія. Мало сказать, что въ царствѣ благодати законъ не нуженъ для спасенія, но послѣднее только и начинается осуществляться реально лишь съ момента его упраздненія во Христѣ (III, 13—14). И это не оскорбленіе законнической святости. Тутъ простое констатированіе опытно добытаго факта (II, 16), свидѣтельствующаго о томъ, что по самой своей природѣ законъ былъ привзошедшимъ и временно-приспособительнымъ оруді-

Е о д о р и т ъ, Творенія VII, стр. 408; блаж. І е р о н и м ъ, Творенія XVII, стр. 206—207; блаж. Е о ф и л а к т ъ по русск. пер. на стр. 73), представляется намъ, во всякомъ случаѣ, болѣе вѣроятнымъ и соотвѣтствующимъ контексту, чѣмъ предположенія, яко бы анализируемыми словами и 2 Кор. X, 10 Апостоль указываетъ на спеціальныя риторическія особенности своего посланія, извѣстныя технически въ греческой искусственной письменности. Все это нереальная филологически-скрупулѣзная фантазія, ибо могли ли грубые эллинистически Галатійцы понимать подобныя тонкости? Нельзя согласиться и съ тѣмъ, будто св. Павелъ отмѣчаетъ удобочитаемость (о. І. Я. Г а л а х о в ъ, стр. 359 прим.), поскольку „крупно“ не значитъ писать „отчетливо“ и „ясно“.

¹⁾ Такъ — вопреки блаж. І е р о н и м у (Творенія XVII, стр. 205) — св. І. З л а т о у с т ъ (Migne gr. LXI, col. 678; Творенія X, стр. 812) и блаж. Е о д о р и т ъ (Творенія VII, стр. 408).

емъ божественнаго промысленія (III, 17 слл.) ради осуществленія исконнаго обѣтованія, которое необходимо устраняетъ его своимъ историческимъ явленіемъ. По этому соотношенію неоспоримо, что при самомъ упраздненіи законнической институты находить высшее и наилучшее раскрытіе согласно своему спеціальному достоинству, поелику въ Господѣ Искупителѣ дѣйствительно приобрѣтаются искомыя закономъ блага религиозной правды и нравственной чистоты по вѣрѣ во Христа Іисуса. Не менѣ сего обезпечивается и нормальное праведное процвѣтаніе, поскольку органически-таинственнымъ единеніемъ съ Сыномъ Божіимъ закрѣпляются за нами преишущества богосыновства, которое — при неразрывности съ источникомъ — охраняется въ совершенной цѣлостности божественнымъ Духомъ Святымъ. При этомъ законничество освобождало свое мѣсто не съ сокрушеніемъ враждебности и не съ отчаяніемъ озлобления, а съ радостнымъ удовлетвореніемъ благословеннаго отпуска, потому что очи его уже видѣли спасеніе свое, бывшее конечною цѣлію всѣхъ законническихъ влеченій и стремленій.

Такъ при опасномъ историческомъ кризисѣ было приведено въ гармоническое равновѣсіе св. Павломъ болѣзненное шатаніе смятенной религиозной совѣсти и ей данъ отнынѣ твердый морально-догматическій устой. И этотъ успѣхъ тѣмъ неизблѣмѣе и плодотворнѣе, что Апостолъ не оставляетъ ни простора, ни опоры для колебаній, сообщающихъ роковую зыбкость всѣмъ результатамъ. Благовѣстникъ чуждъ недомолвокъ и рѣшительно исключаетъ всякія уловки лукавой челоувѣческой изворотливости. Все построено по контрасту „либо да, либо нѣтъ“ и — ничто третье. Единственно при поглощеніи закона благодатію водворяется на землѣ и расцвѣтаетъ въ людяхъ истинная правда Божія, и тутъ безусловно недозволительна самомалѣйшая совмѣстность обоихъ этихъ методовъ. Тогда получались бы двѣ — равнодѣйственные по претензіямъ — оправдательныя системы, а для всѣхъ понятно, что въ такихъ условіяхъ вѣрною можетъ быть лишь одна съ рѣшительнымъ исключеніемъ всякой другой. Поэтому св. Павелъ cadaго направляетъ къ безповоротному выбору между двумя крайностями: или „жидовствованіе“ съ невознаградимымъ пожертвованіемъ христіанской свѣободы, или чистое христіанство безъ всякой тѣни номизма¹⁾. Апостолъ языковъ и показалъ съ неотразимостію, что первый способъ невозможенъ и ненормаленъ по внутреннему смыслу закона, который переставалъ быть тормазомъ христіанскаго прогресса, разъ самъ же

¹⁾ Ср. S. Ignatii ad Magnesios 10, 3 (Migne gr. V, col. 672): „Ἀποπὸν ἐστὶν Ἰησοῦν Χριστὸν λαλεῖν καὶ Ἰουδαΐζειν. Ὁ γὰρ χριστιανισμὸς οὐκ εἰς Ἰουδαϊσμὸν ἐπίστευσεν, ἀλλ' Ἰουδαϊσμὸς εἰς χριστιανισμὸν, εἰς ὃν πᾶσα γλῶσσα πιστεύσασα εἰς Θεὸν συνήχθη.“

онъ подготовлялъ и обезпечивалъ вседержавность безпримѣсныхъ благодатныхъ началъ. Въ этомъ именно и величайшая историко-догматическая цѣнность посланія къ Галатамъ, что послѣднее въ корнѣ парализуетъ грозу іудаистическихъ осложнений и на вѣки избавляетъ Церковь отъ рокового хроманія между старымъ и новымъ. Но и это еще не все. Дѣйствіе аргументаціи Павловой не было бы абсолютнымъ и гарантированнымъ непреложно, еслибы для собственной христіанской жизни, въ ея независимости, не утверждалось самобытнаго развитія своими средствами и изъ самой себя. Только чрезъ это пріобрѣталась самодостаточность, не нуждающаяся ни въ пособіяхъ, ни въ помощникахъ. Въ данномъ пунктѣ Апостоль идетъ съ обычною прямолинейностію и не менѣе прочно обосновываетъ христіанскую истину изъ самаго ея существа, ограждая безупречность практическаго обнаруженія, ибо вѣчнымъ источникомъ его бытія является Христосъ Искупитель, а неизмѣннымъ руководителемъ служитъ Духъ Святой, почему наше христіанско богосыновство всегда сохраняется въ своей божественной и эссенціальной неповрежденности. Бѣда отворачалась не только фактически, но и въ смыслѣ возможности, т. е. принципиально и на всѣ времена. Чрезъ это — при тяжеломъ переломѣ слагающейся христіанской исторіи — былъ предуготовленъ благопріятный исходъ въ настоящемъ и начертывался для будущаго вѣрный путь безпрепятственнаго восхожденія отъ силы въ силу къ славѣ немерцающаго царства Божія. И заслуга Апостола языковъ тѣмъ выше и несомнѣннѣе, что все у него покоится на объективно безспорныхъ данныхъ и непосредственно извлекается изъ нихъ въ качествѣ необходимыхъ и обязательныхъ свойствъ реальнаго предмета, какъ таковаго. Здѣсь счастливый результатъ достигался не личною геніальностію творческаго духа апостольскаго, когда онъ былъ бы индивидуально-узкимъ и человѣчески-непрочнымъ именно по самымъ своимъ типическимъ преимуществамъ, будучи лишь субъективнымъ созданіемъ, достоинство котораго соизмѣряется нашею тварною ограниченностію и потому никогда не бываетъ абсолютнымъ. Въ нашемъ примѣрѣ находимъ совсѣмъ иное: — тутъ все пріобрѣтается глубокимъ и фактически незыблемымъ проникновениемъ богопросвѣщеннаго сознанія апостольскаго въ содержаніе обсуждаемаго предмета, при чемъ послѣдній раскрывается во всей цѣлостности и со всею божественною авторитетностію подлиннаго историческаго событія въ богочеловѣческомъ искупленіи Христовомъ. Это вовсе не Павлово христіанство или даже благовѣстіе, а опознанное и возвѣщаемое св. Павломъ Евангеліе Христово во всей его божественной живительности и благодатной дѣйственности.

Такъ устранялись неотложныя и тревожныя недоумѣнія тогдашней эпохи, и этимъ утверждалось мирное церковное

строительство христианства во вселенной. Принципиально-теоретическое прямо вело къ активно-практическому. Прежде всего, дѣйствіе отмѣченнаго успѣха должно было сказаться на самомъ Апостолѣ въ точнѣйшемъ оправданіи его христіанской вѣры. Въ своемъ догматическомъ рѣшеніи онъ совершенно покончилъ съ разобранными затрудненіями, которыя потеряли для него раздражающую остроту исторической назойливости и не мѣшали невозмутимому созерцанію и примѣненію всесовершенно огражденной истины. Въ дальнѣйшемъ ему уже не приходилось преодолевать побѣжденное, — и св. Павелъ могъ спокойно исполнять свою спасительную миссію, не отвлекаясь борьбою съ врагомъ сокрушеннымъ и съ сомнѣніемъ осужденнымъ. Столь благоприятное теченіе обезпечивалось для Апостола и неизблемостію его личнаго достоинства. Онъ не просто владѣетъ непререкаемымъ благовѣстіемъ Христовымъ, но при этомъ имѣетъ и всѣ божественныя права на всемірное проповѣданіе, которое доселѣ сильно тормозилось въ своемъ поступательномъ движеніи, ибо апостольство Павлово было въ большемъ подозрѣніи у многихъ и для многихъ. Теперь и эта преграда рушится безповоротно, поскольку апостольскія прерогативы св. Павла обосновываются не менѣе прочно своимъ божественнымъ происхожденіемъ и характеромъ, внѣ зависимости отъ всякихъ временныхъ и условныхъ вліяній, — даже со стороны „преднихъ“, — и пріобрѣтаютъ свойство непогрѣшительности. Засвидѣтельствованное въ такомъ своемъ качествѣ, — апостольское званіе должно было теперь развертываться во всей широтѣ на евангельскомъ миссіонерскомъ поприщѣ, поелику не нуждалось болѣе въ защитѣ и избавляло своего носителя отъ удручительной обязанности личной апологетики и наступательной полемики, надѣляя благовѣстника неуязвимою невозмутимостію внутренняго самопознанія и внѣшняго самообладанія. Естественно, что Апостолъ и отвергаетъ (VI, 17) всѣ подобныя надоедливыя тревоги¹⁾ съ этого момента на все прочее время — τῷ λοιπῷ, гдѣ отрицаніе захватываетъ все будущее (ср. Ефес. VI, 10) въ главномъ (= τὸ λοιπόν) и во всѣхъ его частностяхъ. Соотвѣстно этой субъективной неприкосновенности, данное положеніе неограниченно и объективно — въ количественномъ отношеніи, а простирается на μηδαίς — на всякую взятую личность, ибо ея требованія будутъ совершенно немотивированными, поелику непрерывно осуществляются въ желательной степени. Всѣ заявленія этого рода оказываются χάποι — празднымъ и вреднымъ на миссіонерскомъ поприщѣ утружденіемъ²⁾,

¹⁾ Для χάποις παρέχειν см. и „The Expositor“ 1903, II, p. 115.

²⁾ Ср. † Prof. Ad. v. Harnack, Κόπος (χαπῖν, οἱ χαπῖν-τες) im frühchristlichen Sprachgebrauch въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ XXVII (1928), 1, S. 1—10.

лишеннымъ достаточнаго резона, почему и недозволительнымъ (ср. Мѡ. XXVI, 10. Мрк. XIV, 6. Лк. XI, 7. XVIII, 5). Для Апостола Христова это удостовѣряетъ выполненіе имъ своего благовѣстническаго долга въ раскрытіи всего божественнаго содержанія его, которое затѣмъ уже не допускаетъ никакихъ запросовъ и допросовъ. У св. Павла имѣется на то неотразимая причина (VI, 17): *ἐγὼ γὰρ τὰ στίγματα τοῦ Ἰησοῦ ἐν σώματί μου βρατίζω*. На немъ пребываетъ неизгладимая печать божественнаго апостольства, — печать, приравниваемая къ *στίγμα*, каковыми въ древности назывались знаки, выжигавшіеся на тѣлѣ преступниковъ, рабовъ, солдатовъ, военноплѣнныхъ и іеродуловъ, посвящавшихъ себя на служеніе извѣстному божеству при храмѣ его (ср. 3 Макк. II, 23. Апок. XIII, 16—17)¹⁾. Ими отмѣчалась принадлежность взятаго лица кому-нибудь и въ Апостолѣ, конечно, Христу Искупителю. Неизмѣнное пребываніе *ἐν σώματι* этихъ ранъ при неотлучности ихъ отъ тѣла свидѣлствуетъ, что онѣ всегда пребываютъ и никогда не заживаютъ, а это необходимо отсылаетъ къ постоянному ихъ нанесенію и говоритъ о всегдашней, непрекращающейся приверженности разумѣмаго субъекта. Этимъ, прежде всего, исключается единичность предполагаемаго случая съ приуроченіемъ его (R. Cornely, Val. Weber) къ Листрійскому побіенію (Дѣян. XIV, 19—20), или (Rendall, Th. Zahn) къ Филиппійскому наказанію (Дѣян. XVI, 22 сл., 37). Не менѣе того нельзя здѣсь принять и допускавшійся въ средніе вѣка феноменъ „стигматизаціи“ (въ реальномъ переживаніи и внѣшнемъ обнаруженіи всѣхъ мукъ періода страстей Господнихъ, — особенно) въ точной копіи (пяти) язвъ Христовыхъ (на рукахъ, ногахъ и боку), будто бы появлявшихся у Франциска Ассизскаго (1182 г. † 3—4 октября 1226 г.)²⁾ и Катерины Сиенской (25

Ср. Prof. Wilhelm Michaelis, Pastoralbriefe und Gefangenschaftsbrieft (Gütersloh 1930), S. 23—24.

¹⁾ О *στίγματα* см. „Realencyklopädie“ XII³, S. 151—152. H. Anrich, Das antike Mysterienwesen (Göttingen 1894), S. 123—124. R. H. Charles, A Critical and Exegetical Commentary on the Revelation of St. John, vol. I, Edinburgh 1920, p. 198, 1—199. На русскомъ языкѣ былъ о стигматизаціи специальный трактатъ † митр. Георгія (Ярошевскаго), Калуга 1914 (и въ сборникѣ „Словъ и поученій“, Калуга 1914, стр. 195—209). См. также у † проф. Вл. И. Герье, Францискъ Ассизскій, стр. 312 сл., а отсюда у М. В. Ладыженскаго, Свѣтъ незримый: изъ области высшей мистики (Спб. 1912), стр. 113 слл.

²⁾ Ср. M. Bihl, De stigmatibus S. Francisci Assisiensis (occasio recentis cujusdam libri). Ad Aquas Claras, Typ. Collegii J. Bonaventurae 1910. Dr. Josef Merkt, Die Wundmale des heiligen Franziskus von Assisi въ „Beiträge zur Kulturgeschichte des Mit-

марта 1347 г. — † 29 апрѣля 1380 г.) и др. И новѣйшая наука, имѣя живые факты¹⁾, не отрицаетъ подобныхъ случаевъ встрѣчающихся до послѣдняго времени, хотя объясняетъ ихъ по-своему — медицинско-физиологическими нервными процессами, но все это не подходитъ къ анализируемому библейскому тексту. Св. Павелъ говоритъ лишь о неизмѣнномъ своемъ сопребываніи съ Господомъ и разумѣетъ всѣ искупительныя скорби и въ той области, въ какой пострадалъ и Владыка. Это, очевидно, все „страстное“ служеніе Господне и его продолженіе въ апостольскомъ строителствѣ дѣла Христова на землѣ. Потому именно и упоминается одно человѣческое имя Іисуса, коимъ обнимается весь искупительный подвигъ Христовъ, воспроизводимый всецѣло ученикомъ Господнимъ съ преданностію неразлучнаго самопожертвванія. „Стигмы“ будутъ совокупностію всѣхъ вольныхъ и невольныхъ миссіонерскихъ тревогъ, невзгодъ и мученій, перечисляемыхъ у Апостола (во 2 Кор. XI, 23 сл.) съ отгѣнкомъ похваленія этими „немодами“, восполнявшими лишеніе скорбей Христовыхъ (Кол. I, 24), ибо ими утверждались нормальность, успѣшность и благоплодность апостольскаго созиданія. Въ этомъ смыслѣ они были какъ бы повтореніемъ искупительныхъ страданій Іисусовыхъ для избавленія и обновленія человѣчества и представлялись нагляднымъ ручательствомъ христіански-просвѣтительнаго труда Павлова. А разъ все это истинно, — Евангельское слово благовѣстника нужно усвоить со всею радостію сердца, стремительностію воли и рѣшительностію ума — безъ малѣйшихъ сомнѣній и праздно обременяющихъ смущеній. Имъ нѣтъ и не должно быть мѣста тамъ, гдѣ все ясно, прочно и спасительно. Такимъ путемъ Апостоль безусловно освобождался отъ тяжелой обязанности саморекомендаціи и личной апологетики. Требованія съ этой стороны теперь будутъ уже показывать, что назойливые предъявители пока не его и не отъ него. Посему судьба ихъ спокойно вручается волѣ всеправящаго промысла Божія и не можетъ отвлекать отъ воздѣлыванія самой нивы Христовой. Въ этомъ упованіи св. Павелъ и кончаетъ (VI, 18) свою рѣчь ободряющимъ аккордомъ пожеланія благодати Божіей отъ Іисуса Христа, какъ Господа нашего, всему христіанскому братству, при чемъ — въ виду плотскихъ уклоненій и соблазновъ — для читателей особо подчеркива-

VI, 18.

telalters und der Renaissance“ herausg. von Götze, Heft 5, Leipzig 1910.

¹⁾ См., напр., о Терезѣ Нейманъ у Dompfarrer Th. Geiger, *Die Stigmatisierte von Konnersreuth*, München 1928, а вообще Mme Jeanne Damemarie, *The Mystery of Stigmata*, London 1934 (ср. „The Church Times“ № 3707 за 9-е февраля 1934 г., стр. 143).

еть, что все это должно восприниматься и утверждаться въ „духѣ“, гдѣ и будетъ раскрываться вѣрою оправданія, а не дѣлами закона.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, что въ личномъ примѣненіи къ жизни Павловой посланіе къ Галатамъ было важнѣйшимъ моментомъ, обезпечивавшимъ безпрепятственность, широту и авторитетность Евангельскаго благовѣстничества. Но послѣднее получаетъ всю христіанскую цѣнность лишь по связи съ возвѣщаемымъ божественнымъ ученіемъ. Здѣсь — помимо всемірно-исторической значимости служенія Павлова — открывается вѣчное и принципиальное достоинство разсматриваемаго писанія апостольскаго по его догматическому содержанию, которое направляется къ огражденію нашей христіанской самобытности въ нормальномъ созрѣваніи и прогрессивномъ процвѣтаніи. Это необходимо по самому существу, ибо христіанство не было бы жизненною силой, еслибы не обладало собственною мощію производить свою „новую твѣрь“ (VI, 15), какъ всецѣлое созданіе благодати Божіей, которая и регулируетъ самостоятельно безъ всякаго внѣшняго контроля. Тутъ право неразрывно отъ сохраненія строгаго соотвѣтствія съ его натуральными качествами. Понятно, что христіанская независимость не граничитъ съ произвольностію и не отрицаетъ законовъ своего историческаго предваренія, безъ котораго была бы нереальнымъ фантомомъ. Въ этомъ смыслѣ Маркіоновское возвеличеніе посланія къ Галатамъ на степень „первенствующаго“ и главенствующаго (*principalis*) ложно усвоитъ ему рѣзко антиномистическій характеръ¹⁾, и эта сектантская неправда ничуть не изгладилась отъ тенденціозно-научныхъ примѣненій Тюбингенской конструктивности. Не мнѣе безспорно, что для успѣшности христіанскаго роста требуются свои формы, и въ этомъ пунктѣ Лютеръ нѣсколько преувеличилъ дѣйствительную энергію, когда свободное развитіе христіанское предрѣшалъ оппозиціей крайностямъ средневѣковаго ритуализма. Св. Павелъ одичково ограждаетъ и обязанности и нормы для христіанскаго бытія, но все это заимствуется изъ нѣдръ самого христіанства и наклоняется къ обезпеченію автономности богосыновства нашего, почерпаемаго отъ Отца во Христѣ Иисусѣ и создаемаго Духомъ Божіимъ. Въ этомъ отношеніи посланіе св. Апостола Павла къ Галатамъ было, есть и навсегда останется благовѣстіемъ христіанской свободы, ея знаменіемъ и завѣтомъ до скончанія вѣка.

¹⁾ Tertulliani Adv. Marc. V, 2: *principalem adversus Judaismum epistolam nos quoque confitemur, quae Galatas docet.*

Часть VI-я:

БИБЛІОГРАФІЯ.

*Вся же искушающе,
добрая держите.*

1 Тесс. V, 21.

Въ отдѣлѣ *литературы о посланіи къ Галатамъ* мы сначала должны сказать нѣсколько словъ о настоящемъ нашемъ сочиненіи, чтобы объяснить его происхождение и точно опредѣлить задачи. Когда я — въ качествѣ новоназначеннаго доцента С.-Петербургской Духовной Академіи по кафедрѣ Свящ. Писанія Новаго Завѣта — въ ноябрѣ 1891 г. представлялся престарѣлому попечителю Академіи, митрополиту Новгородскому, С.-Петербургскому и Финляндскому, первенствующему члену Св. Синода Исидору Никольскому († 1892, IX, 2 въ понедѣльникъ), онъ предложилъ мнѣ специально сосредоточиться на какомъ-либо изъ писаній Павловыхъ и въ частности указалъ посланіе къ Галатамъ. Считая для себя безусловно обязательнымъ такой завѣтъ этого великаго святителя, который обезпечилъ мнѣ самое назначеніе въ Академію, я въ 1892—1894 г. г. занялся названнымъ посланіемъ, закончивъ въ 1895, I, 24 (вторникъ) свои первоначальныя записи. Послѣднія читались постепенно студентамъ съ 1892 года, но при господствовавшемъ тогда лекціонномъ методѣ преподаванія оказались неудобными для усвоенія и потому были совсѣмъ оставлены мною. Въ концѣ 1895 г. я сокращенно переработалъ ихъ и ввелъ въ свой общій курсъ, а въ 1902 г. по просьбѣ моего милаго коллеги, проф. Александра Павловича Лопухина († 1904, VIII, 22) для его „Православной Богословской Энциклопедіи“ изготовилъ болѣе пространную редакцію. За обширностію ея для этого назначенія она была замѣнена краткою замѣткой (т. IV, Петроградъ 1903, стлб. 30—38), а полностью (съ небольшими дополненіями) была напечатана въ издававшемся А. П. Лопухинымъ журналѣ „Страникъ“ (1902 г., № 5, 6, 7 и 8, стр. 882—916, 1069—1117, 3—43, 149—177) и выпущена отдѣльно (въ началѣ посвященіе памяти митр. Исидора „съ благоговѣйною признательностію и непрестанными молитвами“) подъ заглавіемъ „Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ: сжатый обзоръ апостольскаго посланія со стороны его первоначальныхъ читателей, условій происхожденія, по содержанію и догматически-историческому значенію (С.-Петербургъ 1902, стр. 5—156; ср. къ сему „Страникъ“ 1903 г., №№ 11 и 12, стр. 752—765; 940—956, гдѣ помѣшены мои „кри-

тическія замѣтки“ на тему: „Къ вопросу о посланіи къ Галатамъ“). Съ тѣхъ поръ мнѣ не приходилось внимательно возвращаться къ данному предмету, — и теперь я представляю лишь нѣкоторую, совершенную въ бѣженствѣ, передѣлку прежняго труда (напечатаннаго при столь тяжкихъ и мучительныхъ типографскихъ условіяхъ, что, прося у читателей всякаго извиненія, я намѣренно не дѣлаю обычныхъ „исправлений“, дабы не удвоить ошибокъ текста) въ качествѣ одного изъ звеньевъ давно предносящейся мнѣ христіанской трилогии: 1) „Благовѣстіе христіанской свободы“ (посланіе къ Галатамъ); 2) „Благовѣстіе христіанской святости“ (посланіе къ Евреямъ“) и 3) „Благовѣстіе христіанской славы“ (Апокалипсисъ). По своимъ годамъ и по условіямъ тревожной изгнаннической жизни (съ августа 1921 г.) я не могу основательно выполнить всего, а къ третьей части едва ли даже успѣю приступить... Время мое близъ есть, и я долженъ спѣшить, чтобы день якоже тать меня не постигнулъ... (но Богъ помогъ мнѣ слабѣющею рукой написать къ концу 1934 года иѣчто малое и объ Апокалипсисѣ).

Посему и касательно весьма обширной литературы о посланіи къ Галатамъ я ограничиваюсь только главнѣйшими пособіями, которыя достаточны для ближайшаго научнаго ознакомленія со всѣми главными вопросами и могутъ руководить на пути ко всестороннему ученому освѣдомленію. Выдѣляемъ особо лишь патристическіе труды (о конхъ подробнѣе см. у Lightfoot, p. 227—236; Zahn, S. 22—26).

Изъ греческихъ извѣстны слѣдующіе: Оригена († 254 г.) не дошелъ до насъ (но см. у блаж. Іеронима, ч. XVII, стр. 2; ср. Prof. Th. Zahn, S. 21₁₈). Св. Ефрема Сириня († 378 г.) въ армянскомъ переводѣ, отсюда полатыни Venetiis 1893. Евсевія Эмесскаго († около 359 г.) незначительные отрывки въ „Катенахъ“ — по изданію J. A. Cramer'a, t. VI, Oхоніи 1844, p. 1—95, а также у Prof. Dr. Karl Staab, Paulus-kommentare aus der griechischen Kirche aus Katenenhandschriften gesammelt und herausgegeben (въ Neutestamentliche Abhandlungen herausgeben von Prof. Dr. M. Meinertz, XV. Band), Münster i. W. 1933. Св. Іоанна Златоуста († 407 г.) у Migne gr. LXI, col. 611—682, порусски: Москва 1842; Твореня X, Спб. 1904, стр. 729—816. Северіана Гавальскаго († послѣ 409 г.) тоже въ „Катенахъ“ и у Prof. K. Staab. Θεοδωρα Μονσυετійскаго († 428 г.) полатыни въ изданіи Prof. H. B. Swete, Cambridge 1880. Блаж. Θεοδορίта Киррскаго († около 457 г.) у Migne gr. t. LXXXII, col. 459—504, порусски—въ изданіи Московской Дух. Академіи, т. VII, Москва 1861. Ср. еще св. Кирилла Александрійскаго († 27 июня 444 г.) у Migne gr. LXXIV, col. 952 (къ Гал. IV, 3, 19); Геннадія Константинопольскаго († 471 г.) въ отрывкахъ у Migne gr. LXXXV, col. 1729—1732, и у Prof. K. Staab; Икуменія, епископа Триккскаго (VI вѣка), у Migne gr. CXVIII и Prof. K. Staab (ср. J. A. Cramer, Catenae VIII, Oхоніи 1844); патр. Фотія († около

821 г.) въ отрывкахъ у Migne gr., CI, col. 1253, и у Prof. K. Staab; св. Иоанна Дамаскина († послѣ 754 г.) у Migne gr. XCV. Θεοφιλάκτα, архіеп. Болгарскаго († въ исходѣ XI вѣка), у Migne gr. CXXIV, col. 952—1032, русскій перъ Казань 1884. Евсевія Зигави(бе)на по изданію Никифора Калогераса въ Аѳинахъ 1877 г. (о немъ см. Franz Cumont, La date et le lieu de la naissance d'Euthymios Zygabenos въ „Byzantinische Zeitschrift“ herausg. von Prof. K. Krumbacher, Bd. XII, Leipzig 1903, 3—4, S. 582—584, что Евѳимій Зигабенъ родился не ранѣе 1010 г. во Фригіи на югѣ оеиы Опискіонъ).

Латинскіе комментаторы (ср. Prof. A. Souter, The Earliest Latin Commentaries on the Epistles of St. Paul, Oxford 1929): К. Марія (Фабія) Викторина (учитель Августина, христіанинъ съ 361 г.; см. Migne lat. t. VIII). Амвросіаста (Migne lat. t. XVII), т. е. автора, который неправильно отождествлялся со св. Амвросіемъ Медиоланскимъ и доселѣ остается спорнымъ по своему имени и положенію, но относится къ IV вѣку и считается жителемъ Рима. Блаж. Іеронима († 440 г., а его комментарий на посланіе къ Галатамъ написанъ въ Виолеемѣ около 386—388 г.г.; Migne lat. t. XXVI; порусски въ „Твореніяхъ блаж. Іеронима Стриденскаго“, ч. XVII, Кіевъ 1903, по переводу † проф. А. И. Булгакова: см. „Отчетъ о состояніи Кіевской Дух. Академіи за 1902 г.“ въ „Трудахъ“ ея 1903 г., I, стр. 118). Блаж. Августина († 430 г., комментарий около 394 г.; Migne lat. t. XXXV), а отчетъ о его перепискѣ съ блаж. Іеронимомъ по поводу Гал. II, 11 слл. данъ у о. А. А. Серафима, потомъ Сергія, архіепіскопа Астраханскаго († 3 апрѣля 1903 г.) во второй части его сочиненій (Астрахань 1901) изъ „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1875 г., II, стр. 185—225, но см. еще Prof. Franz Overbeck, Ueber die Auffassung des Streits des Paulus und des Petrus in Antiochien (Gal. 2, 11 ff.) bei den Kirchenvätern (Programm), Basel 1877. Пелагія (писавшаго не позднѣе 410 г.), или неизвѣстнаго пеларіанина (Migne lat. t. XXX и Heinrich Zimmer, Pelagius in Irland: Texte und Untersuchungen zur patristischen Litteratur, Berlin 1901; ср. еще Franz Clasen, Pelagianistische Commentare zu 13 Briefe des h. Paulus въ „Theologische Quartalschrift“ LXVII (1885), 2, S. 244 ff.; 3, S. 531 ff.; „The Journal of Theological Studies“ IV (1902), p. 132—141; „Revue d'histoire ecclésiastique“ V (1903), 1, p. 74—77, 106*). Кассиодора († послѣ 562 г.; Migne lat. t. LXX). Примазія († около 550 г.; Migne lat. t. LXXVIII), но эта компиляція ему не принадлежитъ (ср. Prof. Otto Bardenhewer, Patrologie, Freiburg im Breisgau 1901, S. 565—566) и представляетъ свободную передѣлку работъ Пелагія въ антипеларіанскомъ духѣ (Prof. Th. Zahn, S. 25).

Разными диссертациями, подробно обсуждающими существенные пункты касательно посланія къ Галатамъ и соприкосновенныхъ съ нимъ вопросовъ, особенно богатъ классическій трудъ (отъ

1865 г.) покойнаго († 21 декабря 1889 г.) Bishop of Durham J. B. Lightfoot (10-е изд. 1890 г. — перепечатка 1892 г.: London, Macmillan and Co.; ср. его же Saint Paul's Epistles to the Colossians and to Philemon, *ibid.* 1912), которому мы наиболѣе обязаны всякими фактическими матеріалами и конкретными соображеніями. Наряду съ нимъ необходимо упомянуть экзегетическій трудъ (Leipzig 1905) проф. Theodor Zahn'a († 1933, III, 15), тоже обильный всякими экскурсами. Строго филологическое изъясненіе дается у † Bishop C. J. Ellicott'a (St. Paul's Epistle to the Galatians with a Critical and Grammatical Commentary, and a Revised Translation, 1-е изд. London 1854, 4-е — 1867, 5-е — 1889; но ср. нѣчто подобное въ книгѣ „Труды митрополита Московскаго и Коломенскаго Филарета по переложенію Новаго Завета на русскій языкъ“ (Спб. 1893), стр. 193—198, также у † пвоф. А. А. Некрасова, Чтеніе греческаго текста Дѣяній и Посланій Апостольскихъ, Казань 1892. Экзегетическое обобщеніе всѣхъ другихъ работъ имѣется въ комментаріяхъ О. Zöckler'a (въ „Kurzfassender Kommentar“ III, 2-е изд. München 1894), Prof. Fr. Sieffert'a (въ серіи H. A. W. Meyer'a, Abth. VII, 9-е изд. Göttingen 1899), Prof. R. A. Lipsius'a (въ „Hand-Commentar zum Neuen Testament“ II, 2, 2-е изд. Freiburg i. B. 1892), † Rud. Cornely S. J. (въ „Cursus Scripturae Sacrae“, Paris 1892), † Prof. Ernest De Witt Burton'a (въ „International Critical Commentary“, Edinburgh 1921), Prof. Hans Lietzmann'a, An die Galater (въ „Handbuch zum Neuen Testament“ herausg. v. H. Lietzmann, Bd. X, 3 Aufl. Tübingen 1932); здѣсь имѣются и подробные библиографическіе указатели. См. также Priv.-Doz. Alfons Steinmann: Die Abfassungszeit des Galatsbriefes, Münster i. W. 1906; Die Lesekreis des Galaterbriefes: ein Beitrag zur urchristlichen Missionsgeschichte въ Neutestamentliche Abhandlungen herausg. von Prof. Dr. M. Meinertz, Bd. I, Heft. 3—4, Münster i. W. 1908); Schlusswort zur Galaterfrage въ „Theologische Quartalschrift“ 1912, IV, S. 511—525.

Сжатое обозрѣніе всѣхъ вопросовъ предлагается въ соответствующихъ статьяхъ библейскихъ „Словарей“ и „Энциклопедій“ — Smith (G. Salmon), Cheyne and Black (W. J. Woodhouse и P. W. Schmiedel), Hastings (W. M. Ramsay и Marcus Dods), Wetzer und Welte по новому изданію подъ редакціей Franz Kaulen'a (томы VII, VIII и IX: Fr. Kaulen, Neher и J. Felten), F. Vigouroux (t. III, Paris 1903, p. 60—61, 61—77, 77—80: E. Beurlier и E. Jacquier, professeurs aux Facultés Catholiques de Lyon; у послѣдняго есть трактатъ о посланіи къ Галатамъ и въ его Histoire des Livres du Nouveau Testament, t. I, Paris 1903); † Bp. Charles Gore, A New Commentary on Holy Bible, Part III, London 1929, p. 530—538: The Epistle to the Galatians by Wilfred L. Knox); равно статья † Prof. Joh. Weiss'a въ Realencyklopädie von Herzog-Hauck (Bd. X³, Leipzig 1901, S. 554—561).

Изъ новыхъ трудовъ важны: Prof. W. M. Ramsay, A Historical Commentary on St. Paul's the Epistle to the Galatians (London 1889; 2-е изд. 1900), весьма богатый историческими, географическими и археологическими матеріалами. Dr. Valentin Weber: Die Abfassung des Galaterbriefs vor dem Apostelkonzil (grundlegende Untersuchung zur Geschichte des Urchristentums und des Lebens Pauli), Freiburg im Breisgau 1900; Die Adressanten des Galaterbriefes (Beweis der rein — südgalatischen Theorie), Ravensburg 1901. R. P. Maria-Josephus Lagrange, Epître aux Galates (introduction, texte, traduction et commentaire), Paris 1918; 2-е изд. 1926.

На русскомъ языкѣ — кромѣ соотвѣтственныхъ отдѣловъ въ учебныхъ пособіяхъ (А. В. Иванова, о. М. И. Хераскова, проф. А. А. Олесницкаго: Руководственные свѣдѣнія о Свяш. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта, Спб. 1894 г.) имѣются цѣлостныя толкованія о. Андрея Прокоповича (Мысли при чтеніи посланій св. Апостола Павла, ч. II-я, Спб. 1820), архіепископа Волынскаго († 8 марта 1878 г.) Агаѳангела Соловьева (Спб. 1854), архіеп. Черниговскаго († 9 августа 1866 г.) Филарета Гумилевскаго (Черниговъ 1862), епископа бывшаго Тамбовскаго († 6 января 1894 г.) Теофана Говорова (Москва 1880, 2-е изд. 1893), проф. о. Іаксва Яковлевича Галахова (Казань 1897; см. „Церковный Вѣстникъ“ 1897 г., №№ 21, 24, 30 и 33), архіеп. Казанскаго († 27 ноября 1910 г.) Никанора Каменскаго (Спб. 1899 и въ „Толковомъ Апостолѣ“, ч. II: Объясненіе первыхъ семи посланій святаго Апостола Павла, Спб. 1901, 3-е изд. 1904).

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Страницы :

Часть I-я: Введение. (Исторія Галатин; этнографическая Галатія сѣверная, какъ область ближайшаго предназначенія посланія къ Галатамъ, и ея хрстіанское просвѣщеніе Апостоломъ Павломъ, время изданія посланія, его подлинность и неповрежденность, историческія обстоятельства, поводы, цѣль написанія и общій характеръ посланія къ Галатамъ)	5—65
Часть II-я: Благовѣстнический авторитетъ св. Павла по провозхожденію и достоинству его апостольства (глл. I—II)	69—126.
Часть III-я: „Евангеліе“ Христово у св. Апостола Павла (глл. III—IV)	126—166.
Часть IV-я: Нравственное ученіе св. Апостола Павла объ истинно-хрстіанской жизни (глл. V—VI).	166—192.
Часть V-я: Историческое значеніе посланія къ Галатамъ	192—211.
Часть VI-я: Библіографія	212—216.